

SCIEURO

***Social
Science
and
Humanity***

#3 2016

***Social
Science
and
Humanity***

#3 2016, London

Social Science and Humanity #3 2016

The collection includes the 5th The International Conference «Social Science and Humanity» by SCIEURO in London, 23-29 September 2016.

Editorial team

Suhadolets T.V. (Editor-in-Chief), Garwin I., Valdwel H., Nenrik Y., Forvits H., Thowe I., Zhansugurov I., Mazur V.V., Kovytkino D.Y., Kemalov A.F., Kemalov R.A., Abdullayev A.T., Kolomyts O.N., Bagiyan A.Y., Apsalikov K.N., Dergunov D.V., Abduvahobova M.A., Ermakov L.I., Palgova Z.Y., Nyyazbekova K.S., Berezhnaya V.I., Suleimenov E.N., Utelbaeva A.B., Utelbaev B.T., Zhukov Yu, Shubin O.S., Dudenkova N.A., Kotelnikov E.V., Sukhovskaya D.N., Goncharova E.H., Lobanov D.V., Shubin O.S., Melnikova N.A., Liferenko O.A., Bardin V.S., King J.V., Bednarzhevskii S.S., Zakirullin R.S., Magomedov A.N.

© SCIEURO

All rights reserved. This work may not be translated or copied in whole or in part without the written permission of the publisher, except for brief excerpts in connection with reviews or scholarly analysis. Use in connection with any form of information storage and retrieval, electronic adaptation, computer software, or by similar or dissimilar methodology now known or hereafter developed is forbidden.

The use in this publication of trade names, trademarks, service marks, and similar terms, even if they are not identified as such, is not to be taken as an expression of opinion as to whether or not they are subject to proprietary rights.

CONTENTS

SCIENCE AND TECHNOLOGY.....10

Kireev S.O., Korchagina M.V., Nikishenko S.L., Kusin A.D.
THE APPLICATION OF SELF-LUBRICATING BEARING
OF ANTIFRICTION POWDER MATERIAL IN THE
FRICTION ASSEMBLY CONNECTING ROD PISTON
HIGH PRESSURE PUMP 10

Kilina M.S., Poleshkin M.S., Rakulenko S.V.
STRUCTURAL-PARAMETRIC CONTROL OF SPEED IN
HYDRAULIC AND PNEUMATIC INSTALLATION OF
MACHINERY MOVEMENT MECHANISMS 18

Gryshchenko V.I., Kozhukhova A.V., Dolgov G.,
Dymochkin D.D. MATHEMATICAL MODELING OF THE
DRIVE ROTOR POSITION OF PIPE FITTINGS 25

BUILDING.....35

Pudovkin A.N. THE TASK OF AUTOMATIC QUALITY
CONTROL IN THE PRODUCTION OF ASPHALT MIXES
..... 35

MEDICINE40

Jozenas A., Tenyukova K.Yu., Tenyukov V.V., Nikitin V.V.
OVERWEIGHT AND ITS TREATMENT 40

Semenov D.N., Ignatiev V.G., Dyagileva T.S., Matveev A.S.,
Gavriliev S.N., Poskachina T.R., Mikhailova V.N.,
Ammosov M.K. CHRONIC MESENTERIC ISCHEMIA IN
PATIENTS WITH VISCEROPTOSIS 49

BIOLOGY AND ECOLOGY	56
Zimina M.I., Dyshlyuk L.S., Asyakina L.K. DETERMINATION OF COMPOSITION OF BACILLUS STRAINS PRODUCING BACTERIOCINS FOR PROSPECTIVE OF ANTIBIOTICS CREATION.....	56
Kochevalina M.Yu., Morozova O.V., Rodionova E.I., Trunov V.G. THE ROLE OF MULTIVARIATE ANALYSIS IN THE STUDY OF THE CHANGES IN ANIMAL ODOR AFTER HEPOTOCELLULAR CARCINOMA TRANSPLANTATION	61
NATURAL SCIENCES.....	70
Sharapova V.M., Tulskey O.A. AUDIT AND ANALYSIS OF WORKING STAFF	70
POLITICAL SCIENCES.....	82
Ivatova L. PERSONNEL ALLOWANCE OF PUBLIC SERVICE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: RESULTS OF SOCIOLOGICAL POLL	82
PUBLIC ADMINISTRATION AND PUBLIC SECTOR FINANCE ..	94
Mukanova G.K., Mukanov O. N., Abdykhadyrova A.M., Valiyeva S.M. BARRIERS TO EFFECTIVE PUBLIC SECTOR FINANCIAL BUDGETING AS COMPARED BETWEEN DEVELOPED COUNTRIES, RUSSIAN FEDERATION AND COUNTRIES OF CENTRAL ASIA SUCH AS KAZAKHSTAN AND KYRGYZ REPUBLIC.	94
ECONOMICS	102

Social Science and Humanity #3 2016

Santalova M.S., Kublanov A.M. A MODERN HOTEL BUSINESS AS PART OF THE SOCIAL QUALITY OF LIFE	102
Santalova M.S., Kublanov A.M. INNOVATIVE ACTIVITY AND SOCIAL QUALITY OF LIFE IN THE REGIONS OF RUSSIA	108
Talonov A.V., Yankovskaya V.V. A PERENNIAL QUESTION OF THE HISTORICAL EXISTENCE OF MANKIND	113
Malysenko K.A., Malysenko V.A., Litvin A.A. EVALUATION OF RATIONAL BEHAVIOUR OF INVESTORS IN THE STOCK MARKET.....	119
Lymarewa O.A., Kapustianova K.A. COMPETITIVENESS OF AN ENTERPRISE: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACH	131
Sharapova N.V., Popova M.A. DIFFERENTIATION OF WAGES OF PUBLIC SECTOR WORKERS IN THE URALS FEDERAL DISTRICT	138
MANAGEMENT	147
Bryukhanov Y.M., Smagulov D.N., Rakhimzhanov, B.M. METHODOLOGICAL APPROACHES TO IMPROVE THE PROCESS OF MAKING STRATEGY-RELATED DECISIONS IN MANAGING THE REDUCTION OF CORRUPTION.....	147
MARKETING.....	156
Zerkaliy N.G. DEVELOPMENT MODEL OF THE UNIVERSITY NETWORK COOPERATION IN THE INTERNET	156

PSYCHOLOGY	162
Efremova G.I., Timoshenko G.V., Leonenko L.A., Bochkovskaya I.A. INFLUENCE OF A PERSONALITY TYPE OF A PERSON ON THE SPECIFICS OF FORMATION OF PSYCHOSOMATIC RISK.....	162
Arpentieva M.R. SOCIAL SHARING IN WORK WITH MILITARY STRESS.....	173
Arpentieva M.R. EVERGETIC: MANAGEMENT ONTOLOGY	192
Arpentieva M.R. PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF CANCER	210
Suslova T.F., Nesterova A.A. TOLERANCE AS A FACTOR OF POSITIVE ADAPTATION AND CULTURAL INTEGRATION OF MIGRANTS IN RUSSIA	229
Enns E.A., Basanova E.E. CRITERIA OF FORMATION OF PROFESSIONAL CONSCIOUSNESS OF STUDENTS OF HIGH SCHOOL	242
Abdykalikova M., Issayeva Z. THE ROLE OF MOTIVATION AND MEANINGS OF PERSONALITY SETTINGS TO THE SUCCESS OF PROFESSIONAL ACTIVITIES OF THE CIVIL SERVANTS.....	248
PHILOLOGY	262
Khadzhieva T.M. THE NART EPOS OF THE BALKARS AND KARACHAYS.....	262

Social Science and Humanity #3 2016

Kameneva E., Murugova E. PRIMARY IMPORTANCE OF SECONDARY NOMINATION IN FORMATION OF FUNCTIONAL WORDS IN MODERN ENGLISH	269
Trendevska S. LINGUO-CULTURAL ASPECT OF USING ENGLISH INTERNAL LEXICAL BORROWINGS IN CONTEMPORARY RUSSIAN AND MACEDONIAN LANGUAGES	277
Murugova E., Evtushenko S. SOCIOLINGUISTIC DISTINCTIONS IN THE STRUCTURE OF WORD BUILDING FIELDS IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE	285
PHILOSOPHY	293
Borisenko O.A., Fomina M.N. GLOBALIZING CULTURE AS THE ESSENCE AND THE PHENOMENON OF GLOBALIZATION	293
Bondyreva S.K. ATTITUDE AS A CONDITION FOR SURVIVAL IN THE MODERN WORLD	304
Seregin A.V., Leonenko D.A. INTERACTION MODEL OF ADVERTISING ON THE MINDS OF THE CUSTOMER AUDIENCE	315
EDUCATION.....	319
Issayeva Z.A., Yessimova Sh.A., Trapitsyn C.U. CONCEPTUAL BASES OF SYSTEM OF POSTGRADUATE TRAINING OF MANAGERS EDUCATION HIGHER EDUCATION IN THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION	319

ART HISTORY329

Tuyakbaeva A.S. LANGUAGE AND INTERCULTURAL
COMMUNICATION. LANGUAGE - THE GUARDIAN OF
NATIONAL CULTURE329

SCIENCE AND TECHNOLOGY

Kireev S.O., Korchagina M.V., Nikishenko S.L., Kusin A.D.

THE APPLICATION OF SELF-LUBRICATING BEARING OF ANTI-FRICTION POWDER MATERIAL IN THE FRICTION ASSEMBLY CONNECTING ROD PISTON HIGH PRESSURE PUMP

Kireev S. O., Rostov-on-Don, Doktor of technical Sciences, Don State Technical University

Korchagina M. V., Russia, Rostov-on-Don, Candidate of technical Sciences, Don State Technical University

Nikishenko S. L., Rostov-on-Don, associate Professor, Don State Technical University

Kusin A. D., Rostov-on-Don, magister study, Don State Technical University

Abstract

This paper examines the possibility of changing the design bearing Assembly with a bearing application of self-lubricating powder material for a host of friction-sliding connecting rod piston high pressure pump. Discusses the problems arising in the manufacture and operation of the existing design of the site. Gives you the option of changing the design of the connecting rod drive pump parts using self-lubricating bearing of antifricition powder material based on iron, meet the loading conditions of the considered node. Made selection of material and analysis of its application in the present node.

Keywords: Plunger pumps high pressure, powder antifricition materials, bearings, lubrication, friction, wear.

Введение.

Антифрикционные порошковые материалы применяются во многих областях техники для узлов трения различного рода механизмов, приборов и машин, в том числе и в нефтегазовом машиностроении.[1].

Материалы на основе железа (сульфидированное пористое железо, железографит и сульфидированный железографит) могут применяться при ограниченной подаче масла и в режиме самосмазывания, в условиях повышенного абразивного износа, при температурах до 100 - 150⁰ С. Эффект самосмазывания обеспечивают вещества, выполняющие роль смазки (графит, сульфиды и т.п.), а также масло, находящееся в порах и выходящее при термическом расширении во время работы узла в зону трения. Подобные спеченные антифрикционные материалы могут заменить дорогостоящие подшипниковые сплавы, сокращают расход металла и снижают затраты за счет исключения механической обработки, использования более прогрессивной технологии.

В узлах механизмов оборудования нефтегазовой промышленности детали из порошковых антифрикционных материалов используются в качестве различного рода втулок, подшипников скольжения, торцевых уплотнений и т.п. [1].

Проблема и методы решения.

Широко распространённым оборудованием в нефтегазовой промышленности являются плунжерные насосы высокого давления для сервиса нефтегазовых скважин. Такие насосы входят в состав специализированных мобильных комплексов при проведении цементирования и кислотной обработки скважин, гидравлического разрыва пластов, гидropескоструйной перфорации, глушения скважин и других тампонажных работ. В качестве типичного представителя плунжерных насосов подобного рода, рассмотрим конструкцию насоса НП-720 отечественной компании ЗАО «Траст-Инжиниринг», как в наибольшей степени отвечающую современным требованиям, предъявляемым к нефтегазопромысловому оборудованию, и не уступающую конструкциям лучших мировых образцов насосов подобного типа [2].

Рассмотрим узел трения шатунно-крейцкопфной группы приводной части насоса.

Приводная часть насоса (рис. 1) включает сварную неразъемную станину, в которой смонтированы три продольно расположенные шатунно-крейцкопфные группы и поперечно установленный коренной кривошипный вал с тремя эксцентрично расположенными шейками.

жестко связанный с ним плунжер насоса, совершающие возвратно-поступательное прямолинейное движение, передается от верхней головки шатуна, в которой запрессована втулка подшипника скольжения, и палец, закрепленный непосредственно в теле кривокопфа. Условное удельное давление $p = F_{max}/dl \leq [p]$ составляет 45,28 МПа. Для материала, используемого в настоящее время в качестве подшипника скольжения головки шатуна используется стальная труба с заливкой из бронзы БрО10Ф1 работающая в условиях полужидкостной смазки максимально допустимое значение $[p]$ составляет 25 МПа [4].

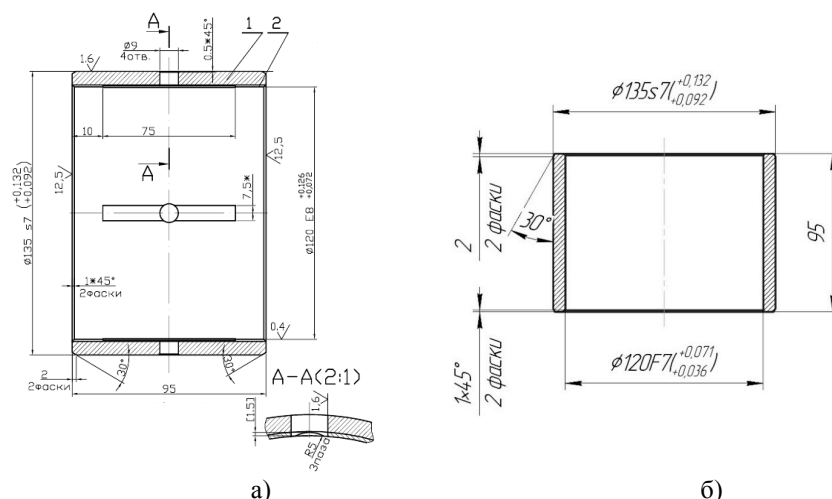
Предлагается использовать в малой шейке шатуна подшипник из порошкового антифрикционного материала с эффектом самосмазывания.

Для подшипников, работающих в условиях граничной смазки, при недостатке или полном ее отсутствии применяют самосмазывающиеся порошковые бронзографиты и железографиты полученные прессованием и спеканием смеси порошков необходимого состава. Их особенностью является пористость (объем пор до 20%) и способность впитывать большое количество масла. Подшипники из этих материалов пропитывают в вакуумных установках индустриальным маслом при температуре 100-120°C. Этого запаса масла оказывается достаточным на несколько месяцев работы подшипника без дополнительной смазки. Данный период работы не превышает периода профилактического обслуживания насоса, при котором осуществляется замена подшипника.

Наиболее высокими качествами обладают железографиты представляющие собой смесь 87-98% железа с 1-3 % графита и другими компонентами выполняющими роль твердой смазки.

Согласно ГОСТ 26802-86 условиям работы рассматриваемого узла трения наиболее отвечает материал ПА-ЖГрЗЦс [5], содержащий 2,2-3,2 % углерода, 0,4-1,1 % серы, до 2,7 % цинка (компоненты сера и цинк вводятся в виде сульфата металла). Пористость материала 10—20%. Сульфидированные железографитовые материалы предназначены для работы в тяжелых условиях нагружения и выдерживают допустимые значения показателя $[p]$ до 40 МПа [6]

Детали порошковой металлургии имеют свои особенности, связанные с технологией их изготовления, в связи с этим изменим конструкцию втулки, являющейся подшипником скольжения в малой головке шатуна следующим образом (рис.2)

а) б)
 Рис. 2. – Изменение конструкции втулки
 а – втулка до изменения конструкции, б – втулка после изменения конструкции.

Измененная конструкция учитывает особенности изготовления и эксплуатации подшипников обладающих эффектом самосмазывания. Применение в качестве вкладышей подшипников материалов, не нуждающихся в дополнительной смазке, позволяет при конструировании узла в идеальном случае трения отказаться от обязательного зазора между трущимися деталями, а на практике значительно его минимизировать. «Безззорные» подшипники одновременно имеют свойство уплотнений, предохраняющих поверхности трения от загрязнений. Плотное прилегание втулки к валу по всей поверхности улучшает теплоотвод, способствует равномерному распределению нагрузки по поверхности трения. При этом трение в подшипниковом узле снижается [7].

В используемой в настоящее время конструкции подшипникового узла используются следующие посадки: для наружного диаметра подшипника (подшипник–шатуна) скольжения посадка с натягом F6/s7, для внутреннего (палец-подшипник) E8/h6.

Подберем посадки для изменяемой конструкции узла. Соединение втулки подшипника с шатуном по посадке с натягом удовлетворяет разрабатываемой конструкции, т.к. в случае плотного соединения втулки с шатуном головка шатуна одновременно будет являться бандажом для порошковой втулки и увеличивать ее нагрузочную способность. Фиксация втулки от проворачивания необязательна в конструкции с самосмазывающимся подшипником т.к. проворот втулки будет компенсировать ее износ [8]. Соединение втулки с пальцем должно быть

наиболее плотным для обеспечения минимального зазора изменим «легкоходовую» посадку E/h на «ходовую» посадку F/h уменьшив тем самым зазор приблизительно в два раза [9]. При этом допуск на изготовление пальца оставим без изменения. Изготовление деталей методами порошковой металлургии позволяет получить достаточно низкие значения шероховатости поверхности, обеспечиваемой формообразующим инструментом в связи с этим допуск на изготовление внутреннего диаметра втулки подшипника выберем F7. Такой допуск может быть получен при изготовлении порошкового подшипника применением операции калибровки внутренней поверхности втулки после ее пропитки маслом. Таким образом подберем посадку F7/h6, обеспечивающую работоспособность рассматриваемого узла, согласно указанным рекомендациям.

Результаты и обсуждение.

Использование в малой головке шатуна самосмазывающегося подшипника, взамен используемого в настоящее время (втулка 8, рис.1) позволит значительно упростить конструкцию шатуна. Модель шатуна до и после изменения конструкции представлена на рис. 3.

Упрощение конструкции шатуна заключается в исключении из нее отверстий предназначенных для смазки подшипника в малой головке шатуна, изготовление которых является трудноёмкой и дорогостоящей операцией.

Порошковый подшипник, предлагаемый для использования в рассматриваемой конструкции, гораздо легче и дешевле в изготовлении так как получается прессованием и имеет простую цилиндрическую форму, получение которой не требует каких-либо дополнительных технологических операций. В то время как заменяемый подшипник изготавливался из трубы с заливкой тонкого слоя бронзы и дальнейшей механической обработкой.

Упрощение сборки узла обеспечивается отсутствием необходимости центрирования смазочных отверстий шатуна и втулки, а также фиксации втулки для исключения проворачивания. В конструкции с использованием порошкового подшипника проворачивание возможно и даже носит положительный характер, т. к. компенсирует его износ [8].

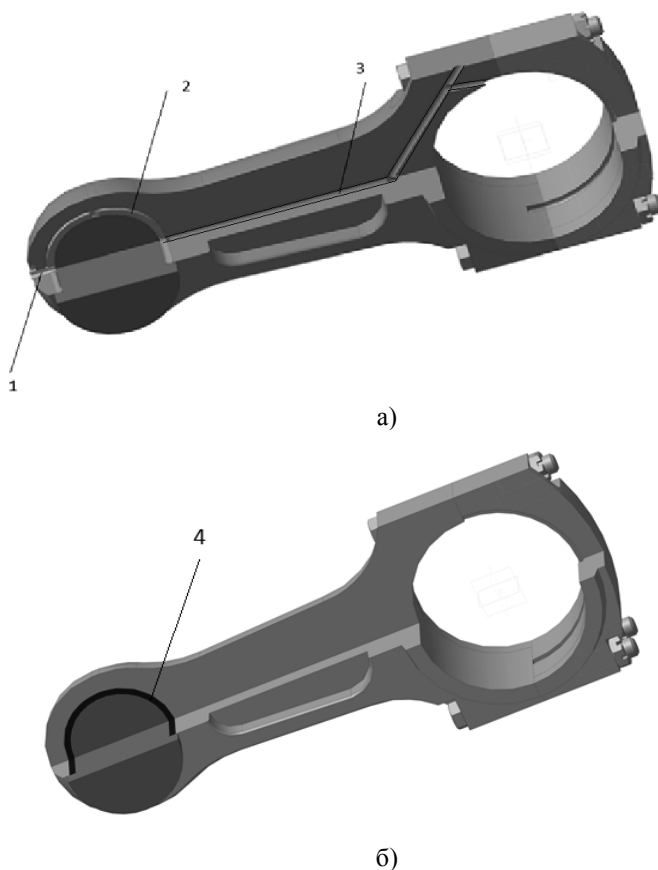

Рис. 3. – Модель шатуна

а) модель шатуна до изменения конструкции: 1-фиксирующий винт; 2 - втулка с бронзовой заливкой; 3 - канавки для смазки

б) Модель шатуна после изменения конструкции: 4 – втулка из порошкового антифрикционного материала.

Вывод. Проанализировав возможность изменения конструкции узла трения малой головки шатуна плунжерного насоса высокого давления можно сделать вывод о целесообразности применения втулки из порошкового спеченного антифрикционного материала ПА-ЖГрЗЦс ГОСТ 26802-86 в качестве подшипника скольжения. Применение такого подшипника с эффектом самосмазывания позволит значительно упростить конструкцию шатунного узла и предположительно увеличить срок их службы за счет повышенной износостойкости данного типа материалов, а

также его более высокой нагрузочной способности по сравнению с используемым в настоящее время.

References:

- [1] Straberg, G. K. Structural materials in petroleum, petrochemical and natural gas industries/ G. K. Shraiberg, S. M. Perlin, B. F. Shibaev.– M.: Mashinostroenie, 1969. – 396 p.
- [2] Kireev, S. O. three-plunger-high pressure pumps, ZAO "Trast-engineering" S. O. Kireev, V. P. Popov // the South equipment. – 2010.- No. 40. – Pp. 8-11
- [3] Analysis of operating conditions of the friction slip drive of plun-gérin high-pressure pumps service oil and gas wells / Kireev O. S. [et al.] // Chemical and petroleum engineering. – 2016. No. 5 p. 25-30.
- [4] Reference for tribology: In 3 t. T. 2. Lubricants, machinery lubricants, bearings of sliding and rolling under the General editorship of M. Hebda, A. V. Cicind see. – M.: Mashinostroenie, 1990. – 416 p
- [5] Antifriction materials based on iron. Brand: GOST 26802-86 /State Committee of USSR on standards. – Moscow: publishing house of the mill-Darth 1986. 16 p.
- [6] Fedorchenko, I. M., Composite sintered antifriction materials / I. M. Fedorchenko, L. I. pugina – Kiev: Sciences. Dumka, 1980. – 404c.
- [7] Avdeev, D. T. Materials and construction, self-lubricating sliding bearings / D. T. Avdeev, N. In. Babets, S. S. Musienko. – NovoCherkassk, Novo-chirk. State. tech. Univ. of Illinois, 1993 – 112s.
- [8] Vasil'ev, B. N. Fundamentals of design and calculation of friction: proc. Pozo-BIE / B. N. Vasiliev, M. A. Vasiliev; South.-ROS. State. Tech. University (NPI). Novo-CherkasskURGPU(NPI), 2013. – 126c.
- [9] Anuchin .And . Tolerances and landing. Selection and calculation, indication on drawings: Proc. The Manual/ V. I. Anuchin. – 2nd ed. Rev. and additional SPb.:Izd-voSPbSTU, 2001. – 219 S.
- [10] Perelman, V. E. Shaping of powder materials / V. E. Perel'man. – M.: Metallurgy, 1979. – 232c.

Kilina M.S., Poleshkin M.S., Rakulenko S.V.

STRUCTURAL-PARAMETRIC CONTROL OF SPEED IN HYDRAULIC AND PNEUMATIC INSTALLATION OF MACHINERY MOVEMENT MECHANISMS

Kilina M.S., Don State Technical University, Rostov-on-Don,
Russia

Poleshkin M.S., Don State Technical University, Rostov-on-Don,
Russia

Rakulenko S.V., Don State Technical University, Rostov-on-Don,
Russia

Abstract

This article discusses how the parametric and structural-parametric drive control. Ability to use external braking devices. Advantages and disadvantages of the most common external braking devices used in process equipment.

Keywords: parametric speed control, structural and parametric speed control, braking, positioning, hydraulic shock absorbers.

С увеличением производственных мощностей все большую часть выпускаемого оборудования занимают роботизированные комплексы, агрегатные станки, автоматические линии, манипуляторы и т.д. Современные технологические комплексы зачастую осуществляют рабочий цикл в соответствии заданной циклограммой работы.

Обеспечение работы привода в соответствии с заданными циклограммами применяют параметрическое регулирование приводов (рис.1). При параметрическом регулировании сложных систем в приводы включены блоки хранения и обработки информации, а так же различные датчики[1]. Систематизации и анализ полученных данных в процессе работы оборудования, требует наличия в системе блоков хранения и анализа полученных данных. Для оборудования, выполняющего целый ряд операций, обеспечивающих выполнение нескольких технологических переходов на одном оборудовании, за один рабочий цикл, применение дорогостоящих автоматических программируемых вычислительных

комплексов можно считать оправданным. Подобные комплексы являются дорогостоящими не только сами по себе, но и требуют наличие в штате рабочей единицы, обслуживающей подобные комплексы.

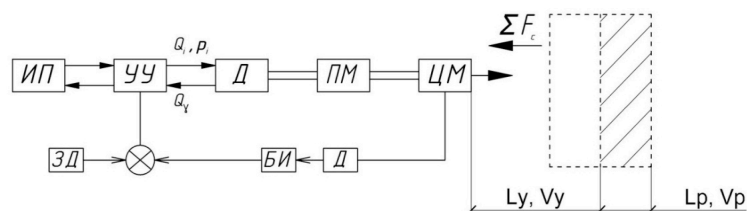

Рис.1 Параметрическое регулирование привода: ИП – исполнительный привод, УУ – узел управления, Д – двигатель, ПМ – подающий механизм, ЦМ – целевой механизм, ЗД – задатчик движения, Дч – датчик, БИ – блок хранения информации, L_y, V_y – длина и скорость установочного движения, L_p, V_p – длина и скорость рабочего хода

На примере рабочего цикла однодвигательной системы (рис.2) рассмотрим наиболее распространённую схему компоновки привода. Рабочий цикл такого привода состоит из разгона, последующего торможения, для осуществления выхода рабочего органа на скорость рабочей подачи, рабочей подачи, торможения в конце рабочего цикла и возврат в исходное положение (разгон и торможение на обратном ходе).

В приводах с параметрическим регулирование, торможения и позиционирования привода[2] на участках В-С и D-E (рис.2) достигается изменением внутренних параметров привода, т.е. изменение характеристик насосных установок, изменение параметров потока в магистралях, изменение площади поршня в полостях цилиндра, изменение гидросхемы[3]. Все эти способы торможения и позиционирования имеют ряд недостатков, к ним можно отнести такие как снижение давления, в системе, выделение большого количества тепла с последующим охлаждением системы, затруднение при осуществлении торможения по заданной циклограмме, при тяжело нагруженных приводах торможение осуществляется в несколько этапов.

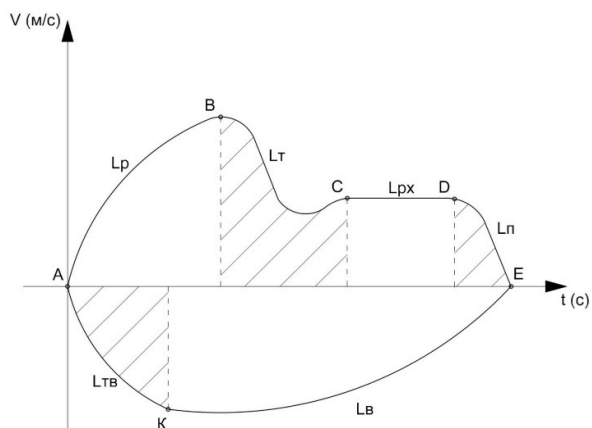

Рис.2. Рабочий цикл при параметрическом регулировании привода: L_p – участок разгона, L_t – участок торможения, L_{px} – участок рабочего хода, L_n – участок позиционирования целевого механизма, L_v – участок возврата ЦМ, L_{tv} – участок торможения

В условиях жесткой конкуренции на рынке технологического оборудования вопрос стоимости оборудования и его обслуживания становится решающим. В свете этого становится актуальным вопрос уменьшения стоимости оборудования при сохранении технических характеристик и качества готовых изделий на выходе.

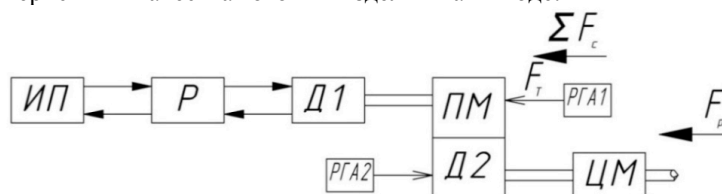

Рис.3 Структурно – параметрическое регулирование привода технологического оборудования: ИП – исполнительный привод, P – узел управления, Д1, Д2 – двигатель, ПМ – подающий механизм, ЦМ – целевой механизм, РГА1, РГА2 – регулируемый амортизатор

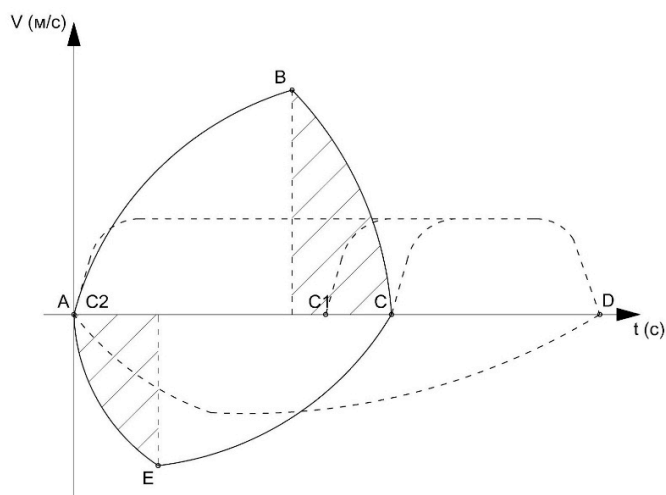

Рис. 4. Рабочий цикл при структурно-параметрическом управлении: АВ – участок разгона привода установочных движений, ВС – участок торможения привода установочных движений, СЕ – участок разгона при обратном ходе привода установочных движений, ЕА – участок торможения привода установочных движений, С1D – работа привода целевого механизма, DA – обратный ход привода целевого механизма.

Для упрощения схемы компоновки элементов циклового привода рациональным решением является разделение структуры привода на двухдвигательную систему, тем самым делая управление привода структурно-параметрическим (рис.3). Разделение структуры привода на привод установочных движений и рабочих приведет не только к оптимизации структуры привода, но и существенно снизит время всего цикла, повысив тем самым производительность оборудования в целом[4]. Например, когда подвод целевых механизмов в рабочую зону выполняется электроприводом, рабочий цикл осуществляется по траектории (рис. 4) А-В-С (подвод) и С-Е-А (отвод). Если весь цикл осуществляется при помощи гидро- или пневмоприводом, то установочные движения выполняются по траектории А-В-С (подвод) и С-Е-А (отвод), целевые – С1-D; D-А.

Рассмотрим более подробно приводы установочных движений при двухдвигательной системе. Для торможения установочных приводов, как правило, применяются внешние тормозные устройства, такие как жесткие упоры, витые пружины, резиновые буферы, различные амортизаторы (рис.5). Жесткие упоры, пружины, буферы возвращают часть кинетической энергии обратно на затормаживаемое тело, что приводит к

повреждению частей механических передач, а так же исключает возможность повышения скорости, с которой тело приходит на стопор. В случае применения амортизаторов, возможно, повысить скорость движения установочного привода и совершить остановку с требуемыми характеристиками переходного процесса торможения[5].

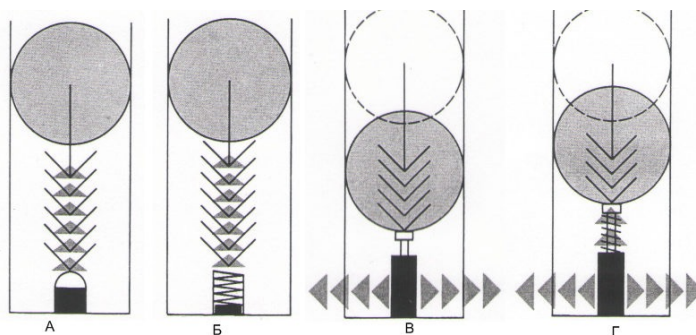

Рис.5 Типы внешних тормозных устройств:
А – Резиновый буфер, Б – Витая пружина, В – гидравлический амортизатор, Г – гидравлический амортизатор с возвратной пружиной.

Простое оборудование, как, например резиновые бамперы и витые пружины не могут быть пригодны всюду, т.к.способствуют эффекту возвратного отражения: большая кинетическая энергия, поглощенная этим оборудованием во время удара, опять переносится на тормозимое тело и способствует тем самым неконтролируемому удару, который может привести к повреждению подвижных частей привода (Рис.5). Применение жидкостных амортизаторов, которые известны так же как амортизаторы, бамперы, демпферы, стопоры, замедлители или изоляторы позволяет контролировать процесс торможения движущегося тела. Жидкостные амортизаторы работают по принципу преобразования кинетической энергии на тепловую с последующим излучением тепловой энергии в атмосферу (Рис.5 В).

Применяя внутреннюю или внешнюю возвратную пружину, обеспечим аккумуляцию части кинетической энергии[6], которая облегчает возврат поршня в начальное положение (Рис.5 Г). Те же функции, как и возвратная пружина, выполняют гидропневматический или газовый аккумуляторы. Их применяют, прежде всего, в тех случаях, когда требуется точное регулирование времени, необходимого для возврата поршня в начальное положение, то есть в промышленных роботах или поворотных столах монтажных линий.

При параметрическом регулировании привода рабочий цикл состоит из: разгона (увеличении скорости от начальной до рабочей, участок А-В), рабочего хода (движение с постоянной скоростью, участок В-С) и торможения (уменьшения скорости с рабочей до минимальной и остановкой на упоре или заданной координате, участок С-Д).

Время полного рабочего цикла привода:

$$T_{рц} = t_{разг} + t_{рх} + t_{торм}; \quad (1)$$

При структурно параметрическом регулировании привода полный цикл работы состоит из разгона А-В(С) и торможения привода В(С)-Д. Время полного цикла соответственно:

$$T_{рц} = t_{разг} + t_{торм}; \quad (2)$$

Предварительный вычислительный эксперимент показал, что разделение структуры привода и применение гидравлических амортизаторов в качестве упоров улучшает характеристики процесса торможения (отсутствуют колебания параметров скорости и давления в гидро- или пневмосистеме), что в целом приводит к повышению производительности технологического оборудования и снижению времени позиционирования выходного звена привода.

References:

- [1] V.S. Sidorenko Synthesis hydro positioning devices metalworking equipment: Abstract. Dis ... Dr. tehn. Sciences. - Rostov n / D: Publishing Center DSTU, 2001. - 38 p.
- [2] Kilina M.S. Positioning with hydraulic shock absorbers of mobile elements of the process equipment / Kilina M.S. Chernavskii V.A., Stepanov S.A. // Hydraulic machines, hydraulic drives and gidropnevmoavtomatiki: collection of reports XIV All-Russia scientific-technical conference of students and graduate students, MEI. - M., 2010.
- [3] Poleshkin M.S. Mathematical modeling of the automated positioning of hydraulic drive mechanisms targeted machines with hydraulic control circuit improved efficiency / M.S. Poleshkin, V.S. Sidorenko // Engineering Bulletin Don. - 2012, - №3 (21). - URL: <http://www.ivdon.ru/magazine/archive/n3y2012/947>. - № State registration. 0421100096. S.283-293
- [4] Kilina M.S. Dynamic positioning drives with hydraulic shock absorbers / Kilina M.S., Chernavskii V.A., V.I. Grishchenko // Bulletin of the Don. state. tehn. Univ. - 2012. - number 4 (65) - with 16-22
- [5] Kilina M.S. Analysis methods of braking with hydraulic shock absorbers for machinery mechanisms of high speed / Kilina M.S., Chernavskii V.A. // Bulletin of the Don. state. tehn. Univ. - 2009. - V. 10, №4 (47). - 545-549 p.

- [6] A utility model patent №132513 RF IPC F16F9 / 24 Hydraulic shock / V..A. Chernavsky, M.S. Kilina - Publ. 09/20/2013.

Gryshchenko V.I., Kozhukhova A.V., Dolgov G., Dymochkin D.D.

MATHEMATICAL MODELING OF THE DRIVE ROTOR POSITION OF PIPE FITTINGS

Gryshchenko Vyacheslav I., Russia, Don State Technical University, Department "Hydraulics, GPA and TP", Rostov-on-Don

Kozhukhova Aleksandra V., Russia, Don State Technical University, Department "Hydraulics, GPA and TP", Rostov-on-Don

Dolgov Grigory, Russia, Don State Technical University, Department "Hydraulics, GPA and TP", Rostov-on-Don

Dymochkin Denis D., Russia, Don State Technical University, Department "Hydraulics, GPA and TP", Rostov-on-Don

Abstract

In this paper, the mathematical model of the position actuator for controlling the energy flows of pipe fittings. A feature of the proposal is a discrete electro-pneumatic control system implemented by a pneumatic displacement sensor. The mathematical and computer models to assess the process of analyzing the positioning actuator output link.

Keywords: pneumatic positioner, valving, pneumatic motion sensor.

В данной статье рассмотрена математическая модель позиционного пневмопривода предназначенного для управления энергетическими потоками трубопроводной арматуры. Особенностью предложенного привода является дискретная электропневматическая система управления, реализованная с помощью пневматического датчика перемещения. Разработаны математическая и компьютерная модели позволяющие оценить анализировать процесс позиционирования выходного звена пневмопривода.

Эффективность современных энергосиловых установок определяется совокупностью способов преобразования энергии и управления энергетическими потоками. В настоящее время управление потоками жидкостных и газообразных сред в основном решается с помощью запорно-регулирующей аппаратуры. В ее состав входят различные элементы изменения проходного сечения энергетических потоков. Способы и техника управления такими устройствами имеет ряд

своих преимуществ и недостатков [1,2]. Так например, электропривод запорной арматуры имеет избыточный набор функциональных возможностей при пропорциональном управлении запорно-регулирующими элементами, так как появляется необходимость применения дорогих датчиков положения и соответствующих систем управления. Гидропривод избыточен по развиваемым усилиям. Пневмопривод не имеет плавности хода и точности хода без применения специальных регулирующих устройств [3]. В связи с этим предлагается позиционный пневмопривод (рис.1), состоящий из дискретных устройств электропневмоавтоматики позволяющий успешно решать задачу управления поворотными запорно-регулирующими элементами трубопроводной арматуры (рис.3).

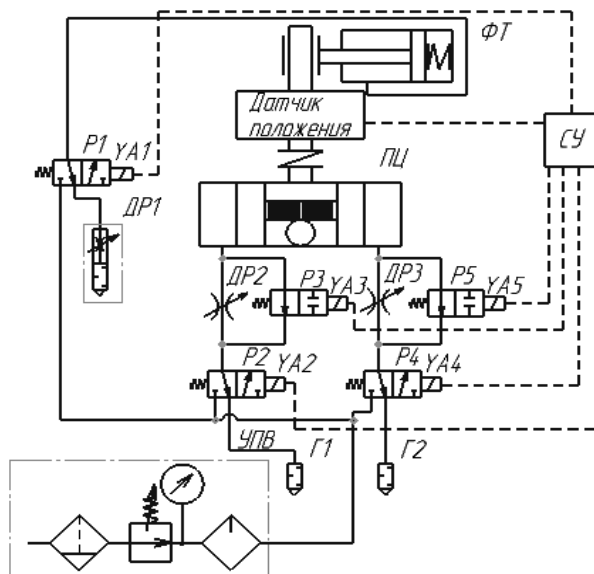

Рис. 1. Принципиальная схема позиционного привода

Где: УПВ - Узел подготовки воздуха, Г1, Г2 – Глушители, P1- P5 - пневмораспределители, ПЦ – Поворотный пневмоцилиндр, ФТ – Фрикционный тормоз, ДП – Датчик положения, СУ – Система управления, YA1- YA5- электромагниты, ДР1- ДР3 – Дроссели.

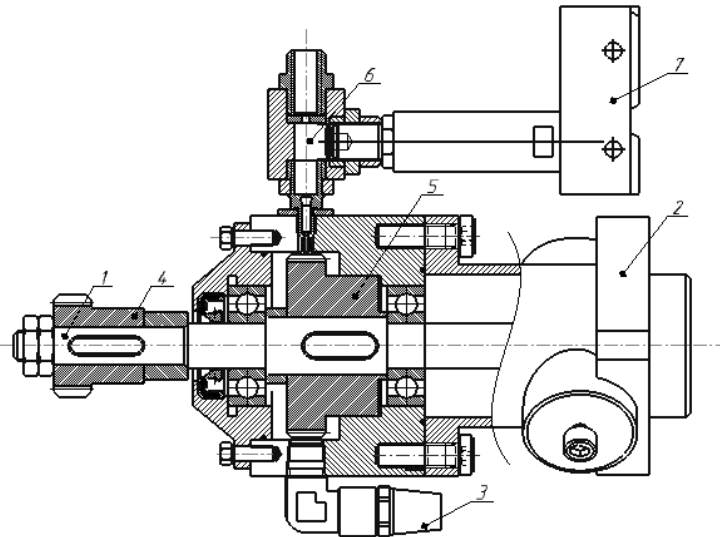

Рис. 2. Пневматический датчик для позиционных приводов
 1 - вал; 2 - фрикционный тормоз; 3 - глушитель; 4 – зубчатое колесо; 5 – модулятор; 6 – сопло; 7 – датчик давления.

Пневмопривод работает следующим образом. Сжатый воздух подается от УПВ к распределителям P1, P2, P4. По команде системы управления СУ на поворот в заданную позицию заслонки подается сигнал на электромагниты YA1, YA2 распределителей P1,P2. При этом фрикционный тормоз ФТ снимет нагрузку с вала пневматического датчика и под действием давления воздуха поршень пневмоцилиндра ПЦ начинает движение. При повороте вала 1 пневматического датчика (рис.2), связанного кинематически с поршнем цилиндра и рабочим органом запорной арматуры (заслонкой) возникает изменение давления на входе сопла 6, фиксируемое датчиком давления 7 (рис.2) [4]. Информация об изменении давления поступает в систему управления, которая считает количество импульсов давления и сравнивает их с заданным значением. Дискрета датчика определяется количеством зубьев модулятора 5 (рис.2) и передаточным отношением зубчатой передачи 5 (рис3). При достижении координаты начала торможения система управления подает сигнал на электромагнит YA5 распределителя P5. При этом увеличивается сопротивление движению газа из выхлопной полости пневмоцилиндра и начинается торможение поршня. При достижении поршнем заданного положения электромагниты YA1,YA2 распределителей P1,P2 отключаются и происходит фиксация вала пневматического датчика и поршень останавливается.

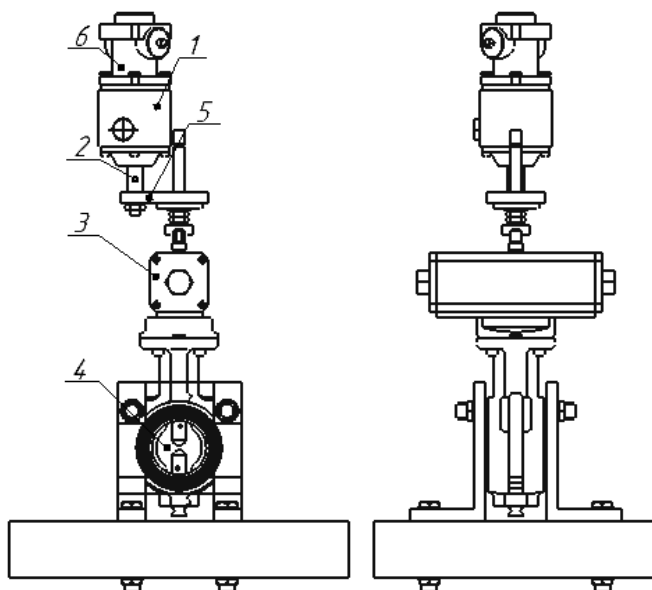

Рис. 3.Общий вид (автоматизированного привода задвижки)
 1 - Универсальный пневматический датчик; 2 – Вал;3 -
 Поворотный цилиндр; 4 – Дисковый затвор;5 – Зубчатая передача; 6–
 фрикционный тормоз.

Пример монтажа предложенного привода показан на рисунке 3. На опору с помощью кронштейнов устанавливается 4. Сверху устанавливается стандартный поворотный пневматический цилиндр 3 фирмы Samozzi для запорной арматуры, который совершает поворот дискового затвора (заслонки). На выходящий вал пневмоцилиндра устанавливается пневматический датчик перемещения 1. И на выходном валу датчика устанавливается фрикционный тормоз 6 Samozzi.

На первом этапе проектирования важно подтвердить функциональные возможности предлагаемого привода и оценить процессы, протекающие в нем при позиционировании запорно-регулирующего элемента трубопроводной арматуры. Моделирование процессов позиционирования динамической системы, включающей механическую и пневматическую подсистемы, осложняется не стационарностью потоков сжатого газа, нестабильностью реальных воздействий на пневматическую подсистему [5,6]. Поэтому при формировании математической модели привода (расчетная схема представлена на рис 4.) были приняты допущения: давление источника сжатого воздуха постоянное во времени; термодинамический процесс поведения газа в пневмосистеме принимается адиабатическим; в описании

пневматических устройств используется модель идеального газа, поскольку давление в пневмосистеме ниже 10 бар; утечки не учитываются; сила вязкого трения пропорциональна скорости; коэффициенты расходов принимаем усреднёнными; масса перемещаемых частей принимается постоянной; усилие F_c на выходном звене пневмопривода постоянное; управление пневмораспределителями релейное; время формирования сигнала управления от датчика перемещения не учитывается.

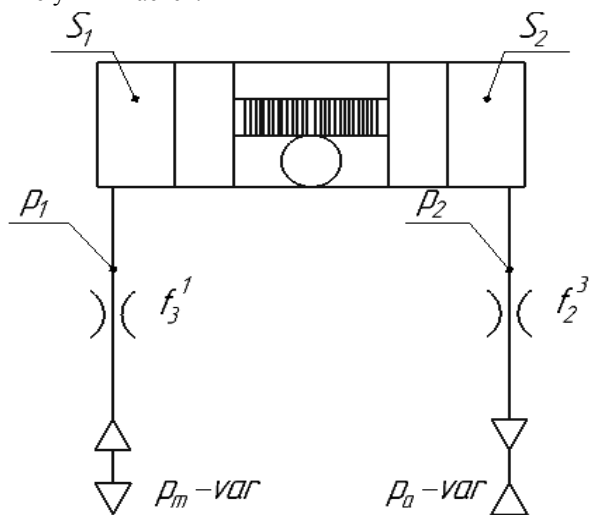

Рис.4 Расчетная схема пневмопривода

Все уравнения, составляющие модель пневмомеханической системы, могут быть объединены в две группы: уравнения расхода и уравнения движения.

Уравнение движения поршня цилиндра исполнительного механизма пневмоцилиндров

$$m \frac{dv}{dt} = p_1 * S_1 - p_2 * S_2 - k_{mp} * V - F_c * sign(V) - F_y; \quad (1)$$

где S_1, S_2 – эффективная площадь нагнетательной и выхлопной полостей, m^2 ;

p_1, p_2 – давление воздуха соответственно в нагнетательной и выхлопной полости цилиндров, Па;

V – скорость перемещения движущихся масс, м/с;

λ – коэффициент вязкого трения, кг/с;

F_c – суммарная сила сопротивления движению, Н;

F_y – реакция левого и правого упоров, Н;
 m_{np} – масса подвижных частей привода, кг.

Пневматическая подсистема привода описывается уравнением неразрывности потока:

$$G_1 = G_2; \quad (2)$$

где $G_1 = G_2$ – массовые расходы сжатого газа в двух рассматриваемых участках, кг/с.

Учитывая, что массовый расход через проточную часть равен

$$G = \mu f p_0 \sqrt{\frac{2k}{(k-1)RT_0}} \cdot \varphi(\sigma_i). \quad (3)$$

И преобразуя уравнение (2) получим уравнения изменения давления воздуха в пневмосистеме (4-6):

Уравнение давления воздуха в напорной полости

$$\frac{dp_1}{dt} = \frac{k \cdot \mu_1 \cdot f_1 \cdot K \cdot p_n \cdot \sqrt{R \cdot T_n} \cdot \varphi(\sigma_1)}{S1_{III} \cdot (X_{01} + X)} - \frac{k \cdot p_1}{(X_{01} + X)} \cdot V \quad (4)$$

Уравнение давления воздуха в выхлопной полости

$$\frac{dp_2}{dt} = - \frac{k \cdot \mu_2 \cdot f_2 \cdot K \cdot p_2^{\frac{3k-1}{2k}} \cdot \sqrt{R \cdot T_a} \cdot (\varphi \frac{\sigma_a}{\sigma_2})}{S2_{III} (X_0 + X_{02} - X) \cdot p_a^{\frac{(k-1)}{2k}}} + \frac{k \cdot p_2}{(X_0 + X_{02} - X)} \cdot V \quad (5)$$

где $\varphi(\sigma_i) = \sqrt{\sigma_i^{\frac{2}{k}} - \sigma_i^{\frac{k+1}{k}}}$ при $0,528 < \sigma_i < 1$;

$$\varphi(\sigma_i) = 0,2588 \text{ при } 0 < \sigma_i \leq 0,528; \quad \sigma_i = \frac{p_i}{p_n}.$$

$$K = \sqrt{\frac{2 \cdot k}{k-1}}, \quad (6)$$

k – показатель адиабаты; R – газовая постоянная, Дж/кг · К; T_n , T_a – температура воздуха соответственно в нагнетательной и выхлопной магистрали, К; μ_1, μ_2 – коэффициенты расхода; p_n, p_a – давление воздуха соответственно в нагнетательной и выхлопной магистрали, Па;

f_1, f_2 – площади проходного сечения пневмораспределителя, м²; X_0 – ход поршня, м; X_{01}, X_{02} – отношение начальных («пассивных») объемов V_{01}, V_{02} пневмопривода к полезной площади поршня поршневой и штоковой полости пневмоцилиндра соответственно, м.

Объединяя полученные зависимости, получим систему уравнений (1-6), описывающую процесс позиционирования выходного звена

пневмопривода. Система дифференциальных уравнений может решаться различными численными методами (Эйлера, Рунге-Кутта и т.п.) при заданных начальных условиях, параметрах привода и управляющих воздействиях, функционально зависящих от координаты выходного звена [7].

Моделирование процесса позиционирования осуществляли в программе Simulink Simscape (рис.5), которая является приложением к пакету MATLAB. При моделировании с использованием Simulink реализуется принцип визуального программирования, в соответствии с которым, пользователь на экране из библиотеки стандартных блоков создает модель привода и осуществляет расчеты.

Компьютерная модель пневмопривода (рис.5) позволяет моделировать процесс позиционирования поршня поворотного пневмоцилиндра, который состоит из нескольких этапов (рис.6-9): подготовительный этап - 0-0,007 с (формирование сигнала управления и переключение пневмораспределителей), разгон поршня – 0,007- 0,065 с, торможение и останов поршня 0,065-0,087с. В результате вычислительного эксперимента получены зависимости скорости перемещения (рис.6), перемещения поршня поворотного пневматического цилиндра (рис.7), давление в напорной полости (рис.8) и в сливной полости цилиндра (рис.9).

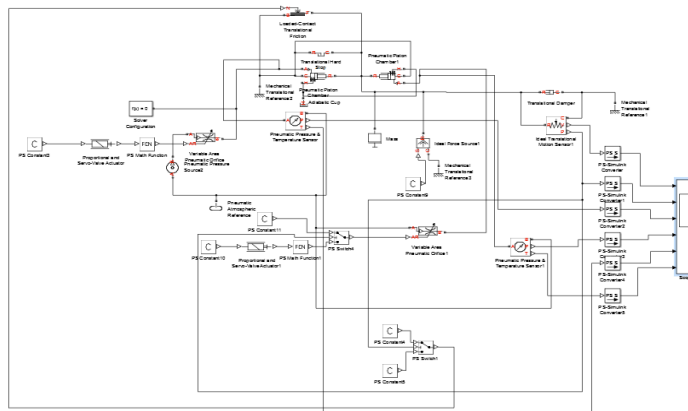

Рис. 5. Математическая модель

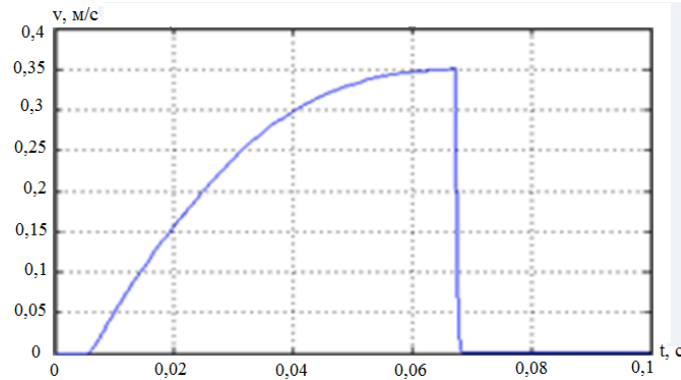

Рис. 6. Зависимость скорости перемещения поршня цилиндра от времени

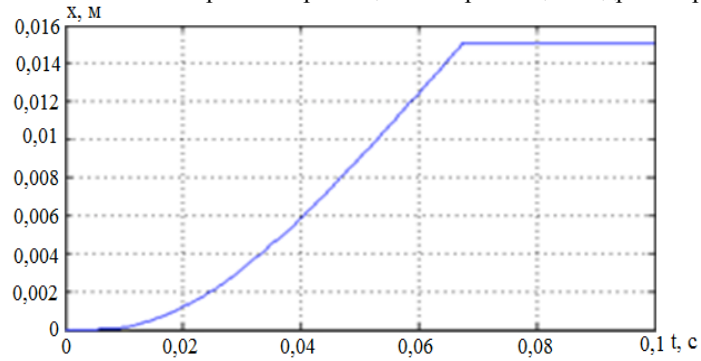

Рис. 7. Зависимость перемещения поршня цилиндра от времени

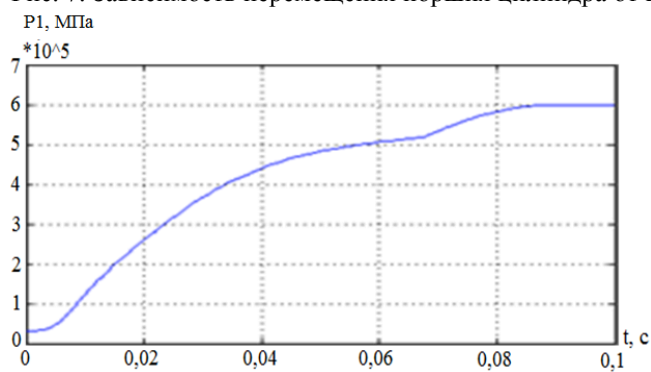

Рис. 8. Зависимость давления в напорной полости цилиндра от времени

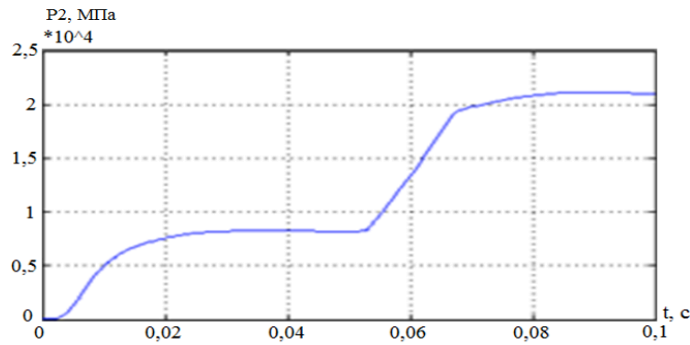

Рис. 9. Зависимость давления в выхлопной полости цилиндра от времени

Полученные результаты подтверждают функциональные возможности предлагаемого привода и позволяют оценить процессы, протекающие в нем при позиционировании поршня пневмоцилиндра. Полученная модель привода позволяет проводить вычислительный эксперимент при различных позиционных циклах. Координаты позиционирования задаются оператором в программе. Компьютерная модель может модернизироваться и корректироваться с целью введения иных управляющих воздействий и других параметров привода после проведения натурного эксперимента.

References:

[1] Agricultural machines: theory, calculation, design, use: monograph. T. 7, Part 1: Driving agricultural machines / V.V. Radin [and others.] Azovochernomor. state. agroinzh. Acad. - Zernograd: ACHGAA, 2013. - 512 p.

[2] Sidorenko V.S., Dymochkin D.D., Grishchenko V.I. Automated pneumatic actuator // Uch. allowance. M of Education and Science of the Russian Federation, the Federal State. byudzhethnoeobrazovatelnoe institutions of higher. prof. Education "Don State. Technical Univ." Rostov-on-Don, 2011.

[3] Grishchenko V.I. Improving the accuracy of high-speed machines of fluid drive mechanisms // thesis for the degree of candidate of technical sciences. Don State Technical University. Rostov-on-Don, 2010.

[4] Dao Anh Tkhe, D.D. Dymochkin, V.S. Sidorenko. Rotor position sensor for drives and machines high speed and accuracy // sb. V works Mezhsud. scientific. prac. Conf. / DSTU-Rostov n / d, 2014.- 134-142 p

- [5] Sidorenko V.S., Grishchenko V.I. Synthesis pneumatic-hydraulic positioning systems, high speed and accuracy // Hydropneumatics mobile and technological machines: Sat. rep. Intern. scientific-techn. conf., is dedicated. 25th Anniversary of the Department "and Hydro-gidropnevmoavtomatiki", 17-19 November. / National Technical University. - Minsk, 2010. - P. 209-215.
- [6] Grishchenko V.I., Sidorenko V.S. Simulation of the process of positioning actuators of the process equipment pneumohydraulic discrete device with pneumatic communication lines // Vestnik Don State Technical University. 2009. T. 9. № S2. p. 81-89.
- [7] Dynamic calculation of hydro-pneumatic: Textbooks (Chernavskii V.A., Kozhukhova A.V.) / DGTU.- Rek.UMO universities by university and polytechnic education, Rostov n / D 2009 -67 p.

BUILDING

Pudovkin A.N.

THE TASK OF AUTOMATIC QUALITY CONTROL IN THE PRODUCTION OF ASPHALT MIXES

Alexander Nikolaevich Pudovkin, Russian Federation, Ph. D.,
Department of « Urban construction», Kumertau branch of Orenburg
State University (KF OSU)

Abstract

Presents a generalized approach to optimization of control system for production of asphalt concrete. Presents the tasks of the system control parameters and process control production of asphalt mixes

Keywords: asphalt concrete mixture, proportioning, quality, precision control

Система автоматизированного управления (САУ) производства асфальтобетонной смеси качественно влияет на результат. Это в свою очередь способствует расширению задач систем автоматизированного управления [1]. Кроме основных задач, связанных с управлением технологического процесса решаются дополнительные задачи, такие как:

- Задачи пуска и остановки оборудования
 - Автоматический запуск исполнительных механизмов установки по участкам с сохранением всех блокировок;
 - Автоматический останов оборудования;
 - Предупредительную и аварийную сигнализации;
- Задачи наблюдения за ходом технологического процесса
 - Диагностика исправности технологического оборудования;
 - Отображение фактических значений основных параметров технологического процесса;
 - Отчет о выполненной работе и расходе материалов с сохранением в памяти и выдачей информации на принтер;

- Использование элементов базы данных (БД) для хранения и обработки данных
 - Библиотека рецептов, ведение архива рецептов; Эти задачи появились сразу, как только объемы памяти и методы хранения данных позволили организовать БД рецептов.
 - Ведение БД различных граничных условий на значения параметров и режимы технологического процесса в соответствии с требованиями стандартов.
 - Учет поступления компонентов и отгрузки готовой смеси
 - Полный учёт произведенного асфальта и расходования материалов с возможностью просмотра и распечатки результатов на принтере, а также с возможностью подключения к бухгалтерским и учетным системам;
 - Анализ складских запасов компонентов и готовой асфальтобетонной смеси;
- Задачи САУ управления производством асфальтобетонной смеси в основном обеспечивают сбор, накопление и анализ информации.

Таблица 1 – Цели и задачи системы управления качеством

Цели	Задачи
Обеспечение стабильного заданного качества асфальтобетонной смеси	Проектирование рецептуры смеси и режимов ТП
	Оперативное управление рецептурой смеси и режимами ТП
	Анализ качества компонентов асфальтобетонной смеси
	Анализ качества готовой смеси на выходе АБЗ
	Анализ качества асфальтобетона в покрытии автомобильных дорог

Также для решения задач, связанных с управлением качеством асфальтобетонной смеси необходимо существенно больший объем данных и гораздо более сложные алгоритмы обработки данных для анализа (Таблица).

Системы автоматического управления качеством асфальтобетонной смеси можно представить задачами в следующем виде:

- ◆ Задачи контроля качества компонентов, технологического процесса и полуфабрикатов, а так же готовой асфальтобетонной смеси:
 - Автоматизация контроля входного качества компонентов:
 - Анализ динамики качества;
 - Формирование отчетов;
 - Автоматизация контроля пооперационного качества:

- Анализ динамики качества;
- Прогнозирование показателей качества;
- Формирование управляющих воздействий;
- Формирование отчетов;
- Автоматизация контроля отпускного качества смеси:
- Анализ динамики качества готовой асфальтобетонной смеси;
- Прогнозирование показателей качества;
- Формирование управляющих воздействий;
- Формирование отчетов;
- Автоматизация контроля параметров транспортировки асфальтобетонной смеси:
- Анализ динамики показателей;
- Прогнозирование показателей;
- Формирование управляющих воздействий;
- Формирование отчетов;
- Автоматизация контроля параметров укладки и уплотнения асфальтобетонной смеси:
- Анализ динамики показателей;
- Прогнозирование показателей;
- Формирование управляющих воздействий;
- Формирование отчетов;
- Автоматизация контроля качества готового покрытия:
- Анализ динамики качества готового асфальтобетонного покрытия;
- Прогнозирование показателей качества;
- Формирование управляющих воздействий;
- Формирование отчетов;
- ◆ Задачи оперативного управления рецептурой асфальтобетонной смеси
- Задача формирования модели процесса;
- Задача оперативного контроля параметров;
- Задачи обработки и анализа данных;
- Задачи формирования управляющих воздействий;
- Задача анализа эффективности управления и коррекции моделей
- ◆ Задачи автоматизации работы лаборатории АБЗ [2]:
- Традиционные задачи лаборатории завода:
- Проектирование состава асфальтобетонной смеси;
- Испытания компонентов;
- Автоматизация измерений;
- Аттестация готовой продукции;
- Новые задачи лаборатории завода:
- Оперативное управление качеством готовой продукции;

▪ Экспресс-анализ показателей для целей управления процессом;

◆ Задачи учета параметров транспортировки асфальтобетонной смеси

◆ Задачи учета параметров укладки и уплотнения смеси

◆ Задачи учета качества готового покрытия

Данные, которые используются в системах управления качеством асфальтобетонной смеси, имеют дело с упорядоченными массивами данных $\{x_1, x_2, \dots, x_t\}$, которые, кроме самого параметра x_i , позволяют (за счет использования технологий СУБД) узнать дату, время, место использования, а так же связанные с ним значения всех других параметров. Это совершенно новое качество данных.

Как показывает анализ результатов исследований в качестве моделей динамики показателей используются модели авторегрессии:

$$x_t = \alpha_1 x_{t-1} + \alpha_2 x_{t-2} + \dots + \alpha_k x_{t-k} + \sigma n_t \quad (1)$$

где x_t – значение параметра в момент времени t ;

α_i – значение коэффициента;

x_{t-i} – значение параметра в момент времени $t - i$;

σ – значение среднеквадратического отклонения;

n_t – значение случайного числа (закон распределения нормальный, математическое ожидание равно нулю).

При переходе к прогнозированию выражение (Ошибка! Источник ссылки не найден.) преобразуется:

$$\overline{x_{t+1}} = \alpha_1 x_t + \alpha_2 x_{t-1} + \dots + \alpha_k x_{t-k+1} \quad (2)$$

Результаты прогноза показателей качества $\overline{x_{t+1}}$ сравниваются с заданным значением и на основе анализа разницы рассчитываются управляющие воздействия.

Практически все задачи САУ АБЗ связаны между собой данными, которые они используют (Рисунок Ошибка! Текст указанного стиля в документе отсутствует.). Они отличаются друг от друга следующими факторами:

◆ Частотой контроля и управления (для каждого замеса смеси, один раз в смену, день, неделю, месяц...);

- ◆ Методами обработки данных;
- ◆ Моделями процесса.

Присутствие связей между задачами дает возможность рассматривать структуры САУ производства асфальтобетонной смеси не только для решения, какого либо набора задач, а также для решения практически всех рассматриваемых задач САУ АБЗ.

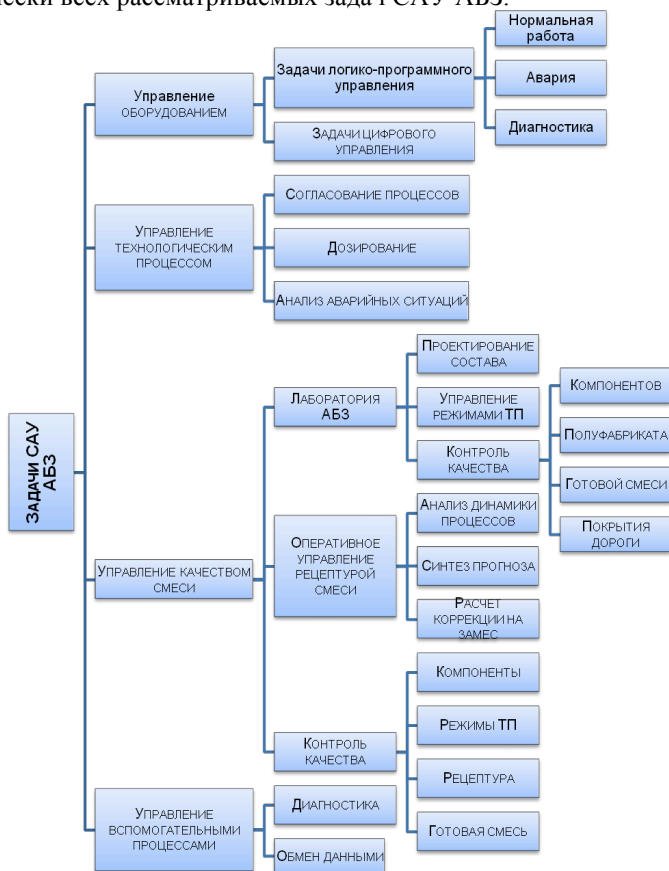

Рисунок Ошибка! Текст указанного стиля в документе отсутствует. – **Общая структура задач САУ АБЗ**

References:

[1] Pudovkin, A. N. A hierarchical control system for the production of asphalt mixes / A. N. Pudovkin // News University. 2011. No 2(16). pp. 331-334.

- [2] Pudovkin, A. N. The task structure of the hierarchical control system asphalt-concrete production / A. N. Pudovkin // Vestnik of the Orenburg state University. 2011. No. 10, October. pp. 270-271.

MEDICINE

Jozenas A., Tenyukova K.Yu., Tenyukov V. V., Nikitin V.V.

OVERWEIGHT AND ITS TREATMENT

Lithuania, Russia, Audrius Jozenas, nutritionist, Lithuanian University of Health Sciences, Kaunas, Lithuania, representative in Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan

Tenyukova Kseniya Yuryevna, physician, Budgetary Institution of the «Hospital Of Emergency Medical Care», Cheboksary

Tenyukov Vladimir Vanifatievich, Chuvash State University, Cheboksary, Doctor of Medicine, professor of chair of faculty therapeutics, Cheboksary

Nikitin Victor Vasilievich, Russia, Chuvash State University, Cheboksary, candidate of physics-mathematical science, professor of chair of actuarial and financial mathematics

Abstract

There is identified the prevalence of overweight and obesity among people (25928 examined) and the efficacy of Liepaja diet in overweight treatment among 2540 patients aged 18 to 74 (2060 women, 480 men). The diet is available to all social classes in the outpatient setting due to its economy

Keywords: the prevalence of overweight and obesity, Liepaja diet Dr. Hazan (Audrius Jozenas), the efficacy of application, a healthy way of life.

Введение. Ожирение является одной из важнейших проблем общественного здравоохранения 21-го века. Никакой другой болезнью люди не болеют так часто, как ожирением. Эта проблема актуальна независимо от социальной и профессиональной принадлежности, зоны проживания, возраста и пола. По последним оценкам ВОЗ, 250 млн. человек страдают ожирением, более 1 млрд человек на планете имеют лишний вес. В экономически развитых странах почти 50% населения имеют избыточный вес, из них 30% страдают ожирением. В России в среднем 30% лиц трудоспособного возраста имеют ожирение и 25% - избыточную массу тела [3,4,5,6,7]. ВОЗ рассматривает ожирение как глобальную эпидемию, охватывающую миллионы людей. Самой частой

причиной ожирения является несоответствие поступления калорий и их расхода. Это переизбыток, значительное снижение физической активности. Стратегии, направленные на обуздание эпидемии различны: это разнообразные диеты, медикаментозная терапия, хирургические подходы и конечно, здоровый образ жизни [3]. Процессы похудения (потери веса человека) довольно сложны, мало изучены и в настоящее время возникает больше вопросов чем ответов [3]. Применение различных методов лечения и профилактики избыточного веса и ожирения являются чрезвычайно востребованными в наши дни. В плане применяемых многочисленных диет хорошо зарекомендовала себя «лиепайская диета» доктора Л.Я.Хазана (г. Лиепая, Латвия) [8,9], которая не такая уж и строгая, по сравнению с иными диетическими меню и не выбивает пациентов их из ритма жизни, при которой они могут продолжать работать, помогает эффективно избавиться от избыточного веса и в дальнейшем заниматься саморегуляцией веса. Кроме того, эта система принятия пищи довольно экономична, не требует нахождения пациентов в дорогих клиниках, доступна для всех слоев гражданского общества – «народная», имеет незначительное количество противопоказаний. Аудриус Йозенас дополнил её исследованием влияний, направленных на снижение веса через психологическую сферу человека (формирования правильного образа жизни) [8,9]. В совокупности все это послужило актуальностью выбранной темы.

Цель исследования: исследование распространенности избыточного веса и ожирения у населения и изучение клинической эффективности применения лиепайской диеты для коррекции избыточного веса пациентов.

Материалы и методы исследования. Для изучения распространенности избыточного веса и ожирения у населения в современном обществе было проведено масштабное исследование в г.Чебоксары (Россия) в Центре здоровья на базе МУЗ БСМП «Больница скорой медицинской помощи». Было обследовано 25928 человек (мужчин 26,5% и женщин 73,5%, в возрастных группах от 18 лет до 29, от 30 до 39, от 40 до 49, от 50 до 59, от 60 до 69, от 70 до 80 лет), статистический анализ различий возрастных когорт был рандомизирован путем прямой стандартизации с помощью метода χ^2 [1,2]. Примененный современный компьютерный аппарат «Медасс» (Россия) для исследования анализа соотношения воды, мышечной и жировой ткани (биоимпедансометрия) дает заключения в словесной форме, поэтому эти вербальные значения, полученные с аппаратов, были преобразованы в числовые и обработаны математически. Словесные заключения аппарата по состоянию миокарда, легких, массы тела могут быть различны (факторы риска, ранние проявления). Например: значения параметра (для массы тела) $Z = \{z_1, z_2, z_3, z_4, z_5, z_6\}$, где z_1 – истощение; z_2 – норма; z_3 – избыточный вес; z_4 –

ожирение 1 степени; z_5 – ожирение 2 степени; z_6 – ожирение 3 степени. Ранее были опубликованы результаты исследований более 2000 человек за короткий промежуток времени 2009 – 2010 г.г. [4,5,6,7]. В настоящем исследовании использованы данные исследований пациентов Центра здоровья МУЗ БСМП «Больница скорой медицинской помощи» г. Чебоксар за период с 1 декабря 2009г. по 31 декабря 2014 г. и разбиты на 6 возрастных групп и по половому признаку.

Исследования данных биоимпедансметрии методом факторного анализа с математическим ожиданием показало, что состояние «норма» по весу соответствует значению $z_2 = -0,5$ (Рис.1,2). Ближе всех к норме молодые люди в возрасте от 18 до 29 лет (Рис. 2). Поведение математического ожидания M показывает, что с возрастом отклонение от нормы в целом увеличивается в сторону состояния $z_3 = -0,17$ (избыточный вес). Величина отклонения от математического ожидания (т.е. величина доверительного интервала) во всех возрастных группах примерно одинаковая, но характер разный. Если в молодом возрасте от 18 до 29 лет это отклонения в пределах «истощение»– «избыточный вес», то в возрасте от 60 до 69 лет в пределах «норма» – «ожирение 1 или 2 степени». А в возрасте 70-старше лет – снова в пределах «истощение» - «избыточный вес», причем вероятность появления отклонений становится даже меньше, чем в молодом возрасте.

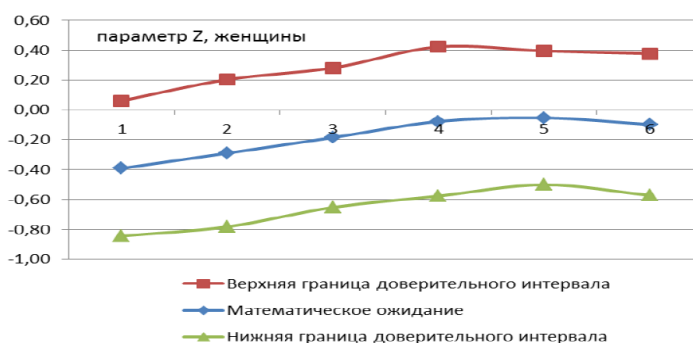

Рисунок 1. Результаты биоимпедансметрии у женщин.

Примечание: Состояние «норма» по весу по методу факторного анализа соответствует значениям нормы $z_2 = -0,5$. По горизонтали 1-6 – возрастные группы людей.

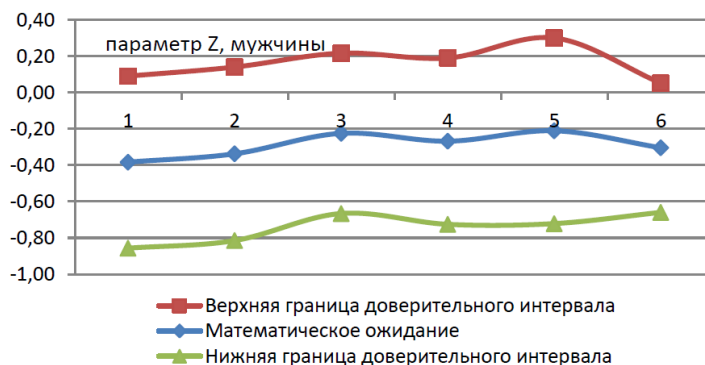

Рисунок 2. Результаты биоимпедансметрии у мужчин.

Примечание: Состояние «норма» по весу по методу факторного анализа соответствует значениям нормы $z_2 = -0,5$. По горизонтали 1-6 – возрастные группы людей.

В целом состояние «веса» мужчин и женщин очень похоже (Рис.1,2). По результатам рандомизированных исследований избыточным весом и ожирением в самой молодой возрастной группе страдает уже 30.7% (практически 1/3 обследованных), а в следующей возрастной группе от 30 до 39 лет их количество увеличивается до 45%, т.е. фактически половина обследуемых. Это наглядно свидетельствует о риске развития метаболического синдрома у этих пациентов в будущем.

В качестве метода выбора профилактики и коррекции избыточного веса применили вариант липайской диеты доктора Аудрюса Йозенаса [8,9]. Создателем, так называемой, “липайской диеты” был доктор Лев Хазан (1947-2015, г. Лиепая, Латвия). Его друг, ученик и бывший пациент Аудрюс Йозенас, когда-то сам похудевший более чем на 40 кг, исходя из своего опыта и по согласованию с Л.Хазаном, дополнил методику, и этот вариант диеты получил название липайская диета доктора Аудрюса Йозенаса. Был проведен анализ эффективности коррекции веса с применением липайской диеты 2540 человек (мужчин 19% и женщин 81%, в возрастных группах от 18 лет до 74 лет), статистический анализ различий возрастных когорт был рандомизирован путем прямой стандартизации с помощью метода χ^2 [1,2]. Проанализированы данные изменений веса пациентов доктора Аудрюса Йозенаса из разных стран: Казахстана, России, стран Балтии, Великобритании, Ирландии и др., получавшие диету за период с 2006 г. по 2016 гг. и разделенные на 2 возрастные группы (до 45 и после 45 лет) и по половому признаку. В первой возрастной группе потеря веса происходила на 10-15% быстрее, мужчины теряли вес в среднем 1,5 раза быстрее, чем

женщины. Из всех пациентов 564 (22,2%) человека (мужчин 18,3% и женщин 23,1%) самостоятельно приняли решение прекратить используемую диету. Осложнений от примененной диеты не наблюдалось. Все пациенты отбирались для применения липайской диеты по показаниям и находились под врачебным контролем. Кроме того, всем пациентам проводился опрос о самочувствии в ходе и после проведения диеты, определяли ИМТ (индекс массы тела), измеряли АД, окружность талии, шеи, бедер, определяли содержание холестерина, сахара крови и т.д.. Противопоказаниями для применения диеты служили: психические и онкологические заболевания, беременность, кормление грудью, индивидуальная непереносимость. Питание в ресторанах, столовых и кафе запрещалось. Полностью исключался сахар и другие сладости. Были запрещены любые перекусы. Разрешалось употреблять некрепкие кофе и чай (без сахара). Диета основана на ограничении калорийности принимаемой пищи в сутки (не более 1100 - 1500 Ккал). *По применяемой методике можно есть многое: и бутерброд с ветчиной, и салат из овощей. Никакого раздельного, низкокалорийного питания, пищевых добавок. Пациенты получали трехразовое питание, но в четко определенное время (например – в 8.30 -13.30 -19.30 ч. с интервалами в 5 и 6 часов) в жестко ограниченных количествах. Соль ограничивали в приготовлении пищи и в употреблении. Вода, чай без сахара были ограничены до 1-2,5 литров в сутки. Сон не менее 8 часов в сутки. Строго запрещалось употреблять любые алкогольные напитки, сладкие продукты. Рекомендовано выбирать мясные и рыбные продукты из нежирных сортов, отказаться от свежего хлеба, небольшие физические упражнения, массаж и самомассаж проблемных мест.*

Примерное меню на неделю состоит: завтрак - стакан чая или кофе (всегда без сахара), бутерброд с тонким слоем сливочного масла, с мясом (колбасой) или сыром (чередовать каждый день). Размер бутерброда – 6X9 см, толщина хлеба – от 7 до 15 мм, толщина мяса (колбасы) или сыра от 5 до 12 мм. Один раз в неделю на завтрак – 1 – 2,5 отварных куриных яиц без хлеба. Обед: 110 – 170 гр мяса или рыбы (морепродуктов) приготовленных любым способом (чередовать каждый день), 90 – 120 мл любых сырых овощей, мелко нарезанных, без заправки, не менее 3 видов (огурец, капуста, томаты, редис и др.), 1 стакан натурального свежо выжатого сока (апельсин, мандарин, морковь, арбуз, яблоки и др.), Ужин: 90 – 120 мл красного салата (винегрета) или белого (мясного) салата (чередовать каждый ужин). Белый (мясной) салат: отварной картофель, мясо или колбаса, яйцо, зеленый горошек, соленый или свежий огурец (всего 5 компонентов), заправленный 2-3 чайными ложками майонеза, сметаны или несладкого йогурта. Красный салат (винегрет): отварные свекла и морковь, соленый (или свежий) огурец, квашеная капуста (можно свежую), репчатый лук (всего 5 компонентов),

заправленный 2-3 чайными ложками растительного масла. С красным салатом (винегретом) всегда столовая ложка с горкой рыбной икры, рыбных консервов или кусочек рыбы. Каждый ужин - кусок хлеба без масла, такого же размера как на завтрак и 1 стакан любой жидкости без сахара (чая, чай с молоком, кефир, сок и др.). Один раз в неделю, в один и в тот же день, твороженная диета: 100 – 300 г творога, 250 – 500 мл молока или кефира, 2 яблока, 5-10 грецких орех, 1-2,5 столовых ложек меда – распределить в течение дня, запивать чаем и водой. В этот день все указанные продукты можно съесть в любое время, в любой последовательности (можно мешать) за 5-6 раз. *Точные объемы порций каждому пациенту подбираются индивидуально, в зависимости от стартового веса, пола, количества сбрасываемых килограмм и др. В случае пищевой аллергии или неупотребления некоторых продуктов или их сочетания по религиозным убеждениям, допускалась адекватная смена продуктов по согласованию с ведущим врачом.* Со второго месяца в рацион питания вводятся фрукты в ограниченных объемах, со 2-3 месяца – 2 раза в неделю сладкий ужин (сладкий твороженный сырок, сухие печенья, изюм, молоко или кефир). После потери не менее 50% сбрасываемого веса, назначаются супы (мясной бульон, овощной суп без мяса). После похудения - 6 месяцев период стабилизации или фиксации веса. В этот период пациенты находились под наблюдением врача и учились сами регулировать свой вес, чтобы он колебался всего 0,7 – 1 кг в одну или в другую стороны. Во время стабилизации или фиксации веса один раз в неделю вводится моно-разгрузочный день (кефирный, мясной, овощной, молочно-хлебный или фруктово-ягодный). Диету должны дополнять специальные процедуры – теплые ванны с высокой концентрацией хвойного экстракта и морской соли, возможны сеансы массажа.

Результаты и обсуждение. Данные биоимпедансметрии (более 25000 человек) показали, что в целом состояние «веса» мужчин и женщин в современном обществе очень похоже. Избыточным весом и ожирением в самой молодой возрастной группе страдает уже 30.7% (практически 1/3 обследованных), а в следующей группе (от 30 до 39 лет) их количество увеличивается до 45%, т.е. фактически половина обследуемых, что говорит о чрезвычайной актуальности темы. Это наглядно свидетельствует о риске развития метаболического синдрома у этих пациентов в будущем [4].

Результаты исследований показали эффективность применение лиепайской диеты доктора Аудрюса Йозенаса для коррекции избыточного веса пациентов. В первый месяц, при неукоснительном соблюдении всех правил и меню, мужчины теряли в среднем 12-13 (до 15) кг, женщины – 7 - 8 (до 10) кг. Во второй месяц мужчины теряли в среднем 8-9 кг, женщины – 5-6 кг. Похудение в течение третьего месяца обычно

составляло 6 -7 кг у мужчин и 4 -5 кг у женщин. Отмечено, что мужчины худеют быстрее, поскольку мужской гормон тестостерон способствует снижению веса, а женские гормоны эстрогены – накоплению жира. В ходе проведения диеты некоторые пациенты отмечали: легкое чувство голода, изменение настроения, появление депрессии (хочется съесть, но нельзя), запоры, нарушение менструального цикла у женщин, обычно в первые дни, недели. При соблюдении всех правил, после прекращения программы потерянный вес навсегда останется в прошлом, в том случае, если человек не вернется к старому образу питания. Многие пациенты достигали значительных результатов, в отдельных случаях удалось похудеть на десятки кг (за несколько циклов диеты, которые чередовались с обычным умеренным питанием на протяжении 2-3 лет).

Несмотря на имеющиеся противоречия в понимании механизмов воздействия диеты, процесс похудения проходит достаточно быстро и уверенно. Можно порекомендовать диету сомневающимся, при наличии показаний и желания похудеть! Возможно, при такой диете создается дефицит калорий в организме и начинается процесс похудения при отрицательном энергетическом балансе, потому что в данный период количество потребляемых калорий меньше, чем нужно для повседневных функций организма. А возможно, такой баланс организм воспринимает как сигнал того, что наступили «тяжелые времена», и запускает режим оптимизации расхода энергии.

Применение липайской диеты А. Йозенаса для коррекции избыточного веса свидетельствует об эффективности данной системы приема пищи, позволяющей корректировать лишний вес людей. Диета проста в проведении в амбулаторных условиях, довольно экономична, доступна каждому - для всех слоев общества, не выбивает пациентов из ритма жизни, при которой они могут продолжать работать, позволяет в последующем перейти к здоровому питанию (без перекусов и переяданий), здоровому образу жизни

Выводы:

1. Метод биоимпедансметрии показал, что у большей части обследованных выявляется избыточный вес и ожирение 1 степени, возрастающих с увеличением возраста. Нормальный вес, фитнес-стандарт и истощение наблюдаются чаще в молодом возрасте. По данным биоимпедансметрии выделяют: норму, фитнес-стандарт, истощение, избыточный вес, ожирение 1 степени, ожирение 2 степени, ожирение 3 степени. Показатели в норме наблюдаются только у одной трети обследованных пациентов Центра (норма у 25,25%, фитнес-стандарт у 11,25%), в основном преобладают пациенты с избыточным весом (33,2%) и ожирением 1 степени (19,85%), меньше - 2 степени (4,4%), и еще меньше - с ожирением 3 степени (1,25%). Пациенты с избыточным весом и ожирением 1 степени определяются уже в группе от 18 до 30 лет, в

следующих группах их количество увеличивается, достигает максимума в группе от 50 до 60 лет, а затем идет снижение. Количество лиц с ожирением 2 и 3 степени возрастает в группах от 40 лет и выше. Истощение наблюдается в группах от 18 до 30 лет и от 30 до 40 лет, далее единичные случаи.

2. Применение липайской диеты доктора Аудрюса Йозенаса для коррекции избыточного веса пациентов, несмотря на имеющиеся противоречия в понимании механизмов воздействия, является методом выбора снижения и профилактики избыточного веса. Она эффективна, проста в проведении в амбулаторных условиях, экономична, доступна каждому, не выбивает пациентов из ритма жизни, при которой они могут продолжать работать, помогает избавиться от избыточного веса и в дальнейшем придерживаться правильного питания (без перекусов и переяданий) и вести здоровый образ жизни.

3. Результаты наблюдений и опросы пациентов показывают, что данная система питания для коррекции веса сравнительно без особых проблем переносится многими и может быть рекомендована для коррекции избыточного веса пациентов в профилактических целях как метод выбора. Проведенный анализ свидетельствует, что 77,8 % случаев пациенты, получавшие данную диету под наблюдением подготовленного врача, снижают вес, получают эстетическое удовлетворение, улучшение самочувствия.

References:

- [1] Dubrov AM, Mkhitaryan VS, Troshin LI Multivariate statistical methods: Tutorial. - М.: Finance and statistics, 1998. p.352.
- [2] Medic VA Statistics in Medicine and Biology. Guide. In 2 volumes / ed. Yuri Komarov. Т. 1. Theoretical Statistics / VA Medic, MS Tokmachev, BB Fishman. - М.: Medicine, 2000, p. 421.
- [3] Peterkova VA, Remizov OV Obesity in childhood (lecture). The magazine "Obesity and Metabolism." 2004; №1: s.17-23.
- [4] Tenyukova Ks.Yu., Sapognikova A.A., Tenyukov V.V. Identifying the risk factors and early symptoms of the metabolic syndrome of the population of Chuvashia» / 4rd International Scientific and Practical Conference «Science and Society» ISPC, London 2013, p. 117-127.
- [5] Tenyukova Ks.Yu., Nikitin V.V., Tenyukov V.V. The early detection of the diseases of the in-ternals and morbidity prediction with the help of screening of the population. International Conference «The Recent Trends in Science and Technology Management» London, 2013, c.20-30.
- [6] Tenyukov V.V., Nikitin V.V., Tenyukova Ks.Yu. The detection of risk factors and early diagnostics of diseases of respiratory apparatus with help of screening investigation of Chuvash population. 7th

Social Science and Humanity #3 2016

International Scientific and Practical Conference «Science and Society» 23-30 March, London, 2015, p. 68-76.

- [7] Tenyukova Ks.Yu., Oynotkinova O.Sh., Tenyukov V.V., Nikitin V.V. Age related and sexual features of early manifestations of heart and vessels diseases of population. 8th International Scientific and Practical Conference «Science and Society» 24-30 August, London, 2015, p.68-76.
- [8] <http://www.azbukadiet.ru/2011/12/26/liepajskaya-dieta-doktora-xazana.html>
- [9] <http://www.sovsekretno.ru/articles/id/5502/>

Semenov D.N., Ignatiev V.G., Dyagileva T.S., Matveev A.S.,
Gavriliev S.N., Poskachina T.R., Mikhailova V.N., Ammosov M.K.

CHRONIC MESENTERIC ISCHEMIA IN PATIENTS WITH VISCEROPTOSIS

Semenov D.N., Ignatiev V.G., Dyagileva T.S., Matveev A.S.,
Gavriliev S.N., Poskachina T.R., Mikhailova V.N., Ammosov M.K., North-
Eastern Federal University, Republic's Hospital No. 1 – National Center of
Medicine, Yakutsk, Russia

Abstract

The study covered 205 patients with chronic colonic stasis, most of whom were representatives of the indigenous peoples – 163 (79.5%). In this group, Doppler ultrasonography of the superior mesenteric artery was done in 17 (27.4%) patients with compensated CCS, 25 (40.3%) patients with sub-compensated CCS and 20 (32.2%) patients with decompensated CCS. The group of 18 people (8.8%) without CCS served as a control set. The conservative therapy of the patients with visceroptosis, aimed at an improved microcirculation in the colon wall and alleviation of the chronic mesenteric ischemia syndrome, increased the treatment efficiency in 93.7% of the cases and postponed the radical surgery in 61.9% of the cases.

Keywords: chronic mesenteric ischemia, chronic colonic stasis, colonoptosis, visceroptosis.

In the literature, the chronic visceral circulation disorder is more often referred to as 'angina abdominalis', the term first suggested by Bacelli in 1903. Later in 1979, A. V. Pokrovsky suggested the term 'chronic mesenteric ischemia syndrome' (CMIS). Researcher believe that the mechanism behind the pains under this syndrome is identical to that of the exertional angina and is caused by the reduction in blood flow to the actively functioning abdominal cavity organs due to misperfusion in altered visceral arteries. Researchers studying visceroptosis described similar symptoms. The authors [2,6] note that the second most frequent symptom, after constipation, in patients with this pathology is the pain syndrome, varying in intensity and localization. The cause of the pain syndrome development in patients with visceroptosis has not been studied fully yet. It is probable that the pain syndrome with visceroptosis may be caused by chronic intestinal ischemia. Clinically, the comprehensive study of intestinal ischemia disease is extremely problematic, since it occur much less

frequently than other abdominal pathologies [1,3]. As it is so difficult to be diagnosed at the moment, the diagnosis is often too late to conduct a targeted conservative treatment of a patient [4,5].

MATERIAL AND METHODS OF RESEARCH

The study covered 205 patients undergoing in-patient and out-patient treatment for visceroptosis in the Republic's Hospital No. 1 – NCM in the period 1998-2009.

The age of the patients ranged from 18 to 70 years. Out of 205 (100%) of the patients, 187 (91.2%) patients fell under the most productive age – from 21 to 50 years. There were 23 (11.2%) men and 182 (88.8%) women. Ethnically, the patients broke down as follows: 163 (79.5%) patients represented the indigenous peoples (Yakuts, Evens, Evenkis), the remaining 42 (20.5%) patients – other ethnic groups (Russians, Belorussian, Ukrainians, Tatars, Armenians).

As for the stage of chronic colonic stasis (CCS), the patients made three groups: the first group – 51 (24.8%) patients with compensated CCS; the second – 62 (30.2%) patients with sub-compensated CCS; and the third – 74 (36.2%) patients with decompensated CCS. The control set listed 18 (8.8%) people without visceroptosis and CCS syndrome.

All the patients underwent the following examinations: irrigoscopy, rectoromanoscopy, Doppler ultrasonography of the superior mesenteric artery (SMA), selective angiography of mesenteric arteries, morphological exam of resected parts of the colon.

RESULTAS AND DISCUSSION

We believe that in most cases, due to deformation of the mesocolon, patients with visceroptosis develop intestinal ischemia caused by altered architectonics of the arteries and insufficient blood microcirculation in the superior mesenteric artery territory. This is proven by the fact that in most cases the pain syndrome in patients with visceroptosis is spasmodic – 140 observations (74.8%), and it is localized in the right half – 138 cases (73.8%) and in the lower abdomen – 104 cases (55.6%). Apparently, the severe spasmodic pain is caused by the ischemic nature of the pains and stimulation of periarterial nervous plexuses in respond to the insufficient supply of oxygen to the intestine.

For patients with chronic colonic stasis, Doppler ultrasonography of the superior mesenteric artery was done in 17 (27.4%) patients with compensated CCS, 25 (40.3%) patients with sub-compensated CCS and 20 (32.2%) patients with decompensated CCS. The group of 18 people (8.8%) without CCS served as a control set (Tab. 1).

In this category of patients, we consider it most informative to conduct examination of blood flow in the superior mesenteric artery only, since the

inferior mesenteric artery trunk is usually 2-4 mm in diameter, thus the ultrasound imaging is quite difficult. We also took into consideration the parameters of the peripheral resistance (Ri) and the pulse index (Pi) in the superior mesenteric artery territory, which we outline in all groups of the patients. The calculation of the resistance parameters is done by the ultrasound apparatus computer automatically.

Table 1
Blood flow velocity in the superior mesenteric artery in the studied groups (cm/sec)

	CCS compensation rate, n			Control set, n=18
	I group of compensation	II group of sub-compensation	III group of decompensation	
	n=17	n=25	n=20	
Blood flow velocity in clinostasis	89.5+4.1*	87.3+6.6*	86.3+7.6*	116+4.2
Blood flow velocity in orthostasis	60.8+11.8*	58.2+5*	55.9+4.5*	87.4+4.2

Note* - the parameters are statistically significant compared to the control set (p<0.05).

The group of the patients with compensated CCS demonstrated increased peripheral resistance of vessels with the body position changing from horizontal to vertical from 0.84+0.07 to 0.88+0.06; in the group of the patients with sub-compensated CCS – from 0.77+0.1 to 0.81+0.09, respectively. The visceroptosis patients with decompensated CCS showed increased peripheral resistance with the position changing from 0.73+0.09 to 0.80+0.08. In the control set, peripheral resistance decreased when changing the body position from horizontal to vertical – from 0.84+0.04 to 0.80+0.03 cm/sec.

The results obtained indicated that in patients with visceroptosis, with the change of the position, blood flow faces the peripheral resistance of tissues, whereas in healthy people it is less.

The pulse index (Pi) values in the patients with compensated CCS increased – from 2.33+1.09 to 2.48+1.09. The same figures were obtained for the sub-compensation stage – from 2.45+0.80 to 2.59+0.87.

In the patients with decompensated CCS, the pulse resistance increased from 2.74+0.99 to 3.16+1.03. In the control set, with the change from

clinostasis to orthostasis, the pulse index decreased from $2.29+0.99$ to $2.14+0.96$.

Thus, measuring of blood flow velocity in the SMA territory show that patients with visceroptosis have blood flow velocity in clinostasis almost twice as high as in orthostasis. The higher the degree of colonic stasis is, the lower is blood flow velocity. At the same time, the figures for peripheral resistance and pulse index increase in the vertical position. It proves that in patients with visceroptosis in the vertical position, blood flow in the SMA faces resistance, resulting in lower speed of microcirculation in walls of certain segments or the entire colon. Constant low blood flow velocity and high peripheral resistance in the SMA territory leads to chronic mesenteric ischemia, which is clinically manifested by pain syndrome, especially with intensified peristalsis.

With total colonoptosis, the angiography images revealed 4 (15.3%) cases of severe deformation of the superior mesenteric artery with pathological angulation in the ileocecal area. Five (19.2%) patients showed double barrels in the splenic flexure at an acute angle with the expanded collateral network in this segment of the colon. Two (7.7%) cases revealed an elongated sigmoid colon with altered architectonics of the mesocolon.

The histological studies of the resected sections of the colon showed that visceroptosis causes reactive morphological changes in the colon mucosa and submucosa, most often manifested in hypertrophy and hypersecretion of crypts of Lieberkühn, edema and leukocyte infiltration of submucosa. The extreme manifestation of these changes is the cystic transformation of the crypts and submucosa fibrosis. Similar changes are also seen in patients with intestinal ischemia, as fibrous tissue is less sensitive to hypoxia. The result of chronic intestinal ischemia is the death of most ganglia and neurons in submucosal nerve plexuses.

We have improved the previously developed diagnostic algorithm of patients with visceroptosis (A.V. Tobokhov, 2003) by adding ultrasound exam of blood flow velocity in the SMA, which is necessary to select the method of conservative therapy. For patients with CCS in the compensation stage, the surgical correction of CCS can be recommended in the presence of severe abdominal pain. Such patients are prescribed resection of the left flank of the colon with double-sided colonopexia, which can, according to our data, reliably normalize the evacuation function of the colon and to alleviate pain.

The patients with compensated CCS without severe pain syndrome were recommended conservative therapy, including vascular therapy. The conservative therapy was done in 53 (28.3%) patients out of 187 (100%) examined patients; including 32 (17.1%) patients with compensated CCS (Group 1) and 21 (11.2%) patients with sub-compensated CCS (Group 2 группа), who received conservative therapy with vascular therapy courses. The vascular therapy was aimed at improving hemorheology.

After the treatment provided, spasmodic pains stopped in Group 1 patients. Stool retention decreased in 17 (53.1%) patients from 3-5 days to 1-2 days, with regular stool establishing in 13 (40.6 %) of them. In 2 (1.1%) cases the patients had the same complaints.

In Group 2, the conservative therapy improved the condition of 13 (61.9+10.5%) patients. Their stool retention decreased from 10 to 3-5 days, the pains stopped. Constipation up to 10 days remained in 8 (38.0+10.5%) patients, their pains did not stop or just changed the location. These patients underwent surgery.

Before the conservative therapy with vasoactive agents, blood flow velocity in the superior mesenteric artery was measured with the use of an applicable technique.

For Group 1, after the conservative therapy, blood flow velocity in the SMA made 103.8+3.5 cm/sec in clinostasis and 71.7+7.9 cm/sec in orthostasis.

For Group 2 with sub-compensated CCS, blood flow velocity in the SMA at the body position change from horizontal to vertical decreased insignificantly, in comparison to the values before the therapy. After the comprehensive treatment, blood flow velocity in the SMA was 98.8+2.4 cm/sec in clinostasis and 73.4+9.6 cm/sec in orthostasis.

In Group 1, 30 (93.7%) patients who underwent a one-year conservative therapy demonstrated improved blood flow in orthostasis. Two (1.1%) patients had a negative result. They still had abdominal pains and retention of stool. Their blood flow velocity figures did not improve with the body position change. The patients were offered a surgery. The group with sub-compensated CCS demonstrated improvements in 13 (61.9%) patients, while 8 (38.0%) patients did not benefit from the conservative therapy and they were offered a surgery, as well.

In total, 174 (93%) patients out of 187 (100%) patients with visceroptosis under the study had surgeries. The right-sided colonopexia was done in 26 (14.9%), and the double-sided one – in 113 (65.0%) patients. In 2 (7.7%) cases out of 26 (14.9%) patients, the right-sided colonopexia was supplemented with resection of the transverse colon, and in 4 (15.3%) cases – with resection of the sigmoid colon. In 83 (47.7%) cases, there was used resection of the left flank of the colon along with the double-sided colonopexia. In 35 (20.1%) cases there was used subtotal resection of the colon. The indication for surgery in patients with compensated CCS was severe pain syndrome.

Thirty-four (100%) of the patients who underwent surgery were examined with Doppler ultrasonography of the SMA. The surgery improved the condition of the patients: in 6 (17%) patients with compensated CCS accompanied by pain syndrome, pains stopped completely, stool became regular or every two days. In the group of the patients with sub-compensated CCS, in 11 (32.3%) patients, spasmodic pains also reduced significantly, 7

(20.5%) patients got everyday stool, in 4 (11.7%) patients, retention of stool decreased from 5-6 to 2-3 days, pains were alleviated. In the group with decompensated CCS, 17 (50%) patients showed a positive effect in the form of reduced abdominal pains and setting of regular stool. In 8 (23.5%) patients, stool became regular, in 3 (8.8%) patients long constipations reduced to 3-5 days, in 5 (14.7%) cases, constipations reduced to 2-3 days.

In patients with compensated CCS, after the surgery, we observed the following changes in blood flow velocity in the SMA in clinostasis and orthostasis: in clinostasis – 93.5 ± 5.9 cm/sec, in orthostasis – 91.5 ± 6.7 cm/sec. In patients with sub-compensated CCS: in clinostasis – 89.5 ± 12.5 cm/sec, and in orthostasis – 79.3 ± 12.2 cm/sec. In patients with decompensated CCS, blood flow parameters were 87.8 ± 9.8 cm/sec in clinostasis and 73.4 ± 18.0 cm/sec in orthostasis.

After the surgery, in patients with compensated and sub-compensated CCS, the figures for peripheral resistance decreased at changing the body position from clinostasis to orthostasis. In patients with sub-compensated CCS, they made 0.85 ± 0.1 in clinostasis and 0.82 ± 0.11 in orthostasis, respectively. In patients with decompensated CCS, they made 0.81 ± 0.09 in clinostasis and 0.79 ± 0.09 in orthostasis.

Two (5.8%) patients showed an unsatisfactory result: widespread pain remained in one patient, with constipation decreased from 12 days to 6-8 days, and in the second patient constipation decreased slightly from 10 days to 8 days, but the pain stopped.

Thus, surgical treatment improved the condition of patients with visceroptosis. It reduced or eliminated the pain syndrome, decreased the stool retention. We believe that this is due to the removal of non-functioning segments of the colon, fixing flanks, separation of adhesions - all this leads to unfolding of the transverse colon mesentery, restoring the normal architectonics of the superior mesenteric artery branches.

CONCLUSION

Therefore, in patients with visceroptosis, Doppler ultrasonography shows decreased blood flow velocity in the superior mesenteric artery territory by 32.0% in orthostasis, compared with the blood flow velocity in clinostasis, whereas peripheral resistance increases due to severe flexure, deformations of the colon due to its deviations causing chronic ischemia of the colon. Because of the small diameter of the inferior mesenteric artery, a reliable assessment of blood flow with the use of ultrasound examination is impossible.

The morphological picture of the colon wall in patients with visceroptosis in sub-compensated and decompensated stages of chronic colonic stasis is similar to the changes in patients with chronic mesenteric ischemia syndrome. Against the background of progressing chronic intestinal ischemia,

there occurs the destruction of ganglia, with healthy tissues being substituted by fibrous tissues in 82.3% of cases.

Introduction of Doppler ultrasonography into the visceroptosis diagnostic algorithm reveals hemodynamic disorders in the superior mesenteric artery territory in patients with visceroptosis in 100% of cases.

The conservative therapy of patients with visceroptosis, aimed at improving microcirculation in the colon wall and alleviating chronic mesenteric ischemia syndrome, improved the effectiveness of treatment in 93.7% cases and postponed radical surgery in 61.9% cases.

The further development of methods to study microcirculation in the colon wall would improve the results of treating these patients.

References:

- [1] Davydov Yu.A. Infarkt kishechnika i khronicheskaya mezenterialnaya ishemiya (The bowel infarction and chronic mesenteric ischemia). Moscow, Med. 1997. 158 p.
- [2] Ivanov A.I. Khronichesky tolstokishechny staz, obuslovlenny anomaliyami razvitiya, fiksatsii obodochnoi I pramoj kishok (etiopatogenez, klassifikatsiya, klinika, diagnostika I khirurgicheskoe lechenie): Diss... dokt. med. nauk. (Chronic colonic stasis caused by abnormal development and fixation of the colon and rectum (etiopathogenesis, classification, clinical picture, diagnostics and surgery): Doctor of Medicine Dissertation. Moscow, 1996. 277 p.
- [3] Kuznetsov M.R. et al. Khronicheskaya ishemicheskaya bolezn rganov pishhevareniya: klinicheskie variant I taktika lecheniya (Chronic ischemia of digestive organs: clinical variations and treatment tactics) // Grudn. serdech.-sosud, khirurgiya (Chest Cardiovascular Surgery). 1999. № 4. P. 35-39.
- [4] Pokrovsky A.V. Klinicheskaya angiologiya (Clinical Angeology). Moscow, Meditsina. 2001. Vol. 2. P.129.
- [5] Saveliev V.S. et al. Osobennosti vistseralnogo krovoobrasheniya pri khronicheskoi ishemicheskoi bolezn organov pishhevareniya I dislipoproteidemii (Peculiarities of visceral blood circulation under chronic ischemic disease of digestive organs and dyslipoproteidemia // Grudn. serdech.-sosud, khirurgiya (Chest Cardiovascular Surgery). 1999. № 4. P. 40-45.
- [6] Tobokhov A.V. Diagnostika I khirurgicheskoe lechenie vistseroptoza: Diss... dokt. med. nauk (Diagnostics and surgical treatment of visceroptosis: Doctor of Medicine Dissertation). Moscow, 2003. 213 p.

BIOLOGY AND ECOLOGY

Zimina M.I., Dyshlyuk L.S., Asyakina L.K.

DETERMINATION OF COMPOSITION OF BACILLUS STRAINS PRODUCING BACTERIOCINS FOR PROSPECTIVE OF ANTIBIOTICS CREATION

Zimina M.I., Russia, Researcher, Kemerovo technological Institute of the food industry (University)

Dyshlyuk L.S., Russia, Candidate of biological sciences, senior lecturer, Kemerovo technological Institute of the food industry (University)

Asyakina L.K., Russia, Researcher, Kemerovo technological Institute of the food industry (University)

Abstract

The problem of microbial resistance towards many types of antibiotics is very widespread presently. The discovering of new types of antimicrobial substances may help to resolve this problem. Bacteriocins are widely studied by many scientists in the world as one of the prospective alternative to antibiotics. *Bacillus* strains are one of the main producers of bacteriocins and in this research the activity of several *Bacillus* strains was studied in the different combinations. The antagonistic action of these strains was measured against *Escherichia coli* by the diffusion method. Results of the research allowed to determine the combination of strains, which shows the maximum activity.

Keywords: bacteriocins, combination, antimicrobial activity, zone of inhibition

Introduction

Multiple resistance of microorganisms to antibiotics is a global public health problem all over the world [1]. Strains of microorganisms causing infectious are increasingly becoming multi resistant and, therefore the treatment of diseases caused by known antibiotics is ineffective [2].

The wide spread of antibiotic-resistant strains of microorganisms becomes threatening pace and demonstrates the growing "crisis of antibiotic therapy" [3]. As a consequence, there is a need to search for, and a detailed study of the introduction into medical practice of new, alternative antibiotic antimicrobial agents

Currently some antimicrobial agents that represent alternative antibiotics were studied, including bacteriophages [4], probiotic bacteria [5], antimicrobial peptides [6] and bacteriocins [7]. The bacteriocins are among the more promising components for the development of antibiotics.

The bacteriocins are natural substances, which are not harmful for human and possess broad spectrum of activity. This makes them promising for application in the food industry and in medicine.

Bacteriocins represent a large class of heterogeneous bacterial antagonists which vary considerably in molecular weight, biochemical properties, range of sensitive hosts and mode of action.

Bacillus strains possess the ability to synthesize a wide variety of bacteriocins. Main producers of bacteriocins are strains *Bacillus licheniformis*, *Bacillus pumilus*, *Bacillus circulans*, *Bacillus cereus*, *Bacillus subtilis*, *Bacillus thuringiensis*, *Bacillus amyloliquefaciens* [8, 9, 10]. Thus, strains of the genus *Bacillus* are producers of peptide and lipopeptide antibiotics [11], and have the ability to synthesize a wide range of bacteriocins such as batsilin and fungumitsin [12] plipastatin and sufraktin [13] koagulin [14] tochiin [15] amilolichin [16].

Broad spectrum antimicrobial activity of bacteriocins produced by *Bacillus* strains, allows them not only inhibit the growth of Gram-positive bacterias, but also to inhibit Gram-negative bacteria, yeasts and fungi which are pathogenic to man and animals.

Thus, the ability of the genus *Bacillus* strains synthesize large amounts of antimicrobial agents with a broad spectrum of antimicrobial activity, confirms the relevance of research of these strains for discovering new ways of antibiotics creation. There is a huge possibility that these strains have the higher level of activity during cultivation in combination. Thereby the antagonistic activity of different combinations of *Bacillus* strains was studying.

Materials and methods

The strains were isolated from the vegetables. For isolation of strains the cultivation was conducted in the liquid medium at the temperatures 30, 37, 40 °C with the subsequent cultivation of isolated colonies on the solid nutrient medium. The strains were identified by the studying their morphological, biochemical properties and by sequencing of 16S rRNA gene. Determination of antagonistic activity was performed by measuring the optical density. The test-culture of *E.coli* was grown during 24 hours at 37 ± 2 °C. Cells from the agar were resuspended in NaCl solution in the concentration 10^9 . The isolated

strains were grown during 24 hours at 37 ± 2 °C. The culture liquid was centrifuged at 7000 rpm during 10 min and the supernatant was separated. For separation the cell supernatant was filtered through Millex-GV filter (0.22 µm, Millipore, USA). Were conducted neutralizing the supernatant by adding sodium hydroxide. The mix of supernatants of *Bacillus* strains was mixed with the solution of test culture.

The mix was incubated at 37 ± 2 °C for 24 hours. As a control the sterile medium mixed with the solution of the pathogenic strain was used. Absorbance of the mixture was measured during 24 hour of cultivation. All experiments were performed in triplicate.

Results and discussion

For determination of the combination of isolated strains bacteriocins which have the maximum activity against *E.coli* the optical density was measured during 24 hours of incubation. The results obtained after measuring the optical density, during incubation are presented in the table 1.

Table 1 - The changing of optical density, during incubation in the different combinations

Combination of strains	Optical density			
	Time of cultivation, hours			
	0	2	4	24
<i>Bacillus subtilis</i> , <i>Bacillus endophyticus</i>	0,403	0,462	0,530	0,847
<i>Bacillus subtilis</i> , <i>Bacillus stratosphericus</i>	0,295	0,376	0,479	0,871
<i>Bacillus subtilis</i> , <i>Bacillus pumilus</i>	0,098	0,396	0,490	0,596
<i>Bacillus endophyticus</i> , <i>Bacillus stratosphericus</i>	0,113	0,353	0,449	0,551
<i>Bacillus endophyticus</i> , <i>Bacillus pumilus</i>	0,323	0,411	0,497	0,796
<i>Bacillus stratosphericus</i> , <i>Bacillus pumilus</i>	0,302	0,411	0,477	0,812
<i>Bacillus subtilis</i> , <i>Bacillus stratosphericus</i> , <i>Bacillus pumilus</i>	0,116	0,344	0,422	0,559
<i>Bacillus endophyticus</i> , <i>Bacillus stratosphericus</i> , <i>Bacillus pumilus</i>	0,097	0,391	0,482	0,604
<i>Bacillus subtilis</i> , <i>Bacillus stratosphericus</i> , <i>Bacillus endophyticus</i>	0,112	0,255	0,302	0,461
<i>Bacillus subtilis</i> , <i>Bacillus pumilus</i> , <i>Bacillus endophyticus</i>	0,104	0,212	0,310	0,365
<i>Bacillus subtilis</i> , <i>Bacillus pumilus</i> , <i>Bacillus endophyticus</i> , <i>Bacillus stratosphericus</i>	0,108	0,291	0,381	0,434
Control	0,090	0,346	0,470	0,876

The antimicrobial activity was evaluated comparing the optical density of combinations to the optical density of control. Also the level of inhibition was counted in percentage for proper evaluation. We can conclude that the optical density was almost the same as control in the following combinations *Bacillus subtilis*, *Bacillus endophyticus*; *Bacillus subtilis*, *Bacillus stratosphericus*; *Bacillus stratosphericus*, *Bacillus pumilus*. It means that these combinations didn't show antimicrobial activity. The lowest optical density compare to control was observed in the combinations: *Bacillus subtilis*, *Bacillus endophyticus*, *Bacillus stratosphericus*; *Bacillus subtilis*, *Bacillus endophyticus*, *Bacillus pumilus*; *Bacillus subtilis*, *Bacillus endophyticus*, *Bacillus stratosphericus*, *Bacillus pumilus* (the level of inhibition from 48 to 69%). It means that growth of *E.coli* was suppressed more in these combinations. The other combinations of strains inhibited the *Escherichia coli* growth from 10 to 36%.

Conclusion

Results of conducted research allowed us to determine the combination of *Bacillus* strains which had the highest antimicrobial activity. Counting the level of inhibition in percentage, we observed that the highest percentage of inhibition of *Escherichia coli* was in the combination *Bacillus subtilis*, *Bacillus endophyticus*, *Bacillus pumilus*. This combination of strains suppressed the growth of *Escherichia coli* on the 69%. Therefore it is prospective to use the microbial strains in this combination for creation of new antimicrobial drugs.

References:

- [1] McGowan J.E.Jr. Resistance in nonfermenting gram-negative bacteria: multidrug resistance to the maximum // *Am. J. Med.* – 2006. – 6, N 1. – P. 29–36
- [2] O'Fallon E., Pop-Vicas A., D'Agata E. The emerging threat of multidrug-resistant gram-negative organisms in long-term care facilities // *J. Gerontol. A. Biol. Sci. Med. Sci.* – 2009. – 64, N 1. – P. 138–141.
- [3] Wang C.Y., Jerng J.S., Cheng K.Y., Lee L.N., Yu C.J., Hsueh P.R., Yang P.C. Pandrug-resistant *Pseudomonas aeruginosa* among hospitalised patients: clinical features, risk-factors and outcomes // *Clin. Microbiol. Infect.* – 2006. – 12, N 1. – P. 63–68.
- [4] Macfarlane, G. T., & Cummings, J. H. (2002). Probiotics, infection and immunity. *Current Opinion in Infectious Diseases*, 15, 501-506.
- [5] Joerger, R. D. (2003). Alternatives to antibiotics: bacteriocins, antimicrobial peptides and bacteriophages. *Poultry Science*, 82, 640-647.
- [6] Twomey, D., Ross, R. P., Ryan, M., Meaney, B., & Hill, C. (2002). Lantibiotics produced by lactic acid bacteria: structure, function and applications. *Antonie Van Leeuwenhoek*, 82, 165-185.

- [7] Foeldes, T., Baánhegyi, I., Herpai, Z., Varga, L. (2000). Isolation of *Bacillus* strains from the rhizosphere of cereals and in vitro screening for antagonism against phytopathogenic, food-borne pathogenic and spoilage micro-organisms. *Journal of Applied Microbiology*, 89, 840-846.
- [8] Katz, E. The peptide antibiotics of *Bacillus*: chemistry, biogenesis, and possible role / Katz, E. and Demain, A.L. // *Bacteriological Reviews*. 2013. – № 41. – P. 449-474.
- [9] Shoji, J. Recent chemical studies on peptide antibiotics from the genus *Bacillus* / J. Shoji // *Advances in Applied Microbiology*. - 1978. - № 24. – P. 187-214.
- [10] Smirnov, V. *Aerobe Endospore-forming Bacteria* / Smirnov V.V., Reznik S.R. and Vasilievskaya I.A. // Budapest: Medicina Könyvkiadó (in Hungarian). – 1986.
- [11] Stein, T. Expression and functional analysis of the subtilin immunity genes spaifeg in the subtilin-sensitive host *Bacillus subtilis* MO1099 / Stein, T., Heinzmann, S., Dusterhus, S., Borchert, S. // *J Bacteriol.* – 2005. – 187. – P. 822–828.
- [12] Loeffler, W. Effects of Bacilysin and Fengymycin from *Bacillus subtilis* F-29-3 A Comparison with Activities of Other *Bacillus* Antihiotics / W. Loeffler, J. Tschén, M. Nongnuch,, E. Kugler, T. Hsieh // Paul Parey Scientific Publishers. – 1986. - №115 (3). – P. 204-213.
- [13] Kenji, T. Isolation of a gene essential for biosynthesis of the lipopeptide antibiotics plipastatin B1 and surfactin in *Bacillus subtilis* YB8 / T. Kenji, A. Takashi, S. Makoto // *Arch Microbiol.* – 1996. - № 165 (4). – P. 243-51.
- [14] Hyronimus, B. Coagulin, a bacteriocin-like inhibitory substance produced by *Bacillus coagulans*. / B. Hyronimus, C. Marrec, C. Urdaci // *Journal of Applied Microbiology*. – 1998. - № 85. – P.42–50.
- [15] Paik, H. Identification and partial characterization of tochicin, a bacteriocin produced by *Bacillus thuringiensis* subsp *tochigiensis*. / H. Paik, Bae, S., Park, S., Pan J. // *Journal of Industrial Microbiology & Biotechnology*. – 1997. - № 19. P. 294–298
- [16] Simha, B. V., Sood, S. K., Kumariya, R., & Garsa, A. K. (2012). Simple and rapid purification of pediocin PA-1 from *Pediococcus pentosaceus* NCDC 273 suitable for industrial application. *Microbiological Research*. Retrieved from <http://dx.doi.org/10.1016/j.micres.2012.01.001>.

Kochevalina M. Yu., Morozova O.V., Rodionova E.I., Trunov V.G.

THE ROLE OF MULTIVARIATE ANALYSIS IN THE STUDY OF THE CHANGES IN ANIMAL ODOR AFTER HEPOTOCELLULAR CARCINOMA TRANSPLANTATION

Kochevalina M. Yu., Kharkevich Institute for Information
Transmission Problems, Moscow, Russia

Morozova O.V., Blokhin Cancer Research Institute, Institute of
Carcinogenesis, Moscow, Russia

Rodionova E.I., Kharkevich Institute for Information
Transmission Problems, Moscow, Russia

Trunov V.G., Kharkevich Institute for Information Transmission
Problems, Moscow, Russia

Abstract

Previously we demonstrated that mice biosensors, with no prior training, accurately distinguish the odor of hepatocarcinoma animal urine from urine of healthy animals [5]. However, we were not sure about the nature of the odor, whether it was related to the development of tumors, inflammation or immune reaction of the body or something else. Especially, considering the fact that the odor is a complex mixture, and we are looking for clear differences between patients and healthy models. However, these evident differences may be due to different factors, and the animals are guided by those differences that are understandable and useful to them, and not by those that are easier to determine. In this study, we considered the key factors influencing the olfactory pattern; in our opinion, these factors are the main guidelines in working with model patients and model cancer.

Keywords: disease odor, database, hepatocellular carcinoma, animal biosensors

Introduction. The subject of this work is the ability to macrosmatic animals (dogs and mice) to distinguish mice with hepatocellular carcinoma from healthy mice by the odor of urine. Microsmatic animal have been used for the diagnosis of cancer for several decades [1, 2, 7, 8]. However, the question

still remains: what exactly animal biosensors are sensitive to, especially considering the fact that the odor of urine contains the information not only about the donor's health, but also about his diet, age, possible assident stress and much more [6].

Despite the high sensitivity of modern analytical instrumentation, the comparison of mixtures and identification of the components associated with the disease remains very challenging. However, this task is successfully fulfilled by microsmatic animals. We cannot get the information on the composition of the mixtures from the animals, but, in our opinion, it is possible to train the animal, or set an experiment in such a way that an animal could point to the mixtures that contain patterns of volatile organic compounds which are associated with the disease. Meanwhile, it is important to take into consideration that it is not always clear what the odor "keys" the animal uses in order to distinguish a healthy animal from a sick one, and whether these "keys" are related to the disease.

The specific character of this issue lies in the fact that it is difficult to get a definite answer (yes / no), i.e. the researcher has to make the decision based on the data received implicitly (based on indirect signs). It is also necessary to remember that for the reliability and repeatability of the results similar conditions and composition of the experiment are required, however, there are many factors which cannot be aligned or eliminated, and which may affect the response of biosensors. For example, age and condition of the sensor; age and "biography" of the donor; the sequence of injections, their types and the time after the latest injection. As one can see that a lot of interfering factors may cause the so-called "noise". To remove the effect of this noise it is necessary to average the results, which will certainly lead to a large number of experiments, and as a consequence a large data set. On the basis of data analysis and the selection of the factors influencing the result of the experiment, the issue of experiment design is raised.

In order to analyze the effects of quantitative and qualitative features of samples and the experiment conditions impacting the choice of the biosensor animal the structure that combines the information about donors, samples, sensors, conditions and results of the experiments is required. ODD (Odor of Disease) database has been developed, the main components and the structure of which have been described previously [3]. The basis of the ODD database included the information gathered as a result of multi-purpose behavior experiments carried out by the employees of the Institute for Information Transmission problems within a period of 2012-2015. The received data is partially published [biobul]. A separate component of the database is a form called "ODD_Mouse_Exp", which anables to simplify and automate logging the data on sensor reactions within the experiments in accordance with the modified method scheme "habituation-generalization".

We have identified a group of factors that biosensors could respond to. In our opinion, the greatest contribution to the creation of an olfactory pattern similar to the one of the disease is made by the injection of healthy liver tissue, as the latter does not only cause similar injury, stress and inflammation, but also triggers the immune response to the foreign tissue, with a similar reaction to the implantation of the tumor tissue, at least in the first few days after the injection. We believe in significant contribution of the donor age, though it is a much less significant factor. The fact that a series of experiments which are so called "on itself" should have at least two weeks between the injections of healthy liver tissue and tumor tissue, requires additional control of biosensors' reactions. In this study, behavioral experiments with biosensor animals were designed to detect the presence of difference in the composition of VOCs (volatile organic compounds) in the urine of healthy mice with different types of injections and of different ages. In order to test our hypothesis on the influence of additional factors, we conducted additional experiments with biosensor mice.

Method. *The experimental model.* The experimental model was male hybrid mice BDF1-f1 (DBA2 x C57Bl/6). We used a strain of mice transplanted liver tumor H33, which was received by the Research Carcinogenesis Instituted, Russian Cancer Research Center named after N. Blokhin, RAMS, from from hepatocellular carcinoma induced earlier in the same hybrid male mice BDF1 by a single intraperitoneal injection of 90 mg / kg diethylnitrosamine [4].

Types of injections and collection of urine samples. All hypodermal injections were made in the scapular region. For tumor tissue implantation 100 mg of minced tumor tissue in 0.5 ml of 0.9% physiological saline was injected subcutaneously. Mice of the control group had two types of injections: normal liver tissue (50 units) was implanted as well as the tumor tissue with physiological saline (30 units). During experiments the donor had no more than 5 injections with an interval of at least one month.

Donor mice were kept by 10 in polypropylene cages (36 cm x 24.5 cm x 10.5 cm). Urine samples were collected from the mice within 1 to 13 days after injection. Urine was collected into performed plastic jars. Donar mice were put into the plastic jars with perforated bottoms. These jars were placed in whole plastic jars where animal urine was dripping to. Urine was dispensed into plastic test tubes of 60 mcl, therefore several identical samples were obtained from a single donor. All jars were labeled and each donor had his own set of jars. After urine collection the jars were washed with hot water and aired for 24 hours. Each tube with a urine sample was labeled, so that one could always identify the sample matching a certain animal and a sample collection time. After selection the urine samples were frozen at -23 C and defrosted right before the experiment.

Social Science and Humanity #3 2016

Animal biosensors. CBA male mice aged 2-7 months were used as biosensors. For 10 days before the beginning of the experiments the animals were put by one into standard polypropylene cages with net cover (25 cm X 12 cm X 10 cm). All mice were fed a laboratory rodent diet, Laboratorkorm (Moscow, Russia). All animals were kept in similar conditions in a room with controlled temperature (21 ° C) and at 12x12-hour light-dark cycle. Care was carried out in accordance with the Guide for the Care and Use of Laboratory Animals and Experimental Protocols, " OECD. Principles of Good Laboratory Practice.

Experiments with biosensor mice on identification of a specific urine odor, which is associated with the transplantation of foreign tissue. In this case, we used the method of the protocol of sequential presentations or «habituation-dishabituation» (Fig. 1). Each of the samples was presented with three repetitions, i.g. the entire experiment consisted of 12 presentations of olfactory stimuli. For each of the next presentation a new nozzle was used. Each presentation lasted 3 minutes starting with the sample sniffing. We conducted 21 experiments like this in total. Eleven experiments with the following sequence: water, donor urine after saline injection, donor urine after saline injection, but collected into another test tube, and donor urine after transplantation of healthy liver tissue (line 1 in Chart 1). Ten experiments where the samples were presented as follows: water, donor urine in 24 hours after the injection of normal liver tissue, a sample from the same donor, but from another test tube, and the urine sample of the same donor in 24 hours after saline injection (line 2 in Chart 1).

All three urine samples which were used in the experiment were obtained from a male. In all cases the time of sniffing odors by males was recorded with a stopwatch with an accuracy of up to 0.1 seconds. The urine of one and the same animal was not shown twice to the animal. In each series of experiments at least three urine donors of every possible option were used. In the end of the experiment the chamber was thoroughly washed with hot water and aired for at least 24 hours. The information on the presented odors, series of experiments, and the reliability of differences received during the study of olfactory signals are demonstrated in Table 4. The results were processed using a paired nonparametric Wilcoxon test for dependent variables with the help of statistical software package SigmaPlot 12.5.

Such an experiment design allowed us to identify the presence of significant differences in the odor of mice after the injection of normal liver tissue and saline in 24 hours after injection. In addition, we were able to verify if the change of test tubes was significant for mice biosensors, as sample aliquots were collected and stored in different test tubes.

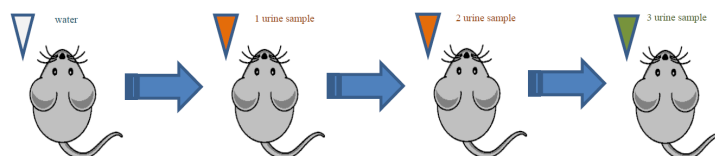

Fig 1. Sample presentation scheme in «habituation-dishabituation» test.

Experiments with mice biosensors for the identification of a specific urine odor associated with donor age. It is obvious that with age VOC urine composition changes. However, does it change significantly for our biosensors if only donors of a certain age participate in the experiments, and the interval between injections is about 30 days? Experiments on the identification of whether donor age in “on itself” experiments affects the reaction of biosensors were carried out with mice biosensors in accordance with the modified scheme «habituation-generalization». At the habituation stage the odor of donor urine was presented after the injection of a healthy liver tissue, but at the recognition stage the donor was given a urine sample taken at the same time, which was identical to the first one, and a urine sample from the same donor after another injection of healthy liver tissue, but which was done in a month time (Fig. 2).

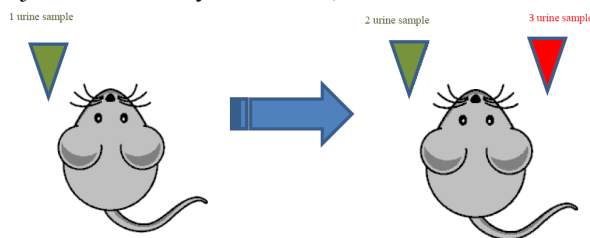

Fig 2. Sample presentation scheme in «habituation-generalization» test

In all cases the time of sniffing odors by males was registered in ODD_Mouse_Exp form. The registry of the start and the end of the sample sniffing was carried out by pressing a key on a computer. Thanks to the automatic registration not only the total time of sample "sniffing" can be recorded, but also a detailed timing for a unique pattern of biosensor behavior. By the end of the experiment the results recorded are automatically added to the corresponding database table. The animals were not shown the urine of the same animal twice. In each series of experiments at least three urine donors of every possible option were used. In the end of the experiment the chamber was thoroughly washed with hot water and aired for at least 24 hours. The information on the presented odors, series of experiments, and the reliability of

differences received during the study of olfactory signals are demonstrated in Table 4. The results were processed using a paired nonparametric Wilcoxon test (Wilcoxon — Mann — Whitney test) for dependent variables using a statistical software package MatLab R2013a.

Results and discussion. Chart 1 demonstrates the total time of sniffing water and urine samples which were obtained after saline injection and healthy liver tissue injection.

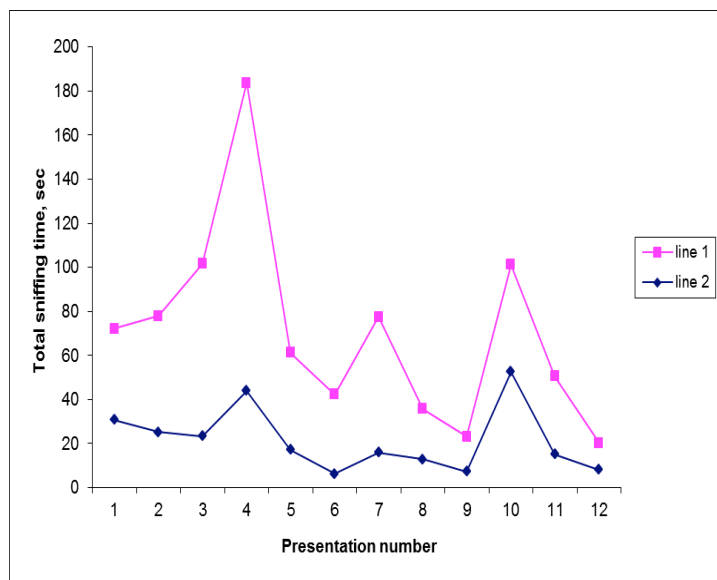

Chart 1. Recognition of male BDF1 by the urine odor after healthy liver tissue injection and after saline injection by mice biosensors.

Table 1 represents the results of the experiment on the recognition of male BDF1 by the urine odor after the healthy liver tissue injection and after saline injection by mice biosensors. In order to see if mice biosensors will identify the urine of donors with various injections, we compared the sniffing time of 3 samples (3 presentation) and the sniffing time of the 4th sample (1 presentation). In order to check if the test tube replacement is significant in this experiment design, we compared the sniffing time of the 2d sample (3 presentation) with the sniffing time of the 3d sample (1 presentation), the data are in Table 2.

Table 1. Recognition by urine odor of male BDF1 after healthy liver tissue injection and after saline injection by mice biosensors.

Line 1 on Chart 1 and the compared samples	Sample description	Study time of the compared odors total (min – max), sec	Reliability of differences by Wilcoxon criterion for the ajoint pairs
Line 1 Samples 9 and 10	Male urine after saline injection. Test tube 2. Presentation 9	23,2 (0 – 5,2)	n=11 T (ranksum) = 87.5 h = 1.0 zval = - 2.53 p = 0,01
	Male urine after healthy liver tissue injection. Presentation 10	101,2 (0,3 – 26,3)	
Line 2 Samples 9 and 10	Male urine after healthy liver tissue injection. Test tube 2. Presentation 9	7,3 (0 – 1,5)	n=10 T (ranksum) = 61.0 h = 1.0 zval = - 3.29 p = 0,001
	Male urine after saline injection. Presentation 10	52,6 (0,8 – 23,3)	

Table 2. Recognition of the identical BDF1 males' urine samples which were collected into different test tubes based on the urine odor.

Line 1 on Chart 1 and the compared samples	Sample description	Study time of the compared odors total (min – max) sec	Reliability of differences by Wilcoxon criterion for the ajoint pairs **
Line 1 Samples 6 and 7	Male urine after saline injection test tube 1. Sample 6	42,2 (0,2 – 15,2)	n=11 T (ranksum) = 122.0 h = 0.0 zval = - 0.26 p = 0.8
	Male urine after saline injection test tube 2. Presentation 7	77,5 (0,2 – 33,7)	
Line 2 Samples 6 and 7	Male urine after healthy liver tissue injection Test tube 2. Presentation 6	6,4 (0,2 – 1,5)	n=10 T (ranksum) = 82.0 h = 0.0 zval = - 1.70 p = 0,1
	Male urine after healthy liver tissue injection test tube 2. Presentation 7	16,0 (0,2 – 3,5)	

Table 3 represents the experiment results on recognition by urine odor of BDF1 males of different ages after health liver tissue injection by mice biosensors. While the recognition of donor urine odors after health liver tissue injection and after the second similar injection 30 days after the first one, mice biosensors have not reliably studied neither of the other groups of samples. One and the same donor urine was used in every experiment. It demonstrated the fact that 30 days difference in age is not significant for the biosensor animals. It is important because from 14 to 30 days pass between the injections to one and the same donor.

Table 3. Recognition by urine odor of BDF1 males of different ages after health liver tissue injection by mice biosensors.

Starting odor *	Odor represented at the recognition stage *	Time of odor study at the recognition stage total (min – max) sec	Reliability of differences Wilcoxon criterion for the ajoint pairs
Urine of male 1 after healthy liver tissue injection	Urine of male 1 after healthy liver tissue injection	52,9 (0,3 – 13,5)	n = 20 T (ranksum) = 86.0 h = 0.0 zval = - 0.73 p = 0,1
	Urine of male 1 (+ 30 days) after one more healthy liver tissue injection	53,9 (0,0 – 6,8)	

Conclusion. At this point of time we were unable to identify the VOC which are specific for cancers in general or for certain types of tumors with the sufficient level of confidence. Apparently, failures are due to the fact that the search among a large quantity of volatile substances in body wastes is similar to looking for a needle in a haystack; and it is not clear in which part of the spectrum of VOCs associated with the disease should be looked for. Moreover VOC complex which is associated with tumor development in body wastes is rather complicated. In addition, tumor that develops in the body causes a reaction of the immune system. Cell work of this system is also changing, and their metabolites are also present in wastes. It is possible that certain VOC marking some type of cancer has not yet been identified because different researchers specify substances from different sectors of VOC "spectrum", which are associated with the development of disease, and the correlation of "spectrum sectors" varies from patient to patient.

On the one hand, work with animals is being criticized because the design of experiments is very different in all the undertaken studies, and in our opinion, it is partly due to the fact that it is not always clear what olfactory key is used by the animal to distinguish between the healthy from the sick, and whether exactly these keys are associated with the disease. From our point of view, the use of the "real nose" combined with the various "patient models" and the chemical analysis of the VOC is very promising for identifying the volatile substances which are related only to the disease. Furthermore, the use of macrosmatic animals can be helpful for indentifying the pathophysiological mechanisms which underlay the development of various VOCs; it will lead to new therapeutic approaches of various tumor types.

We have previously shown that mice biosensors, without prior training, reliably distinguish between the wastes of animals with hepatocellular carcinoma from those of healthy animal by odor [5]. However, we were not clear about the nature of the odor, whether it is associated with the development of tumors, inflammation or immune reaction of the body or something else.

The results of this study prove that animal biosensors are able to distinguish between the animals with various types of injections, whereas model patient age deference of up to 30 days and test tubes changes are not highly important. It has strengthened our assurance in the fact that animals are able to identify the urine VOCs associated with cancer. Also is has pointed out our next step in the studies of disease odor.

References:

- [1] Bransbury A.J., Church M.R.T., Church J.C.T. Olfactory detection of human bladder cancer by dogs: proof of principle study. *BMJ*. 2004, Vol. 329, pp. 712–717.

- [2] Horvath G., Järverud G., Järverud S., Horváth I. Human Ovarian Carcinomas Detected by Specific Odor. *Integrative Cancer Therapies*. 2008, Vol. 7, pp. 76–80.
- [3] Kochevalina M.Yu., Trunov V.G. Database design for behavioral experiments with macrosmatic animals. *Modern science journal*. 2016, No 4, Vol 3, pp. 130-133.
- [4] Lazarevich N.L., Cheremnova O.A., Varga E.V., Ovchinnikov D.A., Kudrjavitseva E.I., Morozova O.V., Fleishman D.I., Engelhardt N.V., and Duncan S.A. Progression of HCC in Mice Is Associated With a Downregulation in the Expression of Hepatocyte Nuclear Factors. *Hepatology*. 2004, Vol. 39, No. 4, pp. 1038-1047.
- [5] Rodionova E.I., Kochevalina M.Yu., Kotenkova E.V., Morozova O.V., Kogun' G.A., Bataeva E.L., and Ambaryan A.V. Detection of Volatile Organic Compounds Associated with Hepatocellular Carcinoma Development by Macrosmatic Animals: Approaches to the Search for New Tumor Markers. *Biol. Bul.* 2015, Vol. 42(3), pp. 239-245.
- [6] Shirasu M, Touhara K. The scent of disease: volatile organic compounds of the human body related to disease and disorder. *J Biochem*. 2011, Vol. 150, pp. 257-266.
- [7] Sokolov, V.E., Sulimov, K.T., and Krutova, V.I., Dog identification of individual odors in live activity traces of four species of vertebrates, *Izv. Akad. Nauk SSSR, Ser. Biol.* 1990, N. 4, pp. 56-64.
- [8] Sonoda H., Kohnoe S., Yamazato T. Colorectal cancer screening with odour material by canine scent detection. *Gut*. 2011, Vol. 60, pp. 814–819.

NATURAL SCIENCES

Sharapova V.M., Tulskey O.A.

AUDIT AND ANALYSIS OF WORKING STAFF

Sharapova V.M., Russian Federation, Ural State Agricultural University, Doctor of Economic Sciences, Professor
Tulskey O.A., Ural State University of Economics

Abstract

Factors of successful enterprise development are the provision of human resources, efficient use of staff time, quantity and quality of personnel, labor productivity growth, the methods used to stimulate labor. Today, the success or failure in business is largely dependent on the creative activity of workers' organizations, their willingness to take responsibility for their decisions.

Keywords: productivity, enterprise, staff, audit, analysis, qualification.

Факторами успешного развития предприятия являются обеспеченность кадрами, эффективность использования рабочего времени, количественный и качественный состав кадров, рост производительности труда, применяемые методы стимулирования труда. Сегодня успех или неудача в бизнесе во многом зависят от творческой активности работников организации, их готовности взять на себя ответственность за принимаемые решения.

Аудит персонала предприятия включает в себя все стороны действующей структуры организации, как организационные, так и управленческие. Рассмотрим оцениваемые характеристики при аудите структуры и системы управления, которые представлены в таблице 1.

При аудите собственно деятельности персонала оценивается ряд показателей характеризующих профессионализм, навыки и умения работника. Аудит кадровых процессов дает оценку, как кадровой политики, так и профессиональных навыков и результатов деятельности работников кадровой службы [7, С. 69].

Social Science and Humanity #3 2016

Таблица 1 – Объекты аудита системы управления персоналом

Объект аудита	Действия аудитора
Миссия, цели, стратегии компании	оценивает наличие и согласованность между собой миссии компании, ее целей, стратегий и оперативных задач компании
Циклическая стадия жизни	определяет текущую стадию цикла жизни (образование, рост, стабилизация, реорганизация, ликвидация)
Корпоративная культура	оценивает этические нормы в компании, основные стандарты и ценности, убеждения, традиции, моральный климат
Организационная структура и функции	определяет отсутствие (наличие) дублирующих функций, функций которые не выполняются и не закреплены за должностным лицом, соответствие основополагающих функций и должностей в компании, соответствие функциональной структуры организационной структуре компании ее целям и задачам
Преобладающий тип управленческих решений	рассматриваются преобладающие решения и относят их к следующим типам: 1) объективные решения – основанные на рациональном подходе, без включения субъективных мнений; 2) инициативные – являются следствием активной работы руководителя и принимаемые как реакция на изменение ситуации, после прохождения существенных изменений, которые требуют вмешательства руководителя; 3) стратегические – ориентированы на прогнозирование и управление развитием компании или максимально ориентированы на получения выгод или прибыли; 4) решения которые направлены на поддержку функционирования предприятия или его развития (поиск новых рынков, привлечение новых методов работы, технологий); 5) ориентация на отношения или конкретную задачу (дается приоритет наиболее важной проблеме или задаче, которая является основополагающим фактором в данной ситуации для компании или направление на выстраивание долгосрочных взаимоотношений с конкретными компаниями)
Исполнение управленческих решений сотрудниками	анализ количества и содержания решений, которые не осуществились, присмотрелись после их принятия, требуют дополнительной доработки после их внедрения
Соотношение организационной структуры компании с современной ситуацией	анализ наличия (отсутствия) следующих проблем: – превосходство структуры над функциями (выявляют подсистемы, которые не выполняют определенных трудовых функций, направленных на создания общей цели); – бюрократия (выявляют такие структуры или функции, деятельность которых не продиктована требованиями производства или корпоративной культуры, и осуществляются в результате индивидуальных предпочтений и целей работников); – консерватизм (отсутствие гибкости в организационной структуре, прекращение изменений в структуре, несмотря на изменение внешней среды, условий, экономической ситуации, требованиям рынка и конкуренции, изменениям деятельности компании); – дублирования организационных порядков (наличие участков технологий или функций, которые повторяются и осуществляются разными подразделениями одновременно, или вменяются в обязанность сознательных регулирований функций, которые регламентированы и не требует таких регулирований)
Характер системы управления	определяются наличия формализованных систем управления и производят анализ их характеристик

При аудите кадровых процессов, кроме общих оценок деятельности специалистов кадровой службы, оцениваются показатели, характеризующие эффективность решения кадровых вопросов на предприятии. Современная система управления, чтобы быть эффективной, должна отвечать трём главным требованиям: должна быть эффективна; регулярно обновляться; обеспечивать умеренную чувствительность к изменению внешней среды. При аудите персонала предприятия очень

важно проводить анализ [11]. Рассмотрим результаты анализа персонала по основным статистическим показателям, характеризующим количественный и качественный состав кадров: структура и численность работающих по категориям занятых; структура персонала по возрасту и полу; структура персонала по стажу работы; структура персонала по образованию; движение персонала – текучесть, причины текучести, внутренняя мобильность. Анализ численности и структуры работающих по категориям приведен в таблице 2 и на рисунке 1.

Таблица 2 – Анализ численности и динамики работающих, по категориям

Показатели	Среднесписочная численность, чел.			Отклонения					
	2012 год	2013 год	2014 год	2013 г к 2012 г		2014 г к 2013г		2014 г к 2012 г	
				(+,-)	%	(+,-)	о %	(+,-)	%
Руководители	15	16	18	1	106,7	2	112,5	3	120,0
Специалисты	56	67	74	11	119,6	7	110,4	18	132,1
Рабочие	99	130	163	31	131,3	33	125,4	64	164,6
В том числе: основные рабочие	74	96	125	22	129,7	29	130,2	51	168,9
вспомогательные рабочие	25	34	38	9	136,0	4	111,8	13	152,0
Итого	170	213	255	43	125,3	42	119,7	85	150,0

Из таблицы 2 следует, что общая численность персонала предприятия за 2014 год увеличилась по сравнению с предыдущим годом на 42 человека, а по сравнению с 2012 годом увеличение составило 85 человек.

Процент роста среднесписочной численности в 2014 году по отношению к прошлому году 19,7 %, по отношению к 2012 году рост на 50%.

Стабильный рост численности в 2012-2014 гг. произошел по всем категориям, что связано с увеличением числа АЗС по Свердловской области и расширением отделом материально-технического обеспечения.

На рисунке 1 отражена динамика численности персонала за 2012-2014 гг.

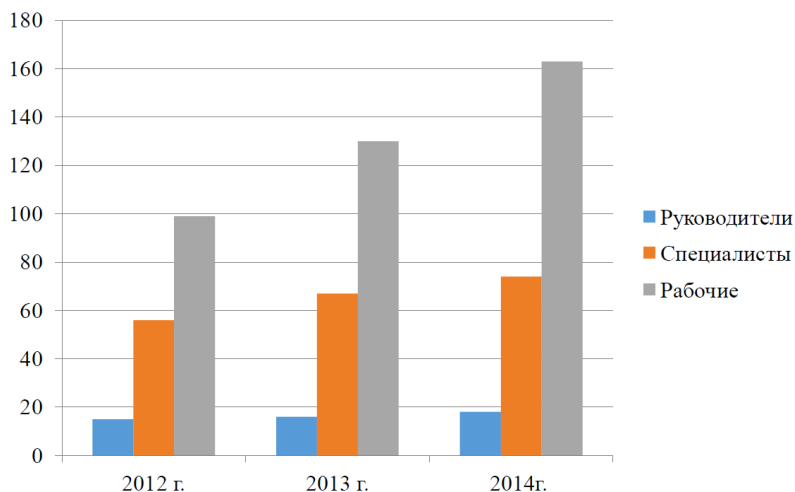

Рисунок 1 – Динамика численности персонала ООО «Нефтепродукт» за 2012-2014 гг., чел.

Исходя из проведенного анализа, возможно заключить, что соотношение темпов роста выручки и роста численности не оптимальное (темпы роста численности опережают темпы роста выручки), что и привело к снижению производительности труда:

- в 2013 году по отношению к 2012 году – 102,2%;
- в 2014 году по отношению к 2013 году – 96,0%;
- за три года снижение производительности труда составило – 1,9%.

Снижение производительности труда и увеличения среднесписочной численности произошло за счет открытия новых АЗС. А также нестабильности экономической ситуации в 2014г.

Для определения обеспеченности предприятия трудовыми ресурсами необходимо сравнивать плановую потребность и фактическое количество работников по категориям (таблица 3 и рисунок 2).

Как показывают данные таблицы 3 и рисунка 2, на протяжении трех лет наблюдается неукомплектованность штатного расписания: в 2012 году – на 4,5%, в 2013 году – 0,9%, в 2014 году – 3,8%, т.е. неукомплектованность штата небольшая, но в 2014г.увеличилась по отношению к 2013 году [12].

Таблица 3 – Обеспеченность предприятия трудовыми ресурсами за 2012-2014 гг.

Категории работников	2012 год		2013 год		2014 год		Процент обеспеченности, %		
	план	факт	план	факт	план	факт	2012 год	2013 год	2014 год
Руководители	15	15	16	16	18	18	100	100	100
Специалисты	58	56	67	67	77	74	96,5	100	96,1
Рабочие	105	99	132	130	170	163	94,3	98,5	95,8
в т.ч.: основные рабочие	75	74	98	96	130	125	98,6	98,0	96,1
вспомога- тельные рабочие	30	25	34	34	40	38	83,3	100	95,0
Итого	178	170	215	213	265	255	95,5	99,1	96,2

Неукомплектованность штатного расписания отмечена по специалистам и рабочим. За счет роста производительности труда покрывается часть недостающей численности, другая часть покрывается в основном за счет совмещения профессий, освоения смежных профессий и т.д.

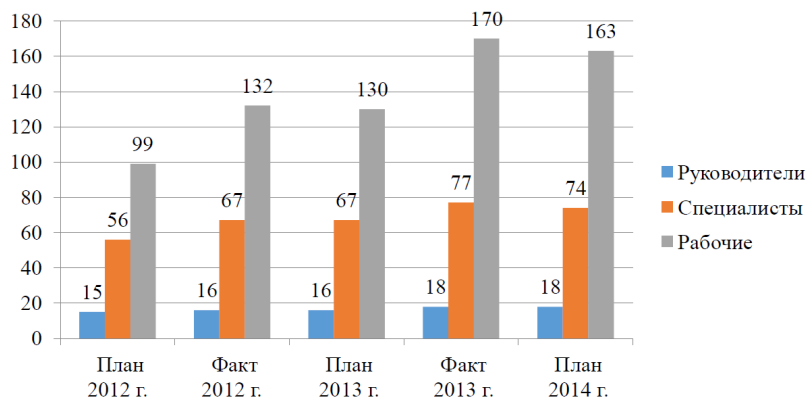

Рисунок 2 – Укомплектованность штатного расписания за 2012-2014 гг.

Информация о вакантных должностях предприятия предоставляется в средствах массовой информации: газеты «Работа», «Вакансии», «Ва-банк» и т.д., в бегущую строку телевидения, объявления по радио, по городу на стендах информации, электронные ресурсы (размещение информации о вакансии на сайтах по поиску работы Работа 66, SuperJob, Работа Град, Работа@mail.ru, E1), через службу занятости и

т.д. [8]. Анализ структуры работающих, по категориям представлен в таблице 4.

Таблица 4 – Анализ структуры работающих, по категориям

Категории работающих	2012 год		2013 год		2014 год		Измененне структуры, %		
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	2013-2012	2014-2013	2014-2012
							гг.	гг.	гг.
Руководители	15	8,8	16	7,5	18	7,1	-1,3	-0,4	-1,7
Специалисты	56	32,9	67	31,4	74	29,0	-1,5	-2,4	-3,9
Рабочие	99	58,3	130	61,1	163	63,9	2,8	2,8	5,6
В том числе: основные рабочие	74	43,5	96	45,1	125	49,0	1,6	3,9	5,5
вспомогательные рабочие	25	14,8	34	16,0	38	14,9	1,2	-1,1	0,1
Итого	170	100	213	100	255	100	-	-	-

В структуре работающих наибольшую долю составляют рабочие: в 2012 году –58,3%, в 2013 году – 61,1% и в 2014 году – 63,9%, в том числе основные рабочие: в 2012 году –43,5%, в 2013 году – 45,1% и в 2014 году – 49,0%.

По категориям РСС ежегодно наблюдается снижение удельного веса при небольшом увеличении численности в течение последних трех лет, доля основных рабочих резко возрастает за последние три года в общей численности работающих, что связано с увеличением их численности [6].

Наглядно структура работающих в ООО «Нефтепродукт» за 2014 год отражена на рисунке 3.

Структура работающих, по возрасту за 2012-2014 гг. отражена в таблице 5.

Таблица 5 – Структура работающих в ООО «Нефтепродукт» по возрасту за 2012-2014 гг.

Возраст	Годы			Удельный вес, в общей численности, %		
	2012 год	2013 год	2014 год	2012год	2013год	2014 год
до 20 лет	8	10	13	4,7	4,7	5,1
20- 25 лет	25	34	43	14,7	15,9	16,9
26-29 лет	66	87	106	38,8	40,8	41,6
30-35 лет	51	68	69	30,0	31,9	27,1
старше 40 лет	20	14	24	11,8	6,7	9,3
Итого	170	213	255	100	100	100

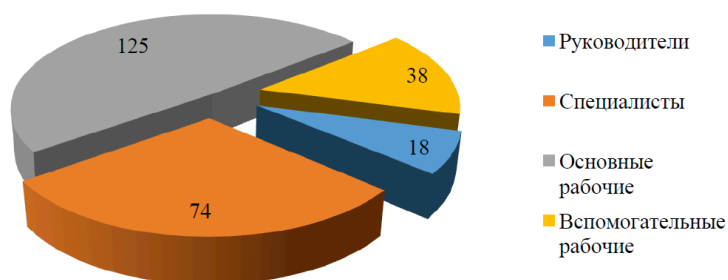

Рисунок 3 – Структура работающих ООО «Нефтепродукт» за 2014 год, %

Наибольший возрастной сегмент работающих 26-29 лет в 2012 г – 38,8%, в 2013 г – 40,8%, в 2014 г – 41,6% т.е. основной коллектив – молодые люди. Доля работающих старше 40 лет – небольшая: 11,8% - в 2012 году, 6,7% - в 2014 году и 9,3% - в 2014 году.

Проанализируем работающих по уровню образования за три года 2012-2014 гг. в таблице 6 и на рисунке 4.

Таблица 6 – Динамика работающих, по уровню образования за 2012-2014 гг.

Показатели	Среднее общее	Среднее профессиональное	Высшее образование	Итого	В т.ч. обучающиеся в ВУЗах, получающие второе высш. обр
2014 год					
1) Всего, среднесписочная численность работающих, чел	17	98	55	170	15
Удельный вес, в общей численности, %	10,0	57,6	32,4	100	8,8
2013 год					
2) Всего, среднесписочная численность работающих, чел	25	120	70	215	21
Удельный вес, в общей численности, %	11,7	55,8	32,5	100,0	9,7
2014 год					
3) Всего, среднесписочная численность работающих, чел	32	147	76	255	28
Удельный вес, в общей численности, %	12,5	57,6	29,9	100,0	10,9

Из данных таблицы 6 следует, что уровень образования работающих – высокий: работников, имеющих образование ниже

среднего, нет. На протяжении трех лет, отмечена тенденция повышения уровня образования: доля работающих с высшим образованием увеличивается: на 32,4% - в 2012 году, на 32,5% произошло увеличение в 2013 году, а в 2014 году динамика снизилась, произошло это за счет увеличения численности основных рабочих, имеющих только средне-профессиональное образование – 29,9% [9]. Доля работающих и обучающихся в ВУЗах также увеличивается: 8,8% - в 2012 году; 9,7% - в 2013 году и 10,9% - в 2014 году.

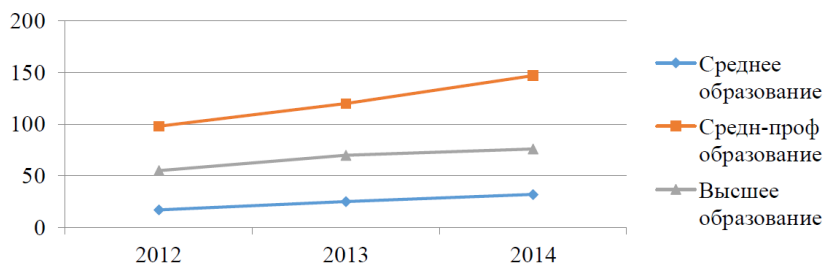

Рисунок 4 – Динамика численности работающих ООО «Нефтепродукт» по уровню образования за 2012-2014 гг., чел.

Структуру персонала по уровню образования по каждой категории работающих рассмотрим в таблице 7.

Таблица 7 – Структура работающих, по уровню образования по каждой категории работающих за 2014 год

Показатели	Среднее общее	Среднее профессиональное	Высшее образование	Итого	В т.ч. обучающиеся в ВУЗах
1) Всего среднесписочная численность работающих, чел	32	147	76	255	28
уд. вес, в общей численности, %	12,5	57,6	29,9	100,0	10,9
в том числе: 2) руководители, чел.	-	1	17	18	2
удельный вес в общ. численности руководителей, %	-	0,5	99,5	100	1,1
3) специалисты, чел.	-	26	48	74	22
уд. вес, в общ. численности специалистов, %	-	35,1	64,9	100	29,7
4) рабочие, чел.	32	120	11	163	4
удельный вес в общ. численности рабочих, %	19,6	73,6	6,8	100	2,4

Анализируя образовательный уровень работающих по категориям за 2014 год, можно отметить следующее:

- руководители, имеющие среднее профессиональное образование 1 человек из 18, причем 2 обучаются в ВУЗах, совмещая работу и учебу на заочном отделении;

- из специалистов высшее образование имеют 64,9% (48 человек), 26 человек имеют среднее профессиональное, в том числе 22 человека получает высшее образование на заочном отделении в ВУЗе;

- за 2014 год высшее образование получили 12 человека из 255 человек (4,7% работающих), 28 человек (10,9% работающих) получают высшее образование, 147 человек (57,6% работающих) имеют среднее профессиональное образование, общее среднее образование – 32 человека рабочих (19,6% работающих).

В целом, можно сделать вывод, что уровень образования высокий по всем категориям работающих. Приведем структуру работающих, по стажу работы в таблице 8.

Таблица 8 – Структура работающих по общему стажу работы на предприятии за 2012-2014 гг.

Стаж работы	Стаж работы на данном предприятии					
	2012 год		2013 год		2014 год	
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
До 1 года	23	13,5	42	19,7	41	16,1
От 1 года до 3 лет	18	10,5	29	13,6	47	18,4
От 3 лет до 5 лет	58	34,1	68	31,9	84	32,9
От 5 лет до 7 лет	43	25,2	47	22,1	56	21,9
От 7 лет до 8 лет	16	9,4	14	6,5	15	5,8
От 8 лет до 10 лет	4	2,3	5	2,3	5	1,9
Более 10 лет	8	5,0	8	3,9	7	3,0
Итого	170	100,0	213	100,0	255	100,0

Из таблицы 8 видно, что стаж работы более 3 лет на данном предприятии имеют в 2012 году – 76%, в 2013 году – 66,7%, в 2014 году – 65,5%, т.е. доля работающих с большим стажем (более 3 лет ежегодно снижается).

Углубим анализ в этом интервале работы сотрудников со стажем работы более 8 лет: в 2012 году – 7,3%, в 2013 году – 6,2%, в 2014 году – 4,9%, т.е. тенденция аналогичная предыдущей.

Сотрудники, имеющие стаж работы на предприятии не более 3 лет, имеет следующую тенденцию: в 2012 году – 24%, в 2013 году – 32,3%, в 2014 году – 34,5%, т.е. можно сказать, что на предприятие приходят новые сотрудники и количество работающих с небольшим стажем увеличивается.

Для предприятия, работающего на рынке немногим более 10 лет – это неплохие показатели, указывающие, что люди удовлетворены работой и, на первый взгляд, можно сказать, что текучесть на предприятии небольшая [1].

Вследствие увольнения работников и приема на работу новых сотрудников происходят изменения в списочной численности работников. Наиболее актуальными выступают вопросы увольнения грамотных,

квалифицированных кадров, создающих нежелательную текучесть кадров [2]. Многие эксперты по вопросам текучести кадров считают, что этот процесс не только не желателен, но и опасен.

По отдельным категориям и группам персонала на основании статистических данных кадровой службы в целом по предприятию рассчитываются показатели, которые характеризуют движение кадров: коэффициент оборота по приему [3]; коэффициент оборота по выбытию; коэффициент текучести кадров; коэффициент постоянства состава кадров предприятия [4].

При проведении опросов работников, уволившихся и подавших заявления об увольнениях, рассмотрены причины увольнений сотрудников предприятия ООО «Нефтепродукт» в таблице 9.

Таблица 9 – Анализ причин увольнения работников по собственному желанию за 2012 -2014 гг.

Причины выбытия	Численность уволившихся, чел			% уволившихся по причинам выбытия		
	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Неудовлетворенность:						
- уровнем заработной платы	12	19	20	75,0	59,3	66,7
- неудовлетворенность профессией (есть желание сменить)	1	4	2	6,2	12,5	6,7
- неудобный режим работы	-	1	1	-	3,2	3,3
- в связи с получением высшего образования и отсутствия вакансии на предприятии по полученной профессии	-	5	3	-	15,6	10,0
- по семейным обстоятельствам (переезд, женитьба, поступление на дневное отделение ВУЗа и т.д.)	1	2	1	6,2	6,2	3,3
Неудовлетворенность условиями труда (запыленность, выделения вредных веществ – т.е. вредные условия труда)	2	1	3	12,5	3,2	10,0
Итого, численность уволенных по собственному желанию	16	32	30	100	100	100
Общая численность уволившихся	19	36	34	100	100	100
Процент выбывших по собственному желанию к общей численности уволившихся	84,2	88,9	88,2	-	-	-

В таблице 9 показано, что большая часть уволившихся по собственному желанию – это работники, неудовлетворенные уровнем заработной платы. Средняя заработная плата на предприятии невысокая: она составила: в 2012 году – 28 300 руб. в месяц; в 2013 году – 32 500 руб. в месяц; в 2014 году – 33700 руб. в месяц.

По Екатеринбургу уровень заработной платы в 2014 году составил более 33 тыс. руб. в месяц. Но тем не менее из числа уволившихся по

собственному желанию по этой причине – 20 человек в год, т.е. текучесть кадров по этой причине – основная.

Ежегодно увольняется один (два) человека по семейным причинам – это обстоятельство не зависит от руководства предприятия и влиять на него не может.

Также два - три человека в год увольняется по причине неудовлетворенности условиями труда: запыленность, загазованность помещения, выделения вредных веществ.

Данное обстоятельство указывает на недостатки руководства в организации удовлетворительных условий труда.

В 2013 и в 2014гг от 3 до 5 человек уволились в связи с получением высшего образования и отсутствия вакансии на предприятии по полученной профессии это говорит о необходимости кадрового резерва в компании и недостатках в организации карьерного роста сотрудников.

Таким образом, текучесть кадров ухудшает многие экономические показатели, влияет на моральный климат в коллективе, препятствуя созданию единой, сплоченной команды [10]. Естественная текучесть кадров не может ничем угрожать организации. Если же уровень текучести значительно возрастает или снижается, могут возникнуть риски для предприятия. Низкая текучесть опасна застойными явлениями в бизнесе и угрозе прекращения деятельности организации. Высокая же текучесть, понижает качество персонала и опасна снижением профессионализма сотрудников [5].

Таким образом, проанализировав кадровый состав ООО «Нефтепродукт» стоит отметить, что предприятие несёт большие финансовые потери при постоянной потребности в высококвалифицированных кадрах, несвоевременном закрытии вакансий, неудовлетворительной заработной платой и отсутствием перспектив карьерного роста, по мнению работников.

Эффективное управление организацией или предприятием невозможно без создания внутри него такой атмосферы, когда весь персонал заинтересован в достижении общей цели, каждый ощущает свою личную причастность к победам и поражениям коллектива [14].

Сегодня успех или неудача в бизнесе во многом зависят от творческой активности работников организации, их готовности взять на себя ответственность за принимаемые решения [13].

При всем многообразии подходов к решению проблемы построения, совершенствования и оценке системы управления персоналом невозможно определить их универсальные методы и приемы, т.к. каждая организация имеет свои индивидуальные особенности. Аудит работы с персоналом является одним из самых эффективных методов оценки работы с персоналом.

References:

- [1] Voronin BA, Fateeva NB Providing qualified specialists AIC: socio-economic problems (Sverdlovsk region) // Vestnik Agrarian Urals. 2014. number 11 (129). S. 60-62.
- [2] Melchakova LJ, VM Sharapova national features of the labour market Russia // In: Decent work - the basis of a stable society Those responsible for the release: EV Pechiney, NC Shaimardanov. 2012. pp 43-46.
- [3] Kibanov, AJ Formation of the personnel management system [Text] / AY Kibanov, DC Zakharov. - M.: GAU, 2008. - S. 326
- [4] Richard J. HR audit and business analysis company [Text] / ed. With France. ed. LP White. - M.: HR audit, UNITY, 2013. - S. 244
- [5] AN Semin Payment of agricultural labour: tradition and new realities // Economics of agricultural and processing enterprises. 2016. № 6. S. 5-10.
- [6] Semin AN, Sharapova NV Remuneration - main factor fixability young professionals in rural areas // Economics of agricultural and processing enterprises. 2014. № 10. C. 35-38.
- [7] work with the personnel management system [Text] / Ed. Shakhova VA - M.: Thought, 2009. - P. 263
- [8] VM Sharapova, Tula OA Problems of employment of the population: the reasons for the emergence and spread of unemployment // Russian agricultural and food policy. 2016. 7. S. 39-43.
- [9] VM Sharapova, Sharapova NV Audit and controlling marketing personnel // Science yesterday, today and tomorrow. 2016. № 8-2 (30). Pp 124-130.
- [10] Sharapova VM Chekunov IV, Tula OA Accounting and the order of the implementation of social guarantees // Economics and Management in the XXI century: trends. 2015. № 24. C. 71-75.
- [11] VM Sharapova, Sharapova NV Audit and controlling marketing personnel // Science yesterday, today and tomorrow. 2016. № 8-2 (30). Pp 124-130.
- [12] Sharapova NV Improvement of the payment of young professionals agrarian // Russian agricultural and food policy. Number 7, 2014. (19). S. 53-56.
- [13] Sharapova NV, VM Sharapova analysis of wage ("1C: Payroll") // In: New Information Technologies in Education Edited by DV Tchistov. 2012. pp 220-221.
- [14] Sharapova V., Sharapova N. Optimization of personnel costs // Science and Technology. 2016. № 2. S. 206-214.

POLITICAL SCIENCES

Ivatova L.

PERSONNEL ALLOWANCE OF PUBLIC SERVICE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: RESULTS OF SOCIOLOGICAL POLL

Ivatova Lyailya, Doctor of Political Sciences, Professor, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan

Abstract

This article is devoted to the analysis of personnel allowance of public service of the Republic of Kazakhstan. In article questions of legislative providing a personnel allowance of public service are considered, the main problems and shortcomings of work with it are revealed.

Keywords: personnel allowance, public service, work with a personnel allowance, administrative servants of the case "A" and "B"

Introduction

The personnel allowance is one of the most important subsystems of a personnel management system of bodies of public service. Not only stable functioning of the organization, but also a possibility of development of state bodies in the conditions of quickly changing environment is connected with a personnel allowance. The due attention was not paid to questions of forming and development of a personnel allowance of public service.

Implementation of a new model of public service in 2013 according to the Law of the Republic of Kazakhstan "About modification and additions in some legal acts of the Republic of Kazakhstan concerning public service" [1] assumes increase of a role of an administrative personnel allowance as one of the main source of high-quality replacement of positions in public service.

One of the important priorities of achievement of efficiency of public service of the Republic of Kazakhstan designated in the Law "About

Modification and Additions in Some Legal Acts concerning Public service" which is put into effect since March 26, 2013, is strengthening of the principle of a meritocracy in case of selection and promotion of personnel [1].

According to the Law of the Republic of Kazakhstan "About public service of the Republic of Kazakhstan", "A meritocracy - a recognition of personal merits and achievements of public servant, his/her promotion on public service according to his/her capabilities and professional training" [2]. In case of implementation of this principle the personnel allowance is urged to become one of the main sources of personnel for public service. In this regard research of the organization of work with it purchases special relevance.

Increase of efficiency of the organization of work with a personnel allowance of classified public service is one of sources of professionalizing of government employees that requires standardly fixed and corresponding to work activities.

In this regard relevance of research of questions of the organization of work with a personnel allowance is connected with need of legislative fixing of work with a personnel allowance as the most important principle of forming of personnel structure of public service, and also the innovative processes happening within administrative reform in system of public service of the Republic of Kazakhstan main goal of which is to increase efficiency of all system of public administration.

Literature review. Questions of selection, arrangement, executive personnel training have been enlightened in works of scholars of different spheres - philosophers, sociologists, managers, economists, psychologists. In particular, issues of forming of personnel structure of bodies of public service were touched in Atamanchuk G.V. [3], Dyomin A.A. works. [4], Zotova of M.D. [5], Marchenko A.I., Marchenko I.V., Marchenko of Nominative [6], Mukhayeva R. T. [7], Forty A.V. [8], Turchynova A.I. [9], Derkach A. [10], etc.

However, despite a significant amount of scientific researches and publications on personnel problems of public service, questions of enhancement of work with a personnel allowance was not a subject of special scientific research in Kazakhstan, and was considered in the context of other questions of work with personnel. It is represented that in the conditions of carrying out reforming of bodies of public service, deficit of professional personnel, questions of methodology of ensuring work with a personnel allowance require research and introduction of scientifically based recommendations.

The purpose of this work consists in determination of a current state of work with a personnel allowance of public service and questions of its improvement taking into account specifics of activities of state bodies of the Republic of Kazakhstan.

Proceeding from an effective objective of research, the following tasks are determined: to estimate implementation of basic provisions of regulatory

legal acts by state bodies concerning forming of a personnel allowance and the organization of work with it; on the basis of results carried out expert and sociological polls of administrative government employees to reveal shortcomings and problems of forming of a personnel allowance of public service.

The methodological base of research relies on system approach, theories of rational behavior of Max Weber, a structural functionalism of Talcott Parsons, the theory of an idle class of Veblen T. and the general theory of R. Merton. As methods of research methods of system, comparative, expert and sociological polls have been used.

The received results of research can be applied in higher educational institutions of the Republic of Kazakhstan concerning development of conceptual bases of research of system of public administration and public service; teaching separate disciplines in the course of training, retraining and advanced training of personnel of public service. The received results can be used in case of development of the Concept of development of a personnel allowance of public service of the Republic of Kazakhstan that in turn will positively affect also general strategy of development of the state.

An assessment of implementation of basic provisions of regulatory legal acts by state bodies concerning formation and development of a personnel allowance

Organization of work with personnel allowance and its effective use are one of the most important areas of personnel work in the public service. Prior to the adoption of "A new model of public service of the Republic of Kazakhstan", amendments to the Law on "Public service", following regulatory legal acts of the career opportunities for employees were limited in practice that was based on the nepotism principles and personal loyalty to superiors not on the basis of best fit the requirements for a future post, as well as professional and personal qualities. Previously there were no public, statutory and clear criteria in personnel selection. There were no regulatory documents due to low qualification of specialists. During reshuffles and appointments of the allowance was virtually disregarded, and the selection criteria was not transparent and understandable for the employees.

At the present stage of the organization of work with personnel allowance legally enshrined as a key principle of the formation of personnel allowance of public service. The main goal of work with personnel allowance of public service is to ensure highly qualified personnel. Professionalization of the civil servants is to increase the efficiency of organization of work with personnel allowance of administrative public service, which requires the improvement of its legal framework. The presence of personnel allowance allows in accordance with the tasks of the public authority to replace the vacant positions without competitive procedures. In this regard, the timely formation

and training of allowance personnel contributes to maintaining continuity of staffing of the public authority.

The law has provided considerable updates of concepts of questions of a personnel allowance, and also its new determinations are included. Along with it, the concept "personnel allowance" which has been regulated by the Presidential decree of the Republic of Kazakhstan earlier, is transferred to the level of the Law of the Republic of Kazakhstan now. In the new edition "The provision on a personnel allowance of public service" regulates an order of forming and the organization of work with a personnel allowance of administrative public service whereas earlier the organization of work with a personnel allowance was not provided in regulatory legal acts.

In 2012-2014, research work on "Improvement of the mechanism of formation and development of human allowance public service of the Republic of Kazakhstan and methods of work" was carried out that was based on the Research Institute of the Academy of public administration under the President of Kazakhstan, more than 300 respondents from personnel services and opinion polls (over 2,000 respondents from public servants) were conducted by experts, as well as analysis of the normative-legal acts of the Republic of Kazakhstan in the legal information system in the context of applying this decrees of the President of the Republic of Kazakhstan and decrees of the Agency of the Republic of Kazakhstan for public service affairs and anti-corruption.

As a result of the conducted analysis of legal and normative acts related to "the personnel allowance of public service" was revealed that over the last years, the use of this concept has increased significantly (figure 1).

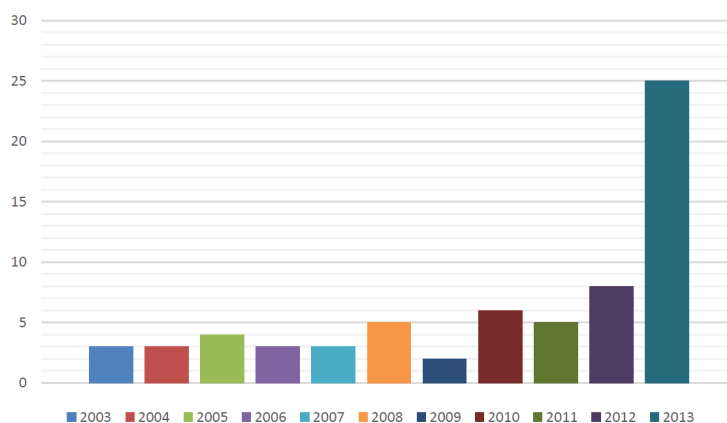

Figure 1 – the term Dynamics is used in "personnel allowance" as the normative legal acts in the field of public service.

Social Science and Humanity #3 2016

It was calculated and compiled by the sources [1, p. 1].

Note: The analysis is carried out in information system of law of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan on keywords "a personnel allowance of public service" by Presidential decrees of the Republic of Kazakhstan and Orders of Agency of the Republic of Kazakhstan for public service and to corruption counteraction.

Thus, of only 8 normative legal acts with the use of the term "Personnel allowance of public service" were taken from 2003 to 2012, while the number had tripled by 25 acts between 2012 and 2013. These figures indicate the increasing role of the personnel allowance of public service in Kazakhstan.

Results of analysis also show that now normative and legal provision of the formation of personnel allowance is at quite high level.

This is confirmed by the results of the expert poll of employees of structural subdivisions of state bodies that are responsible for work with the personnel allowance (office of personnel management - HR service), which identified the level of regulatory support from HR on questions of the formation of personnel allowance and organization of work with him.

Figure 2 presents the results of personnel services poll regarding the normative assessment and legal support for the formation of personnel allowance and organization of work with him.

The majority of respondents gave a positive assessment to the work with the personnel allowance. So, to the question "please calculate rate the provision of regulatory (instructions, rules, regulations, and training materials), for the work of the HR Department on issues of formation and development of personnel allowance" 77.4% of respondents from personnel services of local executive bodies responded "excellent" and "good" (figure 2). 75.6% of employees' response for personnel services of the Central state organs also gave a positive assessment for regulatory support (figure 2).

However, officials of the local Executive and Central government agencies, representing almost 25% of respondents (a quarter of respondents) showed "unsatisfaction" and "satisfaction" regarding to normative and legal provision of personnel services on the formation of personnel allowance and organization of work with him. Thus, a quarter of experts considered that there were several shortcomings of the normative legal acts on the talent pool.

Problems and shortcomings of work with a personnel allowance of public service

The results of the poll conducted from civil servants showed that the most pressing issue is currently a lack of consistency in the work, a formal approach during the formation of personnel allowance and work with it (figure 3).

Social Science and Humanity #3 2016

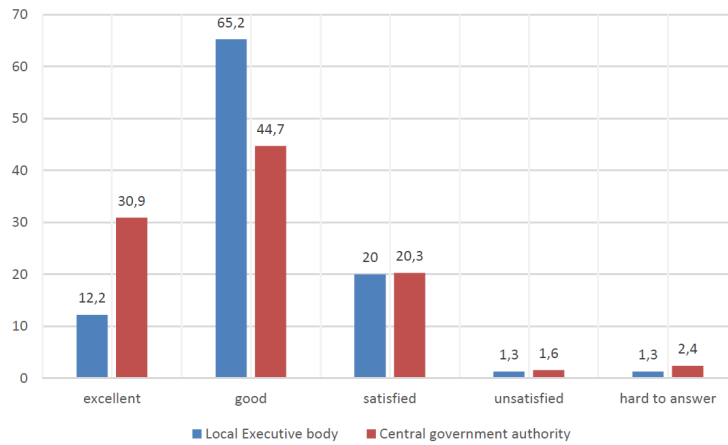

Figure 2 – Regulatory Evaluation Support (instructions, rules, regulations, and training materials), the work of the HR Department on issues of the formation of personnel allowance and organization of work with him."

*Note – calculated and based on the results of the study.

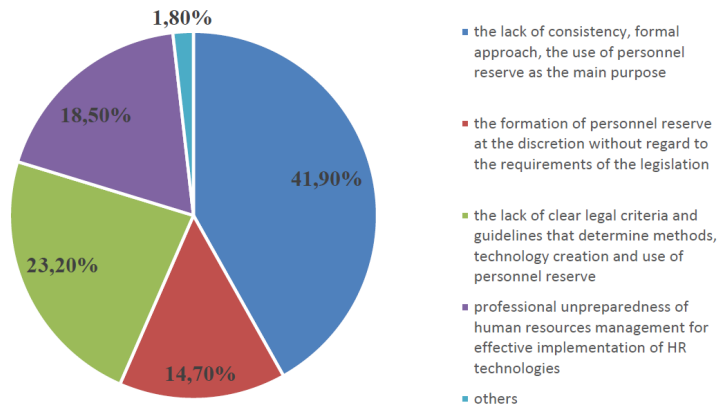

Figure 3 - Illustrates the main problems and shortcomings in the existing system of the formation of personnel allowance of the public service and work with it.

Thus, the results of the expert poll showed that over 40% of respondents believe that the current system of the formation of a personnel allowance of the public service and work is not existed in work on consistency,

Social Science and Humanity #3 2016

additionally there is a formal approach that are not used in human resources for the main purpose.

Given the above, a lack of personnel allowance in the public service and insufficient time are systemic problems. The problem is about the possibility of promotion of civil servants through the transfer system. In our opinion, this problem is relevant to a greater degree in local executive bodies, because transfer system in the Central government adopted the regulation on the procedure of public service [11].

Thus, in accordance with paragraph 19 on the regulations about the procedure of public service, the state administrative service at case "B" in the transfer process is carried out:

1) within the public authority, its departments, including their territorial subdivisions, as well as between them;

2) state agencies that assigned to categories A and B administrative positions at case "B", as well as state agencies with positions assigned to categories A and B, in other state bodies;

3) from the public authorities to the overseas missions of the Republic of Kazakhstan and back;

4) for the posts of assistants and advisers of the first state officials, press secretaries from other state agencies. The subsequent transfer of the specified persons within a state body, its departments, including subdivisions thereof, are not allowed [11].

Despite the fact that the groups A and B administrative positions of "B" can be transferred to local executive bodies that applies to Central government bodies.

In this case, government employees operating in local authorities can be transferred only to the position of groups in categories A and B bypassing category C.

Moreover, if a civil servant carries out its activities in the district Governor's office, they will not able to be transferred to the Central office of Akimat of the region without the participation in the competition (in the case of the announcement of the contested state authority). In this regard, due to the lack of a unified personnel allowance of public service in the relevant field or problem area in translation is particularly relevant to local authorities.

These issues are relevant due to number of specific reasons:

- preparedness of government officials from the personnel allowance is low, which reduces the demand for personnel allowance;

- HR does not have the regulatory tools for the development of its personnel allowance of civil servants;

- normative regulation of the work procedures with personnel allowance have some untold moments for the development of personnel allowance of administrative public service;

Social Science and Humanity #3 2016

- HR has functional and methodological limitations in estimating the potential of a personnel allowance, etc.

An important direction in the work of the personnel management services must be consistent and systematic work with a personnel allowance. The form of this work should be a given and constant monitoring of professional development and training for people who registered in the personnel allowance. Effective Transitions and Efficient Systems of Management of the formation of personnel allowance of public service dictates the need to improve socio-functional status of personnel services, giving them a modern appearance, turning them into analytical and organizational-methodical centers on work with the personnel allowance of public service, improving the quality of reservists of these units. In our opinion, these measures will ensure social control of personnel services on the process of formation and preparation of personnel allowance of public bodies that will have a positive impact on the overall staff situation, the state of training of the public administration, a comprehensive assessment and characterization of which has a serious impact on the development of specific management technologies.

More than 65% of experts believe that the functions of HR services can increase the efficiency of the formation of personnel allowance of public service (figure 4).

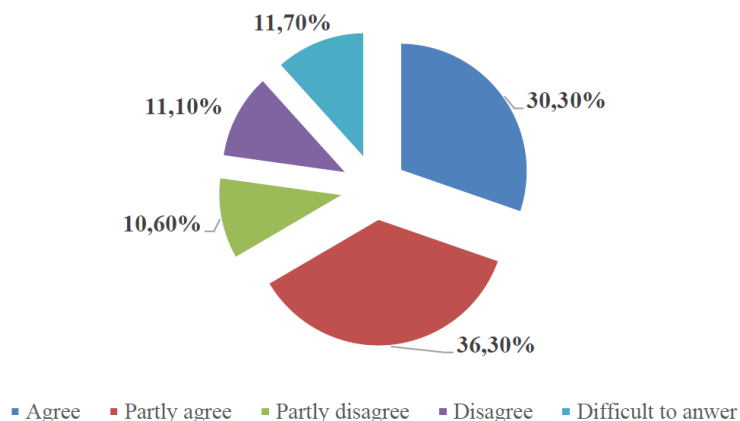

Figure 4 - Functions of personnel services regarding to increasing the efficiency of formation of personnel allowance of public service. Note – based on the results of the study.

Thus, the study in the work of management personnel identified the following problems and shortcomings:

Social Science and Humanity #3 2016

- 1) the unsystematic and non-planned work with personnel allowance;
- 2) the formalism of work with personnel allowance of public service;
- 3) a lack of interaction between the structural units and personnel departments;
- 4) attestation system is not focused enough on issues of allowance personnel;
- 5) a lack of institutionalized process;
- 6) the vagueness of selection for the allowance is complicated by the subjectivity of managers;
- 7) the lack of clear criteria and evaluation systems;
- 8) the lack of criteria for evaluation of work with personnel allowance of public service;
- 9) no single model of social diagnosis and training of candidates for higher positions;
- 10) no supporting the leadership work with personnel allowance of public service.
- 11) the number of state bodies is turnover rate of managers and professionals;
- 12) training of allowance personnel and the filling of vacancies are in two different non-intersecting plans: some teach personnel allowance, and others (parent or outgoing leaders) fill up these vacancies;
- 13) low status of personnel services of public authority is existed due to a lack of professionalism of its employees; there is a lack of qualified personnel in the specialty "Personnel Management" as a whole in the labour market in the country, and in particular, it is connected with specificity of the personnel management in the public service;
- 14) separation of personnel work in the field of directions of the state policy, it is, in our opinion, due to the lack of personnel services management functions;
- 15) there is a contradiction between low material and moral stimulation and high official and social responsibility of the human resources with an acceptable level of executive discipline;
- 16) necessary methodological recommendations on the implementation of human technologies on the formation and organization of work with personnel allowance, adapted to the specificity of public service;
- 17) insufficient support for information work with personnel allowance.

A number of problematic issues has been identified in the training of personnel allowance that need to be addressed particularly in:

- 1) a formal approach to needs assessment and planning for staff training from state agencies. As a consequence, inefficient use of funds allocated for training;

2) the theme and the content of educational programs offered by educational institutions, do not always correspond to the needs and requests of public officials. As a consequence, low level of learning efficiency and applicability of its results in practice were identified;

3) the system of interaction between the Academy, departmental and private training centers is fragmentary. So far not established a permanent dialogue platform for the exchange of views and experience in the field of training of civil servants;

4) is not formed resource center for the entire system of civil servants training.

Without a thorough study of these aspects of talent management in the present situation is greatly complicated the process of making optimal decisions on the management of the preparation of a personnel allowance, in order to ensure a sustainable succession to the leadership of the public authority.

The basis for the development of new indicators for monitoring with the personnel allowance of public service was to study the existing problems of work with a personnel allowance of public service. The main difficulty in the analysis of problems of work with a personnel allowance of public service was a positive experience of work with a personnel allowance. As a consequence, the identification of difficulties in the allowance was carried out on the basis of a synthesis of available data during the work with allowance difficulties and results. In this regard, it is important to ensure the transparency of decisions on inclusion in the allowance and possible neutralization of subjectivity of managers in the process of formation of a personnel allowance of public service.

Conclusions

Overall, the results of the conducted research allowed to draw the following conclusions.

1. Improving the efficiency of organization of work with personnel allowance of administrative public service is one of the sources of professionalization of public servants, which requires statutory and related activities. The research results revealed that in Kazakhstan the work with the personnel allowance of public service of Central and Local authorities is not effective. The main reasons were related to the lack of normative-legal support of work with personnel allowance, the lack of status of personnel services, the lack of material and moral motivation, etc. In this regard, during the final stage of research the main aim was to develop methodological and practical recommendations in order to improve the effectiveness of work with personnel allowance of public service of Central and Local authorities.

2. At the present stage of the organization of work with personnel allowance legally enshrined as a key principle of formation of personnel allowance of public service. The main goal of work with personnel allowance of public service is to provide highly-skilled personnel.

Personnel allowance has already been formed on the basis of competition. In this regard, the timely formation and training of allowance personnel contributes to maintaining continuity of staffing of the public authority.

3. In respect of legislative support to the organization of work with personnel allowance in the normative-legal acts of the personnel allowance of public service of the Republic of Kazakhstan revealed that currently in the normative-legal acts of the Republic of Kazakhstan there are no regulations on succession development and work with it. Development of personnel allowance of public service must be carried out with the aim of ensuring the preparedness of the personnel allowance for future employment in the public service through training, further training, retraining and internships. Work with personnel allowance should include planning for staffing requirements and forecasting of personnel allowance, capacity assessment, recording, systematization of the composition, the formation of target groups for training and etc.

4. An important direction in the work of the personnel management services must be consistent and systematic work with personnel allowance. The form of this work should be a given and constant monitoring of professional development and training people who were registered in the personnel allowance. The basis for the development of new indicators who were registered for monitoring with the personnel allowance of public service was aiming to study the existing problems of work with personnel allowance of public service. The main difficulty in the analysis of problems with personnel allowance of public service was to generally describe a positive experience of work with personnel allowance. As a consequence, the identification of difficulties in the allowance was carried out on the basis of a synthesis during the work with allowance difficulties and results. In this case, it is necessary to ensure the transparency of decisions on inclusion in the allowance and possible neutralization of subjectivity of managers in the process of the formation of personnel allowance of public service.

References:

- [1] Amendments and additions to some Legislative acts on issues of public service. The law of the Republic of Kazakhstan // *Kazakhstanskaya Pravda*. March 27th, 2013. www.kyzmet.gov.kz
- [2] O gosudarstvennoi sluzhbe Respubliki Kazakstan. Zakon Respubliki Kazakstan ot 23 noiabria 2015 g. № 416-V ZRK
- [3] Atamanchuk G.B. Teoriya gosudarstvennogo upravleniya: Uchebnik.- M.: Izd-vo Omega-L, 2010.- 475 s.
- [4] Demin A.A. Gosudarstvennaya sluzhba v Rossiiskoi Federacii. - M.: Izd-vo Yurait-ID Yurait, 2013.- 425 s.
- [5] Zotov M.D. Kadrovyi rezerv kak factor razvitiya upravlencheskogo potentsiala.- M.: Izd-vo RAGS, 2010. -110 s.

- [6] Marchenko A. I., Marchenko I.V., Marchenko I.P., Nauchno-metodicheskoe obespechenie podgotovki rezerva upravlencheskix kadrov. – Novosibirsk, 2009. – 377 s.
- [7] Muhaev R.T. Sistema gosudarstvennogo i municipalnogo upravlenia. – M.: YUNITA-DANA, 2010. – 575 s.
- [8] Soroko A.B. Kadrovyi potencial gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhby: formirovanie, razvitie, upravlenie: Monografia. - M.: RANHiGS, 2011. – 144 s.
- [9] Turchinov A. I. Institut rezerva upravlentsev Rossii v sisteme gosudarstvennoi kadrovoi politiki: problem, teorii i practiki // Kadrovyi rezerv kak factor razvitiia upravlencheskogo potentsiala Rossii. - M.: Izd-vo RAGS, 2010.– 137s.
- [10] Derkach A. Akmeologicheskaya diagnostika i otsenka kadrov gosudarstvennoi sluzhby: monografiya / A. Derkach, I. Noss. - M.: Izd-vo RAGS, 2011. – 2016 s.
- [11] Ob utverzhdenii Polozheniya o poryadke prohozhdenia gosudarstvennoi sluzhby. Ukaz Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 10 marta 2000 goda № 357. Utratil silu Ukazom Prezidenta Respubliki Kazakhstan ot 29 decabrya 2015 goda № 152 (vvoditsia v deistvia s 01.01.2016).

PUBLIC ADMINISTRATION AND PUBLIC SECTOR FINANCE

Mukanova G.K., Mukanov O. N., Abdykhadyrova A.M., Valiyeva S.M.

BARRIERS TO EFFECTIVE PUBLIC SECTOR FINANCIAL BUDGETING AS COMPARED BETWEEN DEVELOPED COUNTRIES, RUSSIAN FEDERATION AND COUNTRIES OF CENTRAL ASIA SUCH AS KAZAKHSTAN AND KYRGYZ REPUBLIC

**Mukanova G.K., Kazakhstan, PhD History, Associate Professor,
al-Farabi Kazakh National University**

**Mukanov O. N., Kazakhstan, Master of Laws, Academy of Public
Administration under the President of the Republic of Kazakhstan**

**Abdykhadyrova A.M., Kazakhstan, Master of Public
Administration, PhD Student, al-Farabi Kazakh National University**

**Valiyeva S.M., United Kingdom, Master of Development and
Planning, University College London**

Abstract

This article discusses issues related with public financial management, provides analytical comparison of the public expenditure and budgetary processes in the developed world (European countries and United States) and also in the developing countries (Russian Federation, Kazakhstan and Kyrgyz Republic), advises the measures for improving systems in the public sector and the budgetary techniques for minimising barriers to the effective public financial budgeting.

Keywords: public financial management, budgetary system, public expenditure, budgetary reforms, cost-efficiency in public sector.

In the public sector there is a long history of budgetary reforms being at the heart of administrative ones most of which were initiated in the United States and Europe and subsequently transferred to other countries. In the context of public administration, public financial management, including the budgetary system, was subjected to the changes, evolved and started to include new features. In a classical model, the public financial management considered implementing tax policies on revenues, expenditures and investments as a main function. In a new public management model its primary function was a search for the potential revenues using cost-efficient approach of service provision. The governance model suggests public financial management to secure financing in order to keep organisational and network coalitions intact [1].

Public financial management is performed by means of budgeting. This helps to coordinate financial and production strategy as a whole in the public organisation, provides systematic verified processes of formation of financial reporting and analysis of the risks. It is applied for the purposes of effectiveness and provision of financial strategy at each level of the public sector [1]. Effective budgeting is provided via financing of public sector organisations in accordance with their established goals, strategies, programmes, resources, services and results. This process results in the formation of budgeting requests that take into account not only financing to be provided but also results to be achieved via such financing [2].

As a key for successful policy implementation, financial budgeting became a necessity to the efficiency and effectiveness of a government and the entire public sector. The regular reconsideration of the role of government by the society depending on an agenda of the day and calls for making the activity of government and public sector effective have resulted in the innovation and introduction of new budgetary systems which were aimed to meet demands of citizenry, and eventually increased the complexity of public administration and social development. In this regard, the effective financial budgeting faced and still faces obstacles of various natures, including cultural and traditional environment, difficulty to reshape systems presented in public sector, lack of autonomy and flexibility [3] as well as many other limitations inhering in many countries or in a specific country. In this regard, the present material provides critical consideration of the barriers to effective public sector financial budgeting with presentation of relevant reasons and examples from the practical experience of some developed countries, Russian Federation and countries of Central Asia, including Kazakhstan and Kyrgyz Republic.

Traditional administrative reforms being introduced are intended to improve the quality of public services provided to the citizens, increase the cost-efficiency of public sector (decrease of expenditures for execution of state

functions and services provision), strengthening of executive order (provision of the execution of decrees, resolutions, plans and programmes) [4]. In the process of achieving set goals there may be deviations from the established route. Therefore each step is to be counted by the government considering variations of its further actions and measures. The instrument for this process is budgeting. As a plan for a specified period expressed in the numerous (as a rule, money) indicators, the budget is prepared in order to effectively attain strategic guidelines. Consequently, the budgeting is a procedure of processing and execution of budgets on the continuous basis. In some countries there is still no due attention focused on the budgeting as a part of financial management of a state, while it is required for the purposes of understanding where, when, how and for whom the state is intended to provide services; what resources are needed for the achievement of set goals, reaching of effective usage of available resources, which as a result will lead to the increase of effectiveness and efficiency of public functions. That is not to be a single but a permanent target of the government and public sector, budgeting can be an effective tool to implement policies aimed at accumulation of national savings and their further re-distribution at all regions of a country or an economic union (like in case of European Union).

Since it is being increasingly recognised that a sound public financial management system, including a budgetary process, is a public good of high value, the administrative reforms of recent years are addressed at strengthening a budget system via introduction of multi-year budgeting programmes. Hence, as a main instrument of a state to influence the growth of economy and living standards, the budgeting is considered as a useful means to reflect national priorities. Government budgets reflect the strategies aimed at various socioeconomic issues, promote development of the very sections of economy that can improve the entire economic structure and increase competitiveness of the economy itself. This indicates an increasing acknowledgement that the usual approach to budgeting process based on the annual framework, in fact, undermines budgetary performance promoting fiscal instability and inefficient and ineffective utilization of available resources [5]. Until budgeting is required to take account of longer term realities of resource availability and becomes more oriented to policy priorities, the annual budgets are likely to face crises, with increasing need to urgent interventions. Eventually, traditional bottom-up budgeting was supplemented with additional approaches such as top-down, medium- and long-term, zero-based and performance budgeting, which were aimed at enhancement of the annual budget process. Hence, within the framework of an up-to-date budgeting concept, planning and control over the execution of budgets had shifted from simple planning of expenditures into the sphere of detailed justification of the results and their budgeted cost.

As one of the common barriers to the effective financial budgeting in the public sector, final results determination is a difficult task, sometimes in

conflict in relation to the choice of regulations and procedures according to which these result indicators are approved and controlled. Consequently, it is insufficient just to define planning indicators, it is also necessary to provide their achievement, i.e. to ground the resources that guarantee achieving these results. Solution of this problem entails the effective financial budgeting of a performance based type [6].

In this regard, in the countries, particularly those of OECD, where medium term budgeting was adopted in order to transform national policy goals into allocations of public expenditure within the framework of multi-year macroeconomic and fiscal strategy, one of the main barriers is recognised as the lack of capacity of public sector organisations to prepare economically grounded expenditure programmes which would result in the effective achievement of set objectives [7].

For instance, in Britain with traditional domination of 'incremental' approach to budgeting, the experiments with alternative approach namely 'rationality' in the budgeting system in practice resulted in the occurrence of 'hybrid budgetary systems' which combined the elements of both the incremental tradition driven by the realities of politics and rational approach promoted by the commitment of senior civil servants towards new managerialism [8]. Here a traditional status quo became an obstacle for the effective financial budgeting.

In case of United States, the economic history and even private financial scandals have pushed the concept of accountability to the forefront. This has an impact on the financial budgeting. Governments always stretched to provide more services to meet growing public needs in the wake of budget deficits, economic uncertainty and natural disasters. As a result, many public sector organizations tend to apply performance based budgeting as a way to defend tough budget decisions and increase accountability. While the performance based budgeting concept seems rather straightforward, the reality of its implementation can be complicated by the challenges related to the cultural status quo, outdated legacy systems and disparate data sources. In addition, the public sector did not uniformly adopt some elements the private sector considers as a key in performance based budgeting like activity-based costing. As a result, the lack of reliable information on public program performance and outcomes is a gap that must be addressed in order to comply with federal mandates, justify funding and to show taxpayers the level of accountability they demand [9].

In 2004 the Russian Federation also started implementation of performance based approach in the form of reports on results and main lines of activity for entities of budget planning, development of medium term financial plans, differentiations of budgets if existing and re-undertaken obligations, improvement of budgeting classification [10]. Despite the novelty and absence of practical experience, the implementation of this budgeting approach was

performed though with the findings of mixed nature. Negative feature, that can also be viewed as a an obstacle to the effective financial budgeting, is the occurrence of a great number of government agencies which became in practice 'mini-ministries' and provide the same range of services, i.e. produce duplicated functions which fundamentally leads the inefficiency. As per the survey conducted by SAS Institute in the Russian Federation, another barrier for implementation of effective financial budgeting is the cultural resistance which is also the basis of another barrier: public sector organisations tend not to share information and not to collaborate with each other [11]. As a result, public sector organisations insufficiently understand the general national strategy. This in turn leads to the lack of balancing within these organisations.

In case of Kazakhstan, main barrier for effective financial budgeting in public sector is that the expenses are planned by the local department of economy and budget planning, while revenues are planned by the local department of finance. The linkage between planning of expenses and revenues is not present, which results in the inadequacy of expenditure section of budget in regard to its revenue section. In fact, local government does not participate in the process of financial budgeting; it only provides data about the financial requirements of the local entities of public sector. The effective budgeting is also impeded by the absence of expenditure rates, there are no standards for specific items of expenditure, for example, in relation to the sanitary condition of public buildings etc. (as a rule, standards enacted during the Soviet Union period are applied). As a rule, budgeting for a new period is based on the previous one with taking into account the inflation rate (i.e. incremental budgeting) [12]. Despite the enactment of a long term strategic plan "Kazakhstan-2050", and the introduction of a number of agencies to regulate and control the country's budgetary system, the government and Parliament have yet to adjust legislative and administrative frameworks to achieve declared goals. The steps to facilitate budgeting process and increase financial effectiveness were taken, including those related with the formation and implementation of performance based budgets for a three-year period. On the level of Republic the usual barriers for effective budgeting are identified as 'sluggishness' of budget program administrators and problems with conduct of public purchases [13]. For instance, the failure to apply all funds allocated for implementation of the "hundred schools, hundred hospitals" programme as a public-private partnership was caused by the absence of private investors that were intended to take part in this project.

According to the reports of the Audit Commission of the Republic of Kazakhstan, many cases of ineffective spending of funds is due to the fact that executors do not know exact goals, tasks and outcomes they are to achieve upon the completion of a budgetary programme. Due to financial budgeting inaccuracies, many buildings constructed for public funds are not commissioned in time [13]. Moreover, the practice showed that line managers are usually not

prepared to disburse funds allocated. It is clear that in order to improve the financial budgeting system in Kazakhstan the linkage of budgetary and taxation policy with monetary, crediting, investment and regional policies is to be reinforced. In addition, a unified system of reporting implementation of Republican level and local regional budgets which would include financial budgeting indicators needs to be established. An integral and transparent model of financial control over the budgeting in Kazakhstan, in the long term, may result in the reliable guarantee of all levels of the budgeting process starting from the Ministry of Finance to each aul (smallest unit of territorial division in Kazakhstan), establishing a functioning budgetary system in the relationship of various level budgets and secured by the procedures of development, consideration, approval, execution, control as well as reporting on the execution of Republican level and local budgets. In addition, such recent improvements related with the electronic government system show positive impact, especially in public electronic procurement which in turn contributes to the better budgeting and transparency for public expenditures.

In case of Kyrgyz Republic, barriers to the effective budgeting are quite similar to those presented in the developing countries. In this regard World Bank reports that the policy-based budgeting has not become better much. Nonetheless, during the period between 2009 and 2014 the Kyrgyz public financial budgeting system has enhanced, especially in its credibility, predictability, control over the execution, accounting and reporting, which contributed to the higher standards in public accountability and stronger management of public assets [14]. Another important development is that the Budget Code is being now drafted and its enactment will introduce essential improvements into the public financial budgeting system and its processes. Currently implementation of good international practice such as the introduction of open budget hearings and electronic procurement system has already increased transparency and made it more difficult to misuse public funds [14]. In medium and long term, such measures tend to decrease corruption in the public sector of Kyrgyz Republic.

To conclude above mentioned, this article provides detailed description and analysis of budgetary processes, explanation of why effective financial budgeting is needed, other interrelated issues and critical presentation of the barriers to the effective public sector financial budgeting, which are generally identifies as cultural resistance or traditional status quo, lack of autonomy and flexibility, difficulty to reshape and improve the systems in public sector, and many other depending on a specific country features. Although the countries use a variety of budgetary techniques usually combining technical innovations with managerial reforms for the purposes of minimisation of the barriers to the effective financial budgeting, it can be noted that the general recommendation for sound public sector organisations, provision of flexibility to manage resources and at the same time holding them responsible for the results. While

barriers to the effectiveness of financial budgeting field in public sector will tend to be improved but still changing in accordance with the socioeconomic agenda, change of budgeting forms and frameworks, administrative innovations etc., it is clear that the renewed attention is presently focused on the 'better financial management and accountability' [15], which means that the financial budgeting will keep the tendency of reconsiderations and reformation. Moreover, the complexity and variety of public financial management tools tend to extend and multi-year budgeting framework is not an end in itself.

References:

- [1] Bovaird T. and Loffler E. (eds), *Public Management and Governance*, London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group (2003), p.109.
- [2] Performance Improvement Web Survey of SAS Institute Inc., p.1-3, available online at: http://www.sas.com/offices/europe/russia/whitepapers/gov_sect2.pdf
- [3] Nutt P., Comparing Public and Private Sector Decision-Making Process, *Journal of Public Administration Research and Theory* (2005), No.16, p. 289-318.
- [4] Massey A. and Pyper R. (eds), *Public Management and Modernisation in Britain*, New York: Palgrave Macmillan (2005), p.69.
- [5] Petkova N., Introduction to Medium-Term Expenditure Frameworks, Briefing Note of OECD (2009), available online at: <http://www.oecd.org/dataoecd/35/6/42942295.pdf>
- [6] Klimenko A.V., Mechanisms of New Public Management, *Journal 'Chinovnik'* (2005), No. 5 (39), available online at: <http://chinovnik.uapa.ru/modern/article.php?id=605>
- [7] Petkova N., Introduction to Medium-Term Expenditure Frameworks, Briefing Note of OECD (2009), available online at: <http://www.oecd.org/dataoecd/35/6/42942295.pdf>
- [8] Massey A. and Pyper R. (eds), *Public Management and Modernisation in Britain*, New York: Palgrave Macmillan (2005), p.175.
- [9] Performance Improvement Web Survey of SAS Institute Inc., p.1-3, available online at: http://www.sas.com/offices/europe/russia/whitepapers/gov_sect2.pdf
- [10] Resolution of the Government of the Russian Federation No.249 dated 22 May 2004.
- [11] Performance Improvement Web Survey of SAS Institute Inc., p.1-3, available online at: http://www.sas.com/offices/europe/russia/whitepapers/gov_sect2.pdf
- [12] Allen R. and Tommasi D., *Managing Public Expenditure A Reference Book for Transition Countries: A Reference Book for Transition Countries*, OECD Publishing (2011), p.161

Social Science and Humanity #3 2016

- [13] Review of the results of 2015 budget execution by the Parliament of the Republic of Kazakhstan (2016), available online at: <http://www.parlam.kz/ru/mazhilis/news-details/id25436/1/15>
- [14] World Bank - Kyrgyz Republic Partnership, Program Snapshot Report (2016), available online at: <http://pubdocs.worldbank.org/en/744011461221797191/Kyrgyzrepublic-Snapshot-s2016-en.pdf>
- [15] Massey A. and Pyper R. (eds), Public Management and Modernisation in Britain, New York: Palgrave Macmillan (2005), p.175.

ECONOMICS

Santalova M.S., Kublanov A.M.

A MODERN HOTEL BUSINESS AS PART OF THE SOCIAL QUALITY OF LIFE

Santalova M.S., Russia, Plekhanov Russian Economic University,
Doctor of Economics, Professor

Kublanov A.M., Russia, Voronezh Institute of Physical Culture,
Senior Lecturer

Abstract

The article assesses the hospitality industry as a component of quality of life in modern conditions, ie, in times of crisis; It explores the emergence of European and American hotel chains in Russia, showing the transition of the domestic market of hospitality services in a qualitatively new state; provides tools that enhance the stability of the development of the hotel business and social quality of life.

Keywords: hotel business, social, quality of life, hotel operators, the market of hotel services, hotel product

Одним из основных положений Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года является переход к инновационной социально ориентированной модели экономического роста. Достижение этой цели, во многом, связано с формированием эффективных механизмов взаимодействия общества, предпринимательства и государства, обеспечением учета интересов всех указанных сторон при проведении социально-экономической политики [1].

Гостиничный бизнес – один из самых развивающихся в мире и в России в том числе. Гостиничный бизнес в определенной степени обеспечивает людям социальное качество жизни. Так, за последние десять лет российский рынок гостиничных услуг ежегодно рос на 15-20%, а на конец 2015 года общее число гостиниц увеличилось на 9%. На эту дату на российском рынке работало немало гостиниц, санаториев и пансионатов

общим числом 4369, способных предоставить 186,7 тысяч номеров и 368,3 тысяч мест[2]. Очевидно, конечно, что на российском рынке гостиничных услуг функционируют не только современные отели, но и другие средства размещения. По данным 2015 года, их процентное соотношение таково (рис. 1)[2].

Рис. 1 Соотношение различных средств размещения

Сегментация российского гостиничного бизнеса в зависимости от класса отеля выглядит следующим образом (рис. 2)[2].

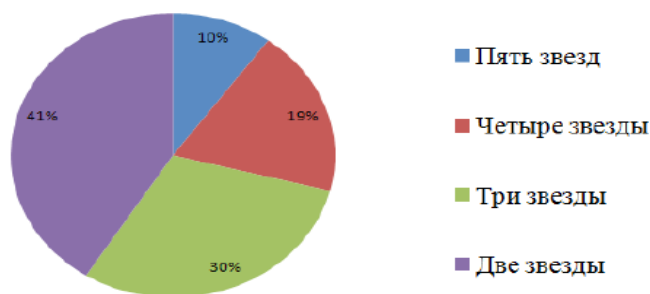

Рис. 2 Сегментация российского гостиничного бизнеса

По данным на начало 2013 года, средняя стоимость проживания в номере для отелей уровня 4-5 звезд составляет порядка 10300 рублей. Рентабельность гостиниц в регионах находится на уровне 15-20%, а в столице – 17-25%. Для сравнения, аналогичный показатель в Европе не превышает 10%[2]. Рассмотрим более подробно показатели деятельности гостиниц на примере сравнения ADR (средний тариф), RevPAR (средняя доходность на номер) и Occupancy (уровень загрузки отеля) за разные периоды для отелей города Москвы в верхней ценовой группе (рис. 3)[2].

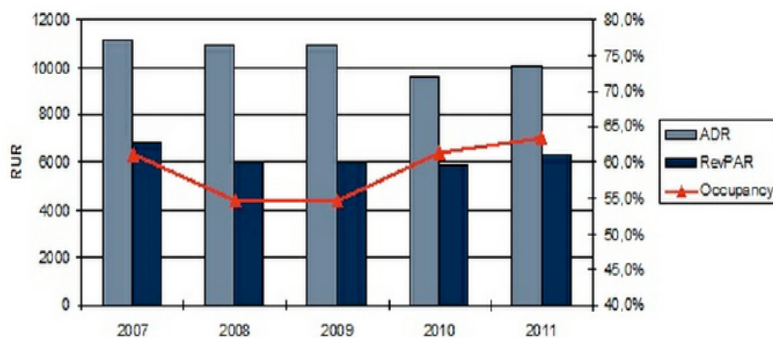

Рис. 3 Показатели деятельности гостиниц Москвы верхней ценовой группы (1 квартал 2014 года в сравнении с тем же периодом предыдущих лет)

Одной из тенденций последних лет для рынка гостиничных услуг России является проникновение на него международных сетевых компаний и увеличение доли гостиниц, принадлежащих им. Так, по оценке гостиничного оператора «Азимут Сеть отелей», уровень проникновения иностранных сетей на российский рынок в 2011 году не превышал показателя в 6% (43 отеля на 10,9 тысяч номеров). Однако уже в 2012 году данный показатель достиг отметки в 9% (75 отелей на 19,5 тысяч номеров). Например, сеть «Hilton» на данный момент управляет только восемью отелями в России, однако к 2018 году планирует открыть более 70 гостиниц по всей стране[2]. Кроме того, можно выделить и другие тенденции развития рынка: приток инвесторов в гостиничный бизнес; рост привлекательности рынка для инвесторов; развитие гостиничного бизнеса в регионах[3].

Таким образом, можно ожидать активный рост и развитие российского рынка гостиничных услуг. Подобные перспективы не могут не способствовать усилению конкуренции. Для успешной деятельности, компании должны заботиться не только о привлечении новых потребителей, но и сделать акцент на удержании клиентов.

Сегодня мировое гостиничное хозяйство представлено в основном гостиничными операторами из развитых индустриальных стран. Появление европейских и американских гостиничных цепей в России свидетельствует о переходе отечественного рынка услуг гостеприимства в качественно новое состояние. В последние годы на российском рынке появились представители транснационального предпринимательства в сфере гостиничных услуг из тех стран, которые ранее не являлись участниками этого бизнеса. Сегодня в России есть гостиницы, которые

управляются, принадлежат или имеют франчайзинговый договор с европейскими и американскими цепями.

Рынок гостиничных услуг в Москве занимает первое место в России, как по объемам предоставляемых услуг, так и по доходам.

Исследование развития инвестиционной деятельности в регионах России позволило выявить интересную тенденцию - стремление отдельных собственников трансформировать строящиеся офисные здания в отели. Это объясняется тем, что в ближайшее время потребность в офисах класса А в российских городах-миллионниках будет наименьшей за последние десять лет. Поэтому многие собственники, у которых объекты находятся на ранней стадии строительства, задумываются об изменении назначения здания - с офиса на гостиницу. Конечно, такое решение потребует значительных дополнительных затрат. Но это позволит владельцу отеля получить после ввода здания в эксплуатацию не пустующий офис с неопределенной перспективой сдачи его арендаторами, а бизнес, который начнет приносить деньги, при условии повышения спроса на внутренний туризм и активизации делового туризма в регионах.

Тем не менее, снижение спроса на услуги средств размещения, снижение значения важнейших финансовых показателей деятельности гостиниц (ADR (среднесуточная цена номера), revPAR (средний доход с номера за определенный отрезок времени) и других, а также факторы, связанные с влиянием глобального финансового кризиса привело к тому, что резко ухудшилось финансовое состояние отрасли.

Особенно показательна ситуация с компанией «Heliopark Group», задолженность которой перед кредиторами на начало 2009 года достигла \$80 млн. Основной долг у компании перед «Москоммерцбанком» - около \$17 млн. Кроме «Москоммерцбанка», основными кредиторами данной гостиничной сети являются «Промсвязьбанк» (около \$25 млн), «БТА-Банк» (\$10 млн) и Фонд имущества Ямала (около \$250 млн). По имеющейся информации, в результате этой сложной ситуации «Москоммерцбанку» может отойти «Heliopark Emmaus Club Hotel» (79 номеров, Тверская область) и практически сданный в эксплуатацию «Heliopark Carousel» (144 номера, Тульская область). При этом если до кризиса два этих отеля оценивались в \$8-10 млн и \$15 млн соответственно, то сейчас цены на аналогичные объекты упали на 50-70%[4].

Принципиально меняются стратегии развития гостиничного бизнеса как в нашей стране, так и за рубежом. Если раньше происходило активное развитие и расширение бизнеса, то в условиях кризиса стратегия большинства компаний, особенно сетевых, связана с тем, чтобы сохранить завоеванные позиции и максимально защитить бизнес от негативных внешних воздействий.

Меры, которые принимает гостиничный бизнес в этом направлении, можно разделить на две группы:

1) меры по увеличению объема продаж за счет формирования новых гостиничных продуктов и изменения ценовых предложений;

2) меры по оптимизации затрат (большинство компаний начали, прежде всего, именно с этого).

Среди предложений по стимулированию сбыта можно привести предложение «Азимут Сеть Отелей». В отелях этой сети отменили доплату за ранний въезд и поздний выезд из номера. Стандартная схема суточного бронирования предполагает заезд гостя с 14 часов и освобождение номера до 12 часов дня выезда. В случае раннего заезда или выезда ранее отеля сети взимали дополнительную плату. Теперь гости отелей Азимут могут въезжать в номер с 00:00 часов и освобождать его до 18:00 следующих суток без дополнительной оплаты, что, безусловно, повышает привлекательность отеля для существующих и потенциальных клиентов.

С интересным предложением выступили операторы отелей высшей категории за рубежом с целью привлечения клиентов, которые переориентировались на гостиницы более низкой категории. Во-первых, практические все отели этой категории резко сократили стоимость услуг размещения. Во-вторых, такие лидеры гостиничной индустрии, как «Starwood», «Hilton» и «Inter-Continental», решили на период кризиса понизить уровень сервиса и, соответственно, категорию некоторых гостиниц до тех пор, пока отрасль не начнет восстанавливаться. «Hilton Hotels Corp.» и «Intercontinental Hotels Group Plc» уже предприняли аналогичные действия, которые заключаются в отказе от обеспечения пятизвездочных удобств в виде приветственных подарков, цветов в номере и бесплатных газет. Руководство российских гостиниц указанной категории негативно отреагировало на такие предложения, считая их неприемлемыми для себя: по их мнению, негативные последствия подобных действий могут иметь долгосрочные последствия.

Тем не менее, аналитики оценивают ежегодные темпы роста отечественного гостиничного рынка в 20-25%, а его объем – до 2 млрд. долл. США. Если иностранные сети заинтересуются трехзвездочным сегментом, то фактор бренда и ожидаемого в связи с этим качественного сервиса будет привлекательным и, возможно, определяющим для постояльцев, причем не только иностранных, но и российских. Для отечественных же гостиниц вхождение в крупную сеть дает глобальный взгляд на процессы мирового рынка и ноу-хау управления [5]. Одним из главных преимуществ гостиничных цепей является возможность их загрузки через центральную систему бронирования компании-оператора. Таким образом, в разных гостиницах объем клиентских потоков, полученных таким путем, составляет от 10 до 30 %. Это позволяет стойко переносить сезоны низкой нагрузки, в то время как независимые отели

вынуждены искать дополнительные резервы и напрямую взаимодействовать с агентствами. Гостиницы, обладающие этими и другими преимуществами, как правило, работают с международными компаниями по системе франчайзинга или контракту на управление. Обе модели дают возможность перенимать успешный международный опыт. Примером может служить отель «Рэдиссон САС Ройял».

Гостиничный бизнес как составляющая социального качества жизни населения в нашей стране и за рубежом переживает последствия глобального финансового кризиса, используя различные меры для стабилизации своего положения. При этом наиболее конкурентоспособными, а, следовательно, более эффективными будут те компании, которые смогут предложить более привлекательный гостиничный продукт, чем конкуренты. Ведь у клиента всегда есть выбор, а во время кризиса клиент очень внимателен к альтернативам, рассматривая каждую из них[6]. Поэтому клиент в условиях кризиса готов уйти к конкуренту из-за разницы в цене всего 2-5%, что не так часто случалось ранее. Следовательно, успех гостиничного менеджмента, прежде всего, в использовании маркетинговых подходов, ведь общеизвестно, что повышение потребительской лояльности на 5% ведет к увеличению прибыли на 25-30%.

References:

- [1] Yakovleva- Chernysheva A.Y . Enterprise management in the recreational cluster : dis doc. economy . sciences . St. Petersburg, Academy of Management and Economics , St. Petersburg , 2012. – p.
- [2] Rosstat : [Electronic document] . – (<http://www.gks.ru>)
- [3] Marketing research of the hotel business in Russia : current state and development prospects : [Electronic document] . – (<http://www.restko.ru/market/1662>)
- [4] Federal Tourism Agency : [Electronic document] . - (<http://www.russiatourism.ru/>)
- [5] Velikanov G.B. Russian hospitality industry has defined a circle of the problems // Hotel and Restaurant . 2014. №3. - P.14-17 .
- [6] Santalova M.S. Science and innovative development: government and business // International science-research journal.2015.№ 8-1 (39).P.66-69

Santalova M.S., Kublanov A.M.

INNOVATIVE ACTIVITY AND SOCIAL QUALITY OF LIFE IN THE REGIONS OF RUSSIA

Santalova M.S., Russia, Plekhanov Russian Economic University,
Doctor of Economics, Professor

Kublanov A.M., Russia, Voronezh Institute of Physical Culture,
Senior Lecturer

Abstract

The article discusses the structural element of the social quality of life "Innovative Activity" ; analyzes the technological innovation in the regions of the Central Federal District of the country , the use of intellectual property in the region , sales (consumption) of innovative products .

Keywords: social quality of life, innovative activity, technological innovation, intellectual property, innovative development, innovative products

Исследуя структуру социального качества жизни, мы выделяем блок «Инновационная активность». В современном обществе инновации оказывают большое влияние на социальное качество жизни. Человек, работающий на производстве, зависит от технологических инноваций, которые облегчают труд, способствуют его интеллектуальному и творческому развитию. Человек стремится потреблять инновационную продукцию, совершенствует свой творческий потенциал.

В Российской Федерации за последние годы технологические инновации развиваются не столь стремительно, не смотря на тот факт, что производство и человек нуждаются в обновлении [1].

Как видим из таблицы, такие субъекты как Москва и Липецкая область лидируют в инновационном развитии технологий, тогда как Ивановская область существенно снизила развитие технологических инноваций; произошло снижение инновационного развития в целом у семи регионов Центрального федерального округа.

Костромская область инновационно практически не активна, не смотря на показатели развития технологических инноваций в таблице. Показатели по стране также имеют тенденцию к снижению развития технологических инноваций в субъектах. В исследуемом периоде

Social Science and Humanity #3 2016

наиболее эффективны Владимирская область, Белгородская область, Москва.

Таблица 1

Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации по Центральному федеральному округу РФ

Субъект	2012г.	2013г.	2014.	Изменение 2012\2013гг.	Изменение 2013\2014гг.
Российская Федерация	9,1	8,9	8,8	-0,3	-0,1
Центральный федеральный округ	9,7	9,6	9,8	-0,1	+0,2
Белгородская область	7,6	9,4	10,5	+1,8	+1,1
Брянская область	8,1	7,2	6,7	-0,9	-0,5
Владимирская область	11,8	10,0	11,6	-1,8	+1,6
Воронежская область	8,2	9,3	9,9	+1,1	+0,6
Ивановская область	7,1	7,5	5,2	+0,4	-2,3
Калужская область	8,5	9,2	7,9	+0,7	-1,3
Костромская область	5,1	5,0	5,5	-0,1	+0,5
Курская область	10,2	7,2	6,9	-3,0	-0,3
Липецкая область	12,9	15,6	17,1	+2,7	+1,5
Московская область	7,3	7,2	7,7	-0,1	+0,5
Орловская область	8,9	6,8	7,2	-2,1	+0,4
Рязанская область	9,8	10,5	11,3	+0,7	+0,8
Смоленская область	5,7	5,6	5,9	-0,1	+0,3
Тамбовская область	7,3	7,8	8,2	+0,5	+0,4
Тверская область	8,8	9,2	7,4	+0,4	-1,8
Тульская область	12,6	12,1	12,9	-0,5	+0,8
Ярославская область	11,2	9,8	9,6	-1,4	-0,2
Москва	17,7	17,4	18,9	-0,3	+1,5

Далее в таблице 2 рассмотрим сведения об использовании объектов интеллектуальной собственности по Центральному федеральному округу, а значит творческий потенциал работников, развивающих инновационную активность и тем самым, повышающих социальное качество жизни населения страны [3].

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что наиболее популярны в стране изобретения и программы. Тем не менее, программы активно разрабатываются и применяются в основном в Москве. Изобретения активно внедряются в Москве, Московской области, Тульской области.

Полезные модели в больше мере нашли применение в Москве, Московской области, Ярославской области. Промышленные образцы эффективно внедряются в Москве, Рязанской области, Курской области, Ярославской области. Базы данных развиваются в Москве, Ярославской области.

Ивановская область, Тульская область, Смоленская область, Костромская область промышленные образцы не используют. Базы данных не формируют Тульская область, Липецкая область, Смоленская область, Ивановская область, Костромская область. Тульская область не проектирует программы.

Таблица 2.
Использование объектов интеллектуальной собственности в Центральном федеральном округе, 2015 г.[2]

	Изобретения	Полезные модели	Промышленные образцы	Базы данных	Программы
Российская Федерация	14181	5556	1659	1153	6459
Центральный федеральный округ	6067	1858	481	343	2823
Белгородская область	33	25	-	1	4
Брянская область	7	24	18	4	-
Владимирская область	212	101	21	3	110
Воронежская область	134	52	3	2	57
Ивановская область	45	5	-	-	7
Калужская область	83	55	11	11	18
Костромская область	6	12	18	-	5
Курская область	106	27	67	4	22
Липецкая область	126	15	-	-	5
Московская область	966	200	20	18	263
Орловская область	29	27	-	4	1
Рязанская область	117	107	90	2	261
Смоленская область	34	2	3	-	1
Тамбовская область	18	6	6	11	16
Тверская область	89	90	2	34	17
Тульская область	829	37	17	-	-
Ярославская область	223	184	39	86	264
Москва	3010	889	171	167	1772

Не совсем эффективны в использовании объектов интеллектуальной собственности Белгородская область, Брянская область, Ивановская область, Костромская область, Орловская область, Липецкая область, Тамбовская область, Смоленская область, т.е. практически восемь регионов из восемнадцати Центрального федерального округа РФ.

Как видим, объекты интеллектуальной собственности в стране используются не эффективно, что не способствует повышению социального качества жизни населения. Практически нет связи между изобретениями, патентами, базами данных и отраслями экономики, в них нуждающихся [4].

Тем не менее, результативность инновационной активности регионов можно определить при помощи объемов проданной инновационной продукции. А сама инновационная активность повышает социальное качество жизни как людей, создающих инновационную продукцию, так и людей, ее потребляющих [5].

Таблица 3.

Объемы продаж инновационной продукции (товаров, работ, услуг) в Центральном федеральном округе

Субъект	2013г.	2014г.	2015г.	Изменение 2013\2014гг.	Изменение 2014\2015гг.
Российская Федерация	3 507 866,0	3 579 923,8	3 843 428,7	+72057,8	+263504,9
Центральный федеральный округ	1 164 102,4	1 091 170,3	1 491 536,1	-72932,1	+400365,8
Белгородская область	21 246,5	23 098,3	29 348,1	+1851,8	+6249,8
Брянская область	6 654,9	8 312,3	25 445,2	+1657,4	+17132,9
Владимирская область	24 829,9	22 782,1	27 015,3	-2047,8	+4233,2
Воронежская область	13 520,8	24 742,4	50 120,6	+11221,6	+25378,2
Ивановская область	463,1	795,2	1 342,5	+332,1	+547,3
Калужская область	15 924,8	13 724,3	14 833,8	-2200,5	+1109,5
Костромская область	2 272,1	2 504,8	2 198,4	+232,7	-306,4
Курская область	8 591,3	13 363,3	15 087,2	+4772	+1723,9
Липецкая область	54 860,5	63 282,1	64 830,1	+8421,6	+1548
Московская область	237 539,0	268 459,2	294 032,1	+30920,2	+25572,9
Орловская область	1 143,8	885,1	748,5	-258,7	-136,6
Рязанская область	5 930,9	7 293,7	8 242,6	+1362,8	+948,9
Смоленская область	5 334,1	10 438,8	5 539,7	+5104,7	-4899,1
Тамбовская область	2 624,3	6 278,0	7 165,4	+3653,7	+887,4
Тверская область	18 270,7	4 489,6	12 834,6	-13781,1	+8345
Тульская область	35 378,7	41 881,3	63 110,9	+6502,6	+10438,8
Ярославская область	22 812,3	26 801,0	18 057,8	+3988,7	-8749,2
г. Москва	686	552	851 583,4	-134	+851031,4

Самым результативным регионом является Московская область, активно потребляют инновационную продукцию Липецкой области. В 2015 году практически все регионы Центрального федерального округа увеличили объемы продаж инновационной продукции. Исключение составляют Ярославская область, Орловская область, Костромская область. Фактически не работает с инновациями, исходя из объемов продаж и потребления, Ивановская область.

Таким образом, следует сделать вывод, что технологические инновации, использование объектов интеллектуальной собственности, объемы продаж инновационной продукции развиваются не столь активно и в полной мере не обеспечивают повышения социального качества жизни населения.

References:

- [1] Santalova M.S. Science and innovative development: government and business // International science-research journal.2015.№ 8-1 (39).P.66-69
- [2] Rosstat : [Electronic document] .- (<http://www.gks.ru>)

Social Science and Humanity #3 2016

- [3] Santalova M.S. Intellectual capital in the management of the company / M.S. Santalova, Y.R. Nikolaeva // Today and tomorrow, the Russian economy. 2009. № 25. P. 35-36.
- [4] The economic mechanism of social and economic systems in a competitive environment and strategic choice . - The collective monograph / Voronezh, 2014. Volume Part I
- [5] Kosarev K.E. Evaluation of the quality of life of the population / K.E. Kosarev, M.S. Santalova // Herald of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law . Number 1, 2016. (57). P. 119-125 .

Talonov A.V., Yankovskaya V.V.

A PERENNIAL QUESTION OF THE HISTORICAL EXISTENCE OF MANKIND

Talonov A.V., Doctor of Economics, Professor of the Theory of Management and Business Technologies, Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation, Moscow

Yankovskaya V.V., PhD, Assistant Professor of the Theory of Management and Business Technologies, Plekhanov Russian University of Economics, Russian Federation, Moscow

Abstract

The article focuses on the existence of the age-old conflict between the individual and the collective. These categories are antagonistic, but at the same time complementary. The authors show that the entire economic and political history of mankind is a permanent dramatic search for a certain optimum, a kind of a public "ideal". According to the authors, wavering between capitalism and socialism has driven the creative thought to the intellectual trap, the way out of which can be found and has been found by Russian social philosophers within the framework of another paradigm.

Keywords: individualism, collectivism, socialism, libertarianism, the political economy of good.

Introduction

An acquaintance of ours, who had worked at various public utilities for many years, said literally the following: "We have a well-adjusted, well-functioning system; of course, there are some problems, but our main problem is people. If it were not for the people, we would work perfectly". At first, this idea seemed to us paradoxical, and then, after some reflection, symbolic. Communal economy without citizens! This paradox, coming from the depths of the consciousness of an experienced public utility worker, became the starting point of our reflection, which resulted in this article.

Can any of you recall being called "the customer" by public utility workers? "The customer is always right" – it is a commonplace economic wisdom. If we are not customers, does it mean that we are wrong? It turns out to be this way. We are made sensible of it everywhere. We are wrong when we complain about unsatisfactory repairs (or the absence of repairs), unsatisfactory cleaning, when we request the recalculation of rents, etc. We are always a

hindrance. We only impede their work. When a person comes, for example, to a hairdresser, he/she is asked a number of questions about the desired haircut. But who can say that public utility workers have ever asked him/her any questions, trying to make sure that you are satisfied with their work? Another aspect of the problem of “public utilities for themselves” is almost total penetration of municipal authorities into the city's economy, strict control over business and property, regulation of prices (not only for public services), establishing burdensome rules of conducting business in various fields.

Results and discussion

Is it possible to change the situation? Yes, it is. However, a serious question emerges on whether most citizens want to change anything. We admit that the nature of the existing relationships has certain attractiveness inherent in any form of paternalism. So what? Does it mean that we are not interested in any alternatives? Here, two diametrically opposite concepts are offered. The first one is based on individual freedom, while the second one – on the democratization of local life on the basis of the municipalization of urban infrastructure objects. The first concept is called libertarianism, the second – municipal socialism. Let the word “socialism” not deceive the reader. Neither concept has ever been implemented in Russia, even remotely. What has been implemented today can't be called a concept.

A principal, perennial question of the historical existence of mankind is the question about the relationship of a part to the whole, of an individual to the society, the issue of harmony or disharmony existing between an individual and the society. This common problem has not been raised by some particular historical epoch. It is rooted in the very fact of human existence. Personality and society are interconnected, but at the same time irreconcilable concepts. A personality exists in society and can only exist in society; here it develops and exercises its freedom. But at the same time society sets limits to this freedom, restricts personality, strangles and suppresses it. There are two forces – centrifugal and centripetal, always having opposite directions, two scales tipping alternately to one or another side, the constant instability of the equilibrium!

With regard to the economy, this perennial question can be made more specific: an individual can be regarded as an economic entity, a certain economic atom, while the state is presented as a coercive institution, absolute state sovereignty in the Hobbes's interpretation. In this structure, there is inherent antagonism. The representatives of both socio-philosophical schools of thought try to downplay it. But this is achieved at the expense of infringing upon the interests of some of the parties. According to Smith and Locke, as well as other representatives of this school of thought, the tasks of the state are minimized, and the main goal of a politician is their reduction. The expansion of the state tasks is the infringement upon natural freedom. There is always a

Social Science and Humanity #3 2016

danger that the state will extend its regulation to new areas. If we mentally continue the weakening of the state towards this state of the liberalism, the further restriction of the tasks of the state means reducing them to a minimum, that is, in the end, to zero. Here liberalism already transforms into anarchism. In the latter case, any government is tyranny. After abolishing the state, people will not be isolated from each other, but will live in society, because society emerging from our needs is good, while the state is evil. After the abolition of the law and the state, the next thing on the agenda is then needed to abolish private property, and the abolition of private property is the basis of a new society, a society of atheistic socialism. However, the nature of such a society is characterized by the strengthening and even absolutization of the state. And so on. As can be seen in real life, in a real historical situation it is hard not to transcend the corresponding limit. Therefore, any established social formation is the result of an extraordinary combination of circumstances, and the experience of any country is unique and unparalleled.

However, the state, according to Locke and Hobbes, is based on a mutual agreement for the protection of natural rights and for the happiness of each individual. History is silent on when and with whom such treaties have been signed. However, this is a beautiful working hypothesis. The establishment of the state was preceded by the natural condition of mankind. According to Hobbes, this condition was characterized by the all-out strife and internecine wars. To stop this, the state was established (as if the entire history of the statehood was not a series of wars!). But in contrast to Hobbes, Locke believes that the state of nature was not the state of war; on the contrary, it was the state of natural freedom and equality. Among these natural rights, Locke ranks first the right to property, in particular, land ownership.

An individual as an economic unit is opposed to the state. Where individual rights end, the compulsory right of society begins, and this boundary continuously moves one or other way.

The entire diversity of economic doctrines and practices can be graphically represented as a scale, at the ends of which there will be diametrically opposed concepts: the regulated and unregulated economy; accordingly, Marxism and libertarianism. Between them, there are liberalism and socialist schools of all shades.

During the previous two centuries in Europe, these different worldviews regarding the methods and objectives of public reform sometimes came into violent collision. And all this was opposed to capitalism.

Thus, this is a state of constant unstable equilibrium.

What is the system of economic liberalism (voluntary cooperation)? We don't want to use the word "capitalism" because of its triviality and vagueness. It is the power of the entrepreneurial minority, based on ownership of the vast majority of capital in society. The rest of people are potential employees. There's nothing wrong in this situation. Objectively, as shown by

Social Science and Humanity #3 2016

sociological studies, only a few per cent of the society members may be entrepreneurs (4-6%). The others have to settle for wage labor. The distribution of produced goods is carried out by entrepreneurs. It results in a conflict regarding the equitable distribution of values. This is a serious contradiction. Human appetites are endless. Employees, let alone the unemployed, dream of a fundamental redistribution of wealth in their favor. This contradiction is partly smoothed by the existence of free competition. Entrepreneurs ruthlessly exploit natural resources. Entrepreneurs support the institution of church, extending the principles of competition also to this area. The existence of the state as a "night watchman" is considered to be justified. The problem of "little people", unable, due to their natural qualities, to achieve success in life, is solved in this system through the help of relatives, church and charity.

As for socialism, history knows a number of its transitional forms. Some of them may seem to be religiously innocent. But it should not be misleading.

The totality of socialist doctrines and practices can be grouped into three types.

Socialism, based on the principle of association and cooperation.

Socialism as a set of measures of social policy aimed to supplement the activities of private enterprises with the activity of public institutions.

Socialism as a movement aimed to transform economic and social order on the basis of the substitution of private property for public property.

To reveal the inherent nature of socialism and see the lies and evil that it brings to the world, it is necessary to focus on the ultimate socialism, i.e. collectivism. People of the twentieth century had an opportunity to find out that the extreme limit of collectivism is the worst thing that can happen to a human being and humanity.

What is the essence of the ultimate socialist system (chartism – Marxism) in its logical development? The majority, unable to entrepreneurial activity, becomes the collective owner of the main part of the capital. As a result, a number of problems emerge. The first problem is how to distribute manufactured goods. In this system, it is not important who carries out distribution. No matter to whom this authority is delegated, the result will be the same: distribution in favor of those who distribute. The fact that there are not so much goods to be distributed (entrepreneurs don't produce anything, and public production is always inefficient by definition) does not change the essence of the matter. The hope that employees will become better-off through the distribution of goods produced by entrepreneurs is a common and unsubstantiated illusion. After any revolution, the standard of living is reduced. The second problem is the state. Proceeding from the internal logic of socialism, it should be the opponent of statehood as an instrument of violence. Marx predicted the withering away of the state. But what happens? Democratically elected administrators of collective property feel uncomfortable.

The crowd is unpredictable. Administrators want to obtain legitimacy not from the crowd, but from the hierarchy. The word “appointed” is better than the word “elected”. The third problem is employing the displaced bourgeoisie. It is not necessarily true that a former entrepreneur will become a good appointed administrator. In the essence, an entrepreneur is alien to any hierarchy. Besides, according to J. Schumpeter, any socialist perceives the advent of socialism as his own rise to power. The victory of socialism means for him that “we have won”. Replacing the old administration is an important, perhaps even the most important part of this process. The most logical way out is to neutralize entrepreneurs, physically or in any other way. The fourth problem is that the administration hierarchy ruthlessly exploits natural resources. The fifth problem is that socialism is an enemy of the Church. “Little people” lose the opportunity to get help through the channels of the Church and charity. The system of public distribution of wealth is built not for their benefit, despite the hypocritical denial of this fact.

Conclusions

This is basically the essence of antagonistic social systems. Private property throughout the entire human history has existed side by side with public property. But the proportions between them have always been different. The dispute between the representatives of each scale mark has lasted for centuries. It is inconceivable that Marxists can ever agree with libertarians. There is a kind of fashion for a certain doctrine (or nuances of a doctrine), but logical extremes are currently unacceptable in the vast majority of countries in the world. This results from the fact that scientists and practitioners, while remaining within the economic paradigm, are not able to reconcile the irreconcilable, despite all the attempts to measure out with the thoroughness of a pharmacist the principle of private ownership and the principle of collectivism.

But could it be that a way out of the labyrinth of endless disputes about the pros and cons is to rise above them, introduce a new coordinate system, and transform a two-dimensional economic field into a three-dimensional one? And the third vector may be philosophy with a vast set of cognition tools. The idea of the reflection upon eternal economic problems using philosophical methods in modern times belonged to the Russians. Russians, due to their propensity for abstract reasoning, came up with an idea to combine philosophy with political economy, while Western thinkers tried not to do that. This was a breakthrough.

However, Russian writers V.S. Solovyov, S.N. Bulgakov and N.A. Berdyaev (they didn't call themselves economists) looked at things differently, and their view was certainly not canonical. These writers came to the idea that capitalism and socialism in the main, fundamental issue, namely in the “philistine” issue are the same. The circle has been closed. It is known that there are no simple recipes for the arrangement of society. But here it turns out that such recipes do not exist at all. It seems that we can draw a line under this issue

and later discuss only the specifics of the statement of the perennial question in various historical epochs and unprecedented opportunities of combining the incompatible things. However, according to the representatives of the Russian Renaissance, there is a way out, and it is to be found in the "violation" of rules.

In this case, the rules are violated by the transition in a three-dimensional space. Personality and society form two coordinate axes. Between them, an infinite amount of points, that is, the options of the arrangement of society, may be located. It seems impossible to understand which of them is better. In this system, they are all good. There is no additional evaluation criterion. As such a criterion, the notion of "dignity" can be used. This word is rather frequent in the pages of Bulgakov's works. It can be said that he insisted on using it (to the extent a well-bred person can insist on something). It may seem that is not an economic category. But that is not so.

References:

- [1] Bulgakov S.N. Philosophy of Economy. – Moscow: Nauka, 1990. – 412 p.
- [2] Berdyaev N. Philosophy of Inequality. – Moscow: AST: Astrel': Poligrafizdat, 2010. – 349 p.
- [3] Katasonov V.Yu. Russian Sociological Thought at the Turn of the 20th Century. K. Leontyev, L. Tikhomirov, V. Solovyov, S. Bulgakov, S. Sharapov/Executive editor N.N. Boyko. – Moscow: Rodnaya strana, 2015. – 464 p.
- [4] Christian Socialism (S.N. Bulgakov): Disputes on the Fate of Russia/Compiling editor, author of the preface and commentaries V.N. Akulinin. – Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch, 1991. – 350 p.
- [5] Bulgakov S.N. Essays on the History of Economic Thought. Issue 1, 2nd ed. – Moscow: Knigoizdatel'stvo Vysshayashkolastud.M.K.I., 1918. – 234 p.

Malyshenko K. A., Malyshenko V. A., Litvin A. A.

EVALUATION OF RATIONAL BEHAVIOUR OF INVESTORS IN THE STOCK MARKET

Malyshenko K. A., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of «V. I. Vernadsky Crimean Federal University», «Humanitarian and Pedagogical Academy (branch), Yalta» Russian Federation, Republic of Crimea

Malyshenko V. A., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of «V. I. Vernadsky Crimean Federal University», «Humanitarian and Pedagogical Academy (branch), Yalta» Russian Federation, Republic of Crimea

Litvin A. A., Magister of «V. I. Vernadsky Crimean Federal University», «Humanitarian and Pedagogical Academy (branch), Yalta», Russian Federation, Republic of Crimea

Abstract

The article is devoted to the evaluation of the irrational behaviour of investors on the stock market, a situation in which investors make irrational decisions, as well as the factors influencing the decision-making. In addition, the issue will affect the impact of the behaviour of real investors on the market dynamics. Analysed the works of foreign authors and theories describing the reaction and behaviour of the stock market and trading.

Keywords: irrational behaviour of investors trading optimism, «noise», «noise trading», «noise traders», «information traders», sentiment index investors.

Введение. Экономическая теория при моделировании процессов по принятию решений инвесторов базируется на гипотезе рационального поведения, предполагая осуществление инвесторами своего выбора для увеличения своего благосостояния, исходя из той информации, которая имеется у них о ситуации на рынке. Бывают ситуации, при которых основная масса людей принимают нерациональное решение, не смотря на здравый смысл. Особенности поведенческих черт "реальных" инвесторов в качестве рыночных игроков оказывают существенное влияние на рыночную динамику. Это позволяет определить комплекс правил по

принятию решения реальными инвесторами в виде набора "аксиом нерациональности".

Материалы и методы исследования. На основании теории влияния психологических качеств трейдера на эффективность совершаемых им операций, проведенных на рынках США и Канады, зарубежные ученые установили статистически достоверную корреляционную связь между положительными психологическими качествами трейдера и успешностью его профессиональной деятельности [1]. Исходя из этой теории, наличие ряда положительных черт психологического состояния определяет «трейдерный оптимизм», который является необходимым и достаточным условием успеха деятельности трейдеров на фондовом рынке. В соответствии с исследованиями, коэффициент, определяющий оптимальный уровень корреляции, выраженный в баллах по отношению к уровню профессиональной успешности, что оценивается исходя из величины прибыли за определенный период, достигает единицы и является при этом абсолютным значимым. Так называемый «трейдерный оптимизм» образовывается в процессе инвестиционной деятельности. Иначе говоря, при увеличении успешных операций увеличивается и уровень оптимизма. С определенного момента это превращается в определяющий фактор успешности.

Основой формирования теории поведения инвесторов на фондовом рынке выступает работа А. Шлейфера «Неэффективные рынки: Введение в поведенческие финансы» [2], в которой он проанализировал множество свидетельств как чрезмерной, так и недостаточной реакции инвесторов на новую информацию. Предложенная А. Шлейфером модель описывает процесс формирования у инвесторов мнения относительно акций конкретных компаний, в основе которого лежат два уже рассмотренных фактора [3] — консерватизм мышления (описанный в 1968 г. У. Эдвардсом) и неправильное использование на практике моделей теории вероятностей (описанное в работах Д. Канемана и А. Тверски). Эффект консерватизма отражает себя в виде недостаточной реакции инвестором на поступившую отрицательную информацию, что приводит к переоценке акций. Инвесторы получают плохие новости, что не соответствует их представлениям, сложившимся об определенной компании, после чего реагируют на них с характерным опозданием или же ограничено. Неправильное применение на практике моделей теорий вероятности заключается в том, что при базе полученных хороших новостей об этой компании инвесторы полагаются на дальнейшее сохранение положительной тенденции и в будущем. В последствие, неоправданное убеждение вновь приводит к переоценке акций, а так же к снижению дохода владельцев этих акций. Основные положения теории

шумовой торговли были сформулированы в работе Ф. Блэка «Шум» [4], опубликованной в 1986 г., и получили дальнейшее развитие в работе Де Лонга, Дж. Брэдфорда, А. Шлейфера и Л. Саммерса «Риск шумовой торговли на финансовом рынке» [5], относящейся к 1990 г. Торговля, происходящая на фондовом рынке, основанная на, так называемом "шуме", становится в противовес торговле, базирующейся на более достоверной и своевременной информации. Если участники рынка определяют свои действия основываясь на слухах и не проверенной информации, они выступают "шумовыми трейдерами". Данные лица осуществляют сделки, полагая, что "шум" и есть настоящая информация или же потому, что "им нравится торговать", по мнению Ф. Блека. Их поведение является нерациональным. Наличие на рынке эффекта "шумовой торговли" определяет возможность существования рынка и торговых сделок. Ситуация обстоит так, что рыночные цены, будь результатом достоверной информации на рынке, ограничили бы получение дополнительной прибыли, а сама торговля утратила бы смысл. Задавая данную теорию, следует подчеркнуть то, что на рынке обязательно должны присутствовать и рациональные представители, то есть "информационные трейдеры".

В связи развитием системы различных индексов, сформированных на принципах поведенческих финансов, есть возможность их адаптации для целей данного исследования. К наиболее известным индексам такого типа относятся (всего их более 350) (см. табл. 1):

Гипотеза: H_0 – рынок рационален (реакции линейны); H_1 – рынок иррационален (реакции нелинейны).

Для того что бы проверить иррациональность предлагаем следующую формулу, см. формула 1:

$$E = \Delta \text{ индекс биржи в \%} / \Delta \text{ индексы настроения инвесторов, в \%}, \quad (1)$$

Результаты и обсуждение. Первый индекс в нашем списке, это Индекс доверия инвесторов от Sentix (Sentix Investor Confidence) – фундаментальный индикатор отражает мнение инвесторов и аналитиков о текущем состоянии экономики Еврозоны. Впервые он был представлен в марте 2006 года. Индекс доверия инвесторов высчитывается на основе еженедельного опроса довольно обширной выборки, в опросе учитывается мнение около 2800 участников. При этом любой желающий экономист может принять участие в опросе от Sentix.

Индекс уверенности инвесторов служит хорошим показателем для прогнозирования на европейском фондовом рынке. Сочетание Индекса уверенности инвесторов с разными экономическими индикаторами, может помочь спрогнозировать поведение различных инструментов на фондовом

рынке Европы. Для расчёта воспользуемся данными по Индекс доверия инвесторов от Sentix и индекса Euro Stoxx 50 [9] биржи Eurgex за период с 8.0.2010 г. по 08.08.2016 г.

Таблица 1. – Основные мировые индексы характеризующие настроения инвесторов

№	Название	Характеристика	Источник
1	2	3	4
1	Confidence investors index Sentix (Sentix Index). (Евросоюз)	Индекс доверия инвесторов. Индекс рассчитывается компанией Sentix и отражает уровень доверия инвесторов к экономическим перспективам региона. Рост индекса свидетельствует о положительных тенденциях в экономике и приводит к укреплению курса национальной валюты. В свою очередь, снижение его значения негативно сказывается на состоянии фондового рынка Еврозоны. Рассчитывается по результатам опроса инвесторов и ведущих аналитиков Еврозоны. Значение индекса выше нулевой отметки свидетельствует о преобладании оптимизма, ниже нуля - о преобладании пессимизма. Публикуется ежемесячно, начиная с марта 2006 года.	Официальный сайт компании Sentix [6]
2	State Street Investor Confidence Index (США)	Индекс доверия инвесторов — опережающий индикатор, который отражает будущие ожидания и составляется на основе опроса инвесторов. Он измеряет отношение инвесторов к риску. Индекс разработан профессором Гарварда Кеном Фрутом и Полом О'Коннелом (FDO Partners). Индекс использует современную финансовую теорию для моделирования поведения глобальных инвесторов. В отличие от других индексов доверия, которые основаны на ожиданиях будущих цен и доходов, индекс дает количественную меру актуальной меры риска и его изменение в инвестиционных портфелях, объем которых составляет 15% от мировых.	Финансовая компания State Street [7]
3	Tankan report (Япония)	Отчет Tankan впервые был опубликован в 1957 году. Он измеряется в базисных пунктах. Обзор составляется на основе диффузионных индексов более 8000 компаний. Их делят на категории по значимости (ведущие, крупные, средние и мелкие). По существу Tankan характеризует бизнес-климат Японии, деловую обстановку страны. Для проведения оценок выбраны такие экономические параметры: условия ведения бизнеса; производство и сбыт; спрос и предложение; уровень цен; доходы; прямые инвестиции; занятость; налоговые условия. Значение индикатора Tankan рассчитывается путем вычитания количества опрошенных, выразивших отрицательное мнение, из числа опрошенных, ответивших положительно	Банк Японии [8]

На основе этих данных были построены следующие графики: «Объединённый график изменений Индекса Sentix и Euro Stoxx 50» (см. рис. 1.) и «Коэффициент информационной эластичности Индекса Sentix к Euro Stoxx» (см. рис. 2.).

Как видно из приведенного рисунка (см. рис. 1) подтверждается предположение о разно направленной реакции субъектов рынка в разные периоды. Аналитики объясняют подобные реакции опережающим характером реакций биржевых индексов, что не противоречит данному выводу – спекулянты, пытаясь предугадать динамику рынка, нередко играют против тренда. Проведенный корреляционный анализ показал

тесноту связи исследуемых показателей на уровне 0,435, что является средней величиной. Фактически, только в половине случаев динамика индекса доверия инвесторов и биржи имели одинаковую направленность (см. рис. 1, где серыми блоками отмечена эта разнонаправленность). Рассчитанный Коэффициент информационной эластичности Индекса Sentix исходя из представленного графика (см. рис. 2) имеет множество выбросов, однако теоретически (если рынок реагирует на фундаментальные факторы даже и непропорционально но в том же направлении) должны быть лежать в диапазоне от -1 до + 1.

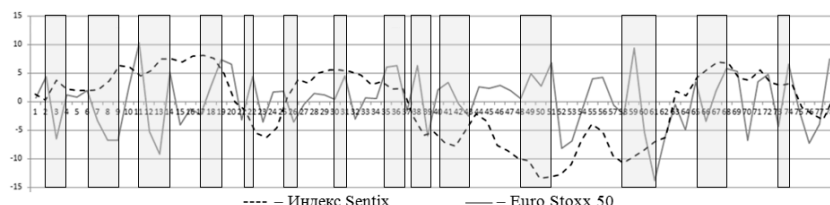

Рисунок 1. – Объединённый график изменений Индекса Sentix и Euro Stoxx 50 (серыми блоками отмечено разнонаправленность исследуемых показателей)

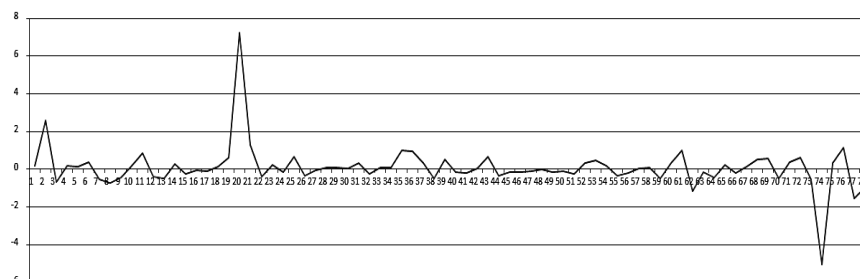

Рисунок 2. – Коэффициент информационной эластичности Индекса Sentix к Euro Stoxx 50 ($E_{IS} = \Delta ES50_{(\%)}/ \Delta IS_{(\%)}$)

Но этого не происходит, что подтверждает вывод о логистическом характере реакций. Кроме этого, проведенный анализ с помощью графика P-P (стандартный и с удалённым трендом) данного коэффициента показывает очень похожую форму распределения с явными аномалиями (длинные «хвосты») (см. рис. 3):

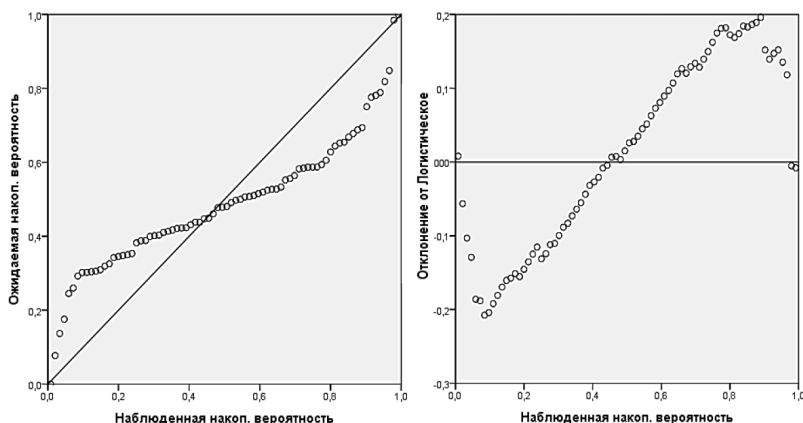

Рисунок 3. – График P-P «Коэффициент информационной эластичности Индекса Sentix» (E_{IS})

Важным опережающим экономическим индикатором в Японии является индекс бизнес-климата Tankan. Данный показатель используется для описания деловой обстановки в стране, он наиболее точен и хорошо характеризует состояние промышленности в секторе крупного производства. В Tankan используются данные по заказам, продукции, занятости, материально-производственным запасам, а также цены на экспорт-импорт. Благодаря данному опережающему индикатору можно делать прогноз по объемам промышленного производства, определять индексы цен производителей, объемы заказов предприятий промышленности, уровня занятости в ней, а также рассчитывать значения других макропоказателей экономики. Tankan касается всех сторон экономики не только японских островов, но и затрагивает весь Тихоокеанский регион. Первый отчет по индексу был обнародован в 1957 году. Рост данного опережающего индикатора говорит об ускорении роста японской экономики. Вместе с Tankan будет увеличиваться и ВВП страны, что является подтверждающим сигналом [9].

BOJ Tankan Survey – Отчет Банка Японии Танкан – отчет публикуемый Банком Японии ежеквартально с 1957 года. Данные собираются на основе опроса 9000 предприятий, разделенных на 4 основные группы: крупные, средние, мелкие предприятия и ведущие предприятия отрасли. Количество опрашиваемых компаний может меняться, так в начале 90-х годов их было 8000. Отчет состоит из вопросов по количественным данным:

- 1) условия ведения бизнеса;
- 2) условия спроса и предложения для производства и инвестиций;

- 3) продажи;
- 4) прибыли корпораций;
- 5) фиксированные инвестиции и производственные мощности;
- 6) условия занятости;
- 7) налоговые условия.

На основе этих количественных показателей Банк Японии высчитывает так называемые диффузные индексы:

- 1) благоприятные или неблагоприятные условия для ведения бизнеса;
- 2) достаточные или недостаточные условия спроса, уровень запасов, производственных мощностей и занятости;
- 3) смягчение или ужесточение финансовых условий для компаний;
- 4) благоприятные или суровые условия кредитования [10].

Индексы считаются путем вычитания количества опрошенных с отрицательным мнением из количества, положительно ответивших. Отчет Танкан дает общее представление о бизнес-климате Японии [11].

Используя эти данные, построим аналогичные индексу Sentix графики «Объединённый график Индекс *Nikkei-225* и Tankan» и «Коэффициент информационной эластичности Tankan Sentiment Index $E_{TANKAN} = \Delta ES50 / \Delta DI$ » (см. рис. 4 и 5).

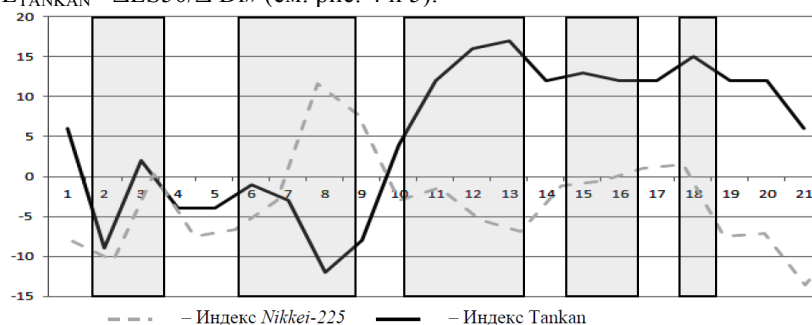

Рисунок 4. – Объединённый график Индекс *Nikkei-225* и Tankan

Как видно из данных графиков также имеются зоны (отмечены серыми блоками, рис. 4), где наблюдаются аномальные реакции: индекс Tankan и индекс *Nikkei* имеют разнонаправленную динамику, что подтверждает предположение о когерентности рынка и бинарности реакций. Корреляционный анализ выявил достаточно низкую тесноту связи (на уровне 0,322), что подтверждает нелинейность и разнонаправленность реакций рынка на изменение фундаментальных факторов. Только треть реакций были обоснованы фундаментальными

факторами. Анализ графика «Коэффициент информационной эластичности Tankan Sentiment Index» (см. рис. 5) также выявил наличие выбросов, что подтверждает нелинейность реакции, кроме того ряд выбросов являются отрицательными – то есть изменение одного из индексов носило обратный характер.

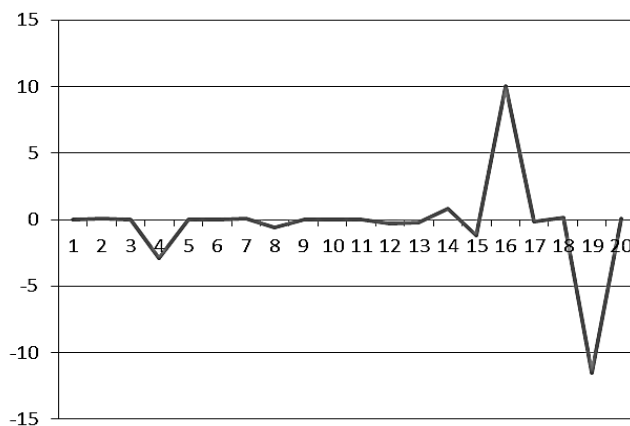

Рисунок 5. – Коэффициент информационной эластичности Tankan Sentiment Index $E_{TANKAN} = \Delta ES50 / \Delta DI$

Анализ с помощью графика P-P (стандартный и с удалённым трендом) данного коэффициента также имеет аналогичную форму (см. рис. 6), что говорит о логистическом типе распределения (распределение характеризуется длинными «хвостами» и S – образной формой):

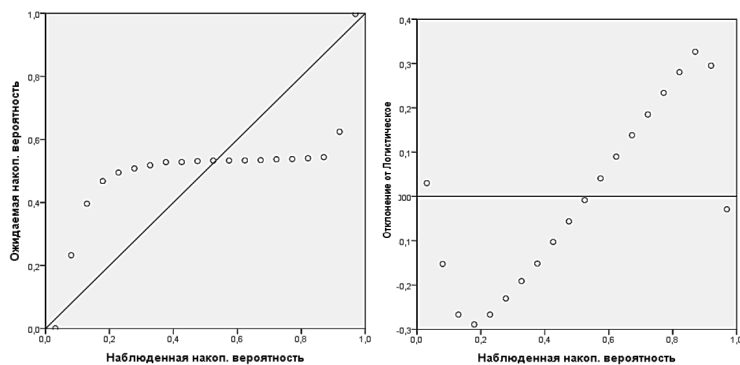

Рисунок 6. – График P-P «Коэффициент информационной эластичности Индекса Tankan Sentiment Index (DI)

Следующим индикатором в нашем анализе будет американский «Индекс доверия инвесторов» компании State Street, который обеспечивает объективную, количественную меру глобальной толерантности к риску инвесторов в мире. Индекс публикуется в 10 утра по местному времени в Бостоне, штат Массачусетс в последний вторник каждого месяца и включает региональные компоненты измерения отдельно рискованные институциональных инвесторов в Северной Америке, Европе и Азиатско-Тихоокеанского региона. Отдельные веса этих трех компонентов варьируются от месяца к месяцу на основе инвестиционной деятельности и не публикуются. Также включаются в глобальный индекс, но и не публикуются, биржевая деятельность в Южной Америке и на Ближнем Востоке.

Идея построения индекса как индикатора уверенности строится на долях капитала, направляемых в облигации и акции. Превалирование доли капитала в облигациях свидетельствует о том, что инвесторы слабо верят в скорый подъем экономики [13].

Индекс доверия инвесторов State Street измеряет уверенность, исходя из фактического уровня риска в инвестиционных портфелях. Индекс доверия рассчитывается непосредственно путем оценки изменений вложений инвесторов в акции. Чем больше институциональные инвесторы готовы вкладывать средства в портфель акций, тем больше их доверие. Основной индекс носит глобальный характер и основывается на деятельности в 45 странах. Отчет отслеживает более 22 миллионов транзакций в год [13].

В качестве биржевого индекса будет использоваться индекс NASDAQ.

NASDAQ [14] – «автоматизированная котировка Национальной ассоциации торговцев ценными бумагами» (National Association of Securities Dealers Automated Quotation). Система начала свое развитие в 1969 г., в то же время, когда начала свое развитие сама область высоких технологий. Первые торги "кузница миллионеров", как ее позже прозвали, начала 8 февраля 1971 г. Тогда основной ее функцией было отображение средних котировок более чем 2500 низколиквидных ценных бумаг, которые не могли по тем или иным причинам быть расположены на NYSE (Нью-Йоркская Фондовая биржа) и AMEX (Американская Фондовая биржа). Данные биржи в то время были (да и сейчас остаются) самыми крупными и престижными в мире, поэтому требования к размещаемым на них акциям были особо строгими. На бирже NASDAQ котировались и котируются акции не только американских компаний, листинг этой биржи можно назвать поистине интернациональным, там есть компании Европы и Азии [15]. Эти данные послужили основой создания графиков «Объединённый график изменений Индекса доверия инвесторов State

Street и NASDAQ» (см. рис. 7) и «Коэффициент информационной эластичности Индекса доверия инвесторов State Street» (см. рис. 8).

Как следует из первого графика, наблюдается достаточно большое количество аномалий (отмечены блоками), фактически они встречаются систематически: реакции не только оцениваются как овер и андерреакции, но и носят разно-векторный характер. График информационной эластичности данного индекса доверия (рис. 8) также содержит значительное количество выбросов и отвечает аномалиям объединённого графика индексов. Соответственно и корреляция рассматриваемых индексов имеет среднее значение (0,414) и свидетельствует о разной направленности реакций субъектов рынка при поступлении данных о событиях имеющих сходное по информационным характеристикам фундаментальное значение.

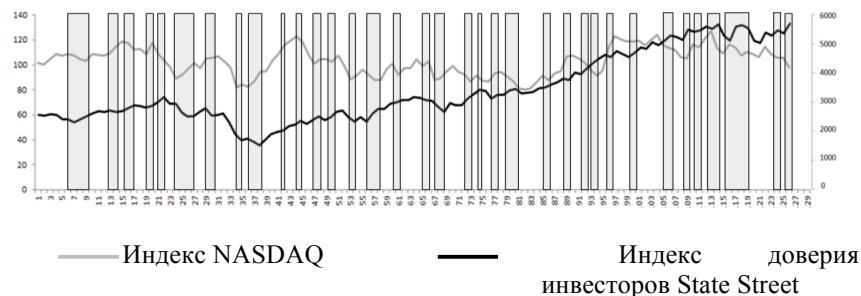

Рисунок 7. – Объединённый график изменений Индекса доверия инвесторов State Street и NASDAQ (серыми блоками отмечено разнонаправленность исследуемых показателей)

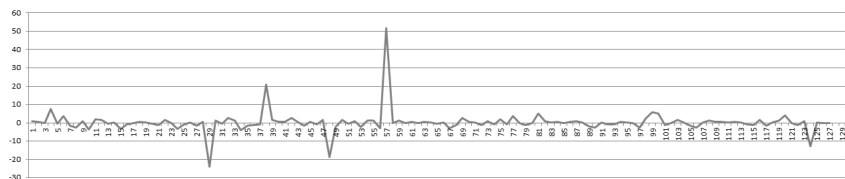

Рисунок 8. – Коэффициент информационной эластичности Индекса доверия инвесторов State Street, $E_{SS} = \Delta NC / \Delta SS$

Построение графика Р-Р (стандартный и с удалённым трендом) данного коэффициента подтверждает логистическую форму распределения значений (см. рис. 9) – наблюдается бинарность реакций (нормальное распределение предполагает размещение вблизи трендовой линии, а с исключённым трендом значения размещаются волнообразно

аналогично синусоиде с равными волнами в верхней и нижней части графика, что исключает асимметрию и бимодальность).

Преимуществом данного типа графика является отражение ранговых значений, что важно для исследования, так как позволяет увидеть распределение аномальных реакции с разнонаправленностью исследуемых показателей [16].

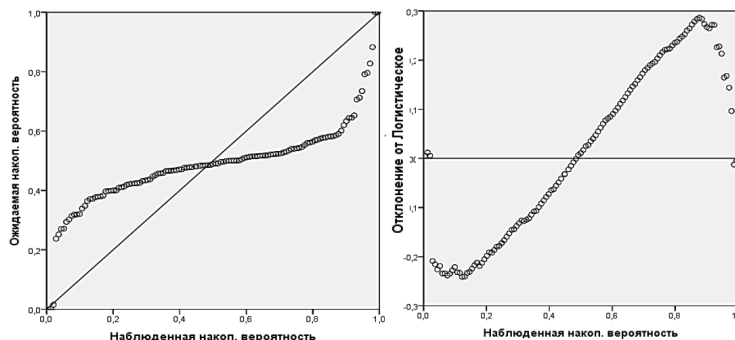

Рисунок 9. – График P-P «State Street Investor Confidence Index»

Вывод. Таким образом, можно отметить, что в странах Еврозоны, в США и Японии индексы доверия потребителей рассчитываются уже длительное время. Они основываются на выборочном опросе потребителей с целью определения их настроений. На сегодняшний день нет индикатора доверия, который бы одновременно: охватывал все группы субъектов рынка; характеризовал совокупный уровень доверия к экономике этих групп; характеризовал доверие, которое определяется не эмоциональным восприятием, а уровнем экономической активности всех субъектов рынка и ее структурой демонстрировал изменение уровня доверия нарастающим итогом. Кроме того, была подтверждена гипотеза не только о иррациональном поведении субъектов рынка (нелинейная природа их реакций [17]), но и выявлена разнонаправленность (разновекторность) динамики рынка и индексов доверия инвесторов.

References:

- [1] Rottella R., The Elements of Successful Trading. — New York: Wiley, 1993; Bernstein J. The Investor’s Quotient: The Psychology of Successful Investing in Commodities & Stocks. New York: Wiley, 1993.
- [2] Shleifer A. Inefficient Markets: An Introduction to Behavioral Finance. — Oxford: Oxford University Press, 2000.

- [3] Vashchenko T.W., Lisitsyn E.V. Behavioural finance - a new direction of financial management. The history of the emergence and development // Financial Management.— 2006. — № 1.
- [4] Black F. Noise // The Journal of Finance. — 1986. — vol.41. — P. 529—543.
- [5] De Long, Bradford J., Shleifer A., Summers L. Noise Trader Risk in Financial Markets, In «Advances in Behavioral Finance». — New York: Russell Sage Foundation. — 1993. — P. 23 — 58.
- [6] Official site of Sentix [Electronic resource]. — Access mode: <https://www.sentix.de/>(date of the application: 19.08.2016).
- [7] Official site of State Street California, Inc. [Electronic resource]. — Access mode: <http://www.statestreet.com/ideas/investor-confidence-index.html> (date of the application: 22.08.2016).
- [8] Official site of Bank of Japan [Electronic resource]. - Access mode: <https://www.boj.or.jp> (date of the application: 22.08.2016).
- [9] Official site of Eurex Frankfurt AG . [Electronic resource]. — Access mode: <http://ru.investing.com/indices/eu-stoxx50-historical-data> (date of the application: 27.07.2016).
- [10]Forex article "Basic Indicators" Leading indicators Tankan Index: Leading indicator of Japan [Electronic resource]. — Access mode: <http://forex-digest.ru/articles,review,1,112.htm>.
- [11]Official site of Dealing center Forex Euroclub: [Electronic resource]. — Access mode: <http://enc.fxeuroclub.ru/303/>(date of the application: 22.08.2016).
- [12]Teplova, T. Investments: the textbook / T. The heat - M.: Publishing house Yurayt, 2011. - 724 c.
- [13]Official site of State Street California, Inc. [Electronic resource]. — Access mode: http://mam.econoday.com/byshoweventfull.aspx?event_id=284&cust=mam (date of the application: 22.08.2016).
- [14]Official site of NASDAQ [Electronic resource]. — Access mode: <http://www.nasdaq.com/> (date of the application: 22.08.2016).
- [15]Official site of Forex2 [Electronic resource]. — Access mode: <http://forex2.info/nasdaq> (date of the application: 22.08.2016).
- [16]Blom, Gunnar: Statistical estimates and transformed beta-variables. Wiley/New York, Almqvist und Wiksell/Stockholm 1958; 176 S.
- [17]Malysenko K.A., Rybintsev V.A., Voskanyan A.A., Rublev M. Psychological aspects of preparation for a successful trader in the financial markets. Trends in Higher Education in Ukraine: European Vector: Proceedings of the International Scientific Conference, Yalta (20-21 March 2014). - Yalta: RVNZ KGU, 2014. — P. 1. — 548 p. P. 286-295.

Lymarewa O.A., Kapustianova K.A.

COMPETITIVENESS OF AN ENTERPRISE: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACH

Lymarewa O.A., Russia, Kuban State University, D.E., Professor
Kapustianova K.A., Russia, Kuban State University, student

Abstract

The article discusses the theoretical and methodological basis for improving the enterprise competitiveness including the state of economic thought on this issue. Analyzing the main factors that determine the competitiveness of the enterprise, as well as the dependence of the competitiveness of the competitive advantages, supported by the definition of copyright. The most effective in the opinion of the authors of the methodology and indicators of competitiveness of the enterprise system evaluation are mentioned.

Keywords: competitive advantages, market share, competitive factors, methods of competitive evaluation.

Against the background of international openness of developed countries, the ensuing globalization of economic relations, the variability of the environment actualized questions, knitted with the increase of the enterprise to bring to the fore the question of the conduct of competition and competitiveness. The foregoing trends, determining economy development direction, contribute to the growth of the researches and businessmen interest in the essence of competition study, competitiveness and their mechanisms of action, as well as, approaches to analysis of this categories. It should be stressed that until recently rivalry was such a category, insufficiently developed in Russian Federation [1].

The competitiveness history took place on 1985 in USA where 'The Political Competitiveness Council' and 'The Competition Commission' were set up. This was followed by other countries. For instance, European union had a necessity to become the most competitive country based on economic development as well as gradual economic growth by dint of providing a lot of employer's supply and a high degree of social cohesion [2].

Social Science and Humanity #3 2016

In the course of marketing studies, the enterprise competitiveness is determined by produce demand existence and its market share: the larger market share is, the higher company's competitiveness will be [3]. I. U. Zukaeva and L.R. Ilyasova represented competitiveness definition (tabl.1). It should be specially noted that market share can be consider as an index of competitiveness more than a competitiveness as a hole. Therefore, the means of achieving an appropriate level of competitiveness's index as well as nature of investigated phenomenon are not included in general definition.

Significantly different position adhere to the researchers such as E.V. Minko, M.L. Krichevsky, M. Ehrich, and Jn. Heil and European Management Forum (tabl. 1), who give much attention to binding the enterprise competitiveness with product competitiveness. That is to say, opportunities of analyzing company to produce and distribute particular kind of commodity that would have external and internal (qualities) discrepancy from other products so that to make more profit. We inclined to say, that foregoing link limits the notion's sphere of influence. The point is that range of products can not remain the same in case of market economy, consequently enterprise life cycle is much more longer than the product life cycle. Thus, while calculating competitiveness at a seitan time period, marketers have to take into account that product adaptation facilities depending on the market's needs are one of the major factor of producing high competitiveness for the enterprise. In addition, we must contemplate an appropriate product selection process without taking into consideration plenty of different characteristics such as brand name, social orientation and loyalty policy.

Table 1. The definitions of "competitive enterprise" category

Author	Definition	Major point
I.U. Zulkameva L.R. Ilyasova	An enterprise capability to have a particular market share of goods and to increase / reduce it	Market share
Minko E. V. Krichevsky M.L.	The aggregate of consumer properties necessary and sufficient for the implementation of comparable prices in specific period of time [4]	Product competitiveness
Ehrlich M. Hain Jn.	Country / firm opportunity to sell their products [5]	Opportunity to sell goods
Adaeva. T.Y.	Enterprise capability to provide competitive products, steadiness and opportunity to adapt to the gradual economic changes	Adaptation and steadiness
Zabelin P.V.	Enterprise capability to make return on invested capital not lower than the costs (in short term) [6]	Profitability
European Management Forum	Actual and potential ability of companies, as well as available to them for this opportunity to design, produce and market products that are on the price and non-price characteristics of the complex more attractive to the consumer than competitor products	Product competitiveness
Ershova A.V.	The ability of the company to produce the best-selling products with efficient use of of industrial, human and financial potentials [7]	Efficient resources use
Porter M.	The property is the subject of market relations act on the market on a par with present there competing subjects of market relations.	Capability to rival
Filisova T.G. Bukov V.A.	An ability to rival in market of goods and services [8]	Capability to rival

Ershova E.B. and Zabelin P.B. mentioned the approach of defining the enterprise competitiveness that would express specific connection between the efficiency of resources use and the development rapidity of company that has direct dependency and lead to general competitiveness amelioration.

Questions about the ability to adapt to the changing economic situation due to the ability to compete on the market, that is to act on a par with other sector of the issuer at any time.

These definitions reflect different views of economists, in one way or another give an indication of the competitiveness of the economic entity in various aspects. In our view, competitiveness is the specific enterprise characteristic that is a prerequisite for a successful implementation of particular methods leading to meeting the market requirements by providing efficient produces that would satisfy both the consumers (soar demand) and enterprise (increase profit).

The competitiveness of enterprises is considered on two sides: as the company's potentiality and as an advantage in comparison with other issuers. It is needed to identify strengths, which play the role of locomotive and will boost enterprise development, i.e. competitive advantages, which, in turn, have a relative dynamic [9] and provides the best opportunity to overcome the effects of competition, to attract customers and maintain their commitment to the goods of the enterprise and to increase the competitiveness [10].

An emerging market including competitive advantages as a competitiveness criteria do not allow it to be permanent, because at a particular period of time they may be surpassed by competitors. The only factor that always exists for any enterprise, - innovations in all areas.

Frequently, competitive enterprise is described by internal and external production factors. AA . Thompson and AJ Strickland [11] offered while determining competitiveness to consider the following factors: the quality and characteristics of the product, reputation, production facilities, innovative features, the use of technology, distribution network and distribution capabilities, financial resources, costs compared to competitors, service customers.

So, we can not say that these factors fully determine the competitive company, as it will not function without a competitive employees [12].

Another approach which was created by American scientist, economist and manager, David Krevens, is based on funct 1. Outside factors direct from the external environment within the enterprise;

2. Internal - go inside the enterprise (meeting the needs of consumers);
3. Bilateral factors (include both views)

External processes direct the factors, functioning in the internal and bilateral environment, but, like in the foregoing method, the personnel are not taken into account.

In competitive advantages contemplated by Porter [13] staff also is not taken into account. These include the following factors: ownership of the enterprise to a particular industry, using the competitive strategies, value chain of production (cost picture, potential sources of differentiation).

Without a doubt, Porter's benefits are fundamental for companies competing in the same industry, as the use of competitive strategy and value creation of products can help in improving competitiveness and getting ahead by offering on the market radically different from the other issuers products. Despite that, belonging to a particular sector can not become a competitive advantage, since the acceleration of development, tougher competition, ie there are new firms longing to take a lucrative niche in the economy. M. Porter allocated a model, that includes only two types of competitive advantages [14]:

1. Low costs, that are not just smaller amount of production costs than competitors have, but the company's ability to develop, produce and sell goods more efficiently and profitably;

2. Specialization as a type of competitive advantage is not focused on the production and marketing of one product, but on the contrary, on meeting specific needs of clients in the differentiation production. Thus, It is provided a higher price for a product produced than for goods - substitutes offered by competitors, since the unusual and narrowly focused goods.

For instance, Michael Porter highlighted the basic concepts that are commonly used in determining the enterprise's competitiveness: the ability to compete, to adapt to a changing environment, efficient use of available resources and, as a result, to produce competitive products. Therefore, he led us to the fact of the unbreakable link between competitive advantage and competitiveness in general, as well as to consider the feasibility of all the above factors in identifying the level of competitiveness of the enterprise - a relative indicator reflecting the characteristics of the enterprise ability to withstand the competitive onslaught on the market in a certain period of time. It is established vary from country studies (sociological, political and economic factors) and competitive businesses (occupied niche market - branch of scale, organizational structure, etc.).

Figures, directly characterizing the results of its operations play the most important role in the analysis of the internal environment of the enterprise. These include [15]: product quality, breadth of range, unit cost; prices of manufactured products, profit margins, the level of profitability, the availability of equity capital, liquidity of assets, creditworthiness and solvency, capacity utilization, human resources, the average wage, etc.

Calculate the above figures, an analysis of financial statements and other documents of the nomenclature can be used, such as charter, audit analysis, as well as by means of SWOT - analysis, which allows to identify the strengths and weaknesses of the enterprise, and develop strategies and tactics work in the future market.

Social Science and Humanity #3 2016

Thus, we can recommend a system of indicators to assess the competitiveness of the enterprise, presented in Table 2 [16].

Undoubtedly, it should be taken into account that these figures applied in pure form, without analysis of the situation at the company and the industry is not feasible since the individuality of each analyzing company, so an effective method of developing strategies to assess the competitiveness of individual enterprise is a combination of several strategies to create a rational amalgamation of techniques. It is impossible to achieve complete superiority over other companies in the occupied sector, as the economy is not stable, managers need to enlist the professional experts who will be able to prioritize enterprise (goals, objectives of production and economic activity), to devise a unique strategy, to analyze the potential internal and external risks, also reorganize as necessary to match the production of products all the time changing market trends.

Table 2 - The system of indicators to assess the competitiveness of the enterprise

Competitiveness sides	Indicators	Accounting methods
Marketing sphere		
Product	Presales preparation index	$PP = PsC / PdC$ where PC - the amount on presale costs; PdC - the sum of production costs (acquisition) of the product and its sales organization
	Sales changes index	$SC = Se / Sb$ where Se - sales at the end of the reporting period; Sb - sales at the beginning of the reporting period
	Profitability	$Pr = \text{Sales Profit} / \text{Cost of production}$
Pricing Policy	Price level index	$PL = (C_{gmax} - C_{gmin}) / 2Pg_f$ where C_{gmax} - maximum price of goods on the market; C_{gmin} - the lowest price of the goods on the market; Pg_f - the price of goods, established by firm
Financial sphere		
Liquidity and Solvency	Absolute liquidity index	$AL = \text{Cash} / \text{Short-term liabilities}$
	Critical liquidity index	$CrL = \text{Liquid assets} / \text{Short-term liabilities}$
	Current liquidity index	$CL = \text{Working capital} / \text{Short-term liabilities}$
Financial stability	Autonomy index	$Au = \text{Equity} / \text{The value of all assets}$
	Maneuverability index	$KM = \text{Working capital} / \text{Equity}$
Management		
Enterprise	Рентабельность производства	$R_{пр} = \text{ПБ} / \Phi + O$, где Φ – основные средства; O – оборотные средства
Labor	Productivity	$P = Q / IP$, where Q - volume of output; IP - number of industrial personnel
Market share	Market share index	$Msh = SP / Ts$, where the SP - sales of enterprise products; Ts - the total volume of sales of the product on the market
Costs	Costs of 1 rub. products	$Cp = \text{Cost price} / \text{Revenue}$

Thus, having considered different approaches in determining the authors competitiveness from different countries, we have come to the conclusion that the competitiveness is one of the most important indicators of industrial and economic activity of the enterprise. Incorporating concepts such

as competitive advantage, product quality, profitability and efficiency, purchasing demand, economic benefits, this concept significantly increases the number of managers influence the position of the company. Realizing the full, how to keep the company afloat and make it profitable, marketers, financiers, economists and managers, worked out using our scorecard, analyze and prevent risks and to stabilize the situation in time.

References:

- [1] A. Chaplin's competitiveness as an integral indicator of the enterprise effectiveness // Problems of the theory and practice of management. 2006. № 3. S. 108 - 113.
- [2] EM Sokolova, Romanova LE The national economy competitiveness: problems and prospects // definition of news Tula State University. Economic and legal sciences, № 1-1, 2010., URL.: <http://cyberleninka.ru/article/n/konkurentosposobnost-natsionalnoy-ekonomiki-problemy-i-perspektivy-opredeleniya>
- [3] EA Starodubtseva About a problem on the interpretation of the concept of competitiveness of enterprises // News in Irkutsk State Academy of Economics., 2011, № 4.
- [4] Minko EV Krichevsky ML Quality and competitiveness. St. Petersburg, 2007
- [5] Mironov MG Your competitiveness. - M.: AlfaPress 2004.
- [6] Zabelin PV the basics of strategic management / PV Zabelin, NK Moses. - M.: Information and innovation cent "marketing" 1997.
- [7] Ershov IV Business Law, 4th ed., Rev. and ext. - M.: Law, 2006. - 560 p.
- [8] Filosofova TG, bulls VA Competition and competitiveness: Textbook. 2nd ed., Moscow, 2005.
- [9] B. Shkardun Integral assessment of the competitiveness of the enterprise // Marketing. 2005. number 1.
- [10] Zaitsev LG Strategic Management: textbook. M.: Ekonomist, 2002. 416 with.
- [11] AA Thompson, AJ Strickland Strategic Management. Concept and situation analysis: per.s English. - M.: Williams 2003.
- [12] Belkin VN, NA Belkin, LB Vladykina. Theoretical basis of assessment of the competitiveness of enterprises // The economy of the region. 2015, number 1
- [13] ME Porter Competitive advantages. How to achieve a good result and to ensure its sustainability; per. from English. - M.: Williams 2005.
- [14] VE Lankin Marketing: Account. Benefit. Taganrog: TSURE 2006.
- [15] AI Romanov The competitiveness of the enterprise: the methods of assessment, a strategy to improve // Modern Competition, 2007. № 5.

URL .: file:/// C: /Users/user/Downloads/konkurentosposobnost-predpriyatiya-metody-otsenki-strategii-povysheniya.pdf
[16]Plotitsina TM Key challenges and opportunities for the practical assessment of the competitiveness of the enterprise // Herald TSTU. 2010. 16. Tom number 2.

Sharapova N.V., Popova M.A.

DIFFERENTIATION OF WAGES OF PUBLIC SECTOR WORKERS IN THE URALS FEDERAL DISTRICT

Sharapova N.V., Russian Federation, Ural State University of
Economics, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Popova M.A., Russian Federation, Ural State University of
Economics, Student 4

Abstract

The problem of increasing wages of public sector workers is becoming every day more and more urgent. One way to increase public sector salaries is indexed. Differentiation of wages of public sector workers in the Urals Federal District is large enough. This difference depends on many factors: education, scope of activities, staff development, the economic situation in the country and region of residence.

Keywords: salary, benefits, wage growth, differentiation of salaries, wage indexation.

В указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года №597 "О мероприятиях по реализации государственной социальной политики", содержится поручение Правительству Российской Федерации обеспечить к 2018 году увеличение размера реальной заработной платы в 1,4-1,5 раза; обеспечить повышение средней заработной платы следующим специалистам: врачам, преподавателям образовательных учреждений высшего профессионального образования, научным сотрудникам, таким образом, чтобы их заработная плата возросла не менее, чем в 2 раза от средней заработной платы в соответствующем регионе. Также в этом указе говорится об обеспечении повышения средней заработной платы социальных работников, младшего и среднего медицинского и фармацевтического персонала к 2018 году до 100 процентов от средней заработной платы в соответствующем регионе. А тем работникам медицинских организаций, которые имеют высшее медицинское (фармацевтическое) или иное высшее образование, и предоставляющих медицинские услуги или обеспечивающих предоставление медицинских услуг, обеспечить рост заработной платы к

2018 году до 200 процентов от средней заработной платы в соответствующем регионе. Правительству Российской Федерации совместно с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации было рекомендовано обеспечить разработку нормативных правовых актов, которые смогли бы предусмотреть до 1 августа 2012 г. реализацию мер для поэтапного повышения заработной платы работников культуры.[2]

Проблема повышения заработной платы работников бюджетных сфер становится с каждым днем все актуальнее. Исходя из указа Президента реальная заработная плата должна увеличиться в 1,4-1,5 раз, заработная плата бюджетников должна повысится в разы от средней заработной платы в регионе.

Приведенные в таблице 1 данные свидетельствуют об отрицательной тенденции снижения темпов прироста реальной среднемесячной заработной платы по сравнению с предыдущим годом. В 2014г. разница между приростом в стране и регионе составила 1,1%, что говорит о неизменности реальной заработной платы в Уральском регионе по сравнению с увеличением ее в среднем по стране.

Таблица1 - Темп прироста реальной среднемесячной заработной платы в 2014-2015г.г. в России и Уральском федеральном округе, в %.

Территория	2014	2015
Российская федерация	1,2	-9
Уральский федеральный округ	0,1	-8,6

В 2015 году по сравнению с предыдущим годом наблюдается значительное ухудшение показателя, он составил -9% по стране и -8,6% по региону, что означает снижение реальной заработной платы на 9%. Для наглядности данные представлены на рис. 1

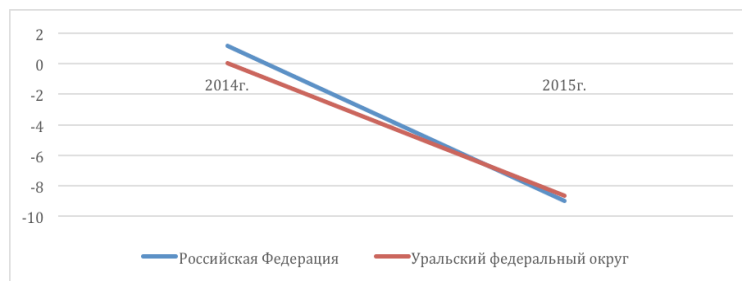

Рисунок 1 – Темп прироста реальной среднемесячной заработной платы в 2014-2015г.г. в России и Уральском федеральном округе

Одним из способов повышения заработной платы бюджетникам является индексация. Согласно статье 134 Трудового кодекса Российской Федерации: «Обеспечение повышения уровня реального содержания заработной платы включает индексацию заработной платы в связи с ростом потребительских цен на товары и услуги. Государственные органы, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные учреждения производят индексацию заработной платы в порядке, установленном трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, другие работодатели - в порядке, установленном коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами» [5].

До 2015 года индексация проводилась и носила стимулирующий характер. Но на деле, в 2015 году согласно заявлению министра финансов Антона Германовича Силуанова, правительство приняло решение снизить темпы роста заработных плат бюджетников в данном году. Опираясь на данные, предоставленные Министерством финансов, уровень индексации заработных плат в 2015г. составил 5,5% (в отличие от ранее запланированного минимум 10%) , который равен запланированному в бюджете уровню инфляции. То, есть фактически, в 2015г. наблюдалось приостановление роста заработных плат бюджетников и не исполнение указа Президента. Оклады работников бюджетной сферы остались неизменными[3].

Рассмотрим более детально выполнение данных указов, а именно отношение средней заработной платы отдельных категорий работников (медицинских организаций (в том числе младшего персонала и работников с высшим образованием), преподавателей образовательных учреждений высшего профессионального образования, научных сотрудников и работников культуры) к заработной плате по субъекту РФ в динамике поквартально за 2014-2015г.г. в Уральском федеральном округе и сравним темпы роста заработной платы в регионе с темпами роста в целом по стране. (Рис.1, Рис.2, Рис.3, Рис.4, Рис.5)

Наибольшее значение показателя в Уральском федеральном округе наблюдается в 4 квартале 2015г. 164,8%, что говорит о положительной тенденции и увеличении заработной платы врачей и работников медицинских организаций, имеющих высшее медицинское образование. Но рост заработной платы в регионе значительно выше соответствующего показателя по стране. Данное явление связано тем, что дополнительно на увеличение заработных плат работников бюджетных сфер в регионах выделяют дополнительные средства. Например, в Свердловской области в 2015г. дополнительно выделили 56,6 миллиардов рублей [8]. Прирост субвенций, по сравнению с 2012 годом, составил 58%[*]. Согласно указу Президента заработная плата

данных категорий работников должна повысится до 2018 года и составлять 200% от средней заработной платы по субъекту РФ. Посмотрев в динамики, на протяжении двух последних лет в регионе она изменялась в пределах от 150% до 165%, по сравнению с аналогичным показателем по стране от 139 % до 156%. Для достижения плана необходимо обеспечить рост заработной платы на 34,2%.

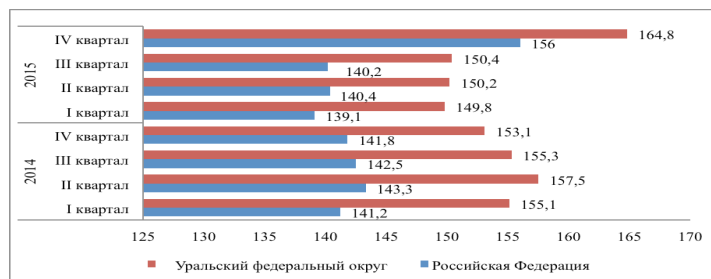

Рисунок 1 – Отношение средней заработной платы врачей и работников медицинских организаций, имеющих высшее медицинское (фармацевтическое) или иное высшее образование, предоставляющих медицинские услуги (обеспечивающих предоставление медицинских услуг) к средней заработной плате по субъекту Российской Федерации поквартально за 2014-2015г.г. в России и Уральском федеральном округе, в % [11].

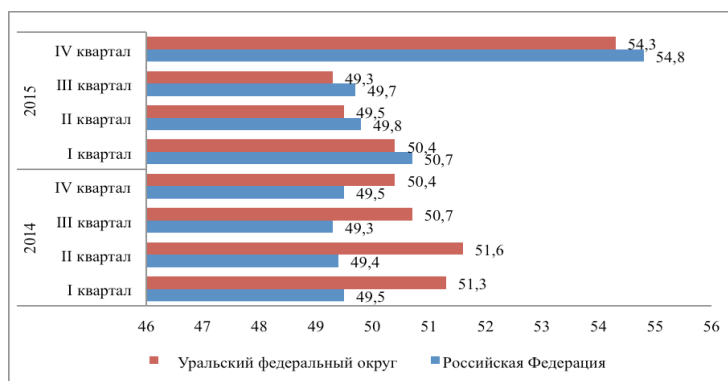

Рисунок 2 – Отношение средней заработной платы младшего медицинского персонала к средней заработной плате по субъекту Российской Федерации поквартально за 2014-2015г.г. в России и Уральском федеральном округе, в %.

Согласно указу Президента, средняя заработная плата младшего медицинского персонала должна быть повышена до 100% от средней заработной платы по региону. По сравнению с врачами и медицинскими работниками с высшим образованием, с работниками младшего персонала дела обстоят сложнее. Согласно данным, темп роста средней заработной платы работников по стране выше, чем в регионе, но колеблется в относительно одинаковом диапазоне от 49% до 55%. Но для достижения плана в Уральском федеральном округе необходимо увеличить её на 44,7%. Это будет сделать достаточно сложно, так как это означает, что необходимо увеличить заработную плату в 2 раза[7].

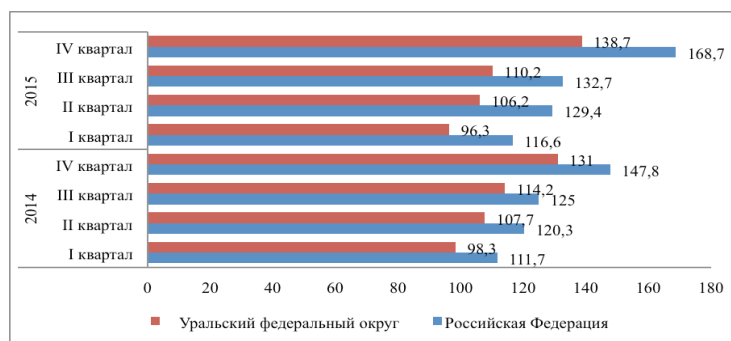

Рисунок 3 – Отношение средней заработной платы научных сотрудников к средней заработной плате по субъекту Российской Федерации поквартально за 2014-2015г.г. в России и Уральском федеральном округе, в %.

Заработные платы научных сотрудников, как и медицинских работников с высшим образованием и врачей, должны вырасти до 200%. Но если посмотреть на динамику показателя в среднем по региону за 2 года, заработная плата научных работников повышается, но достаточно медленно, по сравнению с темпами роста в стране[4]. На начало 2014г. темп роста по региону на 13.4% был ниже аналогичного показателя по стране, а к концу 2015г. разница достигала 30%.

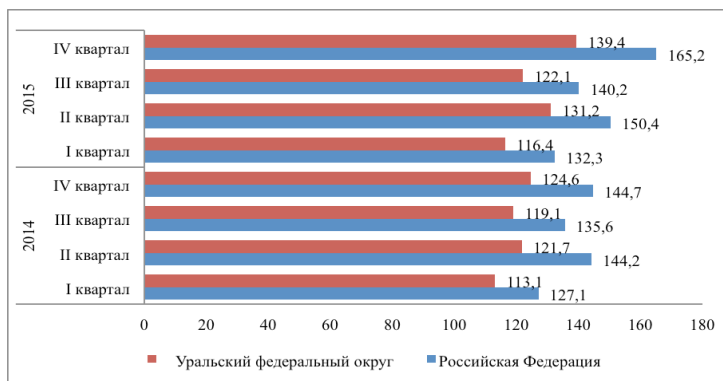

Рисунок 4 – Отношение средней заработной платы преподавателей образовательных учреждений высшего профессионального образования к средней заработной плате по субъекту Российской Федерации за 2014-2015г.г. в России и Уральском федеральном округе, в %.

Зарботная плата преподавателей образовательных учреждений высшего профессионального образования выше, чем у научных сотрудников. Но разрыв между регионом и страной тоже достаточно большой. Для выполнения указа необходимо повысить уровень заработной платы на 59,6%[9].

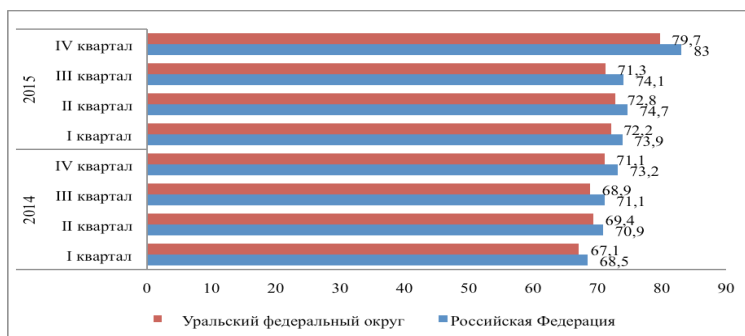

Рис.5- Отношение средней заработной платы работников учреждений культуры к средней заработной плате по субъекту Российской Федерации за 2014-2015г.г. в России и Уральском федеральном округе, в %.

По данным об отношении заработных плат работников учреждений культуры к средней заработной плате по региону, можно наблюдать положительную тенденцию роста с 2014г.. На конец 2015г. заработная плата составила 79.7% от средней заработной платы по региону, но она на 3.3% отстает от аналогичного показателя по стране. Для достижения плана (100%) необходимо увеличение данного показателя до 20% [12].

Среднемесячная начисленная заработная плата наемных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц (среднемесячный доход от трудовой деятельности), начиная с итогов за 2015 год, в соответствии с принятым Правительством Российской Федерации постановлением от 14.09.2015 № 973 «О совершенствовании статистического учета в связи с включением в официальную статистическую информацию показателя среднемесячной начисленной заработной платы наемных работников в организациях, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц (среднемесячного дохода от трудовой деятельности)» в России составила 30694 рубля, в Уральском федеральном округе- 35658 руб.[3].

Средняя численность отдельных категорий работников социальной сферы и науки в Уральском федеральном округе за январь-декабрь 2015 года представлена в таблице 2.

Таблица 2 – Средняя численность отдельных категорий работников социальной сферы и науки в Уральском федеральном округе за 2015г.

Показатель	Преподаватели образовательных учреждений высшего профессионального образования	Врачи и работники медицинских организаций, имеющие высшее медицинское (фармацевтическое) или иное высшее образование, предоставляющие медицинские услуги (обеспечивающие предоставление медицинских услуг)	Младший медицинский персонал (персонал, обеспечивающий условия для предоставления медицинских услуг)	Работники учреждений культуры	Научные сотрудники
Российская Федерация	238 471	572 802	598 892	573 567	81 724
Уральский федеральный округ	16 600	44 848	47 497	47 039	3 087
Доля работников УрФО в общей численности работников РФ по категориям	6,96%	7,83%	7,93%	8,20%	3,78%

Из таблицы видно, что преобладают работники здравоохранения (44848 и 47497 чел.) и учреждений культуры (47039чел.). Работники

региона составляют с средним 7% от работников занятых в аналогичных сферах в целом по России.

В процентном отношении динамика отношения заработной платы бюджетников к средней заработной плате в среднем по региону положительна[6]. Согласно данным Федеральной государственной статистики в России в 2015г. уровень средней заработной платы врачей и работников медицинских организаций, имеющих высшее медицинское (фармацевтическое) или иное высшее образование, за январь-декабрь 2015 года составил 47874 рубля, в Уральском регионе 58 778рублей.

Уровень средней заработной платы младшего медицинского персонала в России в 2015г. - 16820руб., в регионе- 19370 рублей.

Уровень средней заработной платы преподавателей образовательных учреждений высшего профессионального образования за январь-декабрь 2015 года составил по России-50703 рубля, в Уральском регионе- 49712 рублей.

Уровень средней заработной платы научных сотрудников в 2015 году составил в РФ-51780 руб., в Уральском регионе- 49459 рублей.

Уровень средней заработной платы работников учреждений культуры за январь-декабрь 2015 года составил в России- 25485 рублей, в регионе- 28412 рублей.

Средняя заработная плата варьируется в зависимости от категорий работников и сферы деятельности. Самая низкая средняя зарплата у младшего медицинского персонала, затем идут работники культурных учреждений[10]. Их уровень заработной платы ниже среднемесячного показателя по региону. Самыми высокооплачиваемыми считаются врачи и работники медицинских организаций, имеющие высшее образование. Так же следует отметить разницу в оплате труда в регионе и в России. Например, у врачей эта разница составляет 10904 рубля, у младшего медицинского персонала- 2550 рублей.

Согласно данным Российской статистики, среднемесячная начисленная заработная плата врачей с высшим образованием в первой половине 2016 года составляла 48 946 рублей, что на 1072 рубля больше чем в 2015г. Но, как мы понимаем, это всего лишь средняя цифра, которая варьируется в зависимости от региона.

Дифференциация заработной платы работников бюджетной сферы в Уральском федеральном округе достаточно велика. Данная разница зависит от множества факторов: образования, сферы деятельности, квалификации сотрудников, экономической обстановке в стране, от региона проживания и т.д. В регионе она так же может существенно различаться в зависимости от области и должности.

References:

- [1] Melchakova L.J., V.M. Sharapova NATIONAL FEATURES OF THE LABOUR MARKET RUSSIA // In: Decent work - the basis of a stable society Those responsible for the release: EV Pechiney, NC Shaimardanov. 2012. pp 43-46.
- [2] Russian Capital gazeta- release №5775 (102) of 9 May 2012.
- [3] Semin A.N. PAYMENT OF AGRICULTURAL LABOUR: TRADITION AND NEW REALITIES // Economics of agricultural and processing enterprises. 2016. № 6. S. 5-10.
- [4] Semin A.N., Sharapova N.V. REMUNERATION - MAIN FACTOR fixability young professionals in rural areas // Economics of agricultural and processing enterprises. 2014. № 10. C. 35-38.
- [5] "The Labour Code of the Russian Federation" dated 30.12.2001 N 197-FZ (ed. By 03.07.2016)
- [6] Sharapova V.M., Chekunov I.V., Tula O.A. ACCOUNTING AND THE ORDER OF THE IMPLEMENTATION OF SOCIAL GUARANTEES // Economics and Management in the XXI century: trends. 2015. № 24. C. 71-75.
- [7] V.M. Sharapova, Sharapova N.V. Audit and controlling marketing personnel // Science yesterday, today and tomorrow. 2016. № 8-2 (30). Pp 124-130.
- [8] Sharapova N.V. IMPROVEMENT OF THE PAYMENT OF YOUNG PROFESSIONALS agrarian // Russian agricultural and food policy. Number 7, 2014. (19). S. 53-56.
- [9] Sharapova N.V., V.M. Sharapova ANALYSIS OF WAGE ("1C: Payroll") // In: New Information Technologies in Education Edited by DV Tchistov. 2012. pp 220-221.
- [10] Sharapova V., Sharapova N. OPTIMIZATION OF PERSONNEL COSTS //Наука и технологии. 2016. № 2. С. 206-214.
- [11]<https://www.gks.ru>
- [12]<https://www.fedstat.ru/organizations/>

MANAGEMENT

Bryukhanov Y. M., Smagulov D.N., Rakhimzhanov, B.M.

METHODICAL APPROACHES TO IMPROVE THE PROCESS OF MAKING STRATEGY-RELATED DECISIONS IN MANAGING THE REDUCTION OF CORRUPTION

Bryukhanov Y.M., Russia, Plekhanov Russian Economic University, candidate of Economics, associate professor

Smagulov D.N., Kazakhstan, The anti-corruption Service of the Republic of Kazakhstan , master of management

Rakhimzhanov, B.M., Kazakhstan, The anti-corruption Service of the Republic of Kazakhstan, master of management

Abstract

Corruption is a systemic threat to the security of the Eurasian economic Union (EEU), threatens stability and hinders the ongoing economic and social reforms, the creation of investment unattractiveness, multiplatinum growth of crimes in the sphere of legalization of crimetion of income and the financing of terrorism. Of the five countries participating in the EEU for a major share in the total gross domestic product of Russian Federation (84%) and Kazakhstan (11%) [1], in materials which were tested methodological approaches proposed in the article.

Keywords: level of corruption, legalization of income, structure of corruption crime, anti-corruption service, clusters of corruption

The study for the Russian Federation was estimated close statistical relationship between the level of corruption and the legalization of income obtained by criminal means, the correlation coefficient of 0.91, coefficient of regression of level of corruption on the level of legalization of income obtained by criminal means was 1.1 [2].

According to statistics of the Committee on legal statistics and special records of General Prosecutor's office of the Republic of Kazakhstan for the period from 2012 to 2014 revealed 4630 corruption crimes is an average of about 1 thousand crimes a year[3]. The structure of corruption crimes in the Republic of Kazakhstan is represented in Fig.1

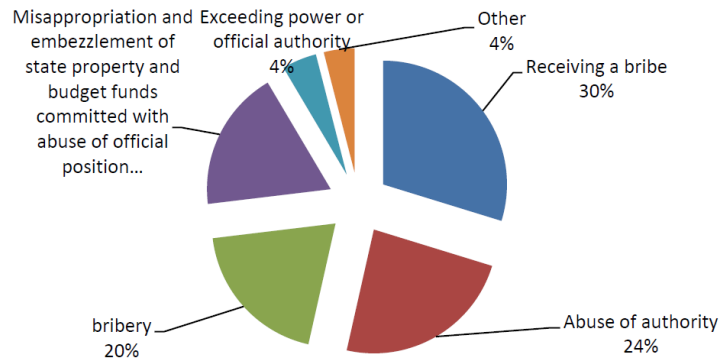

Fig 1. Quantitative structure of corruption crimes in the Republic of Kazakhstan.

The most corrupt spheres in 2015 in the Republic of Kazakhstan were:

- public procurement;
- activities of internal Affairs bodies;
- land tenure and licensing;
- customs and tax area [4].

The main corruption offences in terms of the total damage in monetary terms are: Abuse of power -42%, Bribery -24%, Fraud -9%, Forgery -9%, Misappropriation or embezzlement of entrusted other people's property -7% [5,9].

Strategic decisions in the management of lower levels of corruption based on the assessment of corruption risks and develop preventive measures to mitigate them[8] . As a tool for corruption risk assessment in the context of regions of the Republic of Kazakhstan we applied the matrix, constructed on the basis of rating of corruption crimes in the sphere of corruption using data from the anti-corruption service of the Republic of Kazakhstan for 5 months of 2015 year.

For the analysis the following areas of corruption were highlighted :

- Irregularities in the implementation of government programs (GPs)
- intervention in small and medium enterprises (SME)
- government procurement (GPt)
- taxation (Tax)

- land area (Land)
- education (Edu)
- healthcare (HC)
- agriculture (AC)
- construction sector (Con)
- the activities of the investigative bodies of internal Affairs (Police)
- administrative activities (road) police (RP)
- the activities of customs authorities (Cust)

The results of estimating the overall risk of corruption in the regions of the Republic of Kazakhstan are presented in table.1. Applied methodological approach - matrix of ratings of corruption in the spheres of corruption in the regions allows us to give a collective assessment of the corruption risk in the regions of the Republic of Kazakhstan.

Study of impact on the sphere of corruption the level of unemployment in the regions was carried out using the rate of unemployment, calculated by the number of registered unemployed [6,10].

Further identified correlation of unemployment rating summary - ratings of corruption risks in the regions of the Republic of Kazakhstan (table 2)

Further studies were related to determination of the coefficient of correlation of unemployment with separate spheres of corruption, was obtained the significant results , presented in table.3

The ethical status of the population of the regions of Kazakhstan and anti-corruption culture were studied on the base of statistical relationship between population and the number of corruption crimes (Fig.6).

Sectoral and regional structure of the rating of corruption given the opportunity to identify regions with a high risk of corruption. Five leaders are in South Kazakhstan region (SKO), Zhambyl region, Astana, Akmola region, Kyzylorda region (Table 1.)

Assessment of Regional severity rating of corruption crimes has shown a leadership role in the capital region. The most serious corruption, taking place with the participation of heads of regional level, which are geographically in the Metropolitan area.

Visually, the extreme points of the ranges are closely correlated (fig.2), however, the whole range of the rating of corruption risk (response) and rate of unemployment (factor) correlation coefficient is 0.54, visible correlation.

This result is hardly acceptable in the strategic management of reducing the overall risk of corruption, reducing unemployment, it is impossible to linearly reduce the level of corruption [11].

Determined noticeable correlation coefficients (more than 0.5 on a scale of Cedoca):

- an inverse relationship between the unemployment rate (factor) and the level of corruption intervention in SMEs (response). Conclusion from the

analysis - the reduction of unemployment and increase of employment in small and medium business leads to growth of corruption risks (Fig.3).

- a direct link between the unemployment rate and the level of corruption risk in the tax area. Conclusion: the increase in unemployment affects the detection of corruption crimes in the tax sphere (Fig.4).

Table 1- Rating of corruption risks

Region/scope of corruption	GPs	SME	GPI	Tax	Land	Edu	HC	AC	Con	Police	RP	Cust	Total	rating
Akmola oblast	3	4	11	3	12	9	4	11	2	9	8	10	86	4
Aktobe oblast	9	5	5	4	15	13	4	7	8	13	14	7	113	10
Almaty oblast	5	9	7	4	1	8	15	9	14	10	5	4	96	6
Almaty	16	13	16	5	16	11	5	12	11	6	4	3	118	13
Astana	4	14	13	1	3	10	12	5	9	4	2	5	82	3
Atyrau oblast	10	8	8	11	13	4	1	16	16	16	16	11	118	14
East Kazakhstan oblast	6	6	3	6	9	3	14	13	4	15	11	8	97	7
Zhambyl oblast	2	10	4	7	10	5	8	10	3	2	7	2	79	2
West Kazakhstan oblast	15	10	12	10	7	15	3	6	6	12	13	2	110	9
Karaganda oblast	12	16	10	12	10	6	9	14	15	11	12	13	135	16
Kyzylorda oblast	11	2	10	13	11	2	6	14	5	12	6	14	86	5
Kostanay oblast	1	11	1	8	6	16	16	1	12	5	15	107	107	8
Mangystau oblast	13	1	14	14	14	7	10	15	13	14	9	15	125	15
Pavlodar oblast	14	3	9	15	4	12	11	4	16	7	16	114	114	11
North Kazakhstan oblast	8	7	15	16	8	14	7	8	10	3	10	115	115	12
SKO	7	12	6	2	2	1	2	3	1	8	1	6	51	1

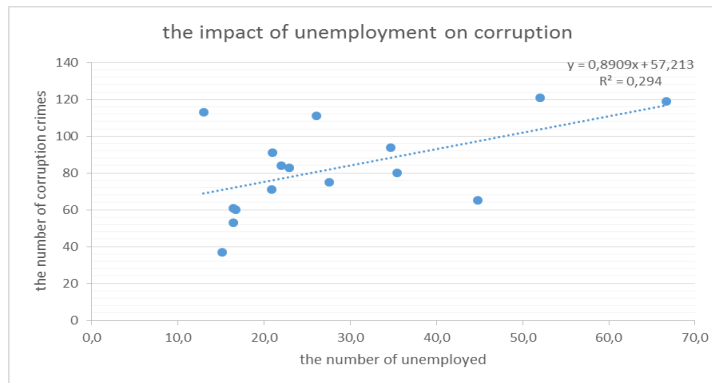

Fig. 2. The statistical link between unemployment rates and level of corruption.

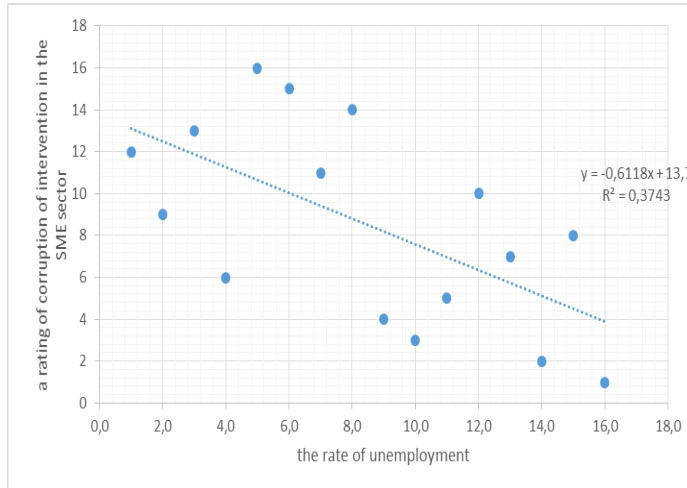

Fig.3. An inverse relationship between the unemployment rate (factor) and the level of corruption intervention in SMEs

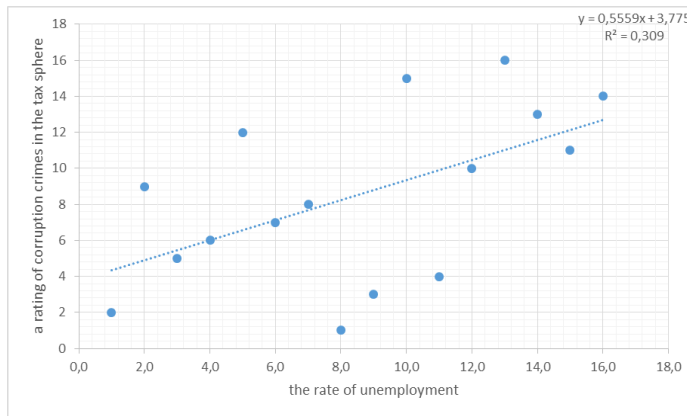

Fig.4. A direct link between unemployment rate and level of corruption risks in the tax sector.

Table 2 shows the calculated coefficients of pair correlation of the twelve spheres of corruption on the basis of which it is possible to identify clusters of corruption in the Republic of Kazakhstan. The following clusters are:
 Cluster "Corruption-related crimes in state programs, fiscal and public procurement";

Social Science and Humanity #3 2016

Reverse cluster "Corruption in business, tax area, land relations and OVD;

Cluster "Corruption crimes in public procurement, agriculture, state-owned programs and education";

Cluster "Corruption crimes in the tax sphere, the customs service, construction, government programs";

Cluster "Crimes of Corruption in land relations, traffic police, police, sector of agricultural economy";

Cluster "Corruption in the education sector, the construction sector, the sphere of governmental procurements", it should be noted the inverse significant correlation of education and Police;

Cluster "Corruption in the health sector and the construction sector to the level of object relations", it should be noted the inverse moderate relationship with corruption crimes in the sphere of the state-owned procurement and public sector programs;

Cluster "Corruption crimes in the sphere of agriculture, OVD, land relations and state procurement;

Cluster "Corruption crimes in the field of construction, health, education, taxing the field";

Cluster "Corruption crimes in the sphere of the police, agriculture, land relations, to-struction and maintenance of the police", there is a notable inverse correlation with education and entrepreneurship;

Cluster "Corruption in traffic police, land relations, agriculture and customs service.

Table 2 - Cluster analysis of corruption

	GPs	SME	GPT	Tax	Land	Edu	HC	AC	Con	Police	RP	Cust	unemployn
unemployment	0.311765	-0.61176	0.188235	0.555882	0.461765	0.188235	-0.22647	0.088235	-0.00882	0.179412	0.423529	0.252941	1
RP	0.126471	-0.19118	-0.30588	0.379412	-0.21765	0.220588	-0.03824	-0.39412	0.052941	0.005882	0.341176		0.252941
Dop	-0.00882	-0.09118	-0.21176	0.255882	0.379412	0.273529	0.061765	0.308324	-0.04706	0.270588		1	0.423529
Police	0.141176	-0.48824	-0.26471	0.088235	0.341176	-0.54118	0.079412	0.476471	-0.13529		1	0.270588	0.179412
Con	0.273529	0.079412	0.270588	0.494118	-0.21765	0.455882	0.541176	0.023529		1	-0.13529	-0.04706	-0.00882
AC	0.211765	0.011765	0.376471	0.120588	0.464706	-0.28529	-0.17647		1	0.023529	0.476471	0.308324	-0.39412
HC	-0.36765	-0.05	-0.33529	-0.01176	-0.26765	0.291176		1	-0.17647	0.541176	0.079412	0.061765	-0.03824
Edu	0.073529	0.011765	0.332353	0.108824	0.008824		1	0.291176	-0.28529	0.455882	-0.54118	0.273529	0.220588
Land	0.294118	-0.35882	0.147059	0.023529		1	0.008824	-0.26765	0.464706	-0.21765	0.341176	0.379412	-0.21765
Tax	0.461765	-0.39412	0.129412		1	0.023529	0.108824	-0.01176	0.120588	0.494118	0.088235	0.255882	0.379412
GPT	0.482353	0.061765		1	0.129412	0.147059	0.332353	-0.33529	0.376471	0.270588	-0.26471	-0.21176	-0.30588
SME	-0.21765		1	0.061765	-0.39412	-0.35882	0.011765	-0.05	0.011765	0.079412	-0.48824	-0.09118	-0.19118
GPs		1	-0.21765	0.482353	0.461765	0.294118	0.073529	-0.36765	0.211765	0.273529	0.141176	-0.00882	0.126471

Cluster "Corruption crimes in the customs service, tax service, traffic police, it should be noted a moderate inverse correlation with agriculture.

Recognized clusters reflect the complex interwoven structure of corrupt relations and national-cultural peculiarities.

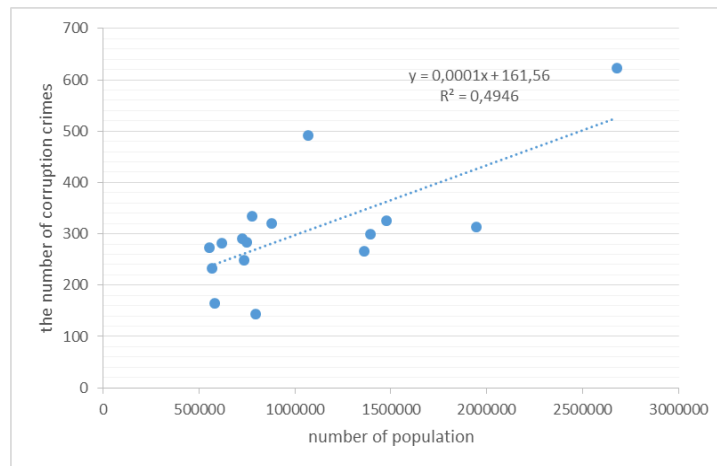

Figure 5. Analysis of anti-corruption ethics.

High power direct connection (Fig.5) says about the moral and ethical homogeneity of the population of the regions of Kazakhstan and confirms the results of sociological research on the necessity of anti-corruption educational work with the population in the Russian Federation, without which measures to reduce corruption are unlikely to be effective [7]

In the process of research has confirmed the low anti-corruption ethics of entrepreneurs in Kazakhstan (Fig.6).

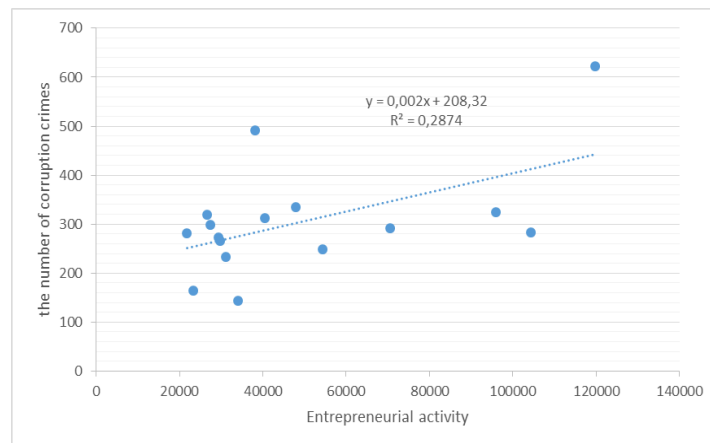

Figure 6. The statistical relationship between corruption and entrepreneurial activity

In the regions of Kazakhstan there is a pronounced buyer's market-entrepreneur of corruption services.

Targeted effects on reducing corruption in the process of making strategic management decisions necessary to conduct the ranking of facilities management in the spheres of corruption to assess corruption risks at the proposed rating matrix, a causal connection based on simple econometric models, to identify the cluster of corruption when described the methods of legal approach and state anti-corruption ethics of population control objects.

References:

- [1] Bryukhanov, Yu., Potapov V. Yu. The Influence of integration processes on the investment climate//Innovations and investments. 2016. No. 5. P. 36-41
- [2] Akulinin F. V., Bryukhanov, Yu. M. Statistical relationship between the level of corruption and legalization of incomes, received by criminal way // Modern aspects of the economy. 2014. No. 12 (208). P. 6-12.
- [3] Legal statistics [Electronic resource]. URL: <http://service.pravstat.kz/portal/page/portal/POPPageGroup/Services/Pravstat>
- [4] Information Agency DKNEWS [Electronic resource]. URL: <http://dknews.kz/v-kazahstane-naibolee-korrumpirovanny-mi-sferami-ostayutsya-goszakupki-zemel-ny-e-otnosheniya-i-obrazovanie/>
- [5] Information about the key performance indicators of corruption [Electronic resource]. URL: http://anticorruption.gov.kz/rus/about/analiz_deyatelnosti_agentstva/spravka_o_pokazatelyah_deyatel/?cid=0&rid=9614
- [6] The Committee on statistics of the Ministry of national economy of the Republic of Kazakhstan [Electronic resource]. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersLabor
- [7] Countering corruption in the Russian Federation: problems, priorities, technologies / edited by A. P. Koshkin. - Vol. 3. - Moscow : FSBEI HPE "REU them.G. V. Plekhanova, 2015. - 76 S.
- [8] Kosarev K.E. Modern risk society and its quality of life / K.E. Kosarev, M.S. Santalova, Y.R. Nikolaeva // Science and Practice, 2014. № 4 (16). P. 46-51.
- [9] Santalova M.S. Labour risk as subjective-objective category / M.S. Santalova, D.A. Abdalhusseyn // Scientific Journal ITMO. Series: Economics and Environmental Management. 2013. № 4. P. 10
- [10] Santalova M.S. The mechanism of the economic policy of the state-deposited the manuscript number 721 - V2005 23.05.2005

[11]The economic mechanism of social and economic systems in a competitive environment and strategic choice: the collective monograph / M.S.Santalova.Voronezh, 2014. Part I.

MARKETING

Zerkaliy N.G.

DEVELOPMENT MODEL OF THE UNIVERSITY NETWORK COOPERATION IN THE INTERNET

Zerkaliy N. G., Russia, Senior Lecturer, Department of Strategic Marketing Omsk F.M. Dostoevsky State University, Ph.D. in Economics

Abstract

The article presents the benefits of network cooperation development for the university, among which are the possibility of increasing the resource base, the quality of student education, development of talented youth, the growth of innovative, industrial and cultural potential of the region and country. Key partners of the university are specified in the article, potential areas of their cooperation are analyzed. The author has analyzed the opportunities offered by the Internet environment for building of partnership relations. The models of the university network cooperation development in the Internet are described in the article.

Keywords: cooperation, network cooperation, partner, partnership relations, high school, university

Введение

Вопрос развития сетевого взаимодействия с ключевыми партнерами, безусловно, является очень актуальным для любого высшего учебного заведения, поскольку развитие отношений приносит массу преимуществ. Это и возможность значительного увеличения ресурсной базы, обмен опытом, синергетический эффект в виде роста профессионализма и эффективности работы всех участников сети, повышения инновационного, творческого, производственного и даже социально-культурного потенциала. Для университета сетевое взаимодействие это возможность активизировать инновационную деятельность, повысить качество подготовки, развить научную деятельность, а также увеличить свою значимость и повысить имидж в

рамках региона и страны. Поэтому сегодня для успешного функционирования вузам необходимо научиться развивать взаимовыгодные отношения с партнерами путем построения разветвленных сетей, находить перспективные направления для взаимодействия с каждым из участников.

Ключевые партнеры университета и области взаимодействия

Особо остро вопрос развития сетевого взаимодействия стоит перед многопрофильными университетами, которые осуществляют подготовку по широкому спектру фундаментальных и прикладных направлений, осуществляют научно-исследовательскую работу в различных областях, поэтому должны представлять собой крупные учебно-научно-практические комплексы. Для эффективного выполнения указанных задач университеты активно развивают отношения с высшими и средними учебными заведениями, с бизнес-структурами, международными партнерами, государственными и общественными организациями. При построении отношений очень важно понимать интересы и выгоды каждого из партнеров, а также области взаимодействия как с каждым из участников сети, так и со всей совокупностью представителей сформированной сети. В таблице 1 приведены ключевые партнеры университета и проанализированы области взаимного интереса.

Взаимодействие в сформированной сети университета и его ключевых партнеров дает мощный синергетический эффект, выгоды от которого продемонстрированы в таблице 1.

Модели сетевого взаимодействия в интернет-среде

В настоящее время бурное развитие глобальных информационно-коммуникационных технологий привело к формированию обширной интернет-среды, открывающей широкие возможности для целого спектра направлений деятельности, в том числе и для осуществления сетевого взаимодействия. Многие онлайн-технологии доказали свою эффективность в области реализации партнерских отношений. Интернет-среда в данном случае создает целый ряд важных преимуществ – упрощает структуру и процесс управления, снижает издержки, повышает эффективность процессов, снижает временные затраты. Сеть интернет становится единым пространством, удобной платформой для совместной партнерской деятельности. Современные интернет-технологии позволяют осуществлять партнерское взаимодействие в форме виртуальных сетей как открытой платформы для большой совокупности разнородных участников, позволяющей накапливать ресурсы, компетенции, идеи, способности [5]. Виртуальная сеть способна быстро реагировать на меняющиеся рыночные условия, использовать открывающиеся возможности, и в то же время благодаря своей гибкости может существовать длительное время и оставаться конкурентоспособной.

Таблица 1 – Ключевые партнеры университета и области взаимодействия с ними [1, 2, 3, 4]

Тип партнера	Область взаимодействия с партнером	Общие выгоды от взаимодействия сети
Средние образовательные учреждения	Обмен опытом между преподавателями Организация совместных научных, исследовательских, социальных и культурных проектов Повышение качества подготовки выпускников средних образовательных учреждений для формирования качественного контингента абитуриентов университета	Повышение эффективности инновационной и научно-образовательной деятельности участников сети Выявление и развитие способностей талантливой молодежи Рост инновационного, научного, производственного потенциала региона Улучшение социальной ситуации и повышение культурного уровня на территории действия сети Рост конкурентоспособности участников сети Формирование положительного имиджа участников сетевого взаимодействия Повышение интереса общества к науке, рост престижа научной и образовательной деятельности
Высшие образовательные учреждения	Обмен преподавательским опытом Совместное определение приоритетных областей развития образования и науки Выполнение крупных научных проектов Совместные программы повышения квалификации преподавателей и научных работников Совместные методические разработки	
Бизнес-структуры	Создание прикладных кафедр при ведущих предприятиях Совместная разработка образовательных программ Привлечение ключевых специалистов-практиков к преподавательской деятельности Трудоустройство выпускников и стажировки	
Международное сообщество	Международный обмен опытом Проведение международных исследований Создание совместных образовательных программ Повышение рейтинга и имиджа участников сети	
Государство	Выполнение «государственного заказа» в плане подготовки выпускников соответствующей направленности и в сфере развития фундаментальной и прикладной науки	
Общество	Реализация социальных проектов Формирование культурных и социальных ценностей в студенческой среде Просветительская деятельность Популяризация науки	

Несмотря на очевидные преимущества, которые открывает всемирная сеть для сетевого взаимодействия, процесс его переноса в интернет-среду нельзя абсолютизировать. При выборе модели партнерского взаимодействия в сети необходимо ориентироваться на современные тренды развития интернета, учитывать особенности поведения интернет-пользователей. Отметим, что интернет претерпел три стадии развития: web 1.0 (эра существования веб-сайтов, полностью контролируемых их создателями); web 2.0 (эра развития социальных сетей и подвижного контента); web 3.0 (эра роста интерактивного общения, персонализации, повышения возможностей пользователей влиять на интернет-среду) [6]. На современном этапе главным трендом онлайн-среды остается ее стремительная социализация, сегодня появилось большое количество интерактивных сервисов: коммуникационных, новостных, профессиональных, графических, блоговых, видео и многих других. Это означает что при выборе модели взаимодействия необходимо, в первую очередь, учитывать потребности интернет-пользователей. Исследования показывают, что основными потребностями пользователей

в интернет-пространстве являются деловые, познавательные, коммуникационные, игровые потребности, потребности сотрудничества, самоутверждения, потребность аффилиации, а также потребность в самореализации и развитии личности [7, 8].

Понимание указанных выше потребностей пользователей позволяет выделить следующие принципы построения модели сетевого взаимодействия в интернете:

- наличие в открытом доступе в удобной форме деловой, научной, исследовательской и профессиональной информации, возможность быстрой обратной связи, прямого взаимодействия между участниками сети;

- широкое информирование партнеров через интернет-каналы о тенденциях развития ключевых для сети взаимодействия отраслей, компаний-участников, совместных достижениях;

- создание интерактивных площадок для общения участников сети друг с другом с целью обмена опытом, общения по интересам;

- организация совместного творчества партнеров, разработка совместного продукта и его продвижение;

- предоставление участникам сети возможностей для самоутверждения за счет подчеркивания их причастности к общим достижениям;

- использование инструментов геймификации для поощрения активности участников сети и признания их вклада в ее развитие;

- вовлечение в сеть партнеров со схожими ценностями и последующее формирование уникальной организационной культуры и норм взаимоотношений, содержательной основы взаимодействия;

- осуществление совместного маркетинга, при котором представители сети могут участвовать в разработке или модификации образовательного, научного, социального или любого другого продукта, в создании контента, а также имеют возможность влиять на любые другие процессы функционирования партнерского сообщества.

Построение сетевого взаимодействия в соответствии с указанными выше принципами позволяют сформировать жизнеспособную партнерскую сеть, отвечающую современным требованиям рынка, быстро реагирующую на происходящие изменения и вовлекающую каждого участника к активным действиям.

Выводы

Сегодня многопрофильные университеты для повышения эффективности своей деятельности и развития образовательной, научной, исследовательской и социально-культурной деятельности используют возможности сетевого взаимодействия. Среди ключевых партнеров вузов можно выделить средние и высшие образовательные учреждения, государственные и бизнес-структуры, международные вузы и научные

центры, а также общество в целом. С этими партнерами университеты имеют корреляцию целей и интересов, в частности в области повышения общей экономической эффективности, роста научного, исследовательского потенциала, повышения качества подготовки выпускников, а также в сфере реализации социально и культурно-значимых проектов. Бурное развитие интернет-технологий привело к перемещению сетевого взаимодействия и онлайн-среду. Однако при формировании модели взаимодействия в интернете необходимо руководствоваться рядом важных принципов, базирующихся на современных трендах развития всемирной сети и особенностях поведения людей в интернет-пространстве. Это позволит создавать устойчивые к изменениям внешней среды конкурентоспособные партнерские сети, а также даст возможность добиваться достижения общих целей.

References:

- [1] Anichkin E. S., M. A. Kostenko, A. V. Dolzhikov, etc. *Mezhdunarodnoe obrazovatel'noe sotrudnichestvo: opyt transgranichnogo vuza* [International educational cooperation: experience of cross-border University]. – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015. – 228 p.
- [2] Bakhmudova M. A. *Sovershenstvovanie obrazovatel'noj dejatel'nosti vuzov v uslovijah ih setevogo vzaimodejstvija* [Improvement of the educational activities of universities in the network interaction] // *Upravlenie obrazovaniem: teorija i praktika* [Education management: theory and practice]. 2012. № 2. pp. 52-57.
- [3] Ljubimova E.M., Borisov I.A. *Setevoe vzaimodejstvie shkola-vuz kak sredstvo pogruzhenija studentov v professional'nuju dejatel'nost'* [Networking school-high school as a means of immersing students in professional activities] // *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija* [Modern problems of science and education]. 2015. № 1. p. 110.
- [4] Yakovleva A. V., Bondyreva I. B. *Razvitie setevogo vzaimodejstvija vuzov* [The development of networking of universities] // *Nauchnyj zhurnal NIU ITMO. Serija: jekonomika i jekologicheskij menedzhment* [NIU ITMO scientific journal. Issue: economy and environmental management]. 2012. № 2. pp. 542-548.
- [5] Goldman S.L., Nagel R.N., Preiss K. *Agile Competitors and Virtual Organizations – Strategies for Enriching the Customer*. N.Y: Van Nostrand Reinhold, 1995.
- [6] Vertajm K. *Cifrovoj marketing: Kak uvelichit' prodazhi s pomoshh'ju social'nyh setej, blogov, viki-resursov, mobil'nyh telefonov i drugih sovremennyh tehnologij* [Digital marketing: how to increase sales with social networks, blogs, wiki-resources, cell phones and other modern technologies]. – M.: Al'pina Pablishez, 2010. – 377 p.

- [7] Isaeva E.V. Ispol'zovanie issledovanij internet-auditorii dlja razvitija predprinimatel'skoj dejatel'nosti v on-lajn srede [Use of the internet audience research for the development of entrepreneurial activity in the online environment] // Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionnyh tehnologij [Siberian Institute of business and information technologies Herald], 2016. № 2. pp. 27–32.
- [8] Zerkaliy N.G. Transformacija vzaimootnoshenij s potrebitel'em v ulovijah razvitija internet-biznesa [Transformation of interactions with consumers in conditions of business development] // Marketing v Rossii i za rubezhom [Marketing in Russia and abroad], 2016. №2. pp. 118-125.

PSYCHOLOGY

Efremova G. I., Timoshenko G.V., Leonenko L.A., Bochkovskaya I.A.

INFLUENCE OF A PERSONALITY TYPE OF A PERSON ON THE SPECIFICS OF FORMATION OF PSYCHOSOMATIC RISK

Efremova G. I., Russia, The North Caucasus Federal University, Director of Fundamental and Applied Research Institute, Doctor of Psychology, Full Professor

Timoshenko G.V., The North Caucasus Federal University, researcher of the Laboratory of differential psychology and psychophysiology, PhD

Leonenko L.A., The North Caucasus Federal University, researcher of the Laboratory of differential psychology and psychophysiology

Bochkovskaya I.A., Russia, The North Caucasus Federal University, researcher of the Laboratory of differential psychology and psychophysiology, PhD

Introduction. At the present time, we can assume that there is no doubt that the specifics of a person's experience of different emotional states is most directly related to the formation of the various psychosomatic risks. Thus, according to Y.N. Korystov, "emotional stress is a major cause of the cardiovascular lesions, neurosis, some of the stomach and intestinal diseases, it increases the possibility of the infectious diseases" [1]. Topolyansky V.D. and Strukovskaya M.V. note that if the process of the mental adaptation is not effective enough, then the physiological components of emotions under emotional stress will have the pathogenic meaning in the formation of psychosomatic disorders. Psychosomatic variant of a reaction of a person to stress or frustration is largely related to the chronic impact of frustration and stress [2].

From the point of view of F.B. Berezin, the situations in which

emotions become strong or prolonged, under which a person is not sufficiently capable to restore mental balance by solving a stressful situation (by having an impact on a situation or by changing their attitude towards it), are important for the formation of a psychosomatizing stress. The process of solving a stressful situation represents the core of the mental adaptation, which means that there is a connection between the possibility of prolonged and uncompensated emotional stress and the tendency of a person to experience certain emotions [3]. This conclusion gives grounds, while studying the problem of the determinism of psychosomatic risk, to primarily study the personality disorders, which, on the one hand, determine the violation of psychological adaptation, and on the other - they determine the propensity of a person to experience certain potentially stressogenic emotions.

Works dedicated to emotional stress occupy a special place in the modern studies. Most researchers (Kassil G.N., Berezin F.B., Lazarus R., Rusalova M.N., Kitaev-Smyk L.A., Alexandrovsky Y.L. and others) describe emotional stress as an independent type of stress, that is genetically different from physiological stress. For example, the individual characteristics of response to stressful situations of persons with different profiles of lateral organization were studied via the neuropsychological approach to the problem of individual differences [4, 5].

Thus, a large number of theoretical and empirical natural science studies were focused on establishing the following link: emotional experience - prolonged stress - psychosomatic risk. The question on due to what mechanisms, stress, which is an adaptive response of the body, becomes prolonged and uncompensated, can be considered open at the moment.

However, in our opinion, it can be considered a worthwhile suggestion that not emotions themselves, but their duration are important for the formation of psychosomatic risk. As the estimated reactions, emotions can also be experienced by animals - but the appearance of a particular emotion will be directly related to the objective characteristics of the assessed situation.

In this context, it is necessary for our study to link the different emotions that have stable physiological and biochemical correlates with the different functions corresponding to the solution of various adaptive tasks.

For example, R. Plutchik divides emotions into primary and secondary emotions (the latter is a combination of two or several primary emotions). Thus, secondary emotions include pride (anger + joy), love (joy + acceptance), curiosity (surprise + acceptance), humility (fear + acceptance) and so on. Besides emotions his classification also includes personal qualities (modesty) and acceptance [6].

Classification of V.K. Vilyunas divides emotions into leading and situational emotions [7]. Leading emotions signal about the unmet needs and encourage one to search for a target object. Situational emotions occur due to estimates of stages of behavior and encourage one to either act in the same

direction, or to change the behavior. Situational emotions are divided into three groups:

- the actual success-failure;
- the preventive success-failure;
- the generalized success-failure.

It is easy to see that such classification does not give any reason for a systematization of emotional experiences by their substantive content, or for studying the human tendency to experience various kinds of them.

Classification of Simonov P.V. is based on the nature of actions - overcoming, defense, offense. For those emotions that do not fit into this classification, he highlights the quantitative characteristics of the size of needs and the estimate of its fulfillment, the additional shades. Emotions that can't fall into the first or second group are seen by P.V. Simonov as a sum of two emotions (eg, contempt = disgust + anger) [8].

It should be noted that most of the classifications are based on highlighting specific signs and they are not exhaustive. For example, W. Wundt identified three characteristics of emotions: hedonic tone or a sign of emotion (positive or negative), readiness for action (relaxation - stress) and a level of activation (calmness - excitement) [9]. H. Schlosberg divided emotions on the basis of acceptance - repulsion [10]. Roseman's seventeen emotions are determined by various combinations of the seven attributes: the expected - unexpected, the consistent - inconsistent, the unwilling - willing, the high probability - low probability, the high-low control, the characteristic-uncharacteristic source of the problem, the connection between the problem and the environment or the personality [11]. Therefore, in the present study, we found it possible to offer our own classification of emotions based on their adaptive function.

Since a person is able to feel any emotion out of compliance with the objective characteristics of the object to which the emotion is directed to, we can consider a person's tendency to experience various reactions and their outsituative duration to be significant for the formation of psychosomatic risk. Therefore, in the context of our study, we should be interested in such a classification of the personality types, which can be correlated precisely with such tendency. At the same time, though the concept of the personality type is one of the most widely studied in psychological literature, we found it possible to rely on our own model of personality, because in the future we will try to show the link between the classification of the personality types, based on this model and our classification of emotions [12, 13].

Classification of emotional experiences as the basis for studying the causes of psychosomatic risk. On the basis of the data of psychophysiological studies that confirm the link between a person's tendency to experience specific emotional reactions, we can state that a strict classification of the existing emotional experiences is a necessary theoretical

basis for a reliable description of the regularities of occurrence of a specific psychosomatic risk [14]. Only with such a classification we will be able to find answers to the following questions that are important for the adequate description of the process of formation of psychosomatic risk:

- which specific emotions can be considered as ones that are forming a prolonged non-compensable stress;
- how the empirical study of such emotions should be organized;
- what external and internal factors motivate a person to experience such "stressogenic" emotions;
- how the empirical study on the tendency of a particular person to a particular nosological type of psychosomatic reactions should be organized.

Creation of such classification is greatly complicated by two objective facts. Firstly, a number of words meaning emotional experiences significantly differ in various languages. This means that highlighting of their high-quality content, that is independent of the cultural characteristics and that is caused only by objective psychophysiological components, is paired with significant challenges. Secondly, the lexical content of an each specific emotional experience, that is determined by the possibility of use of the appropriate verbal sign, is also not strictly defined - which in turn creates serious problems for theoretical studies.

As a result, the actual level of the study of the problem of qualitative content of the various emotional feelings can't be considered sufficient for creation of such classification at the moment. In the literature, there is a considerable number of classifications, but none of them solve the problems stated above, that are significant for a theoretical and empirical research of the process of formation of specific psychosomatic risks.

We should pay a special attention to separation of emotions and feelings - terms, often used as synonyms. In addition, this issue is closely adjacent to selection of basic emotions - as well as to the question of whether it is necessary to separate the emotions themselves and basic emotions.

We use the specificity of separation of emotions and feelings for a person within the proposed classification. Experiencing some specific emotions is similar via the external manifestations and the context of their origin for humans and higher mammals. These emotions include indifference, curiosity, joy, anger, fear and sadness.

All of these emotions are precisely correlated with the vital needs of both animals and humans:

- indifference is typical for situations where none of the perceived stimulus is perceived neither as a significantly positive one nor as a significantly negative one, and therefore the energy costs are considered to be impractical by the individual;
- curiosity arises in situations that include an occurrence of a strange stimulus that triggers an orienting reflex;

Social Science and Humanity #3 2016

- joy is experienced in situations that provide an opportunity to meet some actual need;
- anger is experienced in situations where something or someone interferes with the satisfaction of an actual need;
- fear is experienced in situations that include a life threat or a physical integrity threat;
- sadness occurs in situations that include no facilities to meet any actual needs.

Such description, in our view, provides ample opportunity for studying the functions of the emotional sphere in the process of formation of various psychosomatic risks [13].

The proposed classification of personality types. To describe the classification of personality types, used in our study, we offer a brief description of the model of personality, on the basis of which the proposed classification was formed.

The model of personality is correlated with the idea of life being a sequence of challenges that a person faces between their birth and death, and, respectively, being a sequence of solutions of challenges that a person faces. In accordance with the structure of any challenge: "conditions, the desired result and the solution process", we distinguish three components of the human personality:

- a world picture as an organized set of a person's ideas about themselves, the world and their place in it;
- a vital position as an organized set of a person's relations to their ideas about themselves and the world;
- a set of basic skills as skills that ensure a person's ability to set any life tasks and solve them.

An idea can be considered as a unit of the world picture of a person. Herewith, its elements are the four tools for creating a world picture, that are mastered successively:

- mastering, as an ability of a person to create a world picture only via the fragments provided by their own experience, acquired by a person on the first stage of their early development;
- defining, as an ability to create a world picture only via the clearly and specifically defined fragments, acquired by a person at the second stage of their early development;
- establishing the cause-and-effect relationships, as an ability that allows a person to reasonably combine and integrate the fragments of their world picture, learned by a person at the third stage of their early development;
- understanding the most common life patterns as an ability to create a fully holistic world picture, united by the laws of the universe, that is mastered by a person at the fourth stage of their early development.

In turn, an attitude can be considered as a unit of the life position of a

Social Science and Humanity #3 2016

person, and each of the four of its reality assessment criteria can be considered as its element:

- a reality assessment criterion that occurs during the first stage of a person's early development, in terms of its availability, which distinguishes the fragments of reality that are controllable and uncontrollable for a person;

- a reality assessment criterion that occurs during the second stage of a person's early development, in terms of its intelligibility, which distinguishes the fragments of reality that are clear and obscure for a person;

- a reality assessment criterion that is mastered during the third stage of a person's early development, in terms of its price, which distinguishes the fragments of reality that are expensive and cheap for a person;

- an integrative reality assessment criterion that occurs during the fourth stage of a person's early development, in terms of its significance, which distinguishes the fragments of reality that are significant and insignificant for a person.

Each basic skill is an element of this part of the personality; action is a unit of its existence. The four person's basic skills, as well as the tools for creating a world picture, and the criteria for assessing the reality inside the life position, are mastered sequentially:

- at the first stage of their early development a person is mastering the basic skill to feel themselves, allowing them to determine the desired result in the formulation of various vital tasks;

- at the second stage of the early development, the basic ability to recognize the reality is added, which gives a person the opportunity to sensibly and realistically perceive and evaluate the conditions in which he has to achieve the desired results;

- at the third stage the basic skill to make efforts is acquired, due to which a person is able to do the necessary to achieve the desired result;

- at the fourth stage of their early development, a person masters the basic skill to reflect on their vital activity, necessary to assess and correct the activity on solving the vital tasks during the process and to form the most common algorithms for solving life tasks.

The basis for the periodization of a person's early development, within the proposed theoretical model, is the plot specificity of different age periods in terms of the actions that are required and that are inevitably committed by any child during each of these periods.

In the case of the normal passage of all the four stages of their early development, a person creates their world picture only via the specific fragments, that were mastered via their own practical or thinking experience, linked by the adequate cause-and-effect relationships in accordance with the derived and meaningful most common life regularities. Their assessment of a particular fragment of reality is carried out each time only on the basis of studies of the fragment, and not on the basis of some a priori willingness to

Social Science and Humanity #3 2016

perceive it as inaccessible, incomprehensible, expensive and insignificant (or, conversely, as affordable, friendly, cheap and significant). The basic skills allow them to understand what they want, to recognize the reality in which they will have to reach the desired result, to make all the necessary efforts, and also to reflect on their livelihood to a sufficient extent, to be able to permanently correct it and replenish the set of the fundamental algorithms for solving a wide variety of life tasks.

The natural interest of a person in anything that is happening to them and to the world around them, provides both the creation of a quite realistic, constantly checked and corrected world picture, and the motivation for their livelihood and their ability to successfully solve all their life tasks. If any fault happens at any stage of the early development, the natural interest is inevitably distorted. It is replaced by a concernment in confirming the existing world picture, the criteria of assessment of reality inside a vital position and the insufficiently mastered basic skills. As a result, the world picture of a person becomes impaired, the reality is not evaluated on the basis of studies of the new fragments, but on the basis of different a priori sets. Their life tasks are solved in an unsatisfying manner or they are not solved at all.

With all the options of possible violations of an each individual tool for creating a world picture, a reality assessment criteria and basic skills we can see that all of them can be divided into two fundamentally different types. One of them occurs when parents restrict the process of mastering of any tool, criterion or a skill, ie. they ban the mastering of this acquisition. "Ban", in this case, is an any external limiting exposure, that a child is not able to avoid. If inadequate bans have happened in a child's life, they will inevitably have a significant distorting effect on the formation of the world picture creation tools, and the reality assessment criteria, and the basic skills. Further we will call this type of a violation as the "forbidden" type.

The second type of violation happens if a child's parents impose a certain way of mastering of some skill or a tool; we will call such type of a violation as the "debt" type. Under the debt we mean any external influence that imposes a certain way of perceiving, understanding, assessing or acting, that a child is not able to avoid.

If the child's parents impose some certain perception of some fragments of reality, then the fragments that are not justified by the child's own experience are going to appear in their world picture. At the same time there is an occurrence of an illusion, that the these fragments are fully known to him and thus do not require a further studying. In other words, in case of the forbidden type of mastering the first tool of creation of a world picture, the child gets used to the fact that it is impossible to learn the fragments of reality, and in case of the debt type, the child gets used to the fact that it is just not necessary. At the same time the child gets used to the fact that any new fragment of reality can be perceived as pleasant: in this case, the parents are

Social Science and Humanity #3 2016

usually offer him to study the safest fragment. In addition, in such a situation he has no need to pay any special attention to their own experiences, because their actions are still defined not by their needs and feelings, but by parents'.

It means that when forming the forbidden violation, all the elements of the three individual components, that appear at the same time, are broken in the same manner.

The same pattern, of course, works at each stage and for each of the three simultaneously developing components of the personality. The explanation is simple: if some kind of perception becomes violated, then the attitude towards this view will be different from the one in case of a more realistic view. Therefore, any acts committed on the basis of such perception and such attitude will be inevitably distorted.

We can say that in case of any personality violation, either the debt one or the forbidden one, a person does not study every new fragment of reality, but assigns it to a certain category based on habitual patterns of perception. Such a person does not form their attitude towards each new fragment of reality, and refers to it in advance in a familiar way. This person is not looking for a particular way of interacting with any fragment of reality by taking into account all the properties of the fragment, and uses a familiar way of action.

We understand that "clean" debt and forbidden personality types do not occur very often: a much more common situation is when, during the early child development, the various forbidden and debt parental exposures alternate and have a kind of a mosaic effect on a child.

In such cases, certain pieces of fragments of the world picture are unexplored, and the other ones are borrowed; some of them stay uncertain, and the other ones are defined by another persons. The same way ideas on relationships between the individual fragments of such a world picture alternate: they are absent for some groups of fragments, and for other groups they are built on the basis of some other person's experience.

The result of such an impact on the psyche of the child is the lack of a vital interest to the reality: after all, in case of the forbidden violation, its study is not possible at all, and in case of the debt violation, its study is not necessary (no need to explore, as some ideas are already available).

Assessment criteria of the life position are also become distorted: in relation to some fragments of reality, there is an original willingness to assess them as losing and unpleasant in all their manifestations, and in relation to others - there is a tendency to assess them as pleasant and winning. Differentiation of the fun axis - both quantitative and qualitative - is very low; significance of the various fragments of the world picture is estimated, in this case, almost arbitrarily.

A person similarly masters basic skills. Some own desires are "mandatory" for him and the others are unwanted. Some own relationships with reality can't be built, and some needs to be built in a certain way. Some efforts

are forbidden, and some are mandatory, etc.

Thus, the proposed model of personality allows us to highlight three violated personality types. Therefore, the type of personality that is formed in the absence of pathogenic parental influences, can be considered as a relatively healthy one - and therefore it is not able to experience emotions, that are not correlated with the objective characteristics of the situation, and is not able to form a psychosomatizing stress. Therefore, in terms of the specifics of formation of psychosomatic risk, debt, forbidden and mixed personality types can be considered significant.

The relationship between the personality type of a person and their willingness to experience certain emotions, regardless of the objective parameters of the subject that caused them.

In our previous studies we have theoretically grounded the assumption that a person's tendency to experience certain emotions is determined by their vertical position in their social interaction [15]. A person occupying the bottom position, perceives themselves as an object of someone else's influence, and therefore they tend to feel fear in any social interaction. A person occupying the top position sees themselves as a subject of influence on another person, they tend to feel anger in situations with any kind of interferences. A person with a mixed position tends to experience fear and anger in different social situations.

According to the above description of the debt, the forbidden and the mixed personality types it is clear that there are strict parallels between the types of a person's vertical position in a social interaction and the personality types within the author's model of personality [13]:

- the forbidden type corresponds to the bottom position type of social interaction;
- the debt type corresponds to the top position type of social interaction;
- the mixed type involves alternating of top and bottom positions depending on the scope of a social interaction (private, business, formal, etc.).

Therefore, we can state that a stable tendency to the prioritized experiencing of any particular emotion, regardless of objective parameters of the situation of their occurrence is characteristic for the forbidden, the debt and the mixed type in the same way as for the vertical types of a person.

Herewith the data of numerous physiological studies have shown that experiencing various emotions by both animals and people is accompanied by a variety of different sets of biochemical processes. The sympathetic nervous system is excited during the active-defensive reactions (aggression, rage, etc.), the parasympathetic nervous system is excited during the passive-defensive reactions (anxiety, depression, etc.). Moreover, differences in the ratio of adrenaline and noradrenaline are seen with different emotions. As a result, the different complexes of biochemical responses of the body to the various stressors lead to the formation of various psychosomatic risks.

Main conclusions:

1. Each of the described personality types determines the prioritized willingness of a person to feel a particular emotion, regardless of the objective characteristics of the situation in which this emotion arises.

2. The personality type of a person can be considered one of the major factors of the formation of specificity of psychosomatic risk.

3. Influence of the personality type on the specifics of psychosomatic risk formed by it is determined by the biochemical specificity of the emotion, which is a primary one for this type.

This article on execution of research work in the framework of the project of the state assignment in the field of scientific activity was prepared as a part of the Task №25.1679.2014/K.

References:

- [1] Scherbatyh Y.V. "Psychology of stress and methods of correction" Piter 2008, pp. 89
- [2] Topolyansky V.D., Strukovskaya M.V. Psychosomatic disorders. - M. Medicine, 1986
- [3] Berezin F.B. Psychological mechanisms of psychosomatic disorders / F.B. Berezin, E.V. Beznosyuk, E.D. Sokolova // Russian medical journal. 1998. - #2. - pp.43-49
- [4] Moskvin V.A. Hemispheric asymmetry and individual styles of the emotional response / V.A. Moskvin // Psychology questions - 1988. - #6. - pp. 116-120
- [5] Homskaya E.D. Neuropsychology of the individual differences / E.D. Homskaya, I.V. Efimova, E.V. Budyka, E.V. Enikolopova. - M. : Pub. house RPA, 1997
- [6] Ilyin E.P. Emotions and feelings - SPb.: "Piter", 2001
- [7] Vilyunas V.K. Psychological mechanisms of the motivation of a person. - M.: Pub. house MSU, 1990
- [8] Simonov P.V. Emotional brain. M.: Science. 1981
- [9] Wundt W. The basics of the physiological psychology. The feelings and affects. - SPb., 1880. - Issue 55 (v. 3. H- L., XVI). - pp. 216
- [10] Izard K.E. Emotions of a person. M.1980, pp. 40
- [11] Roseman I. J. Appraisal Determinants of Emotions: Constructing a More Accurate and Comprehensive Theory . Cognition & Emotion.V.10, №3, 1996
- [12] Timoshenko G.V., Leonenko E.A. Metaphoric psychotherapy. - M.: Psychotherapy, 2011
- [13] Timoshenko G.V., Leonenko E.A., Bochkovskaya I.A., Efremova G.I. Emotional experiences of a person as the reason of psychosomatic risk. Asian social sciences. – 2015. – Volume 11, # 2. – pp. 263-270

- [14]Berezin F.B. Psychological mechanisms of the psychosomatic disorders / F.B. Berezin, E.V. Beznosyuk, E.D. Sokolova // Russian medical journal. 1998. - #2. - pp. 43-49
- [15]Timoshenko G.V., Efremova G.I., Leonenko E.A., Bochkovskaya I.A. Vertical position of a person in a social interaction as a factor of psychosomatic risk. – Bulletin of Moscow State Open University. "Psychological Sciences" series. - 20143. - # 4. pp. 39-47

Arpentieva M.R.

SOCIAL SHARING IN WORK WITH MILITARY STRESS

Arpentieva M.R., Russian Federation, senior researcher of the department of development and education psychology, Kaluga K. E. Tsiolkovsky state University, doctor of psychological Sciences, associate professor

Abstract

The article is devoted to the concept of social sharing of B.Rimé, which is discussed on the example of studies of psychological debriefing: sharing experiences (emotions) in the situation of coping with the traumatic situation. Highlighted features and components of the mechanism of social separation, including defusing, rethinking, training, leading to the development of consciousness of self and the world, transforming relationships and life personality. When individuals face an emotional experience, they very generally talk about it later with people around them in an interpersonal process which has been called “the social sharing of emotion.” A very common answer to the question of the motives underlying this need to socially share emotional experiences advocates cathartic effects of the verbal expression of emotion. It is thought that the resulting feeling of relief would motivate people to socially share future emotional experiences. Social sharing of emotion is a very common long-term consequence of emotional experiences. Despite the fact that it reactivates the emotions associated with the experience, people are prone to talk about the negative events they face. Debriefings are most effective when conducted interactively between the participants of the immersive activity and the assessment or observation personnel. Debriefings are used by grief counselors and disaster workers as part of an emergency intervention to help people who have recently experienced major loss or suffering. These cases include hurricanes, earthquakes, school shootings, and other situations that involve fear, injury, extreme discomfort, property damage, or loss of friends and loved ones. The goal of the debriefing is to reduce the likelihood of post traumatic stress disorder, or other psychological problems. Crisis intervention debriefing is also known as Critical Incident Stress Debriefing. This type of intervention is well intended and routine in many countries, but the evidence for its effectiveness is questionable. Indeed, much evidence indicates that these debriefings are not only ineffective, but harmful: crisis debriefing was placed on

a list of treatments that have the potential to cause harm in clients . It would be worthwhile to find the specific problem areas in the session, because some form of debriefing could potentially be helpful for grief and preventing post traumatic stress disorder. Some alternative suggestions for psychological support after traumatic events include the suggestions are to promote a sense of safety, calmness, self, connectedness, and hope, rather than encouraging men to relive and discuss these traumatic events.

Keywords: debriefing, social sharing, social sharing of emotions, intentions interaction, traumatic situation, traumatic experience

Введение

Люди, находящиеся на войне и возвращающиеся с войны, кроме психологических проблем, вызванных психогенными условиями боевой деятельности, имеют определенные особенности, которые существенно отличают их от всех остальных. Это совершенно иная система нравственных ценностей, другой уровень духовного развития, при котором обостряются интуитивные ощущения неискренности отношений, фальши, корыстных устремлений по отношению к ним, как бы они не маскировались. Многочисленные исследования военного стресса различными по ориентациям, методологическим принципам и методикам (технологиям) изучения позволяют констатировать, что экстремальная ситуация не является для большинства из военнослужащих сверхзначимой в том смысле, что она оценивается и переживается как повседневная, не затрагивает базовых структур личности. С другой стороны, сами эти базовые структуры подвергаются так или иначе существенной трансформации: как на этапе подготовки, так и на этапе освоения деятельности, и, кроме того, на этапах столкновения с интенсивными стрессами, создающими или сопровождающими деформации профессиональной деятельности, возникающими и протекающими по тем или иным причинам (таким как столкновение с предательством и сутяжничеством, мародерством, насилием над беззащитными людьми со стороны «своих», такими как нравственно некорректные боевые задания или приказы, такими как добровольные суициды жертв терактов и социальных репрессий, опыт плена и синдром заложников (концлагерей), опыт длительного интенсивного насилия, разрушающего все защитные, в том числе нравственные механизмы человека т.д.) . «Боевые рефлекс» не кажутся чем-то необычным, пока человек находится в районе военных действий. Но возвращаясь домой, он попадает в такую среду, где подобные рефлекс производят, по меньшей мере, странное впечатление. Множество раз, прямо и косвенно, множеством различных способов человеку указывают, что пора прекратить вести себя как на войне. Но никто так и не может объяснить ветерану, каким образом это сделать. Многие же продолжают жить войной. Отчасти верно то, что прошедшие

через «мясорубку» настоящей войны, получили колоссальную психологическую закалку, - но только по отношению к тем, кто отправился на войну, имея соответствующую подготовку и с убеждением в необходимости личного участия в ней. Но таких немного. У остальных военный опыт часто приводит к наркоманиям, неврозам, психозам. Для тех немногих ветеранов, кому повезло, дом стал местом, где их ждала любовь, где они чувствовали себя в безопасности и могли спокойно осмыслить пережитое, обсудить его с близкими. Такая атмосфера позволяет проанализировать свои ощущения, а затем внутренне принять свой опыт и примириться с прошлым, чтобы двигаться по жизни дальше. Выходя из среды, порождающей одни психологические проблемы, связанные с угрозой для жизни, кровопролитием и другими реалиями войны, человек сталкивается с не менее серьезными проблемами его ненужности в обществе, проблемами трудоустройства, поиска достойного места в этой жизни, непонимания его другими людьми и т.д. И именно в этих условиях основным психореабилитирующим фактором становятся самые близкие ему люди, родители, жены, настоящие друзья, а правильное будет сказать, - те особые отношения, которые должны и могут складываться между этими людьми. К сожалению, такой счастливый сценарий не очень характерен для большинства вернувшихся с войны. Боевая обстановка характеризуется сильным, разноплановым психотравмирующим воздействием, способным вызвать, по данным отечественных исследователей, выраженный посттравматический стресс у порядка пятой части ветеранов войны. При этом психологические последствия участия в войне зависят от характера военной травмы (наличия ранения, специфики войны). По рассказам многих ветеранов, возвращение домой было не менее, а то и более тяжелым, чем военные переживания: не с кем было поговорить по душам, нигде не чувствовалось полной безопасности, и легче было подавлять в эмоции, чем позволить им вырваться наружу, с риском потерять контроль. В такой ситуации психическое напряжение долгое время не находит себе выхода. Несмотря на то, что в силу близости родственных и других человеческих связей уже предполагается изначальная способность близких взять на себя функции психотерапевта для искалеченной войной души очень часто на самом деле происходит обратное. Кроме того, что родители и близкие воевавших людей сами нуждаются в психологической помощи и психореабилитации посттравматических нарушений, есть целый ряд существенных моментов, по которым семья и близкие люди не в состоянии реализовать тот потенциал психологической помощи, которыми они не только обладают, но и должны его в полной мере задействовать. Эти моменты являются продуктами серьезного нарушения отношений в семье, когда истинная любовь к другому человеку подменяется собственными устремлениями и потребностями. Особо негативно ими воспринимается так называемая

«помощь», за которой стоят чисто прагматические интересы тех, кто эту помощь предлагает. Помощь человеку не может навязываться. Она может быть оказана лишь при соответствующей просьбе о ней. До той поры пока человеком не будет принято внутреннее решение о желании разрешить эти проблемы и не прозвучит просьба помощи ему в этом, специалист или родственники не имеют права вторгаться в его внутренний мир и его духовную жизнь.

При вполне естественной потребности человека в понимании и поддержке его со стороны самых близких и родных людей, собственные их психологические проблемы, которых более, чем достаточно, не только не позволяют создать необходимую психологическую атмосферу, но и проецируются на него самого и усугубляют и без того непростую ситуацию в плане его душевного равновесия и самочувствия. При вполне естественной потребности человека в понимании и поддержке его со стороны самых близких и родных людей, собственные их психологические проблемы, которых более, чем достаточно, не только не позволяют создать необходимую психологическую атмосферу, но и проецируются на него самого и усугубляют и без того непростую ситуацию в плане его душевного равновесия и самочувствия. У некоторых, например у ветеранов войны, а также у жертв насилия или у людей, переживших экстремальные условия, в которых говорить ясно и правдиво было опасно, выработалась бессознательная привычка избегать ясности в общении [42; 53; 70; 72]. Длительное пребывание в обстановке, полной опасностей и непрерывной борьбы за выживание, формирует у человека привычку скрывать от собеседника информацию не только в экстремальных условиях, когда от этого зависит жизнь, но и в обычной житейской ситуации. Такого рода привычка часто сопровождается стрессовыми реакциями, так как есть неразрывная связь между отсутствием ясной информации и появлением чувства страха. Людям, страдающим от посттравматического стресса, бывает тяжело давать о себе правдивую, откровенную информацию. О некоторых болезненных симптомах (например, о ночных кошмарах или навязчивых воспоминаниях, связанных с трагическими событиями прошлого) человек просто не желает или не готов ни с кем говорить. Когда такая скрытность присутствует в отношениях с близкими людьми, обман не удастся. В некоторых случаях неспособность давать о себе ясную информацию создает серьезные проблемы. Неумение или нежелание быть откровенным может быть воспринято как свидетельство того, что оправдались худшие подозрения: «Если он даже говорить не хочет, значит, дело плохо». С одной стороны, когда речь идет о выживании, то такой стиль поведения, безусловно, ценен, но в мирной ситуации общения он может стать источником стресса. Люди, не прошедшие той же суровой школы, что и ветеран, не смогут понять, почему их так часто критикуют и почти

никогда не хвалят. Им будет казаться, что их не уважают и постоянно придираются к ним. С другой стороны, человек, который носит в себе не находящую, выхода злобу, склонен использовать критику как способ освободиться от внутреннего напряжения. Единственный способ избежать того, чтобы люди в молчании находили подтверждение своим страхам, - честно говорить с ними о том, что происходит. Однако, когда «разбирательство» устраивают в присутствии ни в чем не повинных посторонних людей, человек рискует, сам того не желая, подорвать свои отношения с близкими. Все это наносит ущерб психическому и физическому здоровью всех участников отношений, а также ставит задачу разработки и внедрения методов психологической помощи жертвам войн и террористических актов.

Метод и цель исследования

Статья посвящена теоретическому анализу проблем военного стресса, возможностей и ограничений помощи людям средствами психологического дебрифинга, организующего обмен переживаниями.

Основные результаты и их обсуждение

В решении проблем профилактики психических и соматических нарушений в результате пережитого военного стресса, в том числе как результата посттравматического стрессового расстройства, часто обращаются к технологии психологического дебрифинга, позволяющего восстановить нарушенный социальный обмен переживаниями. Психологический дебрифинг - одна из наиболее дискутируемых форма социально-психологической поддержки и обучения [3;12; 14; 37; др.]. Дебрифинг - специальным образом организованный процесс диалогического, ценностно-смыслового взаимодействия индивидов и групп по поводу исследования и способов решения проблем их социально-психологического становления, функционирования и развития, а также по поводу оптимизации их жизнедеятельности, (ре)социализации и самореализации как ее компонентов. Практикуемый в кризисной психосоциальной работе с военнослужащими и жертвами войн, терактов и катастроф, а также в обучающем и кризисном организационном и управленческом консультировании, в ряде других форм социально-психологического помогающего взаимодействия, психологический дебрифинг является ярким примером исследований феноменов социального обмена является. Как правило, он выглядит как слабоструктурированная психологическая беседа с человеком, пережившим экстремальную ситуацию или психологическую травму. В большинстве случаев, декларируемой целью дебрифинга является уменьшение нанесенного жертве психологического ущерба путём объяснения человеку того, что с ним произошло, в том числе, посредством выслушивания его точки зрения, сопоставления ее с другими точками и опытом профилактики и преодоления (пост)травматических расстройств

и/или неудач профессиональной и личной жизнедеятельности. По своему предназначению дебрифинг - кризисное вмешательство, используемое обычно для того, чтобы ослабить и предупредить вызванную психической травмой посттравматическую стрессовую реакцию у психически здоровых, нормальных людей, которые находятся или находились в чрезвычайной, стрессовой ситуации (пережили травмирующее событие). Исследователи и практики полагают возможным предотвратить и снизить вероятность развития последствий психологической травмы путем ее осмысления: осознания, и переработки переживаний, связанных с травматическим событием [21; 25; 38]. Разрабатывая разные виды экстренных вмешательств, психиатры, сталкивающиеся с психическими нарушениями, возникающими у здоровых людей после травмы, военных и иных стрессов, исходили из того, что обсуждение (как «вербализация») травматических переживаний способствует психологическому восстановлению субъекта [31;47]. Их целью было снизить тяжесть психологических последствий после пережитого стресса, минимизировать психологические страдания посредством а) «проработки» когнитивной организации переживаемого опыта посредством понимания структуры и смысла происшедших событий, переживаний по их поводу и б) интенсивного «обмена переживаниями» и в) информацией об управлении изменениями. В основу современных моделей дебрифинга [21; 28; 36; 37] положено несколько основных идей. Так, отмечая существование разных видов дебрифинга, исследователи констатируют, что он используется и как индивидуальное, и как групповое вмешательство, однако, групповые занятия эффективнее, поскольку помогают воссоздать “первоначальную ситуацию” разобраться, что произошло: понять себя, других и ситуацию [31]. Кроме того, группа становится местом для общения, доверия и чувства переживания столь необходимой после стресса и во время него безопасности, а также - восстановления внутреннего и внешнего порядка, понятности событий вне и внутри человека. Дебрифинг содержит как основные элементы вербализацию, направленную на повторное переживание (ре-переживание, переосмысление) нетравматических аспектов пережитого события, на исследование травматических переживаний в контексте поощряющей (подтверждающей) и защищающей групповой поддержки, на «нормализацию» реакций, включая переживание и понимание происходящего и стимулирование осмысления переживаний (на когнитивном уровне), информирование о вариантах психологического реагирования после перенесенного психотравмирующего события, то есть, по сути, – обучение способам осмысления травмирующей ситуации, самого дебрифинга и их последствий [23; 32;45]. В процессе обмена переживаниями происходит более или менее неявная передача роли «знающего» самому страдающему человеку. Это приводит к уменьшению индивидуального и группового

напряжения через уменьшение ощущения уникальности и ненормальности собственных переживаний, к мобилизации и интеграции внутренних и внешних ресурсов личности и группы, преодоление барьеров взаимоотношений как барьеров непонимания себя и друг друга, усиление взаимной поддержки как солидарности, взаимопонимания. Происходит "закрытие прошлого" как подведение итога (итогового смысла) пережитого, возникает «новое начало», предполагающее творческое использование опыта в дальнейшей жизни в процессе развития понимания человеком себя и мира. Поэтому дебрифинг – одновременно выступает и как метод кризисной интервенции, и метод профилактики, и как метод обучения. Его основные задачи таковы:

1. «дефьюзинг», дать возможность «выговориться» (talking it out), в том числе, чтобы снять напряжение у людей (обучаемых), выявить возникшие переживания и перемены, произошедшие с людьми;
2. внести ясность в происходящие события (на уровне фактов), проанализировать, почему события происходили именно так, а не иначе, устранить возникшие недоразумения и исправить ошибки;
3. усовершенствовать навыки ведения включенного наблюдения, самонаблюдения, дать возможность участникам развить в себе способности к рефлексии и управлению изменениями.

На стадии дефьюзинга особенно заметна такая составляющая продуктивного дебрифинга как интенсивный «обмен переживаниями». Феномен социального обмена обеспечивает удовлетворение различных потребностей взаимодействия и развития человека, в частности, потребности в разделении (неодиночестве и поддержке), потребности в понимании и потребности в субъектности (возможности оказания влияния, контроля над происходящим). Если рассматривать социально-психологические и иные психологические исследования этого феномена, то можно сделать выводы о том, что такой обмен: а) неспецифичен для ситуаций социально-психологического консультирования, б) не обязательно приводит к позитивным изменениям, не всегда проясняет что-то для клиента и помогает предотвратить нарушения.

Психологическое вмешательство, в том числе, после травмы, несомненно, в целом отвечает потребностям пострадавших в преодолении чувств беспомощности, дезориентации и непонимания, изоляции и т.д. в связи с пережитой травмирующей ситуацией. Психологический дебрифинг направлен также на то, чтоб помочь клиентам более адекватно реагировать на страдания других потерпевших, понимать их, выводить из изоляции и поддерживать веру в собственные силы [15; 23; 32; 39; 45; 46]. Сам метод, однако, основан на отчасти спорной гипотезе и связанном с нею социальном нормативе, предполагающих необходимость оказания немедленной помощи жертвам психологических травм (возникающих в

результате катастроф и разных форм насилия) со стороны общества [24]. Принято считать, что дебрифинг как отреагирование в условиях безопасности, поддержки и конфиденциальности, позволяет осознать нормальность (неуникальность) собственных переживаний, мобилизовать внутренние ресурсы для подготовки к возникновению отсроченных последствий события [27]. Поэтому считается, что его нужно проводить практически сразу после травмирующей ситуации, к моменту, когда участники событий будут способны к рефлексии: пониманию ситуации и самих себя. Считается, что в случаях, когда дебрифинг оказывается по тем или иным причинам отложенным, происходит консолидация следов травмирующего опыта (неосмысленных или неправильно осмысленных фрагментов ситуации), провоцирующая возникновение ряда нарушений в социально-психологической и иной сферах, вплоть до психопатологий и деформаций жизнедеятельности субъекта.

Однако, научных обоснований этого метода нет, а сам дебрифинг не учитывает такие факторы, как механизмы восстановления и преобразования травматического опыта, стиль психологического преодоления (защиты, совладания или самореализации) трудной ситуации переработки опыта, ранее перенесенные травмы и психические расстройства у пострадавшего, активизирующиеся наряду с диссоциативными проявлениями, с непониманием себя и окружающего мира, связанными с психологической травмой, то кризисный дебрифинг был внесен в список процедур, способных дополнительно («вторично») травмировать пострадавших. Среди неучтенных факторов, таких как утрата близкого человека или профессии (трудового места), разлука и даже смена места пребывания, выступающими как дополнительные стрессовые факторы, многие требуют иных по форме, времени и месту вмешательств [4, 7, 15, 13, 39]. Раннее вмешательство может разрушить механизмы восстановления субъекта, в том числе восстановления его способности к пониманию произошедшего с ним и другими людьми, разрушить или трансформировать механизмы психологической защиты и совладания. Более того, исследователи отмечают, что вмешательство на этапе, когда способность осмысленного отношения к происходящему, понимания себя и мира, возвращается эффективнее и успешнее [25; 38; 39]. Напротив, заставляя пострадавших обсуждать психотравмирующее событие, не давая им достаточного времени для того, чтобы привыкнуть к переживаниям, самостоятельно найти подходы к их осмыслению, специалисты вызывают «эффект погружения», вторичную, «следовую» виктимизацию. Этот эффект, кроме того, по механизму индоктринации, привносит в ситуацию чуждые клиенту смыслы, в том числе те, что способны вызывать активизацию барьеров понимания, затруднить осмысление травмирующей ситуации, а у некоторых пострадавших

вызывает вторичное психотравмирующее переживание, частично маскирующееся в групповых исследованиях. Наряду с этим, поскольку психологический дебрифинг может быть не только добровольным, но и обязательным, то, кроме общих проблем, связанных с этой формой вмешательства, практика обязательного дебрифинга, способна привести к пассивности участников, вызвать их недовольство и, следовательно, активизировать барьеры понимания [30]. Обязательный психологический дебрифинг может вызвать выраженную негативную реакцию нормального человека и потому, что его опыту и ему самому присваивается психиатрический диагноз, что может стать еще одной причиной вторичной травматизации. Поэтому в настоящее время методики и структура проведения кризисного дебрифинга варьируются в зависимости от характера и масштабов травмы, и в который включены не только клиенты, но и психологи, спасатели [9; 20; 21; 28; 45, др.]. Однако, несмотря на многоуровневый дебрифинг результаты исследований его успешности и эффективности противоречивы. Некоторые исследователи отмечают высокий уровень удовлетворенности клиентов [24; 44]: люди, у которых отмечались более выраженные стрессовые реакции, чаще посещали сеансы дебрифинга и полагали их полезными. Однако, корреляции между осознанием полезности психологического дебрифинга и развитием симптомов не обнаружено. Вторая группа исследователей, проведя рандомизированное контролируемое исследование, выявила, что участники сеансов дебрифинга имели более высокие показатели тяжести травмы, дольше находились в стационарах. Также обнаружено [36], что психологический дебрифинг не помогает предотвращать длительные результаты травмирующего опыта: после дебрифинга отмечались менее выраженные острые посттравматические стрессовые реакции, однако, отсроченные симптомы посттравматического стресса оказались более выраженными. Третья группа исследователей не обнаружила различий в психологических характеристиках между группами лиц, участвовавшими и не участвовавшими в сеансах психологического дебрифинга [26], что ставит под сомнение сам факт воздействия: продуктивного или деструктивного, - на личность, ее осмысление себя и мира.

Возникает вопрос, требующий дальнейшего изучения, который касается механизмов и факторов, благоприятствующих эффективному психологическому дебрифингу и социально-психологическому консультированию в целом. В социально-психологических исследованиях взаимодействия и коммуникации фиксируется несколько основных понятий и идей, отражающих взаимодействие людей в различных ситуациях, включая ситуацию консультирования: это идеи согласования и симметрии, идеи барьеров и трудностей понимания при рассогласовании компонентов и ведущих факторов взаимодействия, идеи ситуационной отнесенности и стремления человека к развитию своего сознания и

влияния на людей и мир, идеи языковой и логической организации общения как взаимного воздействия и партнерства, обмена и преобразования смысловой информации, значимости формы взаимодействия, ее связи с ценностной позицией субъекта, влияния формы и истории взаимодействия на смыслы, взаимопонимание. Последняя идея – взаимопонимания – является интегративной: взаимопонимание как процесс осмысления происходящего в преобразующем диалоге его субъектами себя, друг друга и мира, отражает практически весь спектр перечисленных феноменов и тенденций. В контексте изучения дебрифинга и иных форм социально-психологического консультирования данные идеи обнаруживают более или менее выпукло и развернуто. Исследователями отмечается, что психологический дебрифинг содержит элементы социальной поддержки и обмена смыслами, переосмысления (в рамках процессов отреагирования, переоценки и информирования), управления поведением (изменениями), поэтому эти элементы как факторы успешности помощи должны изучаться как изолированно, так и совместно для установления их относительной психотерапевтической значимости.

В современных исследованиях, в частности, в теории социального обмена или разделения переживаний, отражающей результаты многочисленных теоретических и эмпирических исследований передачи переживаний от одного человека к другим [41; 42, др.], подчеркивается, что переживания социальны: человек практически всегда делится своими переживаниями с другими. Более или менее необычные и вызывающие переживания ситуации (эпизоды) социального взаимодействия повсеместно вызывают у их участников потребность обсудить произошедшее с другими людьми [40]. Межличностные отношения людей, таким образом, связаны во многом с процессом «социального разделения переживаний». В основе потребности социального разделения лежат «катарсические эффекты» вербального выражения переживаний: разнообразие человеческих переживаний по поводу сходных или одного и того же эпизода (ситуации), то есть способов осмысления одних и тех же событий и фактов внутренней и внешней жизни человека, приводит к тому что при обмене переживаниями они «обнуляются». Поэтому даже простое выражение переживаний подчас приводит к переживанию облегчения состояния, к катарсическим эффектам [35; 43; 42; 40]. Переживания человека как продукт межличностного взаимодействия, взаимозависимости людей в социальных ситуациях их жизнедеятельности, описываются в теориях привязанности, посвященных детям]. Развитие и зрелость, однако, с точки зрения классических теорий взросления, предполагают, что человек как «одиноким рейнджер» должен справиться с жизненными трудностями самостоятельно, независимо от внешнего вмешательства, в том числе в виде помощи в понимании смыслов его

переживаний: взрослый должен сосредоточиться на решении проблем, преодолении переживаний, а копинг, фокусированный на переживаниях является малопродуктивным: автономия как независимость и сепарация считаются продуктивнее поддержания взаимоотношений. Поэтому предполагалось, что социальный обмен переживаниями исчезает в подростковом возрасте: чтобы стать зрелым, взрослым человеком, подростку нужно отказаться от социальной взаимозависимости и, вместо нее, развивать собственные адаптационные способности разрешать проблемы самостоятельно, без вмешательства извне [5; 48]. Однако, по-видимому, произошла подмена понятий: некоторые исследователи смешивают самостоятельность и отчуждение, взрослость и одиночество. Очевидно, что любое переживание, его осмысление отдельным человеком влечет за собой ряд следствий в межличностных отношениях, а также и на коллективном уровне. Гипотеза Б.Райма гласит, что изначально ограниченные родительским воспитанием дети постепенно включаются во все более широкий круг общения, особенно в подростковом возрасте и в зрелом возрасте [35; 40; 43]. Как и у детей, процессы социального обмена у взрослых стимулируют " когнитивную переработку переживаний, развитие знаний личности о переживаниях, способствуют изменениям и укреплению межличностных отношений и социальной интеграции. Л.Фестингер, представив теорию социального сравнения, отметил, что взрослые люди стремятся к точному самопониманию, сравнивая себя с другими [2; 16]. Кроме того, люди обращаются к своей социальной среде в поисках разъяснений, когда сталкиваются с неясными или запутанными ситуациями или переживаниями. Преодоление проблемных ситуаций, которые непонятны или могут быть поняты неоднозначно, связано с развитием и осуществлением потребности (стремления) поделиться опытом их переживания с другими. В теории когнитивного диссонанса содержатся и иные доказательства взаимозависимости взрослых людей: если переживания являются необычными, не ожидаемыми, они могут влиять на самопонимание и, таким образом, оспаривать обоснованность базовой системы верований. Когда ожидания людей не подтверждаются, возникает когнитивный диссонанс между ожиданиями (привычными явлениями) и реальностью, Люди стремятся уменьшить диссонанс путем рационализации, осмысления, обнаруженного несоответствия. Таким образом, после переживания необычного проблемного опыта люди нуждаются в общении, чтобы другие помогли им уменьшить когнитивный диссонанс, помочь в процессе борьбы, предложить новые точки зрения - способы интерпретации события.

Переживания человека имеют длительные и обширные когнитивные и социальные последствия. Это касается не только важных жизненных событий, травматических переживаний, но и текущих переживаний повседневности [7, 11, 33,]. Социальный обмен

переживаниями также вносит вклад в формирование обобщенной базы знаний и производства смыслов в каждой культуре с момента зарождения человеческого сознания. Переживания человека не являются исключительно мимолетным и внутренними короткоживущими и внутриличностными эпизодами. Научные исследования катастроф и важных событий в жизни демонстрируют склонность жертв обсуждать свой опыт и выражать переживания. Обмен помогает развить пережившему травму и обществу в целом [1] способность прогнозировать ситуацию и последствия своих действий, [2] способность контролировать ситуацию и создавать новое. В этом процессе особенно важны «отрицательные» переживания – как топливо познавательной деятельности. Негативные переживания обязательны в начале когнитивных усилий, направленных на снижение диссонанса [16]. Они стимулируют социальный обмен, активируют системы поддержки, изменения жизни человека и общества.

Переживания требуют «когнитивной артикуляции» из-за своего интегративного, насыщенного смыслами сложного характера. В диалоге, выражая опыт в понятиях, люди вынуждены классифицировать и организовать содержимое переживаний, кроме того, в процессе повествования они могут конкретизировать и объективизировать опыт в сценарий, который может помочь сделать произошедшее более понятным. В исследованиях социального обмена переживаниями по поводу травмирующей психологической ситуации показано, что после стихийных бедствий, катастроф или иных травмирующих и изменяющих жизнь событий у людей есть тенденция говорить о своем опыте и раскрывать свои переживания. В этом смысле идея дебрифинга имеет свое обоснование. Социальный обмен переживаниями - межличностный процесс, в котором, после события, ставшего источником переживания люди инициируют межличностное взаимодействие, в котором обсуждают это событие и свои переживания на него. Другими словами, социальный обмен можно рассмотреть как процесс реактивации переживания «на более высоком», символическом (понятийном) уровне. Б. Райм и коллеги выделили характеристики этого явления: переживание воссоздается в диалоге, в рамках создания или использования «социально общего языка», переживание воссоздается, чтобы поделиться с адресатом (реальным или символическим) и изменить что-либо – в себе или адресате [35; 40; 41; 42; 43]. Причины и мотивы социального обмена, выделяемые в этих исследованиях, таковы:

- выразить сдерживаемые переживания, чтобы попытаться облегчить их или достичь катарзиса, вспомнить или повторно пережить событие, чтобы найти объяснение и прояснить смысл ситуации;

- «склеивание», стать ближе к другим и уменьшить чувство одиночества, облегчение социальных взаимодействий, получить утешение и сочувствие, эмпатию;
- найти пути решения проблем, созданных случаем, найти руководство, запросить консультацию, получить помощь, поддержку, легитимизация для проверки своих переживаний, их подтверждения обществом;
- развлечение, стремление привлечь внимание к получить внимание от других, возможно, произвести впечатление на других.

Социальный обмен, таким образом, выполняет информационные цели [35], включая следующие типы реакций слушателя: а) социальная поддержка, попытки утешения, связанные с трансляцией «утешающего понимания», например, в форме позитивного переопределения, сочувствие и понимание, трансляция понимания, связанных с ним смыслов, б) отвлечение или конкретные действия, исходящие из более или менее осознанных попыток «инопонимания», в) де-инсценировка как рассмотрение ситуации с точки зрения ее «декатострофизации», «экспертного осмысления», запрос информации или уточнений об опыте, понимание как смысловая перенормировка.

Социальное разделение переживаний является нормой, однако, ряд событий целенаправленно держатся в секрете. Можно предположить что в ситуации травм процент скрываемых или просто вытесненных из сознания, особенно значимых, но превосходящих нравственные или когнитивные ресурсы человека, событий может превзойти 5-20% нормы. Иногда отмечают, что люди не могут разделить чрезвычайно интенсивные в плане переживаний события, потому что они те просто непередаваемы. Однако, большинство людей мотивированы пересмотреть такие события, поэтому нет разницы в социальном обмене между засекреченными и разделенными событиями по интенсивности. Вместе с тем, переживания, связанные с чувствами стыда и вины, как правило, разделяются, реже, и с меньшим количеством людей. В то время как обмен позитивными и амбивалентными, непонятными переживаниями по пододу событий включает самораскрытие, выражено негативные переживания, например, чувства стыда и вины, связаны с сокрытием личности [1; 8; 19; 18; др.). Исходя из того, что социальный обмен - источник межличностного взаимодействия, социальной интеграции, и формирования позитивных и прочных отношений, многие люди практикуют обмен, для того чтобы формировать и поддерживать именно такие отношения. Поэтому очевидны причины сокрытия: желание не задеть кого-то, сохранить свой имидж в глазах других, защитить свою личную жизнь и самого себя. Таким образом, в процессе общения субъект выбирает между самораскрытием и самопрезентацией, «быть» или «иметь» [1; 8; 18]. Идея защиты - от нежелательных последствий в области социальной сферы –

связана с тем, что открытие таких секретов могло бы нанести ущерб социальным отношениям [22; 29]. Таким образом, вместо социальной интеграции и укрепления связей, откровения об некоторых событиях могут быть вредными для отношений человека к себе и миру, его понимания себя и мира, привести к социальной и личностной дезинтеграции. Поскольку повествования об опыте негативных переживаний обычно приводят к повышению депрессивным и враждебным настроениям, то это опровергает идею дебрифинга о положительной роли обмена переживаниями, дебрифинг вызывает различные негативные последствия, которые служат разрушению контактов людей. Многочисленность деформаций самого социально-психологического консультирования, в том числе нарушений жизнедеятельности клиента и консультанта как результат избыточности негативной смысловой информации - широко известна и является основанием проведения супервизий, дебрифингов и других процедур в процессе работы с психологами и другими оказывающими помощь людям специалистам.

Кроме того, в изучении влияния воздействия на "получателя" социального обмена переживаниями выявлены другие элементы процесса, например, "вторичный социальный обмен". Проблема вторичного обмена особенно важна в связи с вопросом о конфиденциальности и защищенности клиента в консультировании. Вторичный социальный обмен предполагает, что слушатель делится своим опытом и опытом рассказчика с другими людьми. Частота обмена обычно растет в зависимости от интенсивности переживаний при прослушивании интенсивности переживаний события, поэтому вторичный обмен не обязательно является недолгим явлением; он не ограничивается негативным переживаниями, а также имеет тенденцию к расширению. Эта имеет важные последствия, касающиеся связи между индивидом и коллективом, а также с идеями типа «коллективной памяти» [35; 40; 42]. Первичный социальный обмен включает "повторное воспроизведение", где одни и те же лица, сообщают об эпизоде и нескольких других случаях. Вторичный социальный обмен включен в другой процесс, в котором переданная информация передается через цепочку людей, при этом первоначально неясные познавательные аспекты, обычно будут изменены. Однако, это тоже зависит от того, кто участвует в социальном обмене. Таким образом, в процессе социального обмена, люди обрабатывают информацию через фильтр уже существующих убеждений (своей «символической вселенной» как системой сложившихся значений и смыслов). Когда люди сталкиваются с событиями и информацией, не вписывающимися в их убеждения, возникают сильные переживания, события воспроизводятся и перерабатываются в рассказах, так, чтобы гармонизировать, соотнести новую информацию и старые убеждения.

Кроме того, при рассмотрении вторичного социального обмена возникает парадокс: социальный обмен предполагает конфиденциальность, однако, в большинстве случаев переживания рассказчика становятся предметом вторичного и последующих обменов с другими людьми. Конфиденциальность является скорее исключением, иллюзией.

Исследования Б.Райма и его коллег и подтверждают, и опровергают существующую модель дебрифинга, а также результаты других социально-психологических форм консультирования. Они показывают, что проговаривание, вербализация или выговаривание (дефьюзинг) [34], а также другие процедуры типа дебрифинга могут быть, а могут и не быть продуктивными и приводить к изменениям. Вопрос о том, каков будет результат помощи конкретному клиенту конкретным консультантом в той или иной ситуации определяется во многом тем, какими будут обстоятельства - общие условия проведения этих процедур. Взаимопонимание является одним из таких условий: осуществляемое в атмосфере направленного на осмысление травмирующей ситуации (опыта) диалога, предполагающего не просто обмен переживаниями и опытом, но его совместную смысловую переработку.

Если опираться на результаты исследований социального обмена (разделения) переживаний в дебрифинге и других исследованиях социально-психологического консультирования как обмена или «разделения» субъектами смыслами своей жизнедеятельности, то его успешность связана с формированием и развитием отношений партнерства и взаимной поддержки, психологической безопасности и направленности на развитие субъектов диалога. Условиями и результатами таких отношений выступает взаимопонимание субъектов. Взаимопонимание формируется в процессе социального обмена (разделения) переживаниями, их смыслами, развивается в процессе преобразования смыслов общающихся субъектов по мере построения и развития помогающих отношений, обмена обратными связями и т.д. [6, с.231-240].

Выводы

Трансформация жизненных ценностей и жизнедеятельности субъекта в целом в процессе дебрифинга осуществляется в условиях взаимопонимания: обмена и согласования, конфронтации и исследования, со-творчества смыслов жизнедеятельности субъектов, стремящихся понять и быть понятыми, в психологически безопасной (принимающей, подтверждающей, фасилитирующей самораскрытие и направленной на взаимное раскрытие) атмосфере консультирования как партнерского, направленного на сотрудничество по поводу изучения и решения конкретных вопросов и ситуаций, фрустрирующего повседневные шаблоны жизнедеятельности, общения со значимым (реально присутствующим, искренним и аутентичным, включенным в диалог как

личность, утверждающим и подтверждающим значимость и само существование себя и другого) другим.

References:

- [1] Am'aga, N. Self-disclosure and samoopredelenie personality in communication // Identity. Communication. Group processes. – M.: USSR Academy of Sciences, 1991. – 162p. (In Russian)
- [2] Andreeva G. M., Bogomolova N. N., Petrovskaya L. A. Modern social psychology in the West. – M.: Aspect Press, 2002. – 287 p. (In Russian)
- [3] Badhan, A. A. Methodical manual for work with post-traumatic stress disorder. – SPb.: Peter, 2001. – 210p. (In Russian)
- [4] Bath, M., Rickards, A., Rachel, X. Work with children bereaved. – M.: Children's law center, 2003. – 98p. (In Russian)
- [5] Belokrylova, M. F., Semke V. Y. Correction of functional disorders of the cardiovascular system: diagnostic guidelines // Siberian Bulletin of psychiatry and narcology. - 1999– №2-3. – P. 131-132. (In Russian)
- [6] Bolotova, A. K., Zhukov Yu. M., Petrovskaya L. A. Social communication. – M.: Gardarika, 2008. – 279 p. (In Russian)
- [7] Vasilyuk F. E. Semiotics and technique of empathy // Questions of psychology. – 2007. – No. 1. – P. 3–14. (In Russian)
- [8] Goffman, E. Introduce yourself to others in everyday life. – M.: IP RAN, 2004. – 751p. (In Russian)
- [9] Zolotareva, T. F., Minigalieva, M. R. Problems of socio-psychological assistance to the victims of terror. – M: The Union, 2002. – 180p. (In Russian)
- [10] Kulikov, L. V. Psychological culture of the ethnic group // Introduction to ethnic psychology / Under the editorship of Yu. p. Platonov. – S.-Pb.: Izd-vo S.-Pb.GU, 1995. – P. 150–170. (In Russian)
- [11] Laner, X. Catalinae experience images. – M.: Eidos, 1996. – 253 p. (In Russian)
- [12] Panfilov, A. P., Gromova, L. A., Bohacek, I. A., Abchuk, V. A. Fundamentals of management. The complete guide to case-technologies / ed. by V. P. Solomin. – S.-Pb.: "Piter", 2004. – P. 204-206. (In Russian)
- [13] Prevention of suicides: How to organize a self-help group for persons who have experienced loss of a loved due to suicide / Edited by V. A. Rozanova. Preventing suicide: how to start a survivors group. - Odessa: Odessa National University, Interprint, 2005. – 34p. (In Russian)
- [14] Romek, V. G., Kontorovich, V. A., Krukovic,h E. I. Psychological assistance in crisis situations. – S.-Pb.: Piter, 2004. – 320p. (In Russian)

- [15]Tkhostov, A. Sh., Zinchenko, Y. P. Pathopsychological aspects of post-traumatic stress disorder // Psychologists on migrants and migration in Russia: Information and analytical Bulletin. – 2001. – No. 3. – S. 10-18. (In Russian)
- [16]Festinger, L. A Theory of cognitive dissonance. – S.-Pb.: Speech, 2000. - 320 p. (In Russian)
- [17]Fromm, E. Escape from freedom. – Moscow: AST, 2004. - 571c. (In Russian)
- [18]Fromm, E. the Soul of man. Moscow: Respublika, 1992. – 336 p. (In Russian)
- [19]Shkuratova, I. P. Sampradaya of personality in communication: monograph. – Rostov-on-don: Izd-vo yufu, 2009. – 192 p. (In Russian)
- [20]Arendt M., Elklit A. Effectiveness of psychological debriefing // Acta Psychiatrica Scandinavica. – 2001. – V.104. – P.423–437.
- [21]Armstrong K., O’Callahan W., Mannar C.R. Debriefing red cross disaster personnel: the multiple stressor debriefing model // Journal of Traumatic Stress. – 1991. – V.4. – P.581–593.
- [22]Baumeister R.F. and Leary M.R. The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation // Psychological Bulletin. – 1995. – V.117 (№3). – P. 497–529.
- [23]Bisson J., McFarlane A., Rose S. Psychological debriefing // Effective treatments for PTSD / Eds. by E.Foa, T.Keane, M.Friedman. – N.-Y.: Guilford press, 2000. – P.33-59.
- [24]Bolwig T.G. Debriefing after psychological trauma //Acta Psychiatrica Scandinavica . – 1998. – V.98. – P.169–170.
- [25]Chemtob C.M, Tomas S, Law W, et al. Post–disaster psychosocial intervention: a field study of the Impact of debriefing on psychological distress // American Journal of Psychiatry . – 1997. – V.154. – P. 415–417.
- [26]Deahl, M.P., Gillham A.B., Thomas J.T. et al. Psychological sequelae following the gulf war // British Journal of Psychiatry. – 1994. – V.165. – P.60–65.
- [27]Dontsov, A.I., Perelygina E.B. Security Problems of Communicative Strategies // Psychology in Russia: State of the Art. - 2011. - V. 1. – P. 316-323.
- [28]Dyregov, A. Caring for helpers in disaster situations: psychological debriefing // Disaster Management. – 1989. – V.2. – P.25–30.
- [29]Finkenauer, C. Secrets: Types, determinants, functions, and consequences. Non–published doctorate thesis, Belgique, Louvain–la–Neuve: Université catholique de Louvain, 1998.- 120p.
- [30]Flannery R.B., Fulton P., Tausch J. et al. A program to help staff cope with psychological sequelae of assaults of patients // Hospital and Community Psychiatry . – 1991. – V.42. – P. 935–938.

- [31]Herlofsen P. Group treatment in the aftermath of trauma // Balliere's Clinical Psychiatry.– 1996. – V.2 –P.315–328.
- [32]Kenardy, J.A. The current status of psychological debriefing // British Medical journal. - 2000. – V.321. – P.1032-1033.
- [33]Lazarus, R. S., Opton E.M., Monikos M .S., and Rankin N.O. The principle of short circuiting of threat: further evidence // Journal of personality. – 1965. – V.33.- P. 307–316.
- [34]Lebigot, M. Psychological debriefing // Stress et Trauma. 2001. – V. 1(3). – P. 137–141.
- [35]Luminet O. Psychologie des émotions. Confrontation et évitement. – Belgique: De boeck, 2008. – 300p.
- [36]McFarlane A.C. The longitudinal course of posttraumatic morbidity: the range of outcomes and their predictors //Journal of Nervous and Mental Disease. – 1988. – V. 176. – P.30–39.
- [37]Mitchell J. When disaster strikes: the critical incident stress debriefing process // J. of Emergency and Medical Services. – 1983. – V. 8. – P.36–39.
- [38]Mitchell, J., Everly, G.S. Critical Incident Stress Debriefing (CSID). – Ellicot City, Md, Chevron, 1995. – 290p.
- [39]Raphael, B., Meldrum, L., McFarlane A.C. Does debriefing after psychological trauma work? // British Medical Journal . – 1995. – V.310. – P.1479–1480.
- [40]Rimé, B. & Paez ,D. La condivisione delle emozioni // Psicologia Sociale. – 2007. – №1. – P. 29–68.
- [41]Rimé, B., Interpersonal emotion regulation // Handbook of emotion regulation / J. J. Gross (Ed.). – N.–Y.: Guilford, 2007. – P. 466–485.
- [42]Rimé, B., Páez, D., Basabe, N., Martínez,F. Social sharing of emotion, post-traumatic growth, and emotional climate: // European Journal of Social Psychology. – 2010. – V.40. – №6. – P.1029–1045.
- [43]Rimé, B., Mesquita, B., Boca, S., et Philippot, P. Beyond the emotional event: Six studies on the social sharing of emotion // Cognition & Emotion – 1991. – V. 5. – №5–6. – P. 435–465.
- [44]Robinson, RC, Mitchell, J.T. Evaluation of psychological debriefings // J. of Traumatic Stress. –1993. – V. 6. – P.367–382.
- [45]Rose, S., Bisson, J., Wessley, S. A systematic review of single-session psychological interventions (“Debriefing”) following trauma // Psychotherapy and psychosomatics. – 2003. – V.72. – P.176-184.
- [46]Rose, S., Bisson, J., Wessley, S. Psychological debriefing for preventing PTSD // The Cochrane Review. – UK, Oxford; Update Software, 2001. – 450p.
- [47]Solomon, Z., Benbenishty, R. The role of proximity, immediacy, and expectancy in the treatment of combat stress reaction among Israelis in

Social Science and Humanity #3 2016

- the Lebanon war // American Journal of Psychiatry. – 1986. – V. 143.
– P.613–617.
- [48]Thoits, P.A. Coping, social support, and psychological outcomes //
Review of personal and social psychology. – V. 5. / Ed. by P. Shaver.
– Beverly Hills, CA: Sage, 1984. – P. 219–238.

Arpentieva M.R.

EVERGETIC: MANAGEMENT ONTOLOGY

Arpentieva M.R., Russian Federation, senior researcher of the department of development and education psychology, Kaluga K. E. Tsiolkovsky state University, doctor of psychological Sciences, associate professor

Abstract

The article is devoted to the analysis of the three evergetical strategies in sciences searches and management of the community development. Develop regulations about based on postnonclassical scientific rationality evergetics from V.A. Vittih, discuss evergetical strategies, it's differences in managing theory and practice. The complexity of communities and the process of their development, the proliferation of diversity management issues these communities and their development suggest the need for developing approaches that integrate a variety of these practical problems and develop a single, theoretical model and meta-model. It's models allowing not only to optimize the control method, but to answer the question about what management is and what management is necessary for the development of communities as examples of complex, developing systems. One of such approaches becomes evergetics V. A. The Vittikh, which is an example of transdisciplinary and transdiscursive approach to comprehend the essence and technologies of management, it allows you to select the strategy more or less harmoniously implement the values and management objectives as a component of community development. Comparative analysis of management strategies allows you to select evergetical, pseudoevergetical and unevergetical strategies, their characteristics and capabilities in managing the development of their communities. Selected strategies phenomenologically similar to various undermoves to the study of management, reflect certain aspects of it. Practical significance of the research connected with the development of a new perspective on the nature, components and processes that involves the possibility of optimizing the management and training management of social development. The theoretical significance of the research is connected with the development of the theory evergetics V. A. Vittikh as an innovative metatheoretic, transdimensional approach to understanding the control of

complex systems aimed at understanding the essence of society and its development.

Keywords: management ontologies management, technology, ideology, evergetica, multi-agent technology, evergetical strategy, social service.

Введение

Проблематика онтологий может быть рассмотрена с двух сторон. С одной стороны, понятие онтологии управления может рассматриваться как «набор определений фрагмента декларативных знаний, ориентированный на совместное многократное использование практиками и теоретиками управления» [1; 2; 3; 4; 5]. В современной науке и практике можно говорить о нескольких онтологиях как системах идеологий и теорий управления, реализующих их технологий и отражающих их особенности системах понятий. Онтология как система понятий выступает как инструмент достижения взаимопонимания: в науке и практике, с одной стороны, «важна конвенция относительно факта, требующего объяснения» и управления, а, с другой, эта конвенция важна чтобы пересматривать объяснение и управление, находить новые решения и создавать новые онтологии [6; 7; 8; 9; 10]. С другой стороны традиционное представлений об онтологии как науки о бытии позволяет выделить в существующих практиках и теориях управления их «технологические» и «онтологические» аспекты. На сегодняшний день классическая модель управления во многом устарела, поскольку разработанный ею язык (система понятий) весьма ограничен, а бытийный аспект управления, по сути, элиминирован. Современная, эвергетическая модель управления, ставит перед собой и миром вопросы о том, что есть управление и какими способами (технологиями) оно может быть реализовано, а также создает новую систему понятий описания процессов управления, включающую как классические, так и новые термины и взаимосвязи. Таким образом, эвергетика выступает как онтология управления в целом. Ее развитие связано с тем, что усложнение сообществ и процессов их развития, умножение разнообразия проблем управления этими сообществами и их развитие актуализируют необходимость разработки подходов, интегрирующих практическое многообразие этих проблем и разрабатывающих единые, теоретические модели и мета-модели, позволяющие не только оптимизировать способы управления, но и ответить на вопрос о том, что такое управление и какое именно управление необходимо для развития сообществ как примеров сложных, развивающихся систем.

Цель и метод исследования

Цель исследования – изучение онтологических аспектов управления в контексте теории эвергетики В.А. Виттиха. Метод

исследования - теоретический анализ онтологических аспектов современного управления. Проблемы продуктивного осмысления и внедрения постоянно меняющихся социальных отношений, образующих эту систему, связаны с многочисленными нарушениями, заложенными в теории и практике экономики «дикого капитализма» или «дикого рынка», сложившихся в России на рубеже XX – XXI веков. Одна из важнейших и серьезнейших групп проблем и, соответственно, задач, связана с регуляцией «игр» современного профессионального рынка труда и необходимостью делиберализации отношений государства и общества к предпринимательству, нарушающему нравственные нормы и права людей. Другая – с решением вопросов, связанных с прекаризацией профессионального труда на фоне все нарастающего и так огромного социального неравенства, организации взаимодействия центральных и периферийных объединений, защищающих права трудящихся и потребителей, наряду с правами и интересами государства и производителей. Третья проблема - связана с регулированием соотношения меритократических и бюрократических («криптократических») «лифтов», необходимостью развития профессиональной и человеческой культуры граждан, в том числе, предпринимателей, с целью внедрения продуктивных технологий предотвращения и коррекции профессиональных деформаций и профессионального выгорания, безработицы и дауншифтинга, профилактики иных кризисов индивидуального и организационного развития. Четвертая проблема - деформализации и десимуляции бюрократическими и иными структурами мер поддержки государством своих граждан и бизнеса, а также создание механизмов участия и поддержки государства и социально ответственного и необходимого государству и обществу бизнеса гражданами. Пятая проблема – поиск новой онтологии управления как системы ее идеологических, теоретических и технологических основ. Такая онтология, по мнению современных исследователей, может быть сформирована на основе феноменологической парадигмы исследования процессов управления организациями предполагает особое внимание на связи собственно «целевой рациональности» с «рациональностями» и «иррациональностями» ценностно-смысловыми. Эвергетика развивается как попытка развернутой многоуровневой рефлексии сути управления, его ценностно-целевых основ, взаимосвязи теории и практики управления, из развития в исторической и диахронической перспективах [11; 12].

Результаты исследования и их обсуждение.

Концепция эвергетики, несомненно, возникла как ответ на вопросы продолжающихся реформ в России: страны, стремящейся стать социальным государством. Эти реформы все больше меняют характер профессионального и непрофессионального труда, включая

организационную и нормативно-ценностную составляющую деятельности бизнеса (предпринимателей). Эти изменения приводят бизнес и государство к пониманию значимости отношений социального партнерства и сотрудничества «центра» и периферии, предпринимателей и потребителей, профессионалов и непрофессионалов, социального служения и взаимопомощи.

1 Общие положения: эвергетика как онтология управления

Концепция эвергетики развивается в работах В.А. Виттиха и его школы на пересечении теоретического осмысления процессов управления сложными и системами и практического опыта внедрения принципов эвергетики в деятельность самых разных «примеров» этих сложных систем [12]. По его мнению, современное управление, теория управления сложными системами, обращены к осмыслению роли социальных коммуникаций в формировании, функционировании и развитии (инноватике) организаций и сообществ. Разделение функций управления, жесткая иерархия, вертикальность и моносубъектность коммуникаций традиционных организационных структур в современном, инновационно, intersubъектном творчески ориентированном бизнесе и менеджменте, все больше заменяются социальным партнерством, консенсусом, горизонтальными коммуникациями, эвергетикой. Стратегия «изолированного руководства», стоящего над людьми и организацией менеджера, и стратегия соавторства – это, по сути, дискурсивный и трансдискурсивный методы осмысления происходящего в организации и сообществе. Трансдискурсивным является подход и/или управление, субъект которого находится в центре дискурса, обозначая круг проблем, которыми живет данный дискурс [11]. Дискурсивным – подход, которые не предполагает возможности выхода з рамки сложившихся отношений, рефлексии и изменений. Осмысление теоретических и практических традиций, дисциплин, внутри которых, в свою очередь, могут или не могут разместиться другие, современные исследования и технологии управления, превращает обычное исследование в метааналитическое, рефлексивное или трансдискурсивное.

Трансдискусивность неразрывно связана с функциями рефлексии, управления и прогнозирования («форсайта»). Необходимость трансдискурсивного подхода в осмыслении феноменов управления - результат умножения его концепций и моделей, приводящая к необходимости построения нового, мета-аналитического уровня осмысления феноменов управления, их интеграции в единое поле. Основой такого поля может стать эвергетика, ее трансдискурсивный и трансдисциплинарный потенциал. В теории управления сложными системами В.А. Виттиха, сравниваются информационно-модернистская, рационалистическая модель общества и управления им и

феноменологическая модель управления как эвергетики, ставится основной вопрос современного управления: дело не в том - как, а в том – для чего, ради чего – управлять [13], не в том, как повысить эффективность управления человеческими ресурсами и общественным развитием, а в том, каковы цели управления как такового. Субъект, осознающий себя «внутри» проблемной ситуации и выполняющий в рамках ситуации и жизнедеятельности в целом те или иные функции, продуцирует смысл ситуации, в том числе с учетом «смыслообразующей» деятельности иных субъектов, находящихся в этой ситуации и коммуницирующих с ним по поводу нее. Участники ситуации придают смыслы и ценностный статус фрагментам (объектам и процессам) ситуации, сознают проблемность ситуации, обсуждают ее в поиске форм управления ситуацией вступая в диалог, выстраивая в ходе переговоров приоритетные направления и определяя цели, критерии эффективности и успешности.

Целью традиционных рационалистических, прагматических моделей в классических исследованиях и исследованиях «мальтузианских» представителей постмодерна, для которых нравственно то, что выгодно, является достижение такого уровня руководства (разработка таких его технологий), которые позволяли бы достигать 100% успешности и результативности управления. Эти технологии – манипуляции - обществом и его членами – направленные на формирование единообразных, предсказуемых, лишенных попыток осмысления реакций людей-рабов, предполагают, по сути, уничтожение противников рабства и геноцида. Они ориентированы на уничтожение оппозиции, препятствующей разрушению прочных нравственных ценностей (духовно-нравственное разложение, отчуждение и дезориентацию населения), основанных на них социальных связей, организационных мостов и семейных уз, создание препятствий, доверия и взаимопомощи, в том числе - средствами пропаганды примитивизма, вседозволенности и «квалифицированного» потребления, создание препятствий развитию человека как личности, профессионала и партнера. Социальный каннибализм в своем предельном развитии включает также отказ от технологического прогресса и инноваций или их существенное ограничение, связанное с контролем процессов развития и предотвращением «несанкционированных» управляющим форм реагирования: совершая выбор между рабом и роботом, своим комфортом и выживанием и выживанием и развитием других людей, общества, представители власти однозначно выбирают свой комфорт и успех, в том числе - ценой свободы, успеха и самой жизни рабов.

Как отмечал Р.Л. Акофф [14] классическое представление об однородности, гомогенности общества как функционирующего по определенным правилам, не учитывающие «наложения» и взаимодействия

вертикальных и горизонтальных коммуникаций, особенностей их ценностно-целевого и смыслового содержания в организациях разных типов и уровней развития (например, традиционных и инновационных, ориентированных на воспроизводство, репродукцию и на творчество и сотворчество), как относительно простого феномена, используемое в классическом, традиционном менеджменте, представляет людей обезличенными: «человек вообще» или «плоский человек» (*a man*) допускает возможность взглянуть на него «со стороны», в том числе - со стороны общества или государства, со стороны менеджера как «хозяина положения», который редуцирует социальные связи, организационные мосты и даже семейные «узы» к предписанным им (субъектом) устойчивым правилам, опирающимся на соответствующие идеологии (например, иерархическим, отчужденным, ролевым отношениям между «начальниками» и «подчинёнными»). С точки зрения гомогенной модели общества человек — «винтик», «раб», функция коллективного производства. Само общество и организация состоят в отношении «потребления», обратные связи между ними сведены к функционально необходимому минимуму. Иначе – в феноменологических, эвергетических моделях социальной сложности, общества как системы, основанной на принципах многостороннего и многоуровневого социального партнерства. В этой системе социальные связи, организационные мосты и семейный узлы людей – компоненты социального капитала, который может отличаться по своему качеству, но в целом служат развитию людей, организаций, общества

Общество как сложная, гетерогенная развивающаяся система, каждый человек - с его субъективными представлениями о мире (*the man*) – осмысляет себя в диалоге с другими, само общество - «калейдоскоп ситуаций». Интерсубъективность сознания и жизнедеятельности побуждает людей коммуницировать, совместно искать выход из сложившейся ситуации, создавая «интеграционную платформу» знаний, умений, идеологий, используемых для принятия управленческих и эвергетических решений. Лоурархия как социальное партнерство, социальное служение, взаимопомощь, дает возможность сохранять гибкость и выживаемость обществу и организации [14]. Т.о., организация перестает игнорировать общество, но, напротив включает его в свою жизнедеятельность как партнера: начиная с типичного для классической модели этапа «потребления» до крауд-технологий – технологий участия разработке и производстве потребляемого обществом организационного «продукта».

Гомогенная модель общества изначально служит превращению людей в «однородную массу», это - псевдоэвергетическая стратегия классического рационализма, часто маскирующаяся «многообразием» постмодерна. Гетерогенное представление об обществе, обращенное на

конкретных индивидов и групп, являющихся одновременно и субъектами, и объектами управления, учитывает их ценностно-смысловые ориентиры и в процессах принятия решений об урегулировании и развитии проблемной ситуации (Таблица 2). Постнеклассическая рациональность учитывает «соотнесённость получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами», отражается в эвергетике, ее теории intersubjectивного управления, управления «человеком культуры» «человека культуры», их сотворчества культуры и, в том числе, идеологии общества. Этим она отличается от вынужденного работать на общество «экономического человека» в классической рациональной теории управления. Эвергетика как наука об организации процессов управления в развивающемся обществе. Каждый человек и каждая группа этого общества заинтересованы в преумножении культурного наследия, включая увеличение доли управленческих решений, направленных на благо с помощью благих действий: опирающихся на идеологию социального служения, взаимопомощи и партнерства.

К. Полањи, ставивший целью «поиск «третьего пути», отличного от единоличной автократии и демократической бюрократии, создание теоретической основы идеального общественного устройства, где человек является главной ценностью», исходил из того, что люди коммуницируют на основе принципов: дарообмена (то есть взаимности, реципрокности), централизованного перераспределения (отчужденной редистрибуции) и рынка (аномичного обмена). При этом редистрибуция как одна из форм уравнительного распределения нередко вырождается в прямую эксплуатацию. Рыночные отношения, которые предполагают более или менее взаимную калькуляцию выгод и издержек, также разрушают человеческие отношения и признаки культуры, нравственность. Рынок со временем ведет к дестабилизации общества и более или менее явно выраженному централизованному перераспределению власти бюрократией и криптократией («теневым правительством», олигархами). Обмен дарами осуществляется свободно, без гарантий и требований возмещения затрат. Он также может стать асимметричным, вырождаясь в редистрибуцию или консьюмеризм (потребительство). Однако, этому противостоит система нравственных и иных ценностей обменивающихся [15]. Параллельно, можно выделить разные дискурсивные стратегии изучения управления как 1) манипулирования «хозяйном» своими «рабами» - превращения субъектов производства в «объекты», 2) руководства «человеческими ресурсами», чей «человеческий капитал» составляют, прежде всего, профессиональные и связанные с ним ресурсы, а социальный капитал – «облегчает, «фасилитирует» производственные процессы, 3) полилогического сотворчества, социального партнерства, взаимопомощи и взаимообучения, в процессе которого реализуется и

развивается, накапливается и воспроизводится человеческий и социальный капитал: общество [16; 17]. В мире «ситуативных» знаний, «дигитальной нравственности» и «технического родства», выстроившего в «плюрализме» социальной аномии, общество потребления или социального каннибализма для организаций и граждан, пытающихся просто выжить и сохранить себя как таковых, «мультиакторные» или интересубъективные технологии являются стратегическим резервом выживания и развития [18; 19; 20]. Гармонизация общества и долгосрочность бизнеса возможны на основе соблюдения принципов социальной справедливости, взаимной поддержки и партнерства в бизнесе и в государственных структурах. Это говорит о продуктивности реализации эвергетической модели управления, продуктивности гуманитарных социальных технологий в практике предпринимательства, направленных на активизацию и привлечение граждан к участию в деятельности производственных организаций, предпринимательства. Помимо крауд-технологий, это и технологии собственно эвергетические: принятие совместных решений о наиболее важных, затрагивающих каждого из участников, решений [21; 22; 23]. Ведущая проблема с точки зрения внедрения и укоренения крауд-технологий и идеологии мультиакторного управления состоит в том, что участие общества в делах государства воспринимается как помеха спокойному потреблению и благополучию «власть имущих». Нарастающее замалчивание (the spiral of silence) репрессивно-карательной сути общества «всеобщего потребления» и торжество «культуры симулякров» - следующая стадия коллапса, стадия «точки невозврата»: Интересубъективность, как и субъективность, все более утрачивается, управление окончательно теряет нравственный потенциал, ему на смену приходят псевдоэвергетические стратегии - аномии и рынка, и антиэвергетические стратегии - каннибализма и редистрибуции [24]. Спираль молчания может быть и пытается быть преодоленной высокообразованными или более-менее состоятельными людьми, а также менее состоятельными, но также «бесцеремонными», то есть трансцендирующими индивидами, не боящимися изоляции, неуспеха и неопределенности, которые могут и способны настаивать на истинных ценностях, реальности и необходимости развития, вне зависимости от доминирующего общественного мнения, десаkraлизующего отношения и оплощающего человека. Такие, автономные субъекты готовы и стремятся к восстановлению социальной коммуникации как ценностно-смыслового обмена в контексте социально и лично значимой деятельности, реализующей интенции общественного развития в кризисных и повседневных ситуациях [17]. Эти субъекты, отказывающиеся играть в «управление», «потребление» и «защищенность», нередко включены в число подлежащих более или менее активному уничтожению «больных, преступников и оппонентов». В

период наиболее активного социального распада и умолчаний этого распада они трансцендируют в поисках новых решений, приводят сообщества к рождению новой или возрождению старой идеологии или «церкви», вокруг которой может организоваться последующая цивилизация [17; 24]. Трансценденция предполагает преодоление «лоскутности», фрагментарности понимания себя и мира людьми, а также создание и внедрение новых идеологий и теорий социального бытия, в том числе, идеологий и теорий управления им, а также не имитирующих, а реализующих интересубъективность управления технологий – интересубъективных технологий.

2. Эвергетика и стратегии управления обществом и его развитием

Важнейшими, сущностными, моментами отношений человека, общества и государства, предпринимателей и потребителей являются отношения «социального служения»: взаимной помощи индивидов, общественных организаций и государства. В прошедшие под знаком «буржуазной морали» столетия идеология «нравственно то, что выгодно» практически себя изжила. Производство ради накопления власти и финансовых капиталов не удовлетворяет ни общество, ни государство, ни сам бизнес. Аналогичным образом, практически гротескно выраженный и все усиливающийся контроль так и неразвившегося в России гражданского общества и почти полное отсутствие контроля коррупционных объединений государственных и бизнес-структур, продемонстрировали государству что игнорирование и подавление не могут быть способом решения всех проблем отношений, что нужны иные способы, в том числе, способы предотвращения и коррекции состояний, подобных «майdanам» Украины. Это способы, обращенные к уважению человеческого достоинства и нравственности, к мнению и жизни «маленького человека», в том числе безотносительно к их непосредственной, сиюминутной экономической выгоде. Отношения граждан, государства и бизнеса не исчерпываются экономическими отношениями и профессиональной деятельностью, но включены в более широкий контекст, связанный с проблемой выбора: имитировать выполнение формально обозначенных, нормативных требований и наращивать противостояние или включаться в реальное сотрудничество, сотворчество, ждать, когда гражданское общество и бизнес в центре и не периферии «созреют» для тех или иных перемен или участвовать в построении своей жизни и жизни окружающих людей, ждать когда государство и бизнес «очнутя», чтобы понимать нечто, помимо репрессий и сиюминутных выгод или предлагать государству и бизнесу новые идеи – сотрудничества.

Социальное служение – как антипод «административного восторга» и «экономического гангстерства» властей, как сотрудничество и

паритетность государства и граждан, потребителей и предпринимателей, предполагает выбор второго пути [25; 26]. Однако, эта тенденция пробивает дорогу с трудом. Одна из причин представлена в трудах Дж. Коулмана, который полагает, что индивид обращает внимание на важность других людей в своей жизни, отношений с ними вынужденно. Он вынужден считаться с тем, что как и другие формы капитала, социальный и человеческий капитал приносят дивиденды лишь в случае его использования: и просто «вклады», «размещение под проценты» малоэффективно, капитал должен работать, участвовать в процессе производства. Поэтому в его концепции "кредита добрых дел" отмечается, что отношения людей и групп, согласно Дж. Коулману, строятся по принципу «ты мне – я тебе», чем больше в группе невыплаченных кредитов (взаимных обязательств помочь), тем выше социальный капитал: люди не могут выйти из системы, они поставлены в столь тесную взаимную зависимость, что выход одного звена рушит всю цепь. Напротив, пользуясь социальным капиталом, однако, человек обычно его истощает (даже оказывается «в долгах»). Но чтобы быть полезным, людям и организациям все же приходится использовать свои связи, и цикл замыкается: служение и взаимопомощь носят вынужденный характер или выступают как способы «зарабатывания» капитала, манипуляции партнерами и т.д. [27]. Речь идет об управлении, построенном на основе зависимости членов друг от друга и вынужденных «кредитов доверия» - «доверительных расписок». Что же касается человеческого капитала, при таком - «вынужденном» отношении к обменам ресурсами, нельзя ожидать, то руководитель будет заинтересован в поддержке других людей. Люди соглашались с этим, но часто отвечают «протестными» формами деятельности. И даже «поддержка» государства протестность не отменяет: государство не поддерживает самостоятельный выбор. Не дает возможность участвовать в принятии решений, решая все «за человека». Периодические масштабные коррупционные скандалы вызывают у граждан сомнения в своей способности оказывать влияние на процесс принятия в стране политических решений, на жизнь вообще. Возникают состояния усталости и готовности к взрыву: «Усталость гражданина постиндустриального общества недалеко от скрытой забастовки ... именно потому, что оно является активностью (скрытой), оно может ... превратиться в открытое восстание» [28, с.233].

В другой модели - общественного ресурса, - социальный капитал есть имманентная характеристика структуры человеческих отношений: будучи связанным с другими людьми, человек получает множество преимуществ [29]. Более того, если человека окружают талантливые, профессиональные люди, это положительно сказывается на его жизни и развитии. Однако, в этой концепции вводился важное разграничение и выделяется важное представление о феномене, названном нами

«антикапитал»: сплоченность группы делает её более закрытой для новичков. Группа может помешать одному из её членов достичь успеха: имея определенные обязательства и общие паттерны поведения в группе, человек не может легко и без больших потерь из нее выйти. Кроме того, внутри групп с высоким уровнем социального капитала социальный контроль подчас настолько высок, что существенно ограничивает свободу людей, а значит и их развитие (развитие человеческого капитала). Это особенно характерно для бюрократических - «монолитных структур», с высокой степенью иерархизированности отношений. Чрезмерно развитый человеческий капитал, даже в форме меритократии, не свободен от опасности всех бюрократических систем: дальнейшей иерархизации и самоудовлетворения вплоть до полного коллапса, самоуничтожения. Все это – чрезмерно выраженное и лишённое нравственной основы, направленности власти на социальное служение, может привести к замедлению развития группы, организации или региона, конфликтам и бунтам, коллапсам на уровнях государства, бизнеса и общества. Формирование и развитие, инволюция и разрушение компонентов социального капитала, глубина его продуктивной и негативной трансформации (реформации или деформации) различаются в группах с высоким и низким уровнем принятия социальных нормативов, включая показатели - индивидуальной ответственности, интеллектуальной независимости и уважения к праву, а также ориентации на инновационное, творческое отношение к жизни, не только на получение вкладов и инвестиций сообществ в жизнь его членов, но и на отдачу, служение членов сообщества друг другу и обществу в целом. Что касается антикапитала, это, прежде всего, капитал «спящих одной цепью»: моноагентное управление с высокой степенью иерархизации приводит к интенсивной бюрократизации (и коррупции) управления и выхолащиванию его сути. Бюрократия начинает жить «наряду с обществом», по собственным законам, потребляя общество по мере необходимости.

В третьей модели - социального развития - использование капитала означает его автоматическое развитие: чем больше тратится, используется капитал, тем быстрее и больше он развивается, увеличивается. В этой концепции социальный капитал, как и капитал человеческий, - социальное богатство личности и общества, которое выражается в совокупности межличностных связей, предоставляет доступ к ресурсам личностным и профессиональным ресурсам партнеров и дает возможность партнерам пользоваться ее ресурсами [29]. При этом человеческий капитал не сводится к выработанным способностям человека, не является чисто просто знаниями и умениями, подобно обычному пониманию человеческого капитала, не запечатлевается в человеке в виде «инкорпорированных навыков», а социальный капитал не

существует вне людей, но и не является атрибутом какого-то отдельного человека: это капитал межличностный, партнерский. Эта модель наиболее близка эвергетике.

Становление партнером – важный этап развития человека, с которым, с одной стороны, связано становление личностью и профессионалом, то есть – человеческий капитал, а с другой - партнером . В современном обществе становление партнером далеко не всегда происходит автоматически и просто [30; 31].

Таким образом, в первых теориях социального капитала предполагалось, что чем крепче взаимосвязи и взаимозависимость людей, тем больше их социальный капитал и меньше необходимость в нормативном регулировании отношений. Однако, данный постулат был позже уточнен: социальный капитал тем больше, чем крепче продуктивные взаимосвязи между людьми, чем прочнее не столько взаимозависимость, сколько прочнее и многообразнее функционально-ролевые и интимно-личностные взаимосвязи, чем выше уровень развития сообщества как субъекта жизнедеятельности, включая его характеристики как носителя идеологии и включенных в нее духовно-нравственных ориентиров, способов взаимоотношений (карательно-репрессивных, отчужденно-аномичных или сотворческих и взаимно помогающих). Мы называем их капитал и антикапитал, а также, в некоторых случаях, «псевдокапитал» - для описания отношений и качеств субъектов отношений, которые могли бы приносить пользу им и обществу, однако, по тем или иным причинам не используются.

Как и социальный капитал, - человеческий также может быть отрицательным, антикапиталом. Отрицательный человеческий капитал или, в наших терминах, антикапитал, — часть накопленного капитала, не дающая полезной обществу и человеку отдачи от инвестиций в него, но, напротив, препятствующая росту качества жизни населения, развитию общества и личности. Так, преступники, наркоманы и просто бездельники могут быть оценены как потерянные для общества, организаций и семей субъекты, как потерянные инвестиции. Сюда же можно отнести, по сути, и всю бюрократию, со свойственным ей игнорированием нужд населения, коррупционной направленностью, склонностью к мародерским и компрадорским формам жизнедеятельности («освоению» государственных и общественных ресурсов в целях собственного обогащения, «административный восторг» и «реформы» как программы, направленные на развал правоохранительной, здравоохранительной, научно-образовательной и иных сфер). Накопленный отрицательный человеческий капитал (антикапитал) активно проявляет себя в периоды бифуркаций и революций, смены поколений — в условиях неравновесных состояний капитал может быстро изменить свои «знак» и иные качественные и структурные характеристики. Отрицательный

человеческий капитал формируется на базе негативных сторон функционирования нации, страны, на низкой культуре отношений к себе и миру значительной части населения. Кроме того, можно выделить пассивно-нейтральный человеческий капитал — человеческий капитал, не вносящий вклада в процессы развития страны, в инновационную экономику, направленный человеком на собственное потребление и комфорт. В положительную часть капитала входят трудолюбивые профессионалы, люди, занимающиеся благотворительностью и разделяющие идеалы служения обществу, взаимопомощи: идеологию социального служения. Положительный человеческий капитал – это креативный или инновационный капитал. Его определяют как обеспечивающий полезную отдачу от инвестиций в него в процессы развития: в повышение и поддержание качества жизни населения, в рост инновационного и институционального потенциалов.

Для эффективного функционирования и накопления социального и человеческого капитала необходимо конкурентоспособное качество жизни, включая безопасность, относительно комфортные условия жизни, а также свобода изучения себя и мира при наличии прочной идеологической основы, направленной на развитие человека и общества, сформированных духовно-нравственных ориентиров жизнедеятельности. Основными драйверами его развития являются продуктивная конкуренция, осмысленные инвестиции, системные инновации и – наличие нравственно определенных целей производства и жизни в целом. Развитие человеческого капитала связано с развитием общественного и, при наличии гуманных отношений в сообществе, активно развивается и служит развитию сообщества. Основными драйверами развития человеческого капитала являются инвестиции в подготовку и переподготовку, рабочее состояние социальных лифтов, высокопрофессиональный коллектив, наличие нравственно определенных целей производства и жизни. В ситуации доминирования потребительских отношений, человеческий и социальный капитал в должной мере не используются и не развиваются [26; 27; 28; 29]. Современное управление ищет пути, которые могут дать ему больше власти и контроля: последние видятся необходимыми перед лицом нарастающих сопротивлений и конфликтов власти и общества, бизнеса и власти, общества и бизнеса и т.д.. на этих путях социальный и человеческий капитал ценится лишь постольку, поскольку речь идет о самой структуре управления: управляемые в разряд «капитала» не включаются или, если включаются, то так, чтобы включение в процесс управления работало против них. Такова толпокрафия с ее идеями гласности и крауд-технологиями.

Таким образом, одно из наиболее важных измерений исследований развития управления в рамках общества, организации и жизни человека связано с выбором между:

1) социальным служением, альтруизмом, помощью другим людям, служению обществу в целях его совершенствования и гармонизации, эвергетической стратегией социального участия и партнерства, взаимопомощи и благодарения в лоурархическом, глубинно демократическом сообществе, развивающемся по принципам интересубъектного, инновационного управления и со-управления, полилога;

2) социальной аномией и равнодушным «присутствием» в обществе как реальности, не требующей и не нуждающейся в развитии и преобразовании, анархическом и псевдодемократическом сообществе рынка и бюрократии, псевдоэвергетической стратегией, сворачивающих диалогичность, интересубъектность управления к нормам подчинения и исполнения, купли и продажи власти и привилегий;

3) социальным каннибализмом, связанным с потребительской ориентацией в отношении общества и его членов, нацеленностью на получение бесконечных персональных выгод, «голодные игры» с соперниками и подавление слабых, антиэвергетической стратегией мондиалистической редистрибуции, криптократическом стиле «управления» «хозяев» «рабами»- неорабовладельческом обществе, не нуждающемся в коммуникации как таковой: управляемые не представляют собой живых людей, они – рабы, лишённые самого права - говорить. Совершая этот выбор, человек и общество, организация в большей или меньшей степени осознают, что последствия данного выбора окажутся решающими для их жизни.

Заключение

Исследующий управление, при этом, согласно В.А. Виттиху, также является актором, «утрачивая привилегированную позицию абсолютного наблюдателя и выступая лишь как участник социальной жизни наравне с другими» [32; 33; 34; 35; 36]. Субъект и творит, и познает мир: актор находится «внутри» объекта (общества) и коммуницирует с другими акторами в общей для них проблемной жизненной ситуации [37; 38; 39]. В стремлении найти выход, решение проблемы акторы вырабатывают соглашения как интересубъективные знания, систематизируют их для принятия коллегиального решения. В традиционной модели «вынесение человека «за скобки» не позволяет использовать его индивидуальные возможности в процессах управления», они просто игнорируются. При этом «человеческий» или «субъективный» фактор отражает «помехи» и «трудности» управления. Поиск смысла ситуации ее участниками – всего лишь артефакт, а не центральный аспект управления. Однако, понимание смысла раскрывает и путь изменений, управления. Феномен управления - один из трансдисциплинарных и трансдискусивных объектов современных исследований, который в контексте трансдисциплинарного и трансдискурсивного подхода, обрел

свое новое название – эвергетика как одна из «кибернетик третьего порядка» [40; 41; 42; 43; 44].

References:

- [1] Agafonov, A.Yu. Unconscious overtones of consciousness // On both sides of consciousness /Pod red. A.Y. Agafonova. – Samara: SamGu, 2012. – 134p. (In Russian).
- [2] Borgest, N.M.. Key terms ontology design: a review, analysis, synthesis // *Ontology of design*. 2013. - №3(9). P.9-32. (In Russian).
- [3] Borgest, N.M. The scientific basis of ontology design // *Ontology of design*. 2013. - №1(7). P.7-25. (In Russian).
- [4] Borgest, N.M., Korovin, M.D. Ontologies: current status, an overview // *Ontology of design*. 2013. - №2(8). P.49-55(In Russian).
- [5] Vittikh, V.A., Moiseeva T.V., Skobelev P.O. A decision on the basis of consensus with the use of multiagent technologies // *Ontology of design*.- 2013. - №2(8). P.20-25. (In Russian).
- [6] Vittikh, V.A. Prolegomena to energy // *Ontology of design*. 2015. - №2 (5). P.135-148. (In Russian).
- [7] Skobelev, P.O. Ontology of activities for the situational management of enterprises in real time // *Ontology of design*. 2012. - №1(3). P. 6-38. (In Russian).
- [8] Smirnov, P.V. Ontology as a semantic model // *Ontology of design*. 2013. - №2(8). P.12-19. (In Russian).
- [9] Guarino, N. Formal ontology, conceptual analysis and knowledge representation // *Int. J. of Human Computer Studies*. 1995. V. 43. № 5/6. - P. 625-640.
- [10] Kindler, E. Programming languages: Translated from Czech.– Moscow: Energoatomizdat, 1985. - 288 p.
- [11] Vittikh, V.A. Introduction to the theory of intersubjective management. – Samara, Samarskiy nauchnyy tsentr RAN, 2013. – 64 p. (In Russian).
- [12] Vittikh, V.A. Evergetics Problems // *Problems of management*. 2014. - №4. - P. 69-71. (In Russian).
- [13] Vittikh, V.A. Evolution of ideas of the organization of control processes in society: from Cybernetics to Evergetics // *Problems of control and modeling in complex systems. Proceedings of the XVI international conference*. – Samara, Samarskiy nauchnyy tsentr RAN, 2014. – P. 13-19. (In Russian).
- [14] Akoff L.R. Beyond socialism and capitalism. Management problems in social systems. T.1. . - M.: Nauka, 2009. P. 112 – 140. (In Russian).
- [15] Rozinskaya, N.A., Latov, Y.V. Introduction. The "great transformation" of Karl Polanyi / Pod red. R.M. Nureeva. M.: VShE, 2007. P.11 – 21. (In Russian).

- [16] Arpent'eva, M.R. Evergetical strategy and management community development // Proceedings of the XVII International conference "Problems of control and modeling in complex systems" 22-25 iyunya 2015 g., Samara. – Samara: IPUSS RAN, 2015. – P.174-180. (In Russian).
- [17] Arpent'eva, M.R. Evergetical strategies in the management of human resources and social development // Oil and gas of West Siberia: materials of the int. scientific-technical conf. arr. 90-years. from the day born. A. N. Kosuhina 15-16 oktyabrya 2015 g. / Otv. red. P.V. Evtin. – Tyumen': TGNGU, 2015. – T.6. - P.27-32. (In Russian).
- [18] Beni, G., Wang, J. Swarm Intelligence in Cellular Robotic Systems, Proceed / G.Beni, J. Wang // NATO Advanced Workshop on Robots and Biological Systems. Tuscany, Italy, June 26-30, 1989. – N.-Y.: NATO, 1989.
- [19] Rzevski, G., Skobelev, P. Emergent Intelligence in Large Scale Multi-Agent Systems// International journal of education and information technologies. – 2007/ - Issue 2, Volume 1. – R.64-71.
- [20] Wooldridge, M. An Introduction to MultiAgent Systems. N.-Y.: John Wiley & Sons Ltd, 2002. - 366p.
- [21] Reyngold, G. Smart crowd. M.: FAIR PRESS, 2006. 416 p. (In Russian).
- [22] Stending, G. Precariat: the new dangerous class. — M.: Ad Marginem Press, 2014. — 328 p. (In Russian).
- [23] Khau, J. [Crowdsourcing. Collective intelligence as a tool of business development. — M.: Al'pina Publisher, 2012. — 288 p. (In Russian).
- [24] Ladyagin Y.P. Russian administrative delight // Problems of theory and management practice. - 2005. - №3. - P.8-15. (In Russian).
- [25] Fisman, R., Migel, E. Economic gangsters. M.: OOO «Yunayted Press», 2012. 302 p. (In Russian).
- [26] Vallerstayn I. After liberalism. - M.: Editorial URSS, 2003. - 256 s. (In Russian).
- [27] Koulman, J. Capital social and human // Public Sciences and modernity, 2001. № 3. P. 121-139. (In Russian).
- [28] Bodriyyar, Zh. Fatigue // Bodriyyar, Zh. The consumer Society. Its myths and structures. M.: Kul'turnaya revolyutsiya; Respublika, 2006. - P. 230-234(In Russian).
- [29] Putnam, R. The Prosperous Community. The American Prospec., 1993. - Vol.4.№13.P. 1–8.
- [30] Arpent'eva, M.R. Karpenkova I.V., Nichiporenko N.P. Socio-psychological competence: articles and essays / M.R. Arpent'eva, I.V. Karpenkova, N.P. Nichiporenko / Pod red. M.R. Arpent'evoy. - Kaluga: KGU im. K.E. Tsiolkovskogo, 2016. – 650p. (In Russian).

- [31] Allport G.W. The Nature of Prejudice. — N.Y.: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. — 537 p.
- [32] Vittikh, V.A. Instrumental and communicative rationality of actors // Problems of control and modeling in complex systems: Proceedings of the XV international conference. – Samara, Samarskiy nauchnyy tsentr RAN, 2013. - P.267 – 273. (In Russian).
- [33] Vittikh, V.A. Heterogeneous Actor and Everyday Life as Key Concepts of Evergetics // Group Decision and Negotiation, November 2015. - V. 24, issue 6. –P. 949-956.
- [34] Vittikh, V.A. Phenomenological approach to the theory of management of society // Proceedings of XII All-Russian conference on management problems. Rossiya, Moskva, IPU RAN, 16-19 iyunya 2014 g. P. 6182-6186. (In Russian).
- [35] Vittikh, V.A. Situational management from the perspective of postnonclassical science // Ontology of design. – 2012. - №2 (4). – P. 7-15. (In Russian).
- [36] Vittikh, V.A. Introduction to the Theory of Intersubjective Management // Group Decision and Negotiation.- January 2015. - V. 24, issue – 1. - P. 67-95.
- [37] Lepskiy V.E. Philosophy and methodology of management in the context of the development of scientific rationality // [Proceedings of XII All-Russian conference on management problems]. – M.: IPUSS RAN, 2014. P. 7785 – 7796. (In Russian).
- [38] Novikov, D.A. Cybernetics: the Navigator: a History of Cybernetics, the current state and prospects. — M.: LENAND, 2016. — 160 p. (In Russian).
- [39] Kharitonov, V.A., Alekseev, A.O. The Concept of subject - oriented management in social and economic systems // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban state agrarian University (Journal KubGAU) [Electronic resource]. – Krasnodar: KubGAU, 2015. – №05(109). – IDA [article ID]: 1091505043. – Rezhim dostupa:<http://ej.kubagro.ru/2015/05/pdf/43.pdf> (In Russian).
- [40] Mancilla, R. Introduction to Sociocybernetics (Part 1): Third Order Cybernetics and a Basic Framework for Society // Journal of Sociocybernetics. 2011. Vol. 42. N 9. P. 35 – 56.
- [41] Mancilla, R. Introduction to Sociocybernetics (Part 3): Fourth Order Cybernetics // Journal of Sociocybernetics. 2013. Vol. 44. No 11. P. 47 – 73.
- [42] Umpleby, P.A Brief History of Cybernetics in the United States // Austrian Journal of Contemporary History. 2008. Vol. 19. N4. - P. 28 – 40.

Social Science and Humanity #3 2016

- [43]Umpleby, P.A The Science of Cybernetics and the Cybernetics of Science // Cybernetics and Systems. 1990. Vol. 21. No. 1. P. 109 – 121.
- [44]Vittikh, V.A. Evolution of ideas on management processes in the society: from cybernetics to evergetics // Group Decision and Negotiation. - September 2015- V. 24, issue 5. -P. 825 - 832.

Arpentieva M.R.

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF CANCER

Arpentieva M.R., Russian Federation, senior researcher of the department of development and education psychology, Kaluga K. E. Tsiolkovsky state University, doctor of psychological Sciences, associate professor

Abstract

This paper discusses the importance of identifying the psychological and social concerns of cancer patients in the medical setting, and assisting them in obtaining appropriate psychosocial services. A diagnosis of cancer often brings up one of people's worst health fears. Many cancer patients have the idea that it is the end of their life as they know it. In fact, many life changes do take place. These start from the time of diagnosis, throughout treatment and then later throughout life. Adjusting to cancer can be very difficult and possibly one of the most stressful times in life. There are specialists within the field of psychology and psychiatry who deal specifically with cancer patients and their families. This subspecialty is called psycho-oncology, psychosocial oncology or behavioral oncology. This field is concerned with the psychological, social and behavioral aspects of cancer. There are definitely times in which anxiety and even depression are part of the cancer process. The first relapse, the first series of clinical trials, and all of the ongoing changes in personal life can make people feel like they are chasing a moving target. The fact is that the cancer process is actually a series of challenges and obstacles that need to be surmounted in order to move on to, well, the next challenge. Adults and even children start realizing that it may not be a short-term adjustment after all, and that it was harder than they thought. Most studies point to the fact that most adults and children are actually psychologically resilient in coping with cancer. Resilience does not mean that one is forced into thinking positively all of the time. For many years, having a positive attitude was strongly emphasized because it was believed that attitudes might affect survival. Most studies show that feigning a positive attitude may actually become an added stressor. Studies suggest it may be perfectly normal to be sad and angry, and not unusual to find patients bargaining for survival with a higher Being. It's also normal to have great days in which people feel positive toward life, to pace themselves with what they can do when they are feeling well and commit to achievable goals. For many, a good coping strategy is to find out as much information as

one can about the specific cancer. It is also a good idea to put together two support teams, the first a support and comfort team, and the other a medical and psychosocial team.

Keywords: cancer, health, cancer patient, psychosocial oncology, relapse, remission, resilience.

Введение

Спецификой раковых заболеваний является полиэтиологичность их возникновения, непредсказуемость течения, отсутствие гарантий исцеления. В этих, неопределенных, малопредсказуемых, разрушающих привычное стабильное, привычное существование и сопровождающихся терминальной угрозой ситуациях, контроль над которыми снижен или отсутствует вовсе, у человека, наряду с активными и продуктивными, реализуются пассивные и деструктивные формы жизнедеятельности, отношений к себе и миру. Обыденные и даже профессиональные представления об онкологических заболеваниях часто напоминают мифы. Неосведомленность о прогрессе в лечении рака, незнание приемов раннего выявления и типов новообразований, небрежное отношение к своему здоровью (физическому и психологическому) способствуют сохранению страха перед этой болезнью и перед больными. Стигматизация в целом связана с тем, что онкологический больной часто и независимо от стадии заболевания воспринимается, как умирающий человек: окружающие боятся «заразиться» этой болезнью и интенсивными негативными переживаниями больного, страх соприкоснуться с переживаниями, опытом смерти, умирания. Нередки и моменты, связанные с «упрощенной» психологической моделью рака в быту: «сам виноват» («неправильно жил»), что разрушает отношений пациентов с окружающими переживаниями обиды и раздражения, вины и стыда, одиночества и отчуждения, непонимания и стремления отстоять правоту, что еще более обостряет изоляцию и стигматизацию в целом.

Среди этих мифов особенно опасны те, то причисляют данные заболевания к однозначно смертельными/или неизлечимым: диагноз является серьезным стрессогенным фактором для пациента и его семьи даже в том случае, когда возникает лишь намек на его возможность [3; 54; 57; 60; 73]. Человек так или иначе переживает состояние растерянности перед лицом нового этапа своей жизни, нового экзистенциального кризиса. Однако, сегодня общество в целом и профессионалы в частности воспринимают болезнь менее угрожающей и в большей мере готовы видеть в болезни не только «зло»; налицо и общее снижение стигматизации онкологических больных, активизация большинством пациентов поиска стратегий совладания-исцеления, оказывающих меньшее травмирующее воздействие и позволяющее восстановить или достигнуть внутренней согласованности переживаний и осмыслений

личностью себя и мира, смысла болезни и исцеления [29;73]. Более того, активно ставятся вопросы психологического, социального и духовно-нравственного сопровождения онкологических больных [3; 4; 5; 8; 11; 13; 21; 25; 26; 27; 34; 35; 38; 40; 40; 41; 42; 43; 62; 66; 67; 70].

Метод и цель исследования

Метод исследования - теоретический анализ психологических аспектов онкологических заболеваний и возможностей коррекции психологических состояний и особенностей личности в процессе профилактики и лечения онкологических заболеваний. Цель работы – исследование психологических аспектов онкологических заболеваний и возможностей коррекции психологических состояний и особенностей личности в процессе профилактики и лечения онкологических заболеваний.

Основные результаты и их обсуждение

В контексте проблем организации и осуществления психологического сопровождения онкологических больных распространены исследования, посвященные изучению психологических трудностей и психических нарушений у больных [9; 12; 31; 32; 57; 60]. "Психологический профиль онкологического больного" таков: доминирующая детская позиция в общении, тенденция к экстернализации локуса контроля, высокая нормативность в ценностной сфере, высокий порог осмысления негативных ситуаций, сложность понимания сущностных признаков происходящего, часто - присутствие доминантной матери и негативные семейные концепции. Семейные концепции типа "что с того?" или "все это все равно не имеет смысла", "нужно принимать все так, как есть", "здоровье - это все, жизнь без здоровья - это ничто", приводят к тому, что больные видят будущее закрытым и безнадежным, они не отличают желания и потребности (нужды), и, обычно, вообще не воспринимают или игнорируют потребности, при этом проблемы будто "вьедаются" в них [2; 7; 14; 16; 17; 22; 23; 33; 48; 52; 54; 61]. Частым исследованием, предметом которых являются способы совладающего поведения пациентов с онкологическими заболеваниями [20; 50; 64; 71] и исследования качества жизни онкологических больных [28; 50; 51; 67]. Ряд практиков и теоретиков отмечают не только влияние факта заболевания и лечения онкологической патологии на психическое состояние пациента и его семьи, но и влияние психических факторов на возникновение, течение и исход заболевания [28; 49; 56; 74].

Уже в русской медицине XVIII века указывалось, что «дальняя причина рака есть долгая печаль» [15]. Дж. Педжет констатировал, что депрессия играет главную роль в возникновении рака [46]. Психические факторы в развитии злокачественных новообразований отмечал и Н.И. Пирогов, который писал о влиянии «угнетающих душевных переживаний» на развитие данной патологии [15]. Современные

исследователи [18; 26; 27; 30; 37; 44; 55; 57; 62] отмечают роль стресса и отношений к нему в профилактике и лечении онкологии, а также, говоря о наличии в организме «спящих» опухолевых клеток у относительно здоровых людей и прогрессирования опухолевого процесса у пациентов со сниженным иммунитетом (в случае стрессов или направленного медицинского воздействия), подчеркивают этот факт как доказательство причастности иммунитета к патогенезу опухолевого роста: иммунная система играет критическую роль в возникновении, прогрессировании онкологического заболевания, а также в качестве жизни онкологических больных. В многочисленных исследованиях онкологических больных показана взаимосвязь психологических особенностей их личности и состояния и физиологических состояний, в том числе состояния иммунной системы. Отмечается, что заболевание раком оказывает сильнейшее психотравмирующее воздействие на каждого человека, и возникающие при этом переживания затрагивают все стороны и слои его жизни, подчеркивается наличие серьезных психических нарушений и психиатрических проблем у многих онкологических больных, включая психические нарушения и попытки суицида у людей, которые не смогли успешно преодолеть переживаемый стресс.

У раковых больных часто обнаруживаются ранняя утрата важных лиц близкого окружения и сохранение "пуговины" с кем-либо из родителей, - неспособность больного открыто выражать враждебные чувства и сексуальные нарушения. В качестве "психологических канцерогенов", запускающих или активизирующих раковые болезни выделены травмирующие жизненные события, трудности в связи с утратой объекта и обусловленные этим страхи, нарушение способности к выражению переживаний и трудности в преодолении конфликтов, длительно существующее состояние безнадежности, подавленности и отчаяния. Многие ученые связывают риск онкологии с наличием отягчающих переживаний в детстве: утраты одного из родителей, отчуждённым отношением со стороны близких и жестокостью окружающих. Часто рак свидетельствует о том, что есть «нерешенные проблемы», усилившиеся из-за серии стрессовых ситуаций, которые человек прошел в период 0,5-1,5 года до возникновения /активизации рака. Типичная реакция больного на эти проблемы и стрессы связана с переживанием беспомощности, отказа от борьбы, что подавляет естественные защитные механизмы организма и создает условия возникновения и развития опухоли. Часто незадолго до начала болезни многие из больных раком теряют значимые для них связи, будучи склонны к привязанностям и связям с ограниченным кругом людей, жизненных ситуаций и ориентиров, не развивающими собственную индивидуальность. Поэтому при угрозе потери или потере пациенты оказываются в одиночестве и в состоянии отсутствия навыков,

позволяющих справляться с подобными ситуациями [10; 37; 38; 47; 50; 51; 55]. Качественный анализ взаимосвязей психологических параметров личности больных злокачественными новообразованиями, имеющийся в научной литературе, позволяет выделить четыре значимых предиктора онкологической патологии: 1) ранняя утрата значимого близкого, являющегося объектом глубокой привязанности и любви; 2) неспособность открыто выражать враждебные чувства; 3) сохранение зависимости от значимого человека («пуповинная связь» с кем-либо из родителей, созависимость либо инфантильность, личностная незрелость); 4) сексуальные нарушения. В.Д. Тополянский и М.В. Струковская развивают классическую психоаналитическую концепцию «утраты объекта» («object loss») как фактора, снижающего толерантность личности к стрессу и повышающего вероятность психосоматического заболевания [65].

Л. ЛеШан пишет, что юность многих пациентов была отмечена чувством одиночества, покинутости, отчаяния, а близость с другими людьми вызывала трудности и казалась опасной; в ранний период зрелости пациенты либо установили глубокие, значимые для них отношения с каким-то человеком, иногда перераставшие в сильную ревность, либо получали большое удовлетворение от своей работы, гордились ею. Работа или отношения такого типа становятся смыслом их существования, заслоняя иную жизнь, Бога. Затем эти отношения и работа были потеряны: смерть любимого человека, переезд на новое место жительства, уход на пенсию, начало самостоятельной жизни ребенка и т. д., в результате чего вновь возникло отчаяние, которое не имело выхода, они переживали его "в себе" и были не способны излить свою боль, в том числе гнев потери или враждебность невозможности прежней жизни [36].

Рак - способность «съедать» самого себя; он отражает способность бороться или сдаваться, раскрывать себя миру или прятать себя. Пациент обычно понимает заболевание как угрозу всему своему существу. Он боится не только болей, угасания и ранней смерти, но и физических дефектов (например, удаления части тела или органа, облысения из-за химиотерапии), а также социальной изоляции вследствие длительного пребывания в больнице и тревоги у близких, ограничения контактов. Для пациентов типичны фрустрация (переживания и поведение, вызванные непреодолимым препятствием на пути к цели), ригидность (затрудненность в изменении стиля поведения), низкий уровень социальной чувствительности и саморефлексии, нерациональные способы самозащиты, фрустрационная интолерантность, бегство «в работу» и «болезнь», поиск виновных и социальная дезадаптация [59; 63; 68; 69]. Отмечается неконгруэнтность смыслов личности, проявляющаяся в несоответствии декларируемых и глубинных смыслов личности, при этом отмечается противоречие между повышенным самоуважением,

граничащим с конформностью и зависимостью от социальных норм, аутосимпатией и самоуничижением [53]. При этом сами по себе личностные особенности, психотравмирующие ситуации не являются пусковым механизмом опухолевых заболеваний. Они являются лишь факторами риска, причем при длительном взаимодействии между собой и в сочетании со средовыми влияниями (воздействие стрессоров окружающей среды).

К. и С. Саймонтон сформулировали психофизиологическую модель развития онкологических заболеваний, указав психологические характеристики пациентов, как: – выраженная склонность таить обиду и заметная неспособность к прощению; тенденция к самосожалению и самооплакиванию, самонезэффективности и беспомощности; неспособность к поддержанию долгих и значимых отношений; неприятие себя (например, ощущение своей греховности у религиозных людей). Основа онкологии – его «единая матрица» – фундаментальное отрицание, которая особенно сильно проявляется из-за утраты горячо любимого значимого человека в течение 16–18 месяцев до диагностирования заболевания. Они выделяют пять этапов развития психологического процесса, предшествующего возникновению рака [58].

1. Детские переживания, приводящие к формированию того или иного типа личности.

2. На человека обрушиваются драматические события, вызывающие у него стресс.

3. Возникшие стрессовые ситуации ставят перед человеком проблему, с которой он не может справиться.

4. Не видя возможности изменить правила своего поведения, человек чувствует свою беспомощность и неразрешимость создавшейся ситуации.

5. Человек отказывается от решения проблемы, теряет гибкость, способность изменяться и развиваться.

Защитные силы организма ослабляются душевными травмами, безнадежность пациента может быть преодолена при обсуждении вопросов типа "откуда я - зачем я?" и вопросов о смысле жизни, смысле болезни. Социальную изоляцию легче преодолеть, если настроить пациента на общение - в зависимости от конкретной ситуации. Стрессовую ситуацию можно преодолеть и/или уменьшить ее негативные последствия, осмыслив травматически влияющие на пациента актуальные аспекты. Стабилизацию физического состояния можно обеспечить медицинскими методами, в том числе релаксационными методиками и правильным образом жизни, с другой - сбалансированностью отношений в психологической и социальной сферах.

С. Фанти, создатель микропсихоанализа, рассматривает рак и психоз как проявления «танатоса», инстинкта разрушения и смерти: при

психозе осуществляется перемещение «танатоса» на «психический полюс», при раке – на «соматический полюс» [19]. Рак – проявление аутодеструкции, сопровождающееся потерей интереса к миру и к себе, к жизни. Потеря интереса к жизни играет решающую роль в воздействии на иммунную систему и может привести к повышенному производству атипичных клеток. Человек, выбирающий позицию жертвы, придает повышенное значение событиям, которые подтверждают безнадежность его положения. Поэтому такие социальные факторы (профессиональная стабильность, постоянство взаимоотношений), в отличие от психических, характерных для "раковой личности", имеют большое значение для выживания, ремиссии и реабилитации. А такие психосоциальные стрессоры как социальная неустроенность, изменения социального статуса, места жительства, недовольство работой, урбанизация, географическая и социальная мобильность, неблагоприятная ситуация трудовой занятости, драматические жизненные события и жизненные кризисы, включая кризисы потери близких, скорбь, отчаяния, депрессии и безнадежности, - у таких людей часто становятся пусковыми факторами в развитии онкологических заболеваний. Рост заболеваемости наблюдается при смещении психологического равновесия пациентов, при котором а они воспринимают свою жизненную ситуацию как неудовлетворительную, угрожающую, невыносимую, конфликтную и не в состоянии самостоятельно справиться с ней [6]. Заболевают раком преимущественно люди, обладающие высокой подверженностью стрессу и/или находящиеся в длительном и интенсивном стрессе («длительный пассивный стресс»), который они не в состоянии принять и переработать: провоцируется развитие переживаний беспомощности, покинутости и страха потери источника удовлетворения. Стрессовые ситуации или («длительный пассивный стресс» сопровождаются возбуждением гипоталамуса и лимбической системы, что связано с ростом активности коркового и мозгового слоев надпочечников, выбросу катехоламинов и глюкокортикоидов. Иммунодепрессивный эффект этого роста приводит к повышению вероятности нарушений деструкции бластогенных клеток.

Однако не все психологические реакции при онкологии являются негативными: многие больные, особенно в ремиссии, находят особый смысл в своем заболевании, например, новое понимание жизни, повышение самопринятия и чувство превосходства [2; 53]. Происходит «смыслостроительство», обнаружение новых жизненных смыслов - наиболее эффективное копинг-поведение, которое существенным образом способствует улучшению адаптации к болезни и качества жизни пациента.

У. Уолш в середине позапрошлого века писал: «Моральные эмоции вызывают дефективную иннервацию, что, извращая трофику, в свою очередь, приводит к образованию рака» [72]. И. Ген-Бойл отмечает роль религиозности или духовности в процессе совладания со стрессом:

религиозность или духовность влияет как на когнитивный (восприятие пациентом болезни как части божественного плана), так и на поведенческий (молитвы или обращение в церковь) аспекты копинга. Эффективный религиозный копинг - выражение поддерживающих отношений с Богом. Он позволяет найти значение болезни, обрести чувство контроля и комфорта в ситуации заболевания. Обращение к Богу за поддержкой является значимым ресурсом для пациентов [64]. Заболевание приводит к изменению жизненной позиции человека, трансформации мотивов: на диагностическом этапе смыслообразующим мотивом становится мотив выживания; на этапе лечения – часто доминирует мотив сохранения здоровья и выживания; при дальнейшем – мотивы социального выживания и социального становления [45].

С. Филимонов пишет, что «Каждая болезнь имеет свой смысл. Господь посылает болезнь, а вернее, попускает, в том месте, органе или системе, где страсть, поражающая душу человека, проявляется максимально. Болезнь же тогда является лекарством, пресекающим дальнейшее развитие страсти» [21, р.3,4]. Он пишет о том, что «Онкологическое заболевание... с религиозных позиций имеет своим назначением «извещение» человека о том, что ему предстоит путь в Царствие Небесное, время жизни его исчислено, отмерено... При этом неважно, сколько времени ... Важно, что свыше прозвучал удар в колокол, призывающий к покаянию за всю прожитую жизнь.» [21, р.3,4]. По его мнению, «Для неверующих людей диагноз «рак» ... как правило, становится настоящей трагедией жизни. ... Человек... может пойти по одному из трех путей: 1. разгульный: взять за оставшееся время от жизни все, что только возможно... 2. рациональный: больной приходит к врачу, осуществляет попытку излечения, ... т. е. стремится помочь своему телу. 3. духовный: больной воспринимает свое заболевание именно как извещение о времени подготовки к вечности, не как наказание, а как милость Божию, как предупреждение Божие о грядущей вечности» [21, р.6]. Он отмечает, то поскольку «неясность этиологии онкологических заболеваний, сомнения больных в возможности излечимости рака, калечащий характер многих видов лечения, угрожающая инвалидность, наконец, истинные трагедии, которые переживают больные и близкие им люди, – ... создает в любом онкологическом учреждении... особенную психологическую атмосферу, предъявляющую свои исключительные требования к искусству общения с больным», - постольку необходимо особенно внимательно строить отношения с больными и их семьями на всех этапах лечения. Кроме того, поскольку «Это положение усугубляется тем, что сдвиги в душевном состоянии пациентов, реакции страха, гнева и т. д. являются проявлениями самой болезни, которые врач должен понимать и стараться снимать всеми доступными средствами», нужно отделять проблемы и поступки больных, возникшие в связи с лечением и

последствиями заболевания и те, которые явились причиной заболевания [21, p.20]. При этом «неоправданный оптимизм и запугивание, резко пессимистическое отношение врача к возможному исходу болезни... не должно иметь места, особенно при разговорах с больными» [21, p.22]. При этом «Обычно излечение связано с внутренними изменениями человека, наступающими в Таинстве Покаяния. Очищение души ведет к выздоровлению тела.» [21, p.40].

Я.Гоулер пишет: «Диагноз «рак» не означает, что нужно готовиться к смерти. Он означает, что нужно учиться жить полноценно, используя весь заложенный природой потенциал здоровья. Для начала следует понять, что рак – не нелепая случайность, не причуда жестокой судьбы, а длительный процесс, имеющий свою историю и свои причины. ... первоочередную роль в интересующем нас процессе играют именно духовные факторы. Большинство мыслящих людей, а тяжелобольные в особенности, задумываются рано или поздно над главными вопросами бытия: «Кто я? Что есть жизнь? Откуда я пришел? Куда я иду? Для онкологического больного эти фундаментальные духовные проблемы нередко выступают на первый план» [27, p.3-4]. С.Н. Лазарев и Л. Виилма, рассматривая духовно-нравственные и психологические аспекты онкологических заболеваний отмечают наличие сделанных больными ошибок осмысления себя и мира. Это, в первую очередь ошибки «гордыни» собственным трудом и достижениями, привязанностью к труду в ущерб другим аспектам и ценностям жизни, которая перерастает, при столкновении с ситуацией «ненужности» и «бесполезности» усилий по исправлению мира, в жизнеотрицание и самоотрицание: человек не смог или не захотел понять гармонию «несовершенного» мира и принять его таким, какой он есть, без ненужных «исправлений» и жертв». Это часто приводит к депрессиям, суицидам или – особенно при наличии длительного стресса «несправедливости» и фрустрации иных желаний пациента (контролировать мир и себя, быть любимым и получать благодарность, быть продуктивным и «строить на века» и т.д.) онкологии. Человек теряет любовь по дороге труда и успеха: смысл последних выхолащивается, отрывается от жизни, человек находится в состоянии недовольства собой и миром, особенно если его работа оказалась «разрушенной», «ненужной», его «несправедливо» оклеветали, отстранили, перевели на новый участок, вызывающий у него негативное отношение и ощущение тупика и бессмысленности, оскорбленности его «лучших намерений» и т.д. человеческая воля вступает в конфликт с волей Бога, и вместо того, чтобы принять жизненный урок с любовью и «отпустить ситуацию», человек пытается настаивать «на своем», упорствует, задерживая в себе и негативные переживания и сами «бесплодные» намерения. Кроме того, в возникновении и развитии раковых заболеваний играют большую роль и ошибки «ревности»,

привязанности, со временем перерастающей в ненависть из-за «слишком большой» любви к ближнему, ушедшему, изменившему или умершему, - не оправдавшему «надежд» на вечность и «безусловность» любви. Эти ошибки связаны с нежеланием и неумением постичь и принять противоречивость и временность жизни и отношений людей как спутников, стремление поставить отношения с людьми выше отношений Богом и жизнью, стремление реализовать желание любить и быть любимым вместо способности осознавать и реализовывать нужды любви, что препятствует потоку любви как естественной части жизни, оставляя человека наедине с иллюзией ненужности, отверженности и страха близких отношений [1; 34; 70]. Как пишет Л. Виилма, ««Болезнь, физическое страдание человека, есть состояние, при котором негативность энергии превысила критическую черту, и организм, как целое, вышел из равновесия. Тело информирует нас об этом, чтобы мы могли исправить ошибку.... Прощение — это единственная возможность освободиться от плохого и открыть себя для хорошего. Это наивысшая освобождающая сила.» [34, 1, p.6-10, 55; 334, 2, p.5-8]

Первопричиной каждой болезни является стресс, степень которого определяет характер болезни. Чем больше накопилось стрессов, тем серьезнее болезнь [70, 2, p.210-111]. Главные триггеры и «враги» здоровья человека – страх и злоба, перерастающие в ненависть чувство вины и критицизм, ревность и горделивость, обида и завистливость, стремление обладать и властвовать, чрезмерные желания быть хорошим, нужным, любимым, сильным и т.д. Осознаваемые и неосознаваемые, они создают «клетки» напряжения — стресса — так что тело и душа человека теряют способность развиваться свободно, а, значит, оставаться полными жизни, здоровья. Чтобы выпустить стресс на волю, необходимо найти и понять, какой именно стресс возник в результате той или иной ситуации, какое переживание / проблема или, в терминах психоанализа «объект», «удерживаются» а затем простить себя и людей и попросить прощения – у себя (в том числе своего тела) и мира. Гордыня, пробивание себе дороги ценой любых усилий и настаивание на своем вопреки окружению, а также высокомерие и стыд за ошибки «пробивания», самообвинение и непощение от того, то «сам изгадил себе жизнь»), огромная злоба против себя и других, презрение и обвинения вместе с недобрыми намерениями – пожеланиями зла («плохим» и «хорошим» людям, передающимися из рода в род, переходящими из ситуацию в ситуацию, наряду со «смирненным», горделивым страданием и озлобленностью, самоуверенностью и доказыванием превосходства, переживанием нелюбви и недостаточного «качества» окружения, либо выраженная зависть к тем, у кого "получается лучше", разочарованность и униженность и стремление доказать, что пациент – идеален, что он «личность» /»настоящий мужчина/женщина» и т.д., огромность желаний и

переживаний стыда и вины, долга и ответственности, гордости и неполноценности, - основные психологические «предикторы» онкологических заболеваний разных органов. Прощение, как пишет Л. Виилма – не означает, что человек оправдывает произошедшее. Оно означает освобождение, а освобождается только тот, кто понимает, что он совершил ошибку, и через это понимание развивается. Человек не владеет даром совершенной любви, а, значит, делает ошибки, и поэтому нуждается в прощении...» [34, 1, р.325-327] Важно понимать, что прощение есть весомая и серьезная, святая работа, которая лечит душевные и телесные раны, а также дает жизненный опыт или мудрость, если человек научается «пропускать» через себя все переживания: осмысливать их, но не задерживать и не игнорировать.

Рак называют иногда болезнью печали, при которой человек никак не может или не хочет отпустить что-то, ему совсем не нужное: человек, живущий преимущественно духовными ценностями, снаружи становится нежнее и печальнее, а внутри нарастает озлобление, уныние и недовольство собой и судьбой, самоедство и неприятие окружающего мира, «зацепленность за способности» и чрезмерная ориентация на будущее рождает высокомерие и презрение к менее способным, ревность как повышенное чувство собственности, «зацепленность» за отношения с близкими ведет к зависти, презрению и ненависти. Любовь к земному, при которой внутренняя наполненность любовью, умирает и ведет к осуждению, презрению и ненависти, а также чрезмерное пестование духовных «начал» и гордыня, ведут к раку. С.Н. Лазарев полагает, что гордыня и неприятие травмирующей ситуации – основной принцип жизни раковой клетки. Клетка же обязана подчиняться организму. Рак возникает, когда неверная, жизнеотрицающая – отрицающая или искажающая жизненные ценности - ориентация человека сталкивается с «волей» Вселенной, Бога. Жесткое неприятие ситуации или человека внутри - будущая тяжелая болезнь. Чем большую любовь к Богу человек может испытывать, тем активнее душа обращается к Нему и болезнь становится ненужной. Для облегчения установки связи с Богом, блокады жизнеотрицающих стратегий помогают техники останковки сознания: это и наркомании, и болезни, и иные «неприятности». Однако, эффективнее правильное понимание себя и мира, жизнеутверждение как ограничение деланий и постижение нужд в процессах уединения и осмысления, поста духовного и физического, очищающего и помогающего понять происходящее, покаяние и благодарность, медитация и молитва. По мнению С.Лазарева люди жизнерадостные, жизнеутверждающие, раком, как правило, не болеют. Наполнение любовью помогает рак исцелить. Погоня за здоровьем без духовного развития, воспитания чувства любви и благодарности, от рака не спасает [70]. Лечение раковых заболеваний

необходимо сопровождать процедурами (техниками) «перепросмотра» сделанных ошибок и их «прощения» («отпускания») [34; 70].

Что бы подготовить себя к перепросмотру и осуществить его нужно создать определённое намерение, направленное на отслеживание негативных способов реагирования на трудные ситуации, включая переживания собственной важности и жалости к себе, гордыни и превосходства, неприятия и неудовлетворенности и т.д.. Нужно быть готовым к различного рода «опровержениям» понимания самого себя, других людей и мира в целом, поначалу даже болезненным. Драматические эпизоды перепросмотра способны вызывать ситуации символизирующие смерть / тупик / фрустрацию, которые нужно пережить с любовью, поставив на первое место ее, жизнеутверждение, отказавшись от отрицания и неприятия. При глубоком перепросмотре оживляются уроки далёкого прошлого и предвосхищаются события будущего и в настоящем это может вызывать трансформацию и даже ломку (разрывы) обстоятельств и отношений. Перепросмотр помогает достичь внутреннего безмолвия, отстраненности от желаний, давая возможность понять истинные нужды и ситуацию как она есть в реальности, а не в иллюзиях человека. Внутреннее безмолвие предполагает изменение уровня сознания, чем обычно: прекращении внутреннего навязчивого «диалога», бесконечно продуцирующего желания, неполноценность и гордыню, озлобленность и разочарования.

Поэтому, как пишут К. и С. Саймонтон, «физическая болезнь – это только проявление лежащих в ее основе психосоматических процессов, которые вызываются различными психологическими и социальными проблемами. Пока эти проблемы не будут решены, пациент не излечится, несмотря на то, что рак может со временем пройти» [58, р.34]. Они же выделяют четыре психологических этапа, выводящих человека из кризиса к здоровью: 1. когда человек узнает, что болен и что его заболевание может быть смертельным, он начинает по-новому видеть свои проблемы; 2. человек принимает решение изменить свое поведение, стать другим; 3. физиологические процессы, происходящие в организме, реагируют на вспыхнувшую надежду и вновь появившееся желание жить. Образуется новая положительная зависимость физиологических процессов и психологического состояния пациента; 4. выздоровевший больной чувствует себя "лучше, чем просто хорошо".

Изменение часто происходит как результат более или менее «спонтанного» перепросмотра. В жизни каждого человека, перед самым важным событием в его жизни — смертью, перепросмотр становится одной из самых последних деятельностей. Кроме того, те, у кого за плечами имеется опыт пребывания на грани жизни и смерти, отмечают, что перед ними «проносились» эпизоды прошлого и/или будущего: в сознании проносятся все события жизни – во всей полноте переживаний и

осознаний. Техника целенаправленного, осознанного перепросмотра и техника «прощения» включают ряд действий: 1) выбрать из личной истории событие /переживание /человека для перепросмотра, на которое человек сначала или постоянно реагирует негативно; 2) представить эту ситуацию, переживание или человека, других людей, с которыми они связаны и вспомнить -ощутить с какими мыслями и чувствами они связаны; 3) понять урок, которому научили ситуация /человек, что мир и тело хотели /хотят этим уроком сказать; 4) принятие и благодарность Богу и себе (телу) за этот урок, выражение этого принятия, благодарности – себе и миру, 5) выбрать отстранённо-любящую, принимающую форму реагирования на событие/человека и переживание, транслировав ему возможность «жить своей жизнью» («отпустить его» и/или выбрать позитивную реакцию на него как на феномен жизни, мира). «Отпустить» имеет два основных модуса: 1) «уйдет – так уйдет, останется – так останется»; 2) «уйдет – так уйдет, вернется – так вернется». В некоторых случаях человеку важно научиться жить с болью, неопределенностью и двойственностью. Однако, если он потратит время на ее исследование, то часто может увидеть, что может «отпустить» не только боль и страдание, выбранное им как «центральное», но и множество «периферических» болезненных переживаний. При этом боль скорее «не останется», она уйдет, забрав в собой множество других «спутников»: в результате, начав с задачи исцеления одного фрагмента жизни, болезни, человек, рискнув и не поленившись, может исцелить всю жизнь. Таким образом, с одной стороны, исцеление, будучи целевым феноменом, приводит к возникновению ряда «ободных», вторичных. С другой стороны, как отмечает С.Н. Лазарев, отсутствие стремления к избавлению от страдания ценой дальнейших нарушений истинных ценностей жизни, отношений любви с миром, Богом, помогает преодолеть болезнь: изначально фокусируясь на «увеличении любви», человек получает как вторичный результат исцеление от болезни. При этом, как показывает практика, «исцеляются» стрессы и семьи, послужившие основой заболевания и казавшиеся непреодолимыми. Если у человека «все рушится», но он не боится разрушений и знает, что нужен миру и себе он способен почувствовать свою незащищенность, а через неё - любовь к миру, который «разрушает» его иллюзии и/или жизнь, тогда ситуация и понимание себе и мира будут трансформироваться как картинки в калейдоскопе, и в один прекрасный момент, несмотря на внешние обстоятельства, почувствует себя счастливыми, выздоровеет.

Выводы

Первой задачей психотерапии является необходимость помочь пациентам поверить в эффективность лечения и способность своего организма сопротивляться заболеванию. После этого их можно научить

справляться со стрессовыми ситуациями. Особенно важно, чтобы они изменили понимание себя и проблем, с которыми столкнулись. Больные должны верить в собственные силы, знать, что они могут разрешить все свои проблемы более эффективно. Появившаяся у пациента вера в возможность поправиться и новое отношение к проблемам формируют жизненную позицию, в которой есть место надежде и вере в будущее: в результате механизмы, которые способствовали превращению негативных переживаний в онкологическое нарушение, могут быть использованы и для восстановления здоровья.

References:

- [1] Arpentieva M. R. Understanding themselves and the world in early childhood and life-affirming potential of personality // Psychologist in the kindergarten. – 2014. - No. 2. – P. 3-30. (In Russian)
- [2] Benedict C., Penedo F.J. Psychological interventions in cancer // Psychological aspects of cancer. - Springer science, 2013. – P. 221 – 248.
- [3] Berezkin D. P., Zyryanova N. G. About the prospects for psychosomatic research in Oncology / Psychological problems of mental health, prevention and medical ethics. – L., 1976. - P. 16-18. (In Russian)
- [4] Blinov, N. N., Demin, E.V. Chulkova, V. A. On the quality of life of cancer patients after radical treatment // Problems of Oncology. – 1989. – Vol. 35. - No. 6. – P. 643-648. (In Russian)
- [5] Blinov, N. N., Komyakov, I. P., Chulkova, V. A. the Role of psychotherapy in improving the quality of life of cancer patients. - A manual for physicians. - SPb.: Medicine, 1998. – 19p. (In Russian)
- [6] Blohmke, M. Psychosoziale Faktoren und Krankheit // Med. Nensch. Ges. - 1976. - №1. – P. 116-121.
- [7] Breslau E.S., Curbow B.A., Zabore J.R., Britzenhofzoc K. Psychological Distress in Post-Surgical Women with Breast Cancer. – Baltimore: John Hopkins School of Medicine&Oncology Center, 2001. -210p.
- [8] Bykorez, A. N., Rubenchik, B. L. the Cause of cancer: facts and hypotheses. Kiev: "Naukova Dumka", 1997 -118 p. (In Russian)
- [9] Cassilieth, B.R., Luck, E.J., Miller, D.S., Brown, L.L., Miller S. Psychological correlates of survival in advanced malignant disease // National Engl. Journal of Medicine. - 1985. - V. 312. - P. 1551-1555.
- [10] Chida ,Y., Hamer, M., Wardle, J., Steptoe, A. Do stress-related psychosocial factors contribute to cancer incidence and survival? // National Clinical Practice of Oncology. – 2008. – V.5. – P. 466 – 475.
- [11] Chulkova V. A. Psychological studies of personal reactions to the disease in breast cancer: author. dis. Cand. the course of studies.

- Sciences. - SPb.: St. Petersburg state University, 1999. - 19 p. (In Russian)
- [12] Derogatis L.R., Morrow G.R., Fetting J. The prevalence of psychiatric disorders among cancer patients // *Journal of American Medicine Association*. - 1983. - V. 249. - P. 280 - 289.
- [13] Doctor – patient: communication and interaction / Ed. from English. R. A. Evsegneev; The division of mental health. – Geneva–Amsterdam–Kiev: Ukrainian psychiatric Association, 1996. – 54 p. (In Russian)
- [14] Dubashi B., Vidhubala E., Cyriac S., Sagar TG. Quality of life among young women with breast cancer: Study from a tertiary institute in south India // *Indian Journal of Cancer*. - 2010. – V.47. – P. 142 - 147.
- [15] Dubrova V. P., Egorov K. N. Ethical and psychological aspects of the work of the General practitioner with cancer patients / *Medical news*. – 2003. – No. 2. – P. 3-11. [Online] available at: <http://www.mednovosti.by/journal.aspx?article=2274> (accessed 10.06.2016) (In Russian)
- [16] Dunkel-Schetter C., Feinstein L.G., Taylor S.E., Falke R.L. Patterns of coping with cancer / *Health Psychology*. – 1992. – V.11 (2). – P. 79-87. 197
- [17] Evans E.A. *Psychological Study of Cancer*. — New York: Dodd, Mead & Co, 1926. – 326 p.
- [18] Fagundes C.P., Lindgren M.E., Kiecolt-Glaser J.K. Psychoneuroimmunology and cancer: Incidence, Progression, and Quality of life / *Psychological aspects of cancer*. - Springer science, 2013. – P. 1 – 11.
- [19] Fanti C. *Micropsychoanalysis*. - Moscow: JSC Aslan, 1995. - 351 p (In Russian)
- [20] Felton B.J., Revenson T.A., Hinrichsen G.A. Coping and adjustment in chronically ill adults / *Social Science and Medicine*. – 1984. – V. 18. – P. 889 – 898.
- [21] Filimonov S., *The Orthodox view of Oncology*. - SPb: "Light Of Christ", The Blessing, 2013. - 144 p. (In Russian)
- [22] Folkman S. Stress, coping, and hope / *Psychological aspects of cancer*. - Springer science, 2010. – P. 119 – 127.
- [23] Friedman S.H. A problem-solving conceptualization of coping: Theory, research, and relevance to cancer / *University of the Health Sciences*. – Philadelphia. - 1998. – P. 26 – 68.
- [24] Gnezdilov A. *Century Psychology and psychotherapy losses*.- SPb, 1992.- 162pc. (In Russian)
- [25] Gnezdilov A. V. Quality of life in patients with borderline and psychosomatic illness / *Quality of life in Psychoneurology. Abstracts. international conference. Saint-Petersburg*. - SPb., 2000. – P. 42 - 45. (In Russian)

- [26]Gnezdilov A.V. psychological changes in cancer patients // Practical Oncology. – 2001. - No. 1. – C. 5 – 13. (In Russian)
- [27]Goler Y. You can beat cancer. M. Salus, 1997. - 122p.
- [28]Hamilton A. Intelligence and fertility. London, 1999. – 345 p.
- [29]Heidrich S.M., Forsthoff C.A., Ward S.E. Psychological adjustment in adults with cancer: The Self as mediator / Health Psychology. – 1994. – V. 13 (5). – P. 346- 353.
- [30]Imenitov E. N. Controversial aspects of fundamental Oncology / Practical Oncology. - SPb., 2014. - T. 15. - P. 49 – 60. (In Russian) Именит
- [31]Kasimova L. N., Ilyukhina T. V. The Results of psychiatric and psychological studies of cancer patients // Mental disorders in General medicine. – 2007. - No. 3. – P. 71 – 74. (In Russian)
- [32]Kasimova L. N., Zhiryaeva T. V. Psychopathological and psychosocial characteristics of patients with malignant neoplasms // Mental disorders in General medicine. – 2009. - No. 1. – P. 16-19. (In Russian)
- [33]Kübler-Ross E. On Death and Dying. - Routledge, 1969. 199p.
- [34]Lazarev S. N. The education of parents. The answers to the questions.– SPb.: ИПК, ООО Leningrad publishing house". 2009. - 240p. (In Russian)
- [35]Lectures on basic and clinical Oncology / Ed. by V. M. Moiseenko, A. F. Urmancheeva, K. P. Hanson. – SPb.: ООО "IZDATEL'stvo N – L", 2004. – 704p. (In Russian)
- [36]LeShan L. L. You can fight for your life. - New York: M. Evans & Company, 1977. – 235 p.
- [37]Levin T, Kissane V. D. Psychooncology: as of 2006 // Mental disorders in General medicine. 2007. - №2 (3). – R. 10-24. (In Russian)
- [38]Lillberg K.,Verkasalo PK.,Kaprio J., Teppo L., Helenius H., Koshenvuo M. Stressful life events and risk of breast cancer in 10,808 women: a cohort study // American Journal of Epidemiology. – 2003. V. 157. – P. 415 - 419.
- [39]Luban-Plozza B., Poldinger V., Kröger F. Psychosomatic patient on reception at the doctor. – SPb.: NIPI them. V. M. Bekhterev, 1994. – 245 p (In Russian)
- [40]Malkina-Pykh I. G. Psychosomatics. – M.: Eksmo, 2008. – 1024p. (In Russian)
- [41]Melchenko N. And. Eschanov R. F., Isaeva O. S. The Psychologist in health care: problems of diagnosis, correction and supervision. – Samara: Publishing house SamGU, 1999. – 189 p. (In Russian)
- [42]Moiseenko V.M., Chulkov V. A. Psychoonkologie. – A manual for physicians. SPb., 2007. – 38p. (In Russian)

- [43]Murtha J. Handbook for the General practitioner. – M.: Practice, 1998. – 1230 p. (In Russian)
- [44]Nepomnyashchaya N. And. About the psychological aspects of oncological diseases // Psychological journal. – 1998. - Vol. 19. - No. 4. – P. 132 – 145. (In Russian)
- [45]Neznaniv N. G., Karvasarsky B. D. Clinical psychotherapy. – SPb: Peter, 2008. – 523 p. (In Russian)
- [46]Paget J. The Morton Lecture on Cancer and Cancerous Diseases // Br Med J London, Longmans, Green and Company, 1887. - № 2. – P. 1091-1095.
- [47]Palesh O, Butler LD., Koopman C. Stress history and breast cancer recurrence // Journal of Psychosom Resource. – 2007. – V. 63. – P. 233 – 239.
- [48]Passik S.D., Grummon K.L. Posttraumatic Stress Disorder // Psychooncology / Ed. by J.C. Holland. - N.Y.: Oxford University Press, 1998. - P. 595- 607.
- [49]Penninx B., Guralnik JM., Havlik RJ. et al. Chronically depressed mood and cancer risk in older persons // Journal of National Cancer Institute. – 1998. – V. 90. P. 1888 - 1993.
- [50]Porcelli P., Sonino N. Psychological factors affecting medical conditions: a new classification for DSM-V. – Basel: Karger Publishers, 2007.
- [51]Ross K. Mapping pathways from stress to cancer progression // Journal of National Cancer Institute. – 2008. – V.100. – P. 914 - 920.
- [52]Rowland J.H., Massie M.J. Breast cancer // Psycho-oncology / Ed. By J.C. Holland. N.Y.. - Oxford: Oxford University Press, 1998. - P. 380-402.
- [53]Rusina N.. Emotions and stress in cancer // World of psychology. Scientific–methodical journal. - 2002. - No. 4. - P. 152-160. (In Russian)
- [54]Sadock B.J.,Virginia A., Ruiz P. Kaplan&Sadock’s Comprehensive Textbook of Psychiatry. - Lippincott Williams&Wilkins, 2009. – 420p.
- [55]Satin J.R., Linden W., Phillips MJ. Depression as a predictor of disease progression and mortality in cancer patients // Cancer. – 2009. V. 115. – P. 5349 – 5361.
- [56]Shekele R.B., Raynor W.J., Ostefeld A.M. et al. Psychological depression and 17-year risk and death from cancer // Psychosom. Med. - 1981. – V. 43(1). – P. 117 – 125.
- [57]Sidorov P. I. Psychosomatic medicine. – M: HONEY-press-inform, 2006. – 564p. (In Russian)
- [58]Simonton K., Simonton S. Cancer Therapy .- SPb: Peter, 2001. – 288p. (In Russian)

- [59] Sirota N. Coping with cancer (for model studies of coping behavior of patients with ovarian cancer). Proceedings of the conference "Clinical psychology in health and education" - M., 2011. - P. 247 - 251. (In Russian)
- [60] Smulevich, A.B., Andryushchenko A.V., Beskova D.A. Mental disorders in cancer (results multitsentrovyyh program "SYNTHESIS") // Mental disorders in General medicine. - M., 2007. - No. 3. - P. 4 - 11. (In Russian)
- [61] Spiegel D., Diamond S. Psychological interventions in cancer / Psychological interventions for cancer. - Washington, 2001. - P. 215 - 233.
- [62] Tarabrina N., Crow, O. A., Kurchakova M.S. Oncopsychology. — M.: Institute of psychology RAS, 2010. — 176 p. (In Russian)
- [63] Temoshok L. Personality, coping style, emotion and cancer: towards an integrative model // Cancer Surv. - 1987. - V. 6. - P. 545-567.
- [64] Thune-Boyle IC.V. Religiosity and Spirituality in coping with cancer // Psychological aspects of cancer. - Springer science, 2013. - P.129 - 150.
- [65] Topolyansky V. D., M. V. Strukovsky Psychosomatic disorders. - M., 1986. - 384 p. (In Russian)
- [66] Urvantsev L. P. Psychology in somatic clinic: a Training manual. - Yaroslavl, 1998. - 160 p. (In Russian)
- [67] Usmanova, E. B. Psychological factors quality of life of patients with tumoral defeat of bones. Diss. kand. med.Sciences. - SPB.: St. Petersburg state University, 2016. - 220p. (In Russian)
- [68] Vasyutin A. M. Salvation is - it is you! Cancer psychosomatic. - Rostov-na-Donu: Feniks, 2011. - 160 p. (In Russian)
- [69] Velikolug A. N., Was dragula A. A., Velikolug T. I. Influence of social sphere on the identity of a cancer patient in the rehabilitation process // Medical-social examination and rehabilitation. - 2000. - No. 1. - C. 6 - 10. (In Russian)
- [70] Viilma L. Forgive myself. - Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2004. Vol. 1. 720p., Vol. 2, 2007. 640p. (In Russian)
- [71] Waisman A., Worden J.W. The existential plight in cancer: Significance of the first 100 days // International Journal of Psychiatry in Medicine. - 1977. - V. 7 (1). - P. 1 - 15.
- [72] Walsh N. H. Nature and Treatment of Cancer. London: Taylor and Walton, 1846. - 210p.
- [73] Wasserman L. I., Ababkov V. A., Trifonova E. A. Coping with stress: theory and psychodiagnosics. - SPb.: Speech, 2010. - 192 p. (In Russian)

- [74] Watson M., Haviland J., Greer S., Davidson J., Bliss J. Influence of psychological response on survival in breast cancer: a population-based cohort study // *Lancet*. – 1999. V. 354. P. 1331 - 1336.

Suslova T.F., Nesterova A.A.

TOLERANCE AS A FACTOR OF POSITIVE ADAPTATION AND CULTURAL INTEGRATION OF MIGRANTS IN RUSSIA

Suslova T.F. – PhD, lead researcher laboratory of self-regulation of a person, The North Caucasian Federal University, Russia

Nesterova A.A. – Doctor of Psychology, chief researcher laboratory of self-regulation of a person, The North Caucasian Federal University, Russia

Abstract

This article analyzes the problem manifestation of tolerance of migrants and the local population, which may be regarded as one of the leading factors in the adaptation and integration of migrants, as well as the mutual adaptation of migrants and the local population to live together and functioning. Presents some of the results of the Russian and European scientists as well as research conducted by the authors of this article. The article analyzes the main factors associated with tolerance / intolerance that determine the adaptation of migrants.

Keywords: tolerance/intolerance of migrants and indigenous peoples, migration, migrant, adaptation of migrants, cultural integration.

Введение.

Одной из ключевых проблем человеческого общества в настоящее время является миграция и те проблемы, которые ее сопровождают. Она существенно влияет на экономическое и социальное положение в государстве, во многом снижает уровень жизни коренных жителей, особенно в странах, где наблюдается большая концентрация мигрантов, что осложняет социальную обстановку, криминализирует ее и приводит к межнациональной напряженности. Межнациональная напряженность и конфликты являются, к сожалению, неизбежным последствием миграции. И там, где численность мигрантов превышает объективные социально-экономические возможности государства, возникает риск дестабилизации ситуации в стране, что мы наблюдаем сегодня в ряде европейских государств.

Россия в настоящее время так же является страной с большим миграционным потоком. Еще 20 лет назад, как отмечает А.Г. Вишневский, слово «мигрант» не порождало в России никаких негативных ассоциаций. На исходе советского времени оно вошло – впервые с негативными коннотациями – в политический словарь в Латвии и тогда служило подогреванию антирусских настроений. Но довольно скоро после распада СССР антимигрантский дискурс возник и стал набирать силу в России, сделался неотъемлемой частью и властного, и масс-медийного дискурсов [1], а также дискурса общественного настроения, приведшего к появлению такого явления, как мигрантофобия. Современные исследования показали, что в сфере отношения между мигрантами и коренными жителями, а также снижения уровня мигрантофобских настроений и их последствий все большее значение имеет этнический аспект толерантности или, как ее принято называть, этническая толерантность. В связи с этим важной задачей, стоящей перед государством, политическим и научным сообществом, является поиск форм нивелирования или серьезного снижения риска появления конфликтов между мигрантами и коренным населением, возможности построения общения между этими группами на основе этнической толерантности, формирование которой и у мигрантов, и коренного населения будет способствовать решению многих проблем адаптации мигрантов или можно сказать взаимной адаптации.

Толерантность и ее исследование в научной практике

В связи с негативными последствиями все увеличивающегося миграционного потока, роста мигрантофобских настроений, деструктивных действий как мигрантов, так и жителей принимающей страны, ученые во всех странах мира все чаще обращаются к исследованию толерантности.

Наибольшее число теоретико-эмпирических исследований в России посвященных изучению проблемы толерантности личности, осуществляются в контексте межкультурной коммуникации. Это работы А.Г. Асмолова, В.В. Бойко, И.Б. Гриншпун, Е.Ю. Клыковой, Н.М. Лебедевой, Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой, Е.И. Шлягиной и др. Общий вывод проведенных исследований можно обозначить следующим образом: толерантность – это нравственное качество личности, которое можно охарактеризовать как конструктивное взаимодействие с людьми и группами, отличающимися какими-либо признаками; построение отношения с людьми и социальными общностями в духе мира, терпимости, гуманного межличностного общения; уважительное отношение к Другому, независимо от национальности и вероисповедания; постижение культуры своего народа и готовность к интеграции в культуру других народов [2].

В европейской и американской науке в числе значимых исследований толерантности можно назвать работы, в которых

обосновывается взаимозависимость культур в условиях глобальных изменений (U. Beck, A. Giddens M. Douglas, N. Luhmann и др.); анализируется роль этнической идентичности в формировании толерантности (I. Berry, Y. Poortinga, M. Pleasants, P. Dasen и др.); исследуются личностные детерминанты этнической толерантности (W. Scott, R. Riemann, J. Hett, G. Allport J. Dollard и др.) и т.д.

Важность исследования толерантности в настоящее время привело к мысли ученых о разработке нового научного направления – социальной психологии толерантности. Научное обоснование этому направлению мы находим в фундаментальном исследовании российского психолога Г.Л. Бардиер. Автор рассматривает толерантность как «способность человека позитивно реагировать на окружающие его социальные различия», выделяя три сферы: социальное отношение, социальное познание и социальное поведение, в которых эти различия могут проявляться [3]. Именно в этих трех сферах формируется культура толерантности или констатируется ее отсутствие.

В науке в настоящее время существуют различные интерпретации понятия «этническая толерантность». Кроме представленных выше, по мнению Е.И. Шлягиной и С.Н. Ениколопова, этническая толерантность является частным случаем общей толерантности личности. Поэтому толерантность, проявляемую субъектом в новом для него социокультурном окружении, можно назвать этнической толерантностью. Часто под ней подразумевают индифферентность к этническим различиям. Позицию самоограничения и намеренного невмешательства, просто терпения. Кроме того, имеет место понимание толерантности как стремления к взаимодействию на принципах равноправия и согласия [4].

В изложенных ЮНЕСКО принципах толерантности, толерантность рассматривается как «гармония в различии, имеющая политическое, моральное, правовое измерение, поведение, основанное на уважении к культурному плюрализму [5].

Такая многогранность понятия толерантности затрудняет ее изучение. В связи с этим предпринимаются попытки составления типологий данного феномена. Так, в диссертационном исследовании А.Г. Фадиной на основе анализа работ различных авторов была представлена классификация различных видов и типов толерантности.

На основе положительной/отрицательной оценки воспринимаемого объекта, выделяют естественную толерантность/позитивную терпимость, толерантность идентичности и проблемную толерантность, включающую в себя конструктивную и/или толерантность выгоды (квазитерпимость); адаптивную; фрустрационную; снисходительную и/или толерантность воспитанности (негативная терпимость); избирательную; вынужденную и/или толерантность подчинения (иерархии); толерантность умысла (псевдотерпимость). По

происхождению выделяется врождённая и приобретенная толерантность. По характеру проявления в поведении различают стабильную/общую и частную, ситуативную толерантность. Исходя из позиции субъекта по отношению к оцениваемому объекту, существует активная и пассивная толерантность. На основании объекта и предмета толерантности говорят о межнациональной, межсоциальной, межгосударственной, межэтнической, межконфессиональной, межкультурной (цивилизационной) толерантности. По степени включенности объекта, предмета толерантности в непосредственную жизнедеятельность субъекта выделяют философскую и прикладную. На основе принятия различий субъектом взаимодействия рассматривают толерантность как безразличие; как невозможность взаимопонимания; как снисхождение; как расширение собственного опыта и критический диалог. На основании результатов проявления толерантного (сдержанного) поведения выделяют нравственно-деструктивную и нравственно-конструктивную толерантность (терпимость) [6].

Таким образом, ученые приходят к пониманию толерантности как сложному и многогранному понятию. Это не просто отказ от насилия и притеснения одной группой людей других. Это, в первую очередь, позитивный диалог и конструктивные формы поведения: понимание, принятие, взаимопомощь и кооперация, причем в ситуации межличностного взаимодействия мигрантов и коренного населения эти позитивные формы поведения и построения конструктивного диалога требуются и от мигрантов, и от коренного населения, и сложно сказать от кого в большей мере.

Однако сегодня мы сталкиваемся в большей степени с образцами интолерантного поведения мигрантов и коренных жителей, которое имеет разную симптоматику. Так, Б.Э. Рейдон выделяет следующие симптомы нетерпимости в поведении людей:

- 1) очернительный, уничижительный язык, который обесценивает или унижает культурные, этнические, расовые группы; отрицание права этих групп на употребление собственного языка;
- 2) негативные стереотипы и предубеждения;
- 3) оскорбительные насмешки;
- 4) обвинение представителей конкретной этнической группы в создании социальных проблем;
- 5) дискриминация – преследование отдельных лиц, групп или сообществ по причине этнического происхождения, национальности, иного мировоззрения и т.п., применение к ним мер устрашения;
- 6) этноцид – бойкот, игнорирование присутствия других людей, отказ от общения с ними;
- 7) осквернение или порча религиозных и культурных символов, осмеяние верований;

8) официальный запрет или насильственное лишение права на посещение каких-либо общественных мест, на участие в коллективной деятельности или профессию;

9) сегрегация – принудительное ограничение людей определенной группы по признаку этноса, расы, религии, пола, языка с ущербом для этой группы;

10) геноцид – физическое или моральное издевательство, вооружённые нападения, изгнание с места жительства, убийства [7].

Насколько «вирус нетерпимости» проник в сознание людей? Приведем некоторые данные из многочисленных исследований. Так, исследование А.Р. Димаева показывает, что в российском обществе преобладает негативное отношение к мигрантам, представляющим кавказские этнические группы (66%), причем оно выражается независимо от гражданства и вероисповедания представителей этих категорий населения. Аналогично, преобладают отрицательные оценки в отношении выходцев из азиатских стран, входящих в СНГ, а также Вьетнама и Китая [8].

Исследование этнической толерантности в сознании молодежи, проведенное Е.А. Самсоновой и Е.Ю. Юдиной, демонстрирует, что уровень последовательной толерантности выявлен у 8% опрошенных, давших положительные ответы (общий объем выборки 500 человек в возрасте от 14 до 30 лет). 10, 7% оказались приверженцами ксенофобии (отрицательные ответы). Для сознания подавляющего большинства респондентов характерны 2-й и 3-й уровни, отличающиеся неустойчивостью (ответы: «скорее положительно», «скорее отрицательно», которая определялась учеными как «национальная изолированность», ее сторонников особенно много). В целом, отмечают исследователи, этносознание опрошенных отличается недостаточно устойчивой, непоследовательной толерантностью и нарастанием изоляционистских установок [9].

В исследовании 138 молодых людей в возрасте 15-24 лет, проведенное О.М. Коморкиной, было выделено четыре типа толерантного отношения молодежи к иноэтничным мигрантам: 1) крайне интолерантный тип (30%) – характеризуется категоричным неприятием, отторжением мигрантов, ориентированностью на их полное исключение из принимающего сообщества; 2) умеренно интолерантный тип (40%), допускающий присутствие мигрантов, но при определенных условиях, при этом социокультурные характеристики данной группы вызывают неприятие; 3) умеренно толерантный тип (20%), допускающий присутствие группы мигрантов, негативно оцениваются отдельные ее представители, социокультурные характеристики не вызывают отторжения; 4) толерантный тип (10%), характеризуется лояльным

отношением к «чужой» социокультурной группе, не видят ничего негативного в ее присутствии для принимающего общества [10].

Более сдержанны в оценках миграции и мигрантов коренные жители Норвегии. В исследовании норвежских ученых, проведенного в 2003-2007 годах, приводятся следующие результаты: десять из 10 думают, что иммигранты должны иметь одинаковые с норвежцами возможности в получении работы, и семь из 10 считают, что иммигранты вносят ценный вклад в норвежскую экономику. Два из 3 думают, что иммигранты обогащают культурную жизнь в Норвегии. Девять из 10 не возражают вступать в контакт с иммигрантами в качестве соседей. Один из трех считает, что иммигранты злоупотребляют системой социального обеспечения и уверены, что иммигранты представляют собой источник нестабильности в обществе. Четыре из 10 считают, что иммигранты должны стремиться стать такими же как норвежцы, насколько это возможно. Один из 10 хотя бы либерализации нынешней политики предоставления убежища, в то время как четверо из 10 против этого и считают, что доступ беженцев к получению вида на жительство должен быть более жестким. Ученые, проводившие это исследование, отмечают, что по сравнению с другими европейскими государствами, Норвегия находится по середине шкалы толерантности [11]. Думаем, что с учетом сегодняшней ситуацией с мигрантами в Европе, эти результаты несколько изменятся, но, тем не менее, они демонстрируют сдержанную позицию по отношению к мигрантам, так как есть опасение у норвежцев, что мигранты могут нанести урон безопасности страны.

Такое негативное отношение к Другому опасно для всех участников взаимодействия: и для мигрантов, и для коренного населения. Оно, как правило, приводит к межнациональной напряженности и формированию мигрантофобии и ксенофобии. Оно дестабилизирует общество и способствует возникновению риска нарушения его безопасности. В связи с этим важно заниматься воспитанием и развитием у мигрантов и коренного населения культуры толерантности.

В развитии культуры толерантности ученые предлагают различные модели. В частности, А.А. Галкин и Ю.А. Красин отмечают, что в сложившихся условиях отчетливо вырисовываются контуры двух различных и в чем-то контрастных интерпретаций ("моделей") развития культуры толерантности. Первая – *либертарная* (радикально-либеральная) абсолютизирует личные начала в свободном пользовании собственным разумом. Смысл такого подхода в том, чтобы освободиться от всякого общественного вмешательства. Иными словами, "приватное пространство" для выработки собственных позиций как бы отгораживается от общественного дискурса. Это ведет либо к абсентеизму, либо к некомпетентным решениям, играющим на руку групповым эгоистическим интересам. В обоих случаях результат

подобного подхода, по сути, элиминирует ее исходный пункт – абсолютную свободу личности. Другая модель – *делиберативная* (от "deliberation" - рефлексия) ориентирована на включение гражданина в общественную рефлексию на открытой арене сопоставления взглядов, позиций, программ, совместного поиска согласия и стабильности. Приватное пространство собственного разума гражданина не изолируется от социума, а включается в него, привнося туда свой интерес и свое видение проблем. Только тогда становится возможным действительно свободный, компетентный выбор [12].

С другой точки зрения, в исследовании и развитии толерантности в современных условиях можно выделить три аспекта: инструментальный, нормативный и профилактический. Инструментальный аспект выражается в том, что в современном сложном и многообразном мире толерантность служит инструментом обеспечения социального согласия, в особенности между людьми и группами, чьи ценности различаются. Нормативный аспект актуальности исследования толерантности определяется ее связью с общечеловеческими гуманистическими ценностями. В контексте этих ценностей толерантность выступает в качестве социально-одобряемой правовой нормы взаимодействия между людьми. Профилактический аспект актуальности исследования толерантности связан с выработкой социальной стратегии противодействия крайним проявлениям интолерантности, таким как терроризм, экстремизм, этническая нетерпимость, ксенофобия и другие. Организация спокойной жизни без стрессов и потрясений, снятие излишнего напряжения способствует формированию толерантности [13].

Материалы и методы исследования.

Предметом изучения является проявление толерантности коренных жителей и мигрантов друг другу и совместному проживанию.

Исследование проводилось при помощи метода письменного опроса и полустандартизированного интервью. Обработка данных осуществлялась при помощи количественно-качественного метода и метода описательной статистики.

Исследование проводилось в 2015 году в городе Москва с участием 397 трудовых мигрантов из Средней Азии, Украины, Молдовы и 235 жителей Москвы и Московской области, представители разного возраста.

Были поставлены следующие задачи:

1. Провести исследование проявления толерантности коренных жителей к мигрантам.
2. Выявить особенности проявления толерантности трудовых мигрантов из Средней Азии, Украины и Молдовы.

Результаты исследования и их обсуждение.

Social Science and Humanity #3 2016

Вначале представим количественную характеристику ответом респондентов - коренных жителей (табл.1, результаты даны в процентах). Из 56 вопросов анкеты 7 вопросов позволяют оценить субъективную оценку коренных жителей отношения к мигрантам и миграционному процессу.

Таблица 1. Результаты исследования отношений к мигрантам в группе коренных жителей

Вопросы, задаваемые респондентам	Ответы			
	респондентов в возрасте до 30 лет	респондентов в возрасте 30 – 40 лет	респондентов в возрасте 40-50 лет	респондентов старше 50 лет
Какие из перечисленных проблем Вас больше всего беспокоит? (было дано 12 вариантов ответов, здесь мы приводим данные по позиции «рост числа мигрантов»)	48,3	44,9	39,5	77,0
Возникли ли у Вас открытые конфликты с мигрантами?				
Да	29,0	56,9	36,0	22,2
Нет	33,7	40,8	31,3	55,5
Затрудняюсь ответить	37,3	2,3	32,7	22,3
Где эти конфликты происходили?				
Места развлечений	19,3	25,5	19,2	7,6
Рынок, магазин	16,1	20,9	33,9	22,2
Транспорт	22,5	31,3	15,5	32,70
На улице	25,8	13,9	8,2	22,2
Другое (отмечено респондентами: «около своего дома», «как с соседями», «они везде», «с мигрантом – дворником»)	16,3	8,4	23,2	15,3
Замечали ли Вы в себе раздражение по отношению к людям другой национальности?				
Да	61,2	53,4	57,7	55,6
Нет	29,2	33,9	40,3	33,3
Затрудняюсь ответить	9,6	12,7	2,0	1,1
Готовы ли Вы оказать помощь человеку другой национальности?				
Да, так как национальность в данном случае не имеет значения	54,8	44,7	81,6	66,6
Не всегда	38,7	39,5	16,6	22,2
Не готов	6,5	5,8	1,8	11,2
На Ваш взгляд, каким образом коренному населению необходимо вести себя с мигрантами?				
Уважительно	16,1	3,4	8,2	8,3
Сдержанно	58,0	68,6	67,8	85,9
Равнодушно	9,7	13,9	17,4	2,9
Другое (отмечено респондентами: «дать понять, что им не рады», «строго», «контролирующе»)	16,2	14,1	6,6	2,9
Какого развития событий в миграционной ситуации Вам бы хотелось?				
Полной легализации мигрантов	12,9	1,1	1,8	2,9
Уверенного контроля со стороны власти над миграционными процессами	51,6	69,4	69,7	94,2
Закрытие границ для мигрантов	29,0	10,4	9,1	2,9
Изоляция мигрантов в целях их безопасности	5,4	2,3	2,7	0
Не задумывался над этим	1,1	16,8	16,7	0

Как видно из результатов, изложенных в таблице 1, коренное население беспокоит рост числа мигрантов, причем респонденты старше 50 лет высказались по данному вопросу более категорично, несмотря на то, что возникновение конфликтов с мигрантами отметили всего 22,2 % респондентов, а также данная группа респондентов считает, что оказание помощи людям другой национальности не противоречит их ментальности, так как «в данном случае национальность не имеет значения. Непринятие мигрантов, вероятно, связано с тем, что большой наплыв мигрантов пугает старшее поколение, а также с отсутствием опыта взаимодействия с ними и наличием тех ситуаций, которые происходят в других странах, а возможно, это связано с теми социальными трудностями, с которыми сталкиваются люди старшего возраста: опасения своего существования после пенсии, трудности адаптации к послетрудовому периоду, опыт родных и друзей вышедших на пенсию и перекладывания своих трудностей на «внешнего Другого», который является причиной их страхов и опасений. В большей степени негативное отношение к мигрантам выявлено в группах респондентов 30-40 и 40-50. Люди данных возрастов в меньшей степени проявляют толерантность по отношению к мигрантам, хотя раздражение по отношению к людям другой национальности отмечено во всех группах. Возможно, это связано с тем, что возраст 30-50 – наиболее продуктивен в плане профессионального роста и конкуренция, которая вызвана в настоящее время в связи с «наплывом» мигрантов их существенно беспокоит. Практически солидарны все группы респондентов в отношении мер, которые необходимо принять к развитию событий в миграционной ситуации. Большая часть респондентов считают, что необходим строгий контроль над миграционным процессом и поведением мигрантов и лучший сценарий поведения в отношении мигрантов – сдержанность.

Примечательно отметить, что большая часть коренных жителей готова оказать помощь человеку вне зависимости от его национальности, особенно это касается людей старше 40 лет, хотя половины выборки из группы молодых людей до 30 лет также считают, что национальность не играет роли, если человеку нужна помощь.

Результаты исследования, изложенные выше, показывают, что большая часть жителей Москвы и Подмосковья страдают мигрантофобией. В массовом сознании сложилось в большей мере негативное отношение к мигрантам, отторжение их и желание упорядочения процесса миграции при явном доминировании коренного населения. Под доминированием подразумевается: отсутствие конкуренции с мигрантами на рынке труда, использования социальных услуг, учет мигрантами особенностей культуры коренного населения.

Результаты в группе мигрантов представлены в таблице № 2 (результаты даны в процентном отношении). Из 20 вопросов,

предлагаемых мигрантам, 5 вопросов можно отнести к пониманию того, каким по своей эмоциональной окраске являются отношения мигрантов к местному населению.

Таблица 2. Результаты исследования отношения мигрантов к местному населению

Вопросы, задаваемые респондентам	Ответы		
	респондентов из Средней Азии	респондентов из Украины	респондентов из Молдовы
<i>На Ваш взгляд, каким образом мигранту необходимо вести себя с коренными жителями?</i>			
Уважительно	45,6	19,6	22,6
Сдержанно	48,2	43,0	59,6
Равнодушно	4,3	5,6	10,7
Другое – (отмечено респондентами: «уметь ладить с ними», «если нужно – дать отпор», «не замечать их придирки», «общаться», «стараться не конфликтовать – себе дороже»).	1,9	17,8	7,1
<i>Натищите, пожалуйста, свое мне о том, как к вам относятся местное население?</i>			
Положительно, поддерживают меня	0,4	19,5	20,9
Положительно, сочувствуют мне, помогают	5,3	11,2	13,9
По-разному	71,1	45,1	47,9
Отрицательно, обвиняют во всем, что случится негативного в Москве	13,1	8,4	2,3
Пренебрежительно, типа «понаехали тут»	0,9	6,5	1,2
Часто вступают с нами в конфликт	9,2	5,6	3,4
Другое - (отмечено респондентами: «плохо», «не любят», «нормально», «равнодушны»)	0	3,7	10,4
<i>Замечали ли Вы в себе раздражение по отношению к людям другой национальности?</i>			
Да	5,8	36,4	21,4
Нет	75,3	52,2	65,5
Затрудняюсь ответить	18,9	8,4	13,1
<i>Возникали ли у Вас открытые конфликты с коренными жителями?</i>			
Да	34,4	28,9	17,8
Нет	18,9	55,3	69,1
Затрудняюсь ответить	46,7	15,8	13,1
<i>Где эти конфликты происходили?</i>			
Места развлечений	17,4	10,2	14,2
Рынок, магазин	31,1	44,8	25,0
Транспорт	34,4	8,4	10,7
На улице	9,2	1,9	1,1
Другое (отмечено респондентами: «на работе», «с соседями»).	7,9	34,7	49,0

Исследование показало, что мигранты в ответах на данные вопросы были более сдержанны, нежели коренное население. Особенно это отмечается в группе мигрантов из Средней Азии, которые, с нашей точки зрения, просто уходили от ответов на вопросы по причине опасения любого рода опросов (письменных и, тем более, устных) или давали, с их точки зрения, социально желательный ответ. Этим фактом можно объяснить не желание мигрантов из Средней Азии устанавливать тесный контакт с окружающими, принимать образ жизни и культуру,

замыкаясь на своей группе - земляков и родственников. Мигранты из Украины и Молдовы в большей степени давали конкретные ответы, в основном указывая на умение устанавливать с местными жителями контакт. С нашей точки зрения, это можно объяснить наличием в Москве и Подмосковье, как они отмечали, родственников, друзей, которые помогают и поддерживают, а также близостью культур. Тем не менее, достаточно большое количество респондентов в этих группах не устраивает отношение с коренными жителями, раздражает, как они отмечают, «снобизм москвичей и их исключительность», поэтому не редки конфликты и появление у мигрантов чувства раздражения и обоюдное проявление нетерпимости.

Выводы.

Толерантность представляет собой сложное понятие. Практически все современные исследователи говорят о его фундаментальной противоречивости. Иногда толерантность объявляется невозможным явлением (хотя, одновременно, и необходимым). Так, согласно точке зрения одного из ведущих британских философов Бернарда Уильямса, толерантность невозможна, причем ни как добродетель, ни как ценность. Единственное, о чем можно говорить непротиворечиво, так это о некоторых практиках толерантности, базирующихся на основаниях, всецело отличных от морального фундамента принципов. По Уильямсу, подобные практики могут быть основаны на скептицизме, индифферентности, некоторой широте взглядов или на своеобразном неогоббсианском прагматическом «равновесии интересов» (*примеч авторов: неогоббсианский – одно из направлений современного либерализма, суть которого заключается в утверждении, что ценностный плюрализм и разногласия разрешимы, поскольку публичное будет вытеснять частное*), но не на понимании толерантности как добродетели или ценности [14]

И, тем не менее, как бы не относились ученые, государственные и общественные деятели, а также население принимающей страны к самому явлению «толерантность», у общества нет иного сценария, кроме как формирование и развитие толерантности на пути построения бесконфликтных отношений, а значит выживания. Причем важно отметить, что только оптимальная *взаимная толерантность* будет способствовать *оптимальной взаимной адаптации мигрантов и коренных жителей* к условиям, которые складываются в результате массовых потоков мигрантов. Что может способствовать формированию и развитию оптимальной взаимной толерантности, а значит, и взаимной адаптации? Ученые и практики, в первую очередь выделяют необходимость грамотного управления процессом миграции и формированием взаимной толерантности и взаимной адаптацией. В этом процессе большую роль

играет просвещение и информационное обеспечение и мигрантов, и местных жителей. Использование возможностей средств массовой информации в формировании конструктивного образа мигранта, а также форм работы миграционных служб, которые совместно с социальными службами, общественными национальными союзами и обществами, возьмут на себя обязательство не только обучать мигрантов русскому языку, истории и правовому законодательству, но и особенностям образа жизни, традиций и обычаев коренного населения. В этом процессе, на наш взгляд, важно пролонгировать процесс сопровождения мигрантов: не ограничиваться поддержкой только на первом этапе переселения, но и сопровождать их адаптацию на следующих, более сложных порой для мигранта, стадиях аккультурации. Решающую роль в этом процессе играют внешние условия жизнедеятельности и мигрантов, и коренных жителей, среди которых важным фактором является степень социальной, экономической, политической удовлетворенности. Однако, в данной работе важно не предпринимать резких шагов, которые могут спровоцировать социальную напряженность в регионе. Рассчитывать на скорый результат в развитии взаимной толерантности и взаимной адаптации не приходится: столкновения между мигрантами и коренным населением будут, но их возникновение можно минимизировать и позитивные подвижки здесь вполне вероятны.

Статья подготовлена в рамках проектной части госзадания в сфере научной деятельности (Задание № 25.2566.2014 «Разработка конструктивистского подхода и методов когнитивного моделирования в психологическом сопровождении социальной адаптации мигрантов», Министерство образования и науки РФ).

References:

- [1] Vishnevsky A.G. Migration Strategy for Russia and politics of tolerance//national psychological journal. No. 2 (6). 2011 P. 90-97.
- [2] Nesterova A.A., Efremova G.I., Suslova T.F. & Pavlova O. E. Constructivist approach to the problem of social psychological adaptation of migrants // Asian Social Science. Vol. 11, No. 1; 2015.P.112-118.
- [3] Bardier G.I. Social Psychology tolerance/dissertation for the degree of doctor of psychological Sciences. -St. Petersburg, 2007. -45 p.
- [4] Belinskaya E.P., Stefanenko T.G. Ethnic socialization of the teenager. M.: Moscow psycho-social institution; Voronezh: NGO "MODEK", 2000, 208 p.
- [5] The Declaration of principles on tolerance, adopted by resolution of the General Conference of UNESCO from 5.61 16.11 1995. [Electronic resource]. Mode of access: URL: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php>.

- [6] Fadina A.G. Psychological peculiarities of development of tolerance of migrants of teenage and youth age (on the example of the Astrakhan region). The dissertation on competition of a scientific degree of the candidate of psychological Sciences. -Astrakhan, 2007. -25 p.
- [7] Khokhlova O. N., Grizovskaâ D.V. Psychology formation of tolerance in youth Wednesday. Culture of inter-ethnic communication. A textbook for graduate students. Tver: Tver State University. 2015-121 p.
- [8] Nesterova A.A., Konovalova A.V. The attitude of the indigenous population towards immigrants: the causes of anti-immigrant attitudes and problems of formation of tolerance//modern diagnostic methods and technologies of psychosocial assistance to people in crisis situations: collected scientific articles/edited by A.A. Nesterova. -M.: Publishing House of rhythm, 2014. P. 89-99.
- [9] Samsonova E.A., Yudina E.Y. Ethnic tolerance in the minds of the Tula youth//sociological researches. 2009. No 10. P. 66-69.
- [10] Komorkina O.M. Types of tolerant attitude of youth towards migrants//sociological researches. 2010. No 8. P. 133-135.
- [11] Blom S. Attitudes towards immigrants and immigration/ Электронный ресурс. Режим доступа: URL: <http://go.mail.ru/redirect?q= tolerant>
- [12] Galkin A.A., Krasin Y.A. Culture of tolerance before calling globalization//sociological researches. 2003. No. 8. С. 64-74.
- [13] Baryshnikov E.N. Nurturing tolerance: polisystematic approach. [Electronic resource]. Mode of access: URL: scienceport.ru/.../Vospitanie-tol...yy-podhod.html.
- [14] Homjakov M.B. Tolerance and its border//national psychological journal . No 2 (6). 20011. P. 25-33.

Enns E.A., Basanova E.E.

CRITERIA OF FORMATION OF PROFESSIONAL CONSCIOUSNESS OF STUDENTS OF HIGH SCHOOL

Enns E.A., Russia, Pyatigorsk State University
Basanova E.E., Russia, Pyatigorsk State University

Abstract

In article methodical bases of formation of professional consciousness of students at different stages of professionalism are considered. The model of development of professional consciousness of students of high school is presented; dynamics of new personal formations, criteria of formation of professional consciousness are described.

Keywords: professional consciousness, criteria of formation of professional consciousness.

Актуальность проблемы развития профессионального самосознания будущего специалиста определяется требованиями к профессионалу в современном мире. Профессионализм предполагает понимание содержания и специфики своей профессиональной деятельности, способность ориентироваться в круге профессиональных задач и готовность разрешать их в меняющихся социальных условиях, а так же принятие смысла трудовой деятельности, развитую профессиональную мотивацию, систему профессиональных установок, представление человека о себе как о члене профессионального сообщества, способность к дальнейшему самообразованию и самореализации.

Осознание себя субъектом профессиональной деятельности, сформирование ценностное отношение к своей профессии, развитая мотивация к самообразованию и самосовершенствованию – вот те составляющие развитого профессионального самосознания, которая делает профессионала конкурентоспособным, зрелым и готовым к полной профессиональной самореализации. Поэтому задача выявления закономерностей и механизмов, лежащих в основе этих процессов, а также создание современных психолого-педагогических технологий

развития профессионального самосознания студентов входят в круг актуальных задач педагогической психологии.

В настоящее время в психологической науке сложился взгляд на профессиональное становление как на процесс, который не может быть сведен только лишь к профориентации и профессиональной подготовке в высшей школе, а пронизывает всю жизнь человека (К.А. Абульханова-Славская, А.Г. Асмолов, А.А. Деркач, Н.В. Кузьмина, А.К. Маркова, Мерлин В.С., В.И. Слободчиков и др.). В противовес знаниевому подходу, личностно-ориентированный подход предлагает не отделять профессиональное развитие от личностного. Профессионализация личности предполагает два взаимосвязанных компонента: во-первых, становление профессионального самосознания, развитие внутренних личностных структур индивида; во-вторых, формирование профессиональных знаний, умений, навыков, усвоение социально-профессиональных норм, становление личности как субъекта профессиональной деятельности. Стихийное, случайное, дисгармоничное становление профессионального самосознания продляет сроки адаптации выпускника вуза в избранной профессии, тормозит профессиональное становление личности, снижает конкурентоспособность.

Ведущим видом деятельности студента является учебно-профессиональная деятельность и становление профессионального самосознания является центральным образованием личности в этом возрасте. Профессиональное самосознание является инструментом самодетерминации и саморегуляции профессиональной деятельности, инструментом конструирования и саморазвития личности студента.

Профессиональное самосознание - сложное личностное образование, которое формируется под воздействием профессиональной среды. Профессиональное самосознание специфично по своему содержанию – его содержание относится к профессиональной деятельности и к себе, как к субъекту этой деятельности. В нашем исследовании модель профессионального самосознания представлена следующими ключевыми компонентами профессионального самосознания: когнитивный, аффективный, поведенческий (я-понимание, я-отношение, я-поведение). Мы выделяем трехкомпонентную структуру профессионального самосознания, поскольку она в общих чертах совпадает со структурой самосознания личности. [4,5,6,7].

В когнитивном компоненте высокий уровень развития профессионального самосознания характеризуется наличием знаний о сути своей профессиональной деятельности, представлений о своих профессиональных качествах, образ я-профессионал интегрирован с я-концепцией. В аффективном компоненте – это положительное отношение к себе, адекватная оценка себя как профессионала. Поведенческий компонент характеризуется наличием выраженного мотива к

самоактуализации, самореализации в профессии, стремлением к саморазвитию. Движущей силой развития профессионального самосознания является интериоризированное и актуализированное личностью противоречие между достигнутыми и желаемыми я-образами. Профессиональное самосознание динамично. Развитие компонентов претерпевают изменения и достигают в своем развитии определенных уровней, преобразуясь из разрозненного диффузного состояния в состояние структурированности и оптимальности. Критерии сформированности каждого компонента профессионального самосознания представлены в таблице 1.

Таблица 1. Система критериев сформированности профессионального самосознания

Уровень	Показатели сформированности компонентов профессионального самосознания		
	Когнитивный	Аффективный	Поведенческий
Низкий	Отсутствие реалистичных знаний о сути своей профессиональной деятельности, представлений о своих профессиональных качествах, представлений о профессиональных отношениях, представлений о перспективах профессионального развития. Образ я-профессионал диффузен, не связан с я-концепцией. Не выражен интерес к самопознанию, самопониманию, саморазвитию в профессиональной деятельности.	Отсутствует или проявляется неоднородно положительное отношение к себе, к субъектам профессионального взаимодействия, к профессиональной деятельности. Неадекватная оценка себя как профессионала, своих возможностей, качеств, своего места в профессиональной среде.	Неспособность к рефлексии, произвольной саморегуляции в профессиональной деятельности, слабовыраженное стремление к саморазвитию, самосовершенствованию, самоактуализации.
Средний	Присутствие разрозненных знаний о сути своей профессиональной деятельности, представлений о своих профессиональных качествах, представлений о профессиональных отношениях, представлений о перспективах профессионального развития. Образ я-профессионал слабо связан с я-концепцией. Слабо выражен интерес к самопознанию, самопониманию, саморазвитию в профессиональной деятельности.	Проявляется неоднородно положительное отношение к себе, к субъектам профессионального взаимодействия, к профессиональной деятельности. Неустойчивая оценка себя как профессионала, своих возможностей, качеств, своего места в профессиональной среде.	Ограничена способность к рефлексии, произвольной саморегуляции в профессиональной деятельности, слабо выражено стремление к саморазвитию, самосовершенствованию, самоактуализации.
Высокий	Наличие реалистичных знаний о сути своей профессиональной деятельности, представлений о своих профессиональных качествах, представлений о профессиональных отношениях, представлений о перспективах профессионального развития. Образ я-профессионал интегрирован с я-концепцией. Выражен интерес к самопознанию, самопониманию, саморазвитию в профессиональной деятельности.	Положительное отношение к себе, к субъектам профессионального взаимодействия, к профессиональной деятельности. Адекватная оценка себя как профессионала, своих возможностей, качеств, своего места в профессиональной среде.	Выраженная способность к рефлексии, произвольной саморегуляции в профессиональной деятельности, стремление к саморазвитию, самосовершенствованию, самоактуализации.

Современная педагогическая психология утверждает диалектическую взаимосвязь обучения и развития личности: вне обучения не может быть полноценного развития личности. Обучение стимулирует, ведет за собой развитие, в то же время опирается на него, но не надстраивается чисто механически. В.В. Столин отмечает, что множественность деятельностей приводит к множественности смыслов «Я», пересечение деятельностей – к конфликтным смыслам «Я», которые запускают дальнейшую работу самосознания. Таким образом, для формирования профессионального самосознания необходимо создание условий, в которых может быть осмыслена прошлая, настоящая и будущая профессиональная деятельность и место личности в ней [6].

К психолого-педагогическим условиям развития профессионального самосознания относят: профессионально-ориентированную информационно-насыщенную образовательную среду, активное взаимодействие с носителями профессиональных норм, ценностей и моделей поведения в учебном процессе и при прохождении практик, укрепление субъектной позиции в учебной и профессиональной деятельности, повышение субъективной значимости профессии, эмоционально-положительное отношение к профессии и к себе в профессии, актуализация внутренних психологических механизмов (рефлексия, идентификация, целеполагание) методами психологического воздействия. Авторы подчеркивают, что формирование профессионального самосознания начинается при профессиональном обучении в вузе, но этот процесс имеет свои особенности, которые проявляются по-разному на различных стадиях обучения [1,2,3].

Рассмотрим особенности развития профессионального самосознания на разных стадиях обучения:

Первая стадия – стадия адаптации. Первокурсники адаптируются к условиям и содержанию профессионально-образовательного процесса, осваивают новую социальную роль – студента, осваивают новую систему отношений. Ведущая деятельность – учебно-познавательная. Студенты обладают наивными и диффузными представлениями о специфике профессиональной деятельности, и на основе формальных показателей отождествляет себя с профессиональной ролью. Профессиональное самосознание проявляется в осознании своих профессиональных способностей, возможностей и перспектив, отмечается тенденция к завышению профессиональной самооценки. Развитие компонентов профессионального самосознания осуществляется поэтапно: на первом курсе на первый план выходит развитие когнитивного компонента.

Вторая стадия – стадия активизации. На втором и третьем курсе происходит развитие общих и специальных способностей обучаемых, интеллекта, эмоционально-волевой регуляции, ответственности за свое становление, самостоятельности. Ведущая деятельность – научно-

познавательная. Осуществляется коррекция представлений о профессиональной деятельности, которая ведет к изменению профессионального я-образа и коррекции профессиональной самооценки. Эти изменения могут сопровождаться эмоциональным дискомфортом из-за переживания рассогласования представлений о себе и профессиональных требований. Развитие компонентов профессионального самосознания осуществляется поэтапно: к середине обучения ведущую роль играет аффективный компонент, и важно сосредоточиться на развитии эмоционально-положительного отношения к профессии и к себе в профессии, способствовать актуализации рефлексии.

Третья стадия – стадия идентификации (четвертый курс). Важное значение приобретает формирование профессиональной идентичности, готовности к будущей практической деятельности. У студентов появляются новые, становящиеся все более актуальными ценности, связанные с материальным и семейным положением, трудоустройством. Происходит углубление представлений о профессиональной деятельности, формируется адекватная система критериев профессионализма, происходит повышение самооценки и адекватное построение профессионального образа-я с учетом своих профессионально-важных качеств. На основе осознания спектра профессиональных ролей, происходит формирование новых целей и перспектив. Это второй эмоционально нестабильный период, период переосмысления и уточнения различных вариантов профессионально-творческого саморазвития, трудоустройства и построения карьеры. Развитие компонентов профессионального самосознания осуществляется поэтапно: поведенческий компонент занимает центральное место, поэтому особое значение имеет с «погружение» студентов в реальную деятельность в рамках учебного процесса и при прохождении практик, на технологических площадках, с использованием учебных личностно-развивающих ситуаций и моделей будущей профессиональной деятельности.

Итогом прохождения данных стадий является самоопределение субъекта относительно профессионального труда и самоорганизация в нем, когда происходит смена учебно-профессиональной на профессионально-практическую деятельность и осознаются новые требования к личности. Выпускник приобретает новое качество, позволяющее саморегулировать свое профессиональное развитие.

References:

- [1] Barsukova A. D. Feature of formation of professional consciousness of students. Monograph. – M: ASV, 2009, 168 p.
- [2] Enns E.A. Professional self-consciousness and professional identity as a system of integral factor in the development of personality of

- students of helping professions // Scientific problems of humanities research. -2012. - № 4. -P. 169-174.
- [3] Efremov E. G. Feature of formation of professional consciousness at various stages of vocational training: dissertation of cand. of psych. sciences. Tomsk, 2000.
- [4] Markova A. K. Psychology of professionalism. - M, 1996. – 309 p.
- [5] Merlin V. S. Structure of the person: character, abilities, consciousness: the manual to a special course. – Perm: PGPI, 1990.
- [6] Stolin V.V. Consciousness of the person. – M.: MGU, 1983
- [7] Vachkov I.V. Polysubject approach to teacher's interaction // Questions of psychology. - 2007. - N 3. - P. 16-29.

Abdykalikova M., Issayeva Z.

THE ROLE OF MOTIVATION AND MEANINGS OF PERSONALITY SETTINGS TO THE SUCCESS OF PROFESSIONAL ACTIVITIES OF THE CIVIL SERVANTS

Abdykalikova Marta, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Associated professor of «Social-management technologies», The National School of Public Policy

Issayeva Zauresh, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Professor of «Social-management technologies», The National School of Public Policy

Abstract

The problem of public service efficiency, the quality of services in the new socio - economic conditions are on the agenda of the most countries of the world. Particularly, this problem is related to the countries with transition economy, including Kazakhstan, where there is a complex process of transformation of the role of the state along with the changes in social and economic relations. Both factors are depended on the creation of an effective system of public servants' performance indicators, their interest in achieving socially significant goals and objectives.

The study found that the success of civil servants due to peculiar orientation in their activities, which is determined by different settings, characterological properties associated with the peculiarities of motivational - semantic regulation, has a significant impact on the success of the activity, and which is different from the success and failure of public servants.

We focus on the impact that the focus of any activity (and professional) is given by the values and needs of the individual. The study used the methodology of the existence of conscious and unconscious needs by well-known psychologist, Maslow, its huge impact on the social life and the concept of the Russian scientist V.I.Garbuzov on seven basic instincts (needs) which are based on seven "primary personality profiles".

This article devoted to the following questions:

1. What are the unconscious, fundamental needs of civil servants, what are the relations between person's "primary profile" and "personal factors"?

2. Is there a marked preference for certain rules in successful and unsuccessful public servants?

3. Are these preferences are valid?

In order to find out the answer of these questions, it was necessary to determine what type of unconscious orientation is often chosen as the preferred material of stimulus projective successful and unsuccessful civil servants. We conducted an empirical analysis on the results of questionnaires and projective techniques, as well as the results of the statistical evaluation of this article

The analysis led to the following conclusions:

1) A successful civil servant is characterized as altruistic, and dignityfile and libertyfile types of personal's "primary profile". The dominance of altruistic instinctive orientation is a major factor in their socialized behavior.

2) successful socialized behavior of civil servants is shown in the developed self-control feelings and actions, outgoingness and ability to selflessly work in crisis situations. It makes them "a team – worker", "a reliable collaborator", responsible and loyal to the staff problems.

The second reason, in addition to express socialized behavior and ability to corporate interaction, is both organizational and intrapersonal openness to challenges.

3) Egofile and dignityfile types of person's "primary profile" are significantly more peculiar for a unsuccessful civil servant. The dominance of the first type significances prevent the formation of socialized behavior and corporate - egocentricity in the thinking and motives of actions, low capacity for voluntary regulation of behavior, lack of willingness to sacrifice personal interests for the sake of the general result, the frequent conflicts in interpersonal relationships.

4) The rules show their irresponsibility outwardly, "insecurity" in terms of force majeure, emergency situations and conditions in necessary organizational changes because of risk aversion, conservatism and anxiety about personal well-being.

5) A projective technique for the study of the dominant instincts may serve as a tool for rapid diagnosis. Its purpose is to forecast the success of the civil servants' performance with the competences like a position in the working relationship ("player", "single", "manager"), the ability to corporate behavior, the ability to innovative changes in the organization.

A successful civil servant is a mature person. A direct appeal to the problems, the intensity and autonomy solutions are the ways of achieving a self-actualization. An obstacle to personal growth and professionalism of an unsuccessful civil servant is to avoid any risk, and the usage of unconscious self-defense mechanisms such as problem solving in an unreal plan (flight from reality), denial of social demands (tolerance to criticism), the denial of the significance of the problem. The focus of successful civil servant in the work is

focused "on himself/herself" and "on task", while unsuccessful is focused " on himself/ herself " and " on the relationship ."

Keywords: public service, public administration, public servants, competences, performance, success of public employees

Introduction

In the new socio-economic conditions, the problem of efficiency of the public service, the quality of services rendered by it is on the agenda of most countries in the world. Especially, this problem occurs in countries with economies in transition, which include Kazakhstan, where along with changes in social and economic relations, there is a complex process of transformation of the role of the state. Therefore, it is urgent that the public service was adequate because of the rapidly changing needs of the population and the expectations of society and the changing functions of the state. Both factors largely depend on the creation of an effective system of performance indicators of public servants, their interest in achieving socially significant goals and objectives.

The main part

In our opinion, the use of modern methods of objective evaluation of civil servants has a particular importance in a market economy and democratic governance. Assessments on the eve of the certification, the head of the electoral process, the formation of personnel reserve for promotion, as well as in the ongoing reshuffle in personnel - these are the main practical aspects of valuation activity organizations. Evaluation is an integral and essential element in the structure of the control work of the administrative staff. It is a particular system that has a complicated structure, which allows to perform a regulatory function in respect of the activities of public officials assessed.

The study found that the performance of public servants connected to the peculiar orientation of their activities, which is determined by different settings, characterological properties associated with the peculiarities of motivational - semantic regulation, has a significant impact on the success of the activity, and which are different from the success and failure of public servants. Hence, to assess the determinants of successful activity of the state, we must consider the integrated subject matter - motivational sphere of personality. Because characterological qualities of man are much wider range of its interaction with the world, and the meaning of these properties, it may well be uncovered in particular motivational sphere of personality and personal orientation by chance associated with personal meaning.

The focus of all activities (including professional) is given by the values and needs of the individual. They, of course, imply the need, and perceived needs. Meanwhile, there is another series of needs, often unconscious person, but has a huge impact on her social life. Another famous scientist Maslow, in the center of scientific interest, which are human needs, pays

Social Science and Humanity #3 2016

attention to research that needs settings are organized in a hierarchical system of priority or dominance [1, 2]. It was only in the 90s. Maslow's twentieth century enlightenment was confirmed in a deep scientific concept of V.I.Garbuzov, that now accepted to practice by psychologists and psychotherapists. In a broad sense, it solves the problem of the relation of biological and social, conscious and unconscious person. According to this concept, the seven basic instincts (requirements) are based on seven "primary personality profiles." Primacy means the natural job. Unconscious installation ("profiles") are vitally important orientations in the sense that their compliance status and human activity provides the satisfaction and peace of mind ("a man in his place"). For example, when installing the dominance of altruistic personality prone to missionary and charitable activities, serving the social interests, etc. The role of plants in personal orientations, values and needs cannot be overestimated. As is known, the direction of the activity of human activity is determined by the dominance of a particular installation. From the dominance of a particular installation follows the primary, functional typology of personality [3, 4]. Below is a brief description of personality types, as necessary for our study.

For "egofile" type leading are self-centeredness, conservatism, willingness to sacrifice social needs for their own security, denial of risk, anxiety about their health and well-being.

"Genofile" type characterized by: love to their children, nepotism, care the safety and health of their children, the tendency to denial of the "I" in favor of "us" (the family), anxiety about the future of their children.

For the "altruistic" type leading are kindness, empathy. Disinterested in dealing with people, caring for the weak, the sick, the lame and miserable, peacefulness.

For "research" type: a tendency to study, to research, the tendency to look for new innovations in science, art, etc., the ability to not hesitate to leave their homes, well-established case when new, requires risk, willingness to deprivation, aspiration to creativity (creative priority needs), dedication to the realization of their creative aspirations.

For the "dominant" type: a penchant for leadership, predisposition to solving complex organizational tasks, the priority of career prospects of financial incentives, readiness for a tough fight for the leadership in the first place, the total priority (the collective interests of the state, in general case) over the private (the interests of one person).

For "libertofile" type: a tendency to protest, rebellion, a predisposition to change places (denial of everydayness), the priority of the trend towards independence, a tendency to reformism, revolutionary changes, intolerance to any form of restrictions, censorship, to the suppression of the "I".

For "dignitofile" type: intolerance of any form of humiliation, the willingness to sacrifice the well-being and social status in the name of dignity, honor and pride precedence over security, choleric and uncompromising

Social Science and Humanity #3 2016

directness in dealing with the leaders, intolerance to all forms of human rights abuses

Therefore, we asked the question: what are the unconscious, fundamental needs of civil servants as the associated "primary profile" person and "personal factors" (16PF), as well as directional orientation?

To answer these questions, it was necessary to determine what type of unconscious orientation (profiles) are increasingly choosing civil servants, some of the preferred stimulus projective material success and failure of public servants.

Methodology

In addition to the questionnaire, we used the projective technique. The advantage of associative projective technique consisted in the fact that the subjects by selecting the abstract images, they could not answer in the direction of social desirability and approval. So ruled motivational distortion results (dissimulation). To assess the reliability of frequency preferences (election) of a type of instinct used χ^2 -Pearson criterion. This criterion allows us to prove no accident preferences in the selection of a number of alternatives and to answer the question with which the same frequency there are different characteristic value from the theoretical and empirical distributions [5]. Another reason for the application χ^2 -criterion consists in the fact that we are dealing with the nominative scale features. We used it to answer two questions:

1. There is a pronounced preference for successful and unsuccessful civil servants of certain plants? (This is possible by comparing empirical and theoretical frequency distribution of the election).

2. Whether these preferences are valid?

Analysis of the data showed that in the group of successful public servants showed variation of frequencies in which they give (choose) a particular type of unconscious plants (Table 1).

Table 1 - Calculation χ^2 - criterion by comparing the empirical distribution of frequencies types instinct with uniform distribution.

	Distribution Type	Empirical frequency f_s	Theoretical frequency f_t	($f_s - f_t$)	($f_s - f_t$) ²	($f_s - f_t$) ² / f_t
1.	Egofile	10	30,5	20,5	420,2	13,7
2.	Genofile	26	30,5	-4,5	20,25	0,7
3.	Atruistic	66	30,5	35,5	1260	41,3
4.	Research	22	30,5	-8,5	72,3	2,4
5.	Dominant	12	30,5	-18,5	342,2	11,2
6.	Libertofile	32	30,5	1,5	2,25	0,07
7.	Dignitofile	46	30,5	15,5	240,3	7,9
Total		214				77,2

Social Science and Humanity #3 2016

The successful civil servants prefer such unconscious installations, as altruistic, and dignitofile, libertofile.

Notes: Perhaps, this distribution is random and therefore does not typical for this category? For proof check whether these types of uniform distribution.

Notes: The frequency distribution of seven types of unconscious orientation in a group of successful civil service does not differ from the uniform.

H1: The distribution of the frequency of seven types of unconscious orientation in a group of successful civil service differs from uniform.

$$f_{\text{theoretical}} = n / a; n - \text{total number of observations}$$

$$k - \text{the number of digits}$$

$$v = 1 - k = 6;$$

$$\text{Critical values } \chi^2 \text{ for } v = 6; \chi^2 = \begin{cases} 12,5 & (p \leq 0,05) \\ 16,8 & (p \leq 0,01) \end{cases}$$

$\chi^2 > (R \leq 0,001)$. Preferences frequency distribution differs from the uniform ($p < 0,01$). Therefore, it is not accidental and typical for this group of civil servants. The second question: is it possible to assert that the successful public servants do and they often prefer a more altruistic peculiar type of installation than dignitofile and **dignitofile** more than **libertofile** etc.? For this purpose, the first two mentioned comparable with other types of combining them in pairs. (Table 2)

Table 2 – Calculation criterion for pairwise comparisons of types of instinctive orientation in a group of successful public servants.

Type	Empirical frequency f_s	Theoretical frequency f_z	$(f_s - f_z)$	$(f_s - f_z) \cdot 0,5$	$(f_s - f_z) \cdot 0,5)^2$	$(f_s - f_z) \cdot 0,5) / f_z$	
1	Egofile	10	18	-8	7,5	56,2	3,1
2	Genofile	26	18	8	7,5	56,2	3,1
	Sum	36	36	0			6,2
1	Egofile	10	38	-28	27,5	756,2	19,9
3	Altruistic	66	38	28	27,5	756,2	19,9
	Sum	76	76	0			39,8
1	Egofile	10	16	-6	5,5	30,25	1,89
4	Research	22	16	6	5,5	30,25	1,89
	Sum	32	32	0			3,78
1	Egofile	10	11	-1	0,5	0,25	0,02
5	Dominant	12	11	1	0,5	0,25	0,02
	Sum	22	22	0			0,04
1	Egofile	10	21	-11	10,5	110,25	5,25
6	Libertofile	32	21	11	10,5	110,25	5,25
	Sum	42	42	0			10,5
1	Egofile	10	28	-18	17,5	306,25	10,9
7	Dignitofile	46	28	18	17,5	306,25	10,9
	Sum	56	56	0			20,18
2	Genofile	10	46	-20	19,5	380,25	8,26
3	Altruistic	46	46	20	19,	380,25	8,26
	Sum	56	92	0			16,52

Social Science and Humanity #3 2016

2	Genofile Research	26	24	2	1,5	2,25	0,09
4	Sum	22	24	-2	1,5	2,25	0,09
		48	48	0			0,18
2	Genofile	26	19	7	6,5	42,25	2,22
5	Dominant	12	19	-7	6,5	42,25	2,22
	Sum	38	38				4,44
2	Genofile	26	29	-3	2,5	6,25	0,02
6	Libertofile	32	29	3	2,5	6,25	0,02
	Sum	58	58	0			0,04
2	Genofile	26	36	-10	9,5	90,25	2,5
7	Dignitofile Sum	46	36	10	9,5	90,25	2,5
		72	72				5,0
3	Altruistic	66	44	22	21,5	462,25	10,5
4	Research Sum	22	44	-22	21,5	462,25	10,5
		88	88	0			21,0
3	Altruistic	66	39	27	26,5	102,25	2,62
5	Dominant	12	39	-27	26,5	102,25	2,62
	Sum	78	78				5,34
3	Altruistic	66	49	17	16,5	272,25	5,55
6	Libertofile Sum	32	49	-17	16,5	272,25	5,55
		98	98	0			11,10
3	Altruistic	66	56	10	9,5	90,25	1,6
7	Dignitofile	46	56	-10	9,5	90,25	1,6
	Sum	112	112	0			3,2
4	Research	22	17	5	4,5	20,25	1,19
5	Dominant	12	17	-5	4,5	20,25	1,19
	Sum	34	34	0			2,38
4	Research	22	27	-5	4,5	20,25	0,75
6	Libertofile Sum	32	27	5	4,5	20,25	0,75
		54	54	0			1,50
4	Research	22	34	-12	11,5	132,25	3,88
7	Dignitofile	46	34	12	11,5	132,25	3,88
	Sum	68	68	0			7,76
5	Dominant	12	22	-10	9,5	90,25	4,1
6	Libertofile Sum	32	22	10	9,5	90,25	4,1
		44	44	0			8,2
5	Dominant	12	29	-17	16,5	272,25	9,38
7	Dignitofile Sum	46	29	17	16,5	272,25	9,38
		58	58	0			18,76
6	Libertofile	32	39	-7	6,5	42,25	1,08
7	Dignitofile	46	39	7	6,5	42,25	1,08
	Sum	78	78	0			2,16

Defining critical χ^2 for $v=1$;

$$\chi^2_{kp} = \begin{cases} 3,841(p \leq 0,05) \\ 6,635(p \leq 0,01) \end{cases}$$

Comparison χ^2 empirical critical values to determine the types that are significantly more likely to prefer successful civil servants (Table 3).

Since $\chi^2_{emp} > \chi^2_{kr}$ ($p < 0.01$, $p < 0.05$), then the hypothesis H1 that altruistic unconscious orientation significantly more often manifests itself in the behavior of civil servants and the preferred successful than dignitofile and dignitofile often than libertofile and genofile. It should be noted that the frequency of preference (even though they were in this group) of such types as dominant, and Research egofile not reliable.

Social Science and Humanity #3 2016

Table 3 - Comparison χ^2 empirical critical values.

	Types	1	2	3	4	5	6	7
1	Egofile	-	-	-	-	-	-	-
2	Genofile	p<0,05	-	-	-	p<0,05	-	-
3	Altruistic	p<0,01	p<0,01	-	p<0,01	p<0,05	p<0,05	-
4	Research	-	-	-	-	-	-	-
5	Dominant	-	-	-	-	-	-	-
6	Libertofile	p<0,01	-	-	-	p<0,01	-	-
7	Dignitofile	p<0,01	p<0,05	-	p<0,01	p<0,01	-	-

Since $\chi^2_{emp} > \chi^2_{kr}$ ($p < 0.01$, $p < 0.05$), then the hypothesis H1 that altruistic unconscious orientation significantly more often manifests itself in the behavior of civil servants and the preferred successful than dignitofile and dignitofile often than libertofile and genofile. It should be noted that the frequency of preference (even though they were in this group) of such types as dominant, and Research egofile not reliable.

Before you make a comparative analysis of the "primary" section of personality conduct a similar study in a group of civil servants unsuccessful.

Can we say that the distribution of types of unconscious orientation of the group is not unsuccessful?

In other words, whether coincidental preference of certain types of plants?

Formulate a hypothesis:

Notes: The distribution of frequencies 7 types of unconscious orientation unsuccessful civil service group is no different from the uniform.

H1: The distribution of frequencies 7 types of unconscious orientation in the unsuccessful group of civil servants from different uniform.

Table 4 – Calculation χ^2 when comparing the empirical frequency distribution of 7 with a uniform distribution types

Definition		Empirical frequency	Theoretical frequency	$(f_s - f_t)$	$(f_s - f_t)^2$	$(f_s - f_t)^2 / f_t$
Type		f_s	f_t			
1	Egofile	5,2	29,7	22,3	497,3	16,8
2	Genofile	21	29,7	-8,7	75,7	2,5
3	Altruistic	19	29,7	-10,7	114,4	3,8
4	Research	19	29,7	-10,7	114,4	3,8
5	Dominant	19	29,7	-10,7	114,4	3,8
6	Libertofile	20	29,7	-9,7	94	3,2
7	Dignitofile	58	29,7	28,3	800	26,9
Total		208				60,8

$$f_{meop} = \frac{n}{k} = \frac{208}{7} = 29,7$$

Social Science and Humanity #3 2016

Define critical χ^2 for $v = kc-1 = 6$;

$$\chi^2 = \begin{cases} 12,5(p \leq 0,05) \\ 16,8(p \leq 0,01) \end{cases}$$

Since $\chi^2_{emp} > \chi$ kr ($p < 0.01$), but rejected. The distribution of frequencies and egofile, dignitofile types unconscious orientation is different from the uniform ($p < 0.01$), the preference is not accidental.

Table 5 – Calculation criterion for pairwise comparison of types of unconscious attitudes in a group of unsuccessful civil servants.

Type	Empirical frequency f_s	Theoretical frequency f_t	$(f_s - f_t)$	$(f_s - f_t) - 0,5$	$(f_s - f_t - 0,5)^2$	$(f_s - f_t - 0,5)^2 / f_t$
1 Egofile Genofile	52	36,5	15,5	15	225	6,16
2 Sum	21	36,5	-15,5	15	225	6,16
	73	73	0			12,32
1 Egofile Altruistic	52	35,5	16,5	16	256	7,2
3 Sum	19	35,5	-16,5	16	256	7,2
	71	71	0			14,4
1 Egofile Research	52	35,5	16,5	16	256	7,2
4 Sum	19	35,5	-16,5	16	256	7,2
	71	71	0			14,4
1 Egofile Dominant	52	35,5	16,5	16	256	7,2
5 Sum	19	35,5	-16,5	16	256	7,2
	71	71	0			14,4
1 Egofile Libertofile Sum	50	36	16	15,5	240,2	6,7
	20	36	-16	15	240,2	6,7
	71	72	0			13,4
2 Genofile Altruistic	21	20	1	0,5	0,25	0,01
3 Sum	19	20	-1	0,5	0,25	0,01
	40	40	0			0,02
2 Genofile Research	21	20	1	0,5	0,25	0,01
4 Sum	19	20	-1	0,5	0,25	0,01
	40	40	0			0,02
2 Genofile Dominant	21	20	1	0,5	0,25	0,01
5 Sum	19	20	-1	0,5	0,25	0,01
	40	40	0			0,02
2 Genofile Libertofile Sum	21	20,5	0,5	0	0	0
	20	20,5	-0,5	0	0	0
	41	41	0			0
2 Genofile Dignitofile Sum	21	39,5	-18,5	18	324	8,2
	58	39,5	18,5	18	324	8,2
	79	79	0			16,4
3 Altruistic Research	19	19	0	0	0	0
4 Sum	19	19	0	0	0	0
	38	38	0			0
3 Altruistic Dominant	19	19	0	0	0	0
5 Sum	19	19	0	0	0	0
	38	38	0			0
3 Altruistic Libertofile Sum	19	19,5	-0,5	0	0	0
	20	19,5	0,5	0	0	0
	39	39	0			0
3 Altruistic Dignitofile	19	38,5	-19,5	19	361	9,37
7 Sum	58	38,5	19,5	19	361	9,37
	77	77	0			18,74
4 Research Dominant	19	19	0	0	0	0
5 Sum	19	19	0	0	0	0
	38	38	0			0
4 Research Libertofile	19	19,5	-0,5	0	0	0
6 Sum	20	19,5	0,5	0	0	0
	39	39	0			0
4 Research Dignitofile ñ	19	38,5	-19,5	19	361	9,37
7 Sum	58	38,5	19,5	19	361	9,37
	77	77	0			18,74

Social Science and Humanity #3 2016

5	Dominant	19	19,5	-0,5	0	0	0
6	Libertofile Sum	20	19,5	0,5	0	0	0
		39	39	0			0
5	Dominant	19	38,5	-19,5	19	361	9,37
7	Dignitofile Sum	58	38,5	19,5	19	361	9,37
		77	77	0			18,74
6	Libertofile Dignitofile	20	39	-19	18,5	342,2	8,8
7	Sum	58	39	19	18,5	342,2	8,8
		78	78	0			16,16
1	Egofile Dignitofile	52	55	-3	2,5	6,25	0,11
7	Sum	58	55	3	2,5	6,25	0,11
		110	110	0			0,22

According to the empirical distribution, in unsuccessful civil servants often found dignitofile, egofile and installation . To substantiate the claim that the two types are preferred increasingly unsuccessful indeed, necessary statistical evaluation of reliability.

To this end, we compare these two orientations such instinctive other, combining them in pairs (Table 6).

We define critical χ^2 for $v = 1$:

$$\chi^2_{kp} = \begin{cases} 3,841(p \leq 0,05) \\ 6,635(p \leq 0,01) \end{cases}$$

Comparison χ^2 empirical with a critical value to determine the types that are significantly more likely to prefer unsuccessful civil servants.

Table 6 - Comparison χ^2 empirical with a critical value.

	Type	1	2	3	4	5	6	7
1	Egofile	-	p<0,01	p<0,01	p<0,01	p<0,01	p<0,01	-
2	Genofile		-	-	-	-	-	p<0,01
3	Atruistic			-	-	-	-	p<0,01
4	Research				-	-	-	p<0,01
5	Dominant					-	-	p<0,01
6	Libertofile						-	p<0,01
7	Dignitofile							-

Since $\chi^2_{emp} > \chi^2_{kr}$ ($p < 0,01$), the hypothesis H1 is accepted that egofile dignitofile and installation of unsuccessful behavior of civil servants appear significantly more often than others do. We draw attention to the fact that the frequency of the other alternative types of preferences are not reliable.

Based on the reliable frequency preferences (elections), the following generalizations on the "primary" section of the personality of successful and unsuccessful state employees. From the point of view of the unconscious systems, for successful civil service characterized by empathy and a desire to assist, responsiveness. Protecting the weak and in need of their support, serve

Social Science and Humanity #3 2016

the public interest makes their selfless (altruism). However, this "sensitive soul" applies not only to their account, they recklessly ready to defend their rights and honor, dignityfile. They are not afraid of changes either external or internal, independent, and sometimes stubborn revolutionary situation prefer routine, normal. They are optimistic and willing to take risks.

If you move the "Primary profile" of the individual in a particular plane, it becomes clear why these civil servants are evaluated as successful. First, expressed altruistic installation serve as the basis for the skills of corporate behavior, the ability to work in a team, to be loyal to the interests of a common cause, to respond to emerging issues and challenges involved in solving them. Dignitofile install manifest in the fact that this group of civil servants makes reckon with their opinion and to respect their rights. However, this does not appear rudely aggressive claims as altruistic type dominates. After all, he "... socializes personality tendencies and orientations" [6]. At that time, in the absence of the influence of the altruistic instinct carriers choleric temperament, for example, unproductive aggressive and sanguine - unstable and asocial, phlegmatic - socially inert, and all - self-centered. Successful civil servants are optimal staff not only in force - majeure circumstances, but also in other critical situations. In particular, the staff is not always capable of experiencing organizational crises, changes. Often in such cases, the resistance is observed.

This category also successfully going through crises and other innovative changes in the organization through libertofile settings. They do not focus on the gloomy forecasts, willingly losing all options, risks, and treat all as a source of new opportunities for self-development, testing and application of their abilities.

Personal radical in unsuccessful public servants is expressed by self-centeredness, worrying mistrust, denial of any risk and conservatism. Their credo: "health and safety – first" and "the life of one and the other will not". If you move in the plane of the service relationship, the manifestation egofile and dignitofile units will be as follows.

Forte – a requirement to reckon with them and defend their rights. Nevertheless, it does not cause the surrounding respect colleagues in case of successful. The reason lies in the dominance of self-centeredness. Work and interaction with "egofile" counterpart - it is always "the game with only one goal." They are dismissive of addressing the challenges and situations when you want to do "on the dash", remaining in overtime. In these situations on the innovation of the crisis and cannot be relied upon, they resist and criticize, avoid any super efforts. Excessive suspiciousness and sensitivity to his own person making the tension in interpersonal communication. This is the least "team players" and the people on whom they can rely. Their irresponsibility - not the result of lack of organization, and excessive self-care own safety, focus on your own personal well-being (not overworked, do not disturb your rest,

"that personally I get for this?", "This is not my problem", etc.). Networking is also complicated by the fact that they find it difficult to stand up to the point of view of the other, the other person's arguments are often not available (only hear themselves).

Conclusion

Evidence generated by questionnaire, projective technique and results of the statistical evaluation allowed us to draw the following conclusions:

1) A successful state employees significantly more frequently characterized by altruistic, dignitofile and libertofile types "Primary profile" personality. This dominance of altruistic instinctive orientation is a major factor in their socialized behavior.

2) Successful socialized behavior of civil servants is shown in the developed self-control feelings and actions, responsiveness and ability to selflessly work in crisis situations. This makes them "man command", "trusted collaborator", responsible and loyal to the collective problems. The second reason, in addition to express socialized behavior and ability to corporate interaction, is openness to change, both organizational and intrapersonal, if this serves the interests of the common cause. They are not only able to experience innovative organizational crises, but also willing to change internally to match. All of these symptoms, arising from a combination of instinctive orientation data, determine the shape of a successful public servant.

3) For a failed state employee significantly more peculiar egofile and dignitofile types of "primary" section of the individual. This dominance of the first type settings prevent the formation of socialized behavior and corporate - egocentricity in the thinking and motives of actions, low capacity for voluntary regulation of behavior, lack of willingness to sacrifice personal interests for the sake of the overall result, the frequent conflicts in interpersonal relationships.

4) The installation outwardly show their irresponsibility, "insecurity" in terms of force majeure, emergency situations and conditions necessary organizational changes because of risk aversion, conservatism and anxiety about personal well-being. They are less likely "team players" and responsible employees. All this forms the image of the civil servant, which makes them unsuccessful.

5) Projective techniques to study the dominant instincts may serve as a tool for rapid diagnosis for the purpose of forecasting the success of the activities of civil servants on how competences, such as: positioning in the working relationship

("player", "single", "Manager"), the ability to corporate behavior, capacity for innovation changes in the organization, etc.

Successful employees – mature personality, self-actualization which is achieved through a direct appeal to the problems, a proactive approach, the intensity and autonomy solutions. An obstacle to personal growth and

professionalism in unsuccessful efforts is to avoid any risk, and the use of such an unconscious self-defense mechanisms, such as problem solving in a surreal plane (flight into fantasy), denial of social demands (tolerance to criticism), the denial of the significance of the problem.

Dominating from successful employees and altruistic libertofile installation make them socialized behavior, responsive and dedicated to the force majeure conditions and ready for innovations, new ways. In contrast, the prevalence of egofile and dignitofile instinctive attitudes of unreliable unsuccessful in crisis situations and innovative. Determination of these plants is manifested in risk avoidance, conservatism due to concerns about personal well-being. Instinctive as the installation needs – purpose attach different meanings activity.

Successful employees – mature personality, self-actualization which is achieved through a direct appeal to the problems, a proactive approach, the intensity and autonomy solutions. An obstacle to personal growth and professionalism in unsuccessful efforts is to avoid any risk, and the use of such an unconscious self-defense mechanisms, such as problem solving in a surreal plane (flight into fantasy), denial of social demands (tolerance to criticism), the denial of the significance of the problem.

The focus of successful employees in the work focused "on" and "on task", while unsuccessful – "on" and "in the relationship." Given that the focus of orientation is a way to implement fundamental instinctive systems, unsuccessful in serving in the orientation of the directions of activities implemented by the need for self-preservation and self-defense, have successful – these orientations are made in the service of social interests, the pursuit of freedom and self-reliance, self-development.

Thus, in our research, it was found that the performance of public servants due to the peculiar orientation of activities, and it is determined by different settings in successful and unsuccessful public servants. It was also found that characterological properties of public officials affect the success of the activity, but only in connection with the peculiarities of motivational – semantic regulation, which are different from the success and failure of public servants.

References:

- [1] Howell L., Ziegler D., "Theories of personality", - St. Petersburg: "Peter" - p.487.
- [2] Maslow A., "Psychology of being", Translation from English / Ivaschenko S.N., Ralf-Beech M., Vakler, 1997, 300 p.
- [3] Stolyarenko L., Obschy D., "Psychological workshop", *RnD*, Phoenix, 2006.
- [4] Garbuzov, "VI Practical Psychotherapy", St. Petersburg: "Sphere", 1984, p158.

- [5] Sukhodolskiy G.V., “Basics of mathematical statistics for psychologists”, - L, LGU, 1972. – p 428.

PHILOLOGY

Khadzhieva T.M.

THE NART EPOS OF THE BALKARS AND KARACHAYS

Tanzilya M. Khadzhieva, Russia, Candidate of philological sciences A.M. Gorkiy Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

Abstract

This paper considers the Nart epic of the Karachays and Balkars, that presents one of the basic national versions of the Caucasian-wide entire Nartiade.

As the result of the close economic, political and cultural relations built up over the centuries between the Caucasus peoples, there is much in common in the diverse versions of the Nartiad. But with all their closeness, among each of the peoples of the Caucasus the Nart legends, in respect of their content and current cultural background, form, poetic style, style, and manner of performance, carry the traits of their national folkloric traditions and national colouring. So, particularly in the Balkaro-Karachay version, the Caucasus and local individual epic traditions harmonise with the epic traditions of the Turko-Mongolian peoples.

Keywords: the Nart songs and tales, large and small cycles, Teyri, the motif of a divine and miraculous birth.

Among the Balkars and Karachays, as also among other peoples who are bearers of the Nartiad, the legends consist of a series of large and small cycles. Each cycle is a group of small (in bulk) legends and songs about the appearance on the earth of the Nart tribe; about the various stages and events of the epic life of the heroes (birth, heroic childhood, the first exploit, marriage, the struggle with mythical monsters, with a blood enemy, etc.).

One of the cycles is formed of a series of legends that are grouped around the name of Nart heroes according to a biographical principle (Yoryuzmek and Satanay and others), others are according to a genealogical

one (Debet – Alaugan – Karashauay; Achey – Achemez, the son of Achey, Byodene – Rachikau).

The small cycles are composed of legends and songs about Nart heroes with names linked to a small collection of tale subjects and whose epic 'biographies' are not developed in detail.

Each cycle represents a sufficiently independent and complete group of legends, however all of the cycles are mutually linked (and sometimes even mutually dependent on each other). As a whole, the Balkaro-Karachay version of the Nartiad is a compositionally developed and complete epos: in it is reconstructed the life of the Nart tribe from its appearance on earth until its destruction or resettlement in heaven and underground world. S.-A.Urusbiev in his foreword wrote: "The legends about the Narts appear at first sight not to have among them anything in common, but on a closer examination it is impossible not to notice the internal links between them, as if between the parts of a single epic poem" [14, VIII].

According to the Balkaro-Karachay legends, the creation of the world and of the Narts is connected with the activity of the gods: Teyri of the Earth, Teyri of the Sun and Teyri of the Sky, who take a very active part in the fate of the Nart heroes.

In the legend "Teyri and the Narts" it is said: "Teyri of the Sun created the sun, Teyri of the Earth created the earth. The third thing to be created was the sea. When the sky and the earth were created, the people were created between them" [13, 117].

In the legend "About the first Nart Debet the Golden" [8, 304-305], in which there is a detailed description of the epoch of the 'first creation', the god creates from part of his body not only the universe but also the first man, the Nart blacksmith Debet. And in the epic text "Teyri", the Narts themselves speak about their divine origin:

Your blood flows in the Narts, Teyri,

The Narts are a part of your flesh. [8, 582].

Describing the Balkaro-Karachay Nart heroes, S.-A.Urusbiev wrote: "The Narts were a people of enormous height and immense strength, a people hardened in the endurance of difficulties and deprivations. They spent their life mainly in the search for dangers and adventures, in raids for the purpose of booty, and also in special journeys, called 'jortuuuls'... Everything that was obtained without special difficulty, not connected with dangers, was disagreeable to them... they searched for adventures such that they would be able to display their daring and strength to its full extent... At times that were free from jortuuuls, the Narts would organise amusement gatherings, in which they would give themselves over to bogatyr-type games and dances" [14, II].

The Narts were the embodiment of heroism and manliness. "They did not know what fear was, and they did not fear death", it is said in the legend "The birth of Sosuruk". "The one who died in battle with an enemy, they used

to consider as a relative of Teyri... The Narts would not forget the grave of a Nart who had died heroically... At these graves they used to swear by the names of Teyri of the Sky, Teyri of the Earth, Teyri of the Water and Teyri of the Fire, to be bold and not to retreat before the enemy" [8, 365].

The specific character of the portrayal of the Nart heroes depends on the heroic-epic aesthetics of the ancient epos. The idealisation of the majority of them starts already with the description of their birth and childhood. In this epos the motif of a divine and miraculous birth is linked to the images of all the basic Nart heroes.

Thus, in one of the variants of the legends about the birth of Debet, he was created by God, in another variant that was based on ancient mythological ideas, he was the son of Teyri of the Sky and Teyri of the Earth; Satanay was the daughter of the Sun and the Moon; Yoryuzmek appeared out of a star with a tail, which had fallen on to the earth; Sosuruk was the son of a stone; Karashauay was the grandson of Debet, and his mother was an emegen.

With the motifs of the miraculous birth of the Nart heroes there are linked also other constant archaic general folklore motifs: fantastically fast growth, the bogatyr childhood, the first exploit, and so on.

The motif of divine or miraculous birth predetermines also the extraordinary and exclusive nature of the heroes (Debet's heart and blood were of fire, he understood the language of fire, stones, beasts and birds and so on; the beautiful Satanay was a magician and a seer; the element of cold was subject to Karashauay, and he and his horse Gemuda could change their appearance, and so on.

The Nart heroes were not only endowed with various supernatural abilities, but they also possessed wonderful things: the keg (bowl) of Aguna, the cauldron with forty lugs, Yoryuzmek's sword, the talisman of Chyuerde and so on, and also they have magic helpers (most often of all this was the bogatyr horse of the Nart hero). All of these qualities of the heroes and of the things they possessed, were necessary for the Narts in the struggle with the various hostile creatures.

The specific character of the studied version is that its main epic theme is the struggle of the Narts with the mythological emegen-monsters. "Between the Narts and the emegens a continual struggle was carried on, in which thanks to their intellectual superiority the Narts always were left the winners". [14, III].

The emegens were not only the permanent epic enemies of the Narts, but they were the source of evil and chaos on the earth. Quickly multiplying their numbers (Alaugan's wife, an emegen woman, used to give birth to babies every three months; an old Emegen grandmother gives birth to a hundred emegens), these insatiable monsters used to devour every living thing. And in order to clear them from the earth, God created the Narts, who waged a ceaseless struggle with them [8, 305].

The Nart Yoryuzmek comes forward as the main destroyer of the emegens. He has, as do also other epic heroes like him, one task: the destruction of the monsters who violate the peaceful life of his tribe.

The coexistence in the epos of the Balkars and Karachays of the two epic traditions – the general Caucasus one and the Turko-Mongolian one – is especially vividly revealed in the legends relating the fate of the Nart tribe after they have annihilated all of their enemies on the earth. Alongside the legends which, as also apply among other bearers of the Nartiad, are about the destruction of the Nart race, there exist legends in which it is said that the Narts, having exterminated all of the monsters on the earth, left the earth by the orders of Teyri: some of them flew off to the sky on “wind-winged horses”, and others went away into the underground kingdom of Teyri of the Earth. Of course, “legends about the distinctive immortality of the favourite folk heroes are widespread in world folklore” [3, 110], but here even in a range of other cases, when we were examining the Turko-Mongolian parallels in the Balkaro-Karachay epos at the level of the tale subject, we took into account that some of them are general international tales, and we tried to handle only those that are the most favourite ones in the Turko-Mongolian epos and have a distinctive specific treatment in their epic tradition.

Many scholars have pointed out the ‘non-tragic character’ of the majority of epic works of the Turko-Mongolian peoples ([3, 109-110; 9, 86] and others). Also in the Balkaro-Karachay epos, in distinction from other versions of the Nartiad, almost all of the heroes are immortal [5].

One’s attention is drawn also to the fact that, although it is speaking about the resettlement in the sky of half of the Narts, in this epos the only ones to be specifically named are: Debet (“Debet, the heavenly blacksmith”), Yoryuzmek (“How the Narts abandoned the earth”), and Satanay (“Cultural achievements on the epic level”).

Even that, of course, is not accidental, but results logically from the connection of the heroes with the sky: they came on to the earth from the upper world and, as is inherent in the mythical epic tradition of many peoples, at the completion of their short sojourn in the earthly world “they return to their own – the upper world” [7, vol 1, 233].

At the same time the justification for the resettlement of these heroes is not only plainly specified, but is also mutually linked to all of the subject-matter complex of the epos of the Balkars and Karachays: they leave the earth after the fulfilment of their mission – Debet and Satanay, with whose names are connected the time of ‘first-items’ and ‘first-actions’, after fulfilling their civilising functions, and Yoryuzmek, after destroying evil on the earth (“Cultural achievements on the epic level”).

In the legend “Karashauay is not dead, he lives”, in which it is related how Karashauay, after exterminating the Narts’ enemies, left the Nart land and settled on Elbrus, we read: “Just why did Karashauay return there, to Elbrus? –

he returned there because when he was little, the glaciers (icicles) of Elbrus were for him a mother's breast, he was nourished by them. They say that no matter where a person is and no matter where he has wandered, towards old age he is drawn to the place where he grew up. That is why he returned to Elbrus" [8, 485].

It seems to us that it is precisely according to this idea of the Balkars and Karachays that their Nart heroes (moreover only the heroes connected with the archaic layer of the epic) "return to the place from where they have come"; Debet, Satanay and Yoryuzmek to the sky, Sosuruk to the stone and Karashauay to Elbrus.

The song tradition of the epos of the Balkars and Karachays is one of the strong original peculiarities of their epic tradition. It is specifically thanks to the song-verse form in which their epos exists that many of the archaic elements have been saved, which fact researchers of the Nartiad have also noted. Thus, S.-A.Urusbiev wrote that the Nart legends of the mountain tribes of the Caucasus, "passing from the mouth of one generation to another... underwent some alterations in details, but not among any of these tribes were there preserved the traditions arising from more remote times than these Balkarian ones." [14. I].

M.V.Rklitsky himself, when referring to innovations in the Ossetian epos, wrote "that the parts corrupted... by the absurdities of the location of the legends (i.e. the Ossetians), are restored to some extent in the legends of the Balkars, which are the most preserved from these influences" [11, 28].

The preservation of the Balkaro-Karachay legends was also remarked by B.K.Dalgat in his time [1, 85].

Among the Balkars and Karachays the Nart songs are called "Nart zhyrla", and the performers of the Nart songs are called "Nart zhyrchy", or simply "zhyrchy" (singer).

The first information about Balkar singers in pre-revolutionary publications came from the pen of P.Ostryakov: "With the profession of singer", he writes, "is combined the idea of truthfulness, and only an irreproachably honest man could be a singer. I had the possibility of meeting such a singer. He was an old man with a dark-complexioned open face, dressed very poorly; but one had to see with what respect those round him treated him, they were almost idolising him. The Princes Urusbiev gave me the opportunity to meet him. One had to see them too, educated, having travelled over nearly all of Europe, with what honour and respect they treated the venerable old man" [10, 701].

In the pre-revolutionary publications of the Nart epos of the Balkars and Karachays we also find information about the manner of performance of the Nart songs and legends. After noting that among the Balkars "a poetic work about the Narts is divided into songs" and "each song is performed on a completely special motif", P.Ostryakov writes that the zhyrchy sang these songs

“to the accompaniment of the sounds of a pipe and a *zurna*, or else simply to the accompaniment of striking with a staff” [10, 701-702].

A more detailed description of the forms of the musical performance and an analysis of the sung-story narratives of the Balkars and Karachays are given in the work of S.I. Taneev [4; 12].

The observations of N.M.Dryagin also seem valuable to us, regarding the character of the performance of the Nart works: “Observed strictly and piously are the “metre of the original”: the elder of the narrators silently follows the separate expressions, even the words, with which the stories are conveyed by his younger colleague” [2, 20].

In the people’s consciousness the Narts are not only associated with the concept of martial valour. Also connected with their names are certain categories of spiritual culture. It is significant that such examples of folk wisdom as sayings, proverbs, and aphorisms among the Balkars and Karachays are called “nart syosle”, (Nart sayings).

In the contemporary Karachayev-Balkar language the word “Nart” has not only the meaning of “Nart”, “hero” and “bogatyр”, but also “old” or “ancient”. Elderly Balkars and Karachays call the kingdom of the dead “nart duniya”, “the world of the Narts”. According to their ideas, the Narts, who during their life helped people and kept peace and tranquillity on earth, even from the “world of the Narts” try to help the human race: “they look at us from the world of the dead and, when some kind of misfortune is waiting for us”, their “sacred spirits... after changing into eagles, ravens or the forms of various beasts”, burst into the auls in the night with loud shouting and “inform the people about the forthcoming trouble”, it says in the legend “The resurrection of the Narts” [13, 552].

References:

- [1] Dalgat, B.K., “Stranichka iz Severo-Kavkazskovo bogatyрskogo eposa”, Etnograficheskoye obozrenie, Moscow, 1901, No 1.
- [2] Dryagin, N.M., “Analiz neskol’kikh karachayevskikh skazaniy o bor’be nartov s emmech”, Yafeticheskiy sbornik, Leningrad, 1930, Issue 6.
- [3] Zhirmunskiy, V.M., “Tyurkskiy geroicheskiy epos”, Leningrad, 1974.
- [4] Ivanyukov, I., Kovalevsky, M., “U podoshvy Elbrusa”, Vestnik Yevropy, Moscow, 1886, No 1.
- [5] Khadjieva T.M., “Motiv bessmertija v karachaevo-balkarskoy Nartiade”. // Funktsional’nostruktural’ny metod P.G.Bogatyreva. M., 2015. S.95-103.
- [6] Khadzhieva T.M. Religiozno-mifologicheskie motivy v nartskom epose karachaevtsev i balkartsev. // Istoriko-kulturnoe nasledie i duhovnye tsennosti Rossii. - M., 2012. S.477-487.
- [7] “Mify narodov mira”, Vol. 1-2, Moscow, 1980-1982.

- [8] Narti. The heroic epos of the Balkars and Karachays / Sostaviteli R. A-K Ortabayeva, T.M.Khadzhieva, A.Z. Kholayev. Vst.st., komm. i glossary T.M.Khadzhievoy. Perevodı T.M.Khadzhievoy , R. A-K. Ortabayevoy. – Mosckva: Nauka, 1994.
- [9] [Neklyudov, S.Yu., “Geroichesky epos mongol’skikh narodov”, Moscow, 1984.
- [10] Ostryakov, P., “Narodnaya literatura kabardintsev i ee obraztsy”, VE, 1879, Vol. 4, Book 8-9.
- [11] Rklitsky, M.V., “K voprosu o nartakh i nartsy skazaniyakh”, Izvestiya Osetinskovo NII krayevedeniya, Vladikavkaz, 1927, Issue 2.
- [12] Taneev, S.I., “O Muzyke gorskikh tatar”, VE, 1886, Vol. 1, Book 1, pp.94-98.
- [13] The NARTS. The heroic epos of the Karachay and Balkar people. Compiled by Tanzilya M. Khadjieva, Azret Z. Kholayev, Rimma A.-K. Ortabayeva. Introduction, Commentary and Glossary by Tanzilya M. Khadjieva. Translated from the Russian by David G. Hunt. M.,
- [14] Urusbiev, S.-A., “Skazaniya o nartsikh bogatyryakh u tatar-gortsev Pyatigorskono okruga Terskoy oblasti”, Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostey i plemen Kavkaza, Tiflis., 1881, Issue 1, Part 2.

Kameneva E., Murugova E.

PRIMARY IMPORTANCE OF SECONDARY NOMINATION IN FORMATION OF FUNCTIONAL WORDS IN MODERN ENGLISH

Elena Kameneva, Don State Technical University, Russia,
Postgraduate, Don State Technical University, the Socio-Humanitarian
Faculty

Elena Murugova, Don State Technical University, Russia,
Professor, Doctor of Linguistics, the Socio-Humanitarian Faculty

Abstract

This article is devoted to exploration of the process of secondary nomination expressed by the derived prepositions and conjunctions in modern English, its realization in language by different word-building types and patterns.

Keywords: secondary nomination, word-building, derivatives.

Introduction.

This paper involves the study of secondary nomination expressed by derived prepositions and conjunctions in modern English.

People explore the reality all the time: during this process a person faces new phenomena in the reality. By reflecting on various sides of a phenomenon a person tries to define them fixing this experience by means of language. The theory of nomination involves a process of fixation of new structures, new concepts in a language. Many attempts to explain the interaction of thinking, reality, and language are made with the help of the theory of nomination [1]. This interaction becomes apparent in the process of nomination where sense, objects of reality, and language are connected. An act of nomination implies fixed connection of an object with its name, a phenomenon and its definition, a mind's structure and its object [2]. A process of categorization of any phenomena, their systematization, according to human intelligence and logic, is realized only by an act of nomination. Any language is considered to be a necessary means for forming a new word to express new meanings fixed in new concepts which appeared as the result of reality exploration. Knowledge of language is essential for word-formation as to

describe a new object of reality any person firstly tries to find an available unit in a language. In this case language units are accumulated. In case of the absence of such a unit a person is to create a unit with the new meaning [3]. Due to language units, it is to define which characteristics of an object a person can single out as people are able to apprehend new information only on the base of available ideas in their mind. More and more language units tend to be formed in language nowadays as modern people acknowledge new characteristics of already explored objects. In modern language the considerable amount of language units are formed in the process of secondary nomination compared with primary nomination. A person uses available language units in a new way of nomination. That is why derivation is very important for any language as with its help it is possible to describe the relationship of a person with the reality not increasing the store of available linguistic units [4]. Almost all new words are derivatives. A word-building modelling makes it possible to fix new structures of knowledge and new concepts in a language. The process of secondary nomination implies different interpretation of the already explored reality, discovery of new characteristics of objects in reality by a person. These processes are immediately reflected in language by transformations of language units because a derived word is not a simple repetition of already existing language unit; it obtains its own meaning where a formed concept is expressed.

As the theory of nomination is still relevant, it is in the focus of many studies nowadays. V. Kolshansky differentiates 3 types of nomination:

1. a lexical type: where a word or phrase is in the focus of the process of nomination because this process is realized by a word or phrase;
2. a propositional type: where a sentence is in the focus of the process of nomination;
3. a discourse type: where a whole text is in the focus of the process of nomination [5].

V. Gak singles out initial and repeated types of nomination. Initial nomination is defined as the formation of a language unit which is used in its primary function to denote a concrete object in a concrete situation. Repeated nomination takes place in speech and it names an earlier mentioned object in a concrete context person, object or quality. Then, V. Gak differentiates primary and secondary types of nomination. Primary nomination is synonymous to initial nomination. Secondary nomination is defined as a type of nomination in which already existing language units are used in a new way of nomination to name a new object [6].

U. Stepanov classifies nominations into two types: direct and indirect types of nomination. His definition of direct nomination coincides with the definition of primary nomination proposed by V. Gak. Direct nomination is defined as the formation of a language unit which is used in its primary function denoting an object of reality. Indirect nomination implies naming of an object

of reality not with the help of available words specially used for naming but with the help of phrases, sentences, and texts [7].

According to the available literature evaluation, we are to admit, that despite diverse terminology and several approaches within the theory of nomination, different classifications of types and typology of nomination proposed by scientists intersect. According to such linguists as E. Aznaurova, E. Kubryakova, V. Teliya, there are two types of nomination: initial (первичный) and secondary types. The secondary type is divided into secondary and indirect nomination. Secondary nomination is defined as the use of an available language unit to denote new meaning [8].

In this study we don't aim at the exploration of different types of nomination and its typology that is why nomination and its types are considered in the general outline. In this study primary nomination is defined as formation of a language unit which is used in its primary function to denote a concrete object in a concrete situation. Secondary nomination is defined as a type of nomination in which already existing language units are used in a new way of nomination to name a new object. Secondary nomination is multi-aspect. Already existing language units which are used in a new way of nomination have two-faced nature which can be realized in language either by the use of language units without any changes by means of different interpretation (e.g. metaphor, metonymy), or by their reorganization (formation of new language units from already existing ones due to concrete patterns in word-formation and syntax. According to V. Gak, the change from primary nomination to secondary one is realized by means of semantic and grammatical transformations [9].

Taking into account the nature of primary and secondary nomination, in this paper we consider the following types of nomination of prepositions and conjunctions:

primary nominations are prepositions and conjunctions formed specially to name relationship between different objects,

secondary nominations are already existing language forms which nominate prepositions and conjunctions in their secondary function.

In English, the considerable amount of prepositions is the result of the process of primary nomination (60,5%). The majority of conjunctions, though, is the result of the process of the secondary nomination (69,5%) [10].

The vast majority of second nominations expressed by prepositions and conjunctions is the result of the derivational process. In this research derivation is defined as formation of derivatives on the base of other initial language units. The structure of a derivative can be explained only with the help of the language units constituting this derivative. The formation of a derivative is the result of close interaction between two parts of speech in a word-formation process where a connection between a derivative and a motivating word can be direct (teach – teacher) and indirect (read - readable –readability), and a sense

connection can be expressed in a literal, figurative, or metaphorical way (blockhead) [11].

As secondary nomination is a focal point of our research, we are interested in possible ways of its realization in language. One of them is a word-building way. In our study the most productive type of word-formation of prepositions and conjunctions in modern English is conversion, which is also considered to be the most productive word-building type in modern English. The treatment of conversion has been intensely discussed that is why there are three different approaches within the study of it, that is morphological, syntactic, and morphological-syntactic.

According to the morphological approach, H. Sweet firstly used this term in "A new English Grammar". Later, A. Smirnitsky suggested that conversion was a purely morphological way of forming words, as only the word paradigm is used as a word-building means. But, the linguists, who hold this view, should admit the fact that conversion doesn't exist for the parts of speech or numerous word-pairs where either the basic form or the derived word have no paradigm, i.e. they don't change. But, it is difficult to agree with this point of view, as conversion also involves unchanged parts of speech, and syntactic characteristics of words are not taken into account.

According to the syntactic approach, conversion is a purely syntactic word-building means. A. Kennedy, L. Bauer, D. Crystal regard conversion as a functional change which concerns usage of different words and not their word-formation. But, if conversion is a functional change, it implies that one and the same word can belong to several parts of speech simultaneously, which contradicts a definition of a word as a system of forms belonging to a definite part of speech.

According to the morphological-syntactic approach, conversion is treated as a morphological-syntactic word-building means which involves both a change of the paradigm (if there is any) and a change of the syntactic function of the word, the basic form of the original and the basic form of the derived word are homonymous (V. Yartseva, A. Zagoruiko, I. Arnold). In our research we treat conversion as a morphological-syntactic word-building means. There is word-formation without any changes of the basic form of the original word, but there are new syntactic and morphological characteristics, as a new word belongs to another part of speech compared with the original one. The word has new meaning, new grammatical characteristics, and new paradigm.

The considerable amount of the derived prepositions in modern English is formed by conversion - 12,5% (16 units), e.g.:

"The house is further **up** the hill" (BNC).

"The centre was constructed **around** the local lake" (BNC).

As for the derived conjunctions in modern English, the vast majority of them was formed by conversion - 34% (20 units), e.g.:

"**Immediately** she appeared, I remembered her name" (BNC).

“Do it **before** Colonel comes” (BNC).

Word-composition is a highly productive type of word-formation, though it is very old. It is less productive than conversion in the formation of prepositions and conjunctions in modern English. In the frame of this research we agree with the definition given by A. Zagoruiko who characterizes the process of word-composition as the formation of a compound word by means of joining together only two stems which are free stems [12]. Word-formation involves formation of compounds which are inseparable vocabulary units. Compounds are characterized by their semantic unity which means that the meaning of a compound is not always a simple total of meanings of its constituents. Structurally compounds are divided into:

1. compounds that are formed by placing one constituent after another in a definite order;
2. compounds that are formed by joining together the stems with a special linking element, i.e. the linking vowels and consonants;
3. compounds that are formed by joining together the stems with a prepositional or conjunctive stem;
4. compounds that are formed by joining together the stems of shortened words;
5. compound derivatives.

It is to note that in our research derived prepositions and conjunctions in modern English are formed by placing one constituent after another in a definite order.

4% (6 units) of the derived prepositions were formed by word-composition, e.g.:

“After the announcement Dr. Scott got thousands **upon** thousands of letters on his table” (BNC).

“Move the books **onto** the second shelf” (BNC).

20% (12 units) of the derived conjunctions were formed by word-composition, e.g.:

“Some of pieces of the research show positive results, **whereas** others do not” (BNC).

“**Although** it was raining, it was not too much cold” (BNC).

Affixation is a productive word-formation means within the confine of our research. In our study it is defined as the formation of words by adding derivational affixes to different types of bases. Affixes are divided into prefixes and suffixes. It means that affixation is divided into prefixation and suffixation. There is a difference between prefixal and suffixal derivatives. This difference is obvious not only in their position in the word, but also that prefixes are able to change only the meaning of the word, while new words belonging to another part of speech are formed with the help of suffixes. In the frame of our research derived prepositions and conjunctions in modern English are formed by suffixation.

Social Science and Humanity #3 2016

7% (10 units) of the derived prepositions in modern English were formed by affixation (suffixation), e.g.:

“Sorry, but, **considering** these circumstances, you lose this job...” (BNC).

“Everybody was for Jane **including** Annie” (BNC).

8,5% (5 units) of the derived conjunctions were formed by affixation (suffixation), e.g.:

“We will buy everything you produce, **provided** of course the price is right” (BNC).

“**Assuming** he’s still alive, how old would he be now?” (BNC).

Another word-formation means revealed in our research is shortening. This ancient word-formation means has become very productive in modern English. Shortening is defined as a morphological type of the word-formation which involves the omission of some part of the original word. There are three types of shortening in modern English:

1. apheresis takes place when the initial part of a word is shortened;

2. syncope takes place when the middle part of a word is shortened;

3. apocope takes place when the final part of a word is shortened.

In our research the vast majority of derived prepositions and conjunctions are formed by means of apheresis and syncope.

10% (14 units) of the derived prepositions were formed by shortening, e.g.:

“Every year they play **‘gainst** the league champions every year” (BNC).

“The burglar got in **thro’** the window” (BNC).

7% (4 units) of the derived conjunctions were formed by shortening, e.g.:

“I did **‘cause** I felt so” (BNC).

“Molly was fond of him, **tho’** he often annoyed her” (BNC).

Sound alteration is another word-formation means which was detected in formation of derived prepositions and conjunctions in our study. Sound alteration is not productive in modern English. It is preserved in language as the vestige inherited by English from the earliest stages of its development. Sound alteration is defined as a word-formation means which is realized by the phonetic change of a root.

15% (8 units) of the derived prepositions were formed by alteration, e.g.:

“Hey, fellow, you gotta try it **agin’**” (BNC).

“The door was **betwixt** 3 windows” (BNC).

Conjunctions formed as the result of alteration were not detected.

Material and methods.

The subject of this research is a cognitive base and a linguistic way of formation of the derived prepositions and conjunctions' formation in the process of secondary nomination in modern English. The units of analysis are the derived prepositions and conjunctions of English (137 prepositions and 59 conjunctions) selected by means of continuous sampling from such lexicographical sources as "Oxford Dictionary of English", "Collins dictionary", "Free Dictionary", "Oxford Advanced Learner's Dictionary", and also from "The British national Corpus" and "The Corpus of Contemporary American English". 54 (39,5%) derived prepositions and 41 (69,5%) derived conjunctions expressing a category "Relation" in their secondary function were thoroughly examined. A whole complex of methods was used in this research: word-building, component, distributional, contextual, conceptual, quantitative types of analysis, and conceptual and cognitive methods.

Results.

This study made it possible to reveal the structural characteristics of the derived prepositions and conjunctions formed in the process of secondary nomination. Thus, 54 (39,5%) derived prepositions and 41 (69,5%) derived conjunctions of modern English were thoroughly examined. The analysis of the structural characteristics showed that formation of the derived prepositions differed from that one of the derived conjunctions. The most productive word-building means in formation of both prepositions (12,5%) and conjunctions (34%) is conversion. The number of the derived prepositions (10%) formed by shortening doesn't differ much with that of the derived conjunctions (7%), but in the confine of this examination shortening is the least productive word-building means for formation of conjunctions in modern English. The number of the prepositions (7%) formed by affixation is not significantly different to the number of the analogically formed conjunctions (8,5%). The least productive word-building means for formation of the derived prepositions (4%) is word-composition. Though, it is very productive in formation of the conjunctions (20%). The number of prepositions formed by alteration is 6%, whereas conjunctions formed in an analogical way were not detected.

The revealed results emphasize the essential role of secondary nomination in the process of formation of language units, as the exploration of the reality and its reflection is realized by secondary nomination. The interaction of the way of thinking, reality, and language becomes apparent only with the help of secondary nomination. In modern language the considerable amount of language units are formed in the process of secondary nomination compared with primary nomination. A person uses available language units in a new way of nomination which is realized in language by derivation. That is why derivation is very important for any language as with its help it is possible to describe the relationship of a person with the reality not increasing the store of available linguistic units. Secondary nomination is defined as a type of

nomination in which already existing language units are used in a new way of nomination to name a new object. In this study there was an attempt to demonstrate the process of secondary nomination in the way of reorganization of language units.

References:

- [1] Gak V. G. Yazykovye preobrazovaniya. Moskva, 1998. Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: na puti polucheniya znany: Chasty rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira. Moskva, 2004.
- [2] Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: na puti polucheniya znany: Chasty rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol yazyka v poznanii mira. Moskva, 2004.
- [3] Kubryakova E.S. Nominativny aspect rechevoy deyatel'nosti. Moskva, 1986.
- [4] Kravets Y. Y. Nominativny aspect yazyka. Suschnost vtorichnoy nominatsy. Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. № 2 (19), 2012.
- [5] Kolshansky G. V. Nekotorye voprosy semantiki yazyka v gnoseologicheskom aspekte. Moskva, 1976.
- [6] Gak V. G. Yazykovye preobrazovaniya. Moskva, 1998.
- [7] Serebrennikov B. A. Yazykovaya nominatsya. Vidy naimenovaniy, 1978.
- [8] Serebrennikov B. A. Yazykovaya nominatsya. Vidy naimenovaniy, 1978.
- [9] Gak V. G. Yazykovye preobrazovaniya. Moskva, 1998.
- [10] Murugova E. V., Kameneva E. A. Interaction peculiarities of formal and notional parts of speech. Journal International Scientific Publications: Language, Individual and Society. Vol. 5, 2011.
- [11] Murugova E. V. Linguokreativnost cheloveka na rubege 20-21 vekov. Lambert, 2012.
- [12] Zagoruiko A. Y. Lecture on lexicology of modern English. Rostov-on-Don, 2005.

Trendevska S.

LINGUO-CULTURAL ASPECT OF USING ENGLISH INTERNAL LEXICAL BORROWINGS IN CONTEMPORARY RUSSIAN AND MACEDONIAN LANGUAGES

Trendevska Sandra, Republic of Macedonia, Belgorod National
research University, PhD student

Abstract

The article demonstrate the linguo-cultural aspect in analyzing interrelation of language and culture. The main attention is focused on internal lexical borrowing in Russian and Macedonian languages. The research include comparative study of interaction between societies and the English influence on contemporary Russian and Macedonian lexicology. The given research covers determination of necessity, but also excessiveness in using borrowed words.

Keywords: Linguoculturology, Lexicology, English borrowings, Russian language, Contemporary linguistics, Macedonian language.

Введение. Взаимодействие и соотношение языков в условиях усиленных контактов, динамичность развития языкового состояния в контексте глобализации, исследование лингвокультурологического фактора в формировании современной языковой картины являются значимые и актуальные вопросы, которые представляют большой интерес для современного языкознания. Являясь частью полинациональных языков межвариантные заимствования и вариативность языка, которыми показывается характеристика активных языковых процессов, требуют необходимость в теоретического осмысления нововозникших понятий. В условиях, когда на мировом уровне английский язык с второй половины XXв. оказывает огромное влияние почти на всех языков, становится ясно, что нужно по-новому отнестись к проявленной вариативности английского языка. Так, важно отметить, что существенные изменения выражены не только в структуре, количестве и соотношении вариантов английского языка, но и в понимании таких вариантов и их отношении с другими словами в предложении и речи говорящих. Для определения

причинности возникновения межвариантных заимствований в русском и македонском языках необходимо изучить значение лингвокультурологии, где с помощью прецедентных текстов можно установить семиосферу, т.е. общечеловеческую культуру, в которой развиваются англоязычные межвариантные заимствования. Именно прецедентные тексты являются основной компонентой для формирования лингвокультурной компетенции, которая указывает на говорящего в социально-культурной группе, эпохе, коллективе, определяя, таким образом, речевую и общую культуру. Однако стоит сказать, что по структуре предложения можно выявить и образ мышления народа. Сопоставительный метод исследования языков мира дает сведения, что в японской культуре заимствуются англоязычные термины лишь в отраслях, где необходимо подчеркнуть индивидуальность. Такое явление характерно, прежде всего, для научно-технологической области. Противоположностью такого применения английский слов становится весьма незначительное их употребление в межличностных отношениях. Строение предложений и словосочетаний в русском и македонском языках образуется формой свободного размещения слов в произвольном порядке, пока для английского языка характерны готовые речевые формулы и сочетания, которые представлены в виде ясных схем. Мало сказать, что лингвокультурология обращает внимание только на существующие изменения в языке, которые не встречаются в другом языке. Она тщательно исследует хранение и кристаллизацию национального мировоззрения и их связь с новыми специфическими понятиями. Ассоциации межвариантных слов из английского языка вошедшие в русский и македонский языки составляют уникальную систему, оказывают влияние на говорящего, а также, меняют и концептологию таких слов. Следует отметить, что носители каждой лингвокультурологии обладают своим корпусом понятий, которые не знакомы членам остальных лингвокультур. Употребление межвариантных слов означает принадлежность не только к определенной национальности, но и характеризуется более узким значением, как например принадлежность к социальной, политической, возрастной группе и т.д. В книге посвященной именно такому вопросу Зинаида Сабитова в книге «Лингвокультурология» выделяет два вида прецедентности:

- автопрецеденты, отображение познавательных или эмоциональных значений в сознании индивида
- социумно-прецедентные феномены, которые известны для всех носителей данной культуры [Сабитова 2013, с. 213].

Материал исследования. Языковое толкование событий бывает различным в разных лингвокультурах. Это можно объяснить тем, что «нормы нужны для того, чтобы можно было их нарушать и таким образом обыгрывать новые неожиданные коннотации», подчеркивает С.Г. Тер-

Минасова. [Тер-Минасова 2008, с. 344]. Анализ «внутренней формы» является важной стадией лингвокультурологического подхода к усвоению синтаксических единиц, которые имеют огромную важность не только для слова, но и для предложения. При сопоставительном анализе межвариантных слов между русским, македонским и английским языками выделяются национально-специфические способы передачи значения субъекта действия, концептуализации действия, а также и усвоение действия. Зинаида Сабитова в своей книге «Лингвокультурология», говоря по поводу отражения грамматических форм на окружающую среду высказывает мнение В.В. Колесова, который заявляет, что «ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Сабитова 2013, с. 307]. Основываясь на теории, что не существует язык, который принадлежит только одному народу, становится необходимо подчеркнуть, что исследовать только лексические единицы является недостаточным. Для уточненного анализа стоит еще обратить внимание и на грамматические элементы. Собрать культурную информацию для воздействия межвариантных заимствований на русский и македонский языки является непростой задачей, но именно с помощью ей можно обнаружить культурно-национальную коннотацию. Это дает сведения о том, что благодаря этой черте лингвокультурологические единицы оказывают влияние на современную русскую и македонскую ментальность. Для теоретического осмысления лингвокультурологической лексикографии требуется обращение к словарям, в которых установлен объем и содержание английских единиц. По этому поводу мы пользовались толковыми словарями русской и македонской речи, лексиконами иностранных терминов, энциклопедического, этимологического, синонимического, антонимического словарями. Науке известно, что с помощью языка человек заявляет миру о себе, своей культуре, принадлежности к «своим» и отличие от «чужих». С помощью такого группирования люди противопоставляют остальному миру, что представляет естественность для культуры. Следует сказать, что свою культуру человек воспринимает как родную, она для него является критерием для оценки других культур, и очень часто ее понимает как лучшим способом жизнедеятельности. Такое положение культуры в межкультурной коммуникации называется этноцентризмом. При ознакомлении с фактором лингвокультурологии важным является изучение и лингвоперсонологии, которая раскрывает многоплановость, объективность и концептуальность личности, которые дают основное понятие о влиянии межвариантных слов не только на группу людей, но и на индивидуума в русском и македонском обществах. Такое аксиологическое наблюдение приводит к составлению ценностных преимуществ на базе англоязычных заимствований. Отмечаем, что

полинациональные языки требуют изучения их вариантов, которые стали предметом исследования для много русских и зарубежных лингвистов, как Д. Брозович, Е.А. Реферовская, А.И. Домашнев, В.Н. Ярцева и т.д. Недостаток этого вопроса является то, что он недостаточно разработан в македонском языке, и ограничивается на частичные исследования современного состояния языка, которые касаются прежде всего лексики. Русский и македонский языки также следует считать полинациональными, имея в виду, что русский употребляется в бывших республик СССР, а македонский в бывших республик Югославии, а и шире на севере Греции, в западной Болгарии и восточной Альбании. Когда один язык используется в нескольких странах, в нашем случае речь идет об английском, то следует отметить, что он может не иметь одинаковые черты и нередко приобретает языковые характеристики среды, в которой употребляется.

Результаты исследования. Отметим, что американский английский менее сложен для восприятия, потому что его основой является разговорный стиль, пока лексика британской модели английского языка имеет существенные отличия. Таким образом, возникли американские слова, которые по сей день употребляются в британской модели, как например:

- drugstore – аптека, магазин
- corn dodger – кукурузная лепешка
- gap – горный проход
- lot – участок земли
- moose – американский лось
- corn – кукуруза (а в британском варианте означает любое зерно)

Среди терминов, принадлежащие к специальной терминологии появились такие, как:

- railroad – железная дорога
- transportation – железнодорожный билет
- coach – пассажирский вагон с местами для сиденья
- slush money – деньги для подкупа лиц

В активный запас лексики македонского языка употребляется слово «drugstore» с значением «магазин». С таким заимствованием, можно встретить македонские выражения, как например:

- Во непосредна близина се отвори нов *драгстор*.
- *Драгсторот* изобилува со најновите производи од колекцијата за нега на лице.
- *Драгсторите* на главната улица добија ново руво.
- Од *драгсторите* за храна се ширеше миризба на свежо печени кикиритки.

Развитие экономики и новых технологий в США дали характерные варианты лексических единиц, как например:

Американский английский	Британский английский	Американский английский	Британский английский
apartment	flat	yard	garden
baggage	luggage	candy	sweet(s)
vacation	holiday	movie	film
elevator	lift	aerial	antenna
fall	autumn	indicator	blinker
homely	ugly	booking	reservation
biscuit	cookie	chemist	pharmacist
catapult	slingshot	reception	front desk
soccer	football	term	semester

Таблица 1.

В русском и македонском языках часто встречаются английские межязыковые вариантные заимствования, среди которых наиболее употребляемые являются:

Русский язык	Македонский язык	Русский язык	Македонский язык
апартамент	апартман	антенна	антена
багаж	багаж	индикатор	индикатор
елеватор	елеватор	резервация	резервација
бисквит	бисквит	фармацевт	фармацевт
вакансия	вакансија	рецепция	рецепција
фильм	филм	семестр	семестар

Таблица 2.

Английский язык обладает и вариантными словосочетаниями, которые оказали огромное влияние и на русского и македонского языков, среди которых наиболее часто употребляются:

Британский английский	Американский английский
financial year	fiscal year
hoarding	billboard
postcode	zip code
public transport	public transportation
soya	soy
starter	appetizer
faith school	parochial school

Таблица 3.

Следует подчеркнуть, что английские межвариантные словосочетания, рассматриваемые с точки зрения частотности, используются в русской и македонской речи активно, в области словообразования наблюдаются сходства с английским языком, но и освоенность языком-рецептором, о чем свидетельствуют следующие примеры:

Русский язык	Македонский язык
фискальный год	фискална година
билборд	билборд
почтовый код	поштенски код
общественный транспорт	јавен транспорт
соя	соја
стартер	стартер
парохиальное училище	парохиско училиште

Таблица 4.

Вывод. Необходимо сказать, что выбор употребления английских вариантных слов в русском и в македонском языках развивается сознательно и такое состояние является предметом изучения метаязыковой роли говорящих. Таким образом, выполняется социолингвистическая маркированность языковых изменений в русском и македонском языках. В англистики вопрос о заимствовании американских терминов представлен как дискуссионным, потому что их отбор обусловлен коммуникативными задачами. Отличительной чертой межвариантных слов английского языка является новизна, которая может рассматриваться с точки зрения функционально-стилевым аспектом. Межвариантные заимствования приобретают статус «новых» слов благодаря своей непрерывности в развитии грамматики, синтаксиса, фонетики, морфологии. Однако грамматическая и фонетическая непрерывность характерна только для американизмов, которые в речи существуют как национально-маркирование единицы. Такое состояние позволяет считать их вариантными словами. Термины такого рода можно относить к двух видам явлений: как результат перемещения языкового материала и как параллельное функционирование грамматических вариантов. Стоит отметить, что в языкознании вариантные слова понимать можно и как внутренние заимствования. Термин внутренние заимствования обозначает не только взаимодействие вариантных слов полинационального языка, но и пополнение словарного состава диалектными словами и жаргонизмами. Для термина внутренние заимствования в английском языке употребляется название *internal borrowings*. Имея в виду, что в языкознании вариантные заимствования

называют активные процессы в языковой макросистеме, в русском и македонском языках мы их рассматриваем только как англоязычные заимствования. В XXIV в фокусе внимания находится понятие об американизмах, которое можно рассматривать с точки зрения трех различных подходов:

1. диахронический подход, которым обозначается американизм, рассматриваемый вне его употребления.

2. синхронический подход, обозначающий слова типичные для американского английского, а лексическая единица не рассматривается с точки зрения ее происхождения.

3. смешанный подход, в котором представлены диахронический и синхронический подходы, а также и толкование межвариантных слов.

Однако следует обратить внимание на то, что межвариантные заимствования американского происхождения имеют не только отличия на лексическом уровне, но и на грамматическом, орфографическом, а также и на уровне произношения. Из-за своей неполноте американизмами передаются лексико-семантические варианты терминов, в которых сохранен чужой культурный след, придающий заимствованным словам особый стилистический эффект. В ходе нашего исследования мы руководствовались двумя существенными признаками: тематическим и социолингвистическим. Первый признак объединяет межвариантных заимствований в русском и македонском языках в одной группе под названием «Общество и культура», а второй признак определяет социальную группу, т.е. их принадлежность к группе говорящих, употребляющих слов в речи. Влияние американизмов на современную лексику русского и македонского языков связано с заимствованием образа жизни через терминов, подражание идеологии, бизнес-моделей, развитие технологических доктрин, пока распространение британского варианта английского языка связано с влиянием британской политической системой.

Закключение. В итоге следует отметить, что «нет общечеловеческой культуры, и даже свобода народа определяется не суверенитетами, а построением своей уникальной культуры» [Трубецкой 1995, с. 49, 52]. Нельзя не согласится с фактом, что язык является одним из способов мирного завоевания стран, оказывая, таким образом, влияние на людей, на культур, на политическое положение, на мировоззрение говорящих. Колоссальная популяризация английского языка не только в русском и македонском восприятии, но и на мировом уровне, ставит под вопрос весьма важное явление о возникновении новой англоязычной империи. В таких условиях современный русский и македонский языки сближаются не только на основе славянских общих характеристик, но и за счет англоязычных межвариантных заимствований, которые становясь частью новой лексической среде приобретают одинаковую

систематизацию, словообразовательный строй, отчасти и одинаковые произносительные признаки, и даже перевод. Такое сходство можно объяснить тем, что русские и македонский языки являются родственными, происходящие из одного общего языка – старославянского. Политика доминирования на мировой сцене, которую вели англоязычные государства привела не только к распространения языка, но и к модификации самого английского языка, отмечая межвариантные слова как результат этого сложного процесса. В языкознании заимствование представлено как один из основополагающих положений, характерных для концепции обогащения лексического состава. Несмотря на то, что вопрос о влиянии английского языка на современное состояние русского и македонского языков не теряет актуальность, в сфере усиленных языковых контактов он остается не решенным. Таким образом, причины заимствования бывают неоднозначными, определяя важность оправданного и неоправданного введения новых слов в лексику. Так, нужно отметить, что употребление заимствованного слова при наличии исконного, следует понимать не только как оскорбление образа мышления, но и как ассимиляцию, с помощью которой исконные слова выводятся из литературного языка. Зато использование заимствованного термина для обозначения явлений из науки, промышленности, жизнедеятельности, другой культуры, для которых не существует подходящее исконное слово, представляет оправданной причиной введения «чужого» термина. Имея в виду согласия и разногласия исследователей-лингвистов по этому вопросу их многочисленные мнения основываются на суждение, что к заимствованию всегда нужно относиться с осторожностью, а к языку с вниманием.

References:

- [1] Sabitova Z.K. 2013. Linguoculturology. Moscow, pp. 213.
- [2] Sabitova Z.K. 2013. Linguoculturology. Moscow, pp. 307.
- [3] Ter-Minasova S.G. 2008. War and peace of languages and cultures: Issues of theory and practice of interlingual and intercultural communication. Moscow, pp.344.
- [4] Trubeckoy N.S. 1995. History. Culture. Language. Moscow, pp. 49-52.
- [5] Cambridge Advanced Learner's Dictionary. 2006. 2-nd. Ed. Cambridge.

Murugova E., Evtushenko S.

SOCIOLINGUISTIC DISTINCTIONS IN THE STRUCTURE OF WORD BUILDING FIELDS IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE

**Murugova Elena, The Russian Federation, Don State Technical
University, Doctor in Linguistics, professor**

**Evtushenko Svetlana, The Russian Federation, Don State
Technical University, PhD, Associate professor**

Abstract

The article is devoted to the identification of similar and distinctive features of word building fields of verbs of Australian and Canadian variants in modern English. The relationship of language and culture, discussed in the article gives a better understanding of the structure of national variants of the English language and the ways of their formation.

Keywords: Word building field, verb, language, society, variants, English language, sociolinguistic.

Введение. Концептуальная картина мира постоянно меняется, отражая результаты познавательной и социальной деятельности человека. В каждом языке существуют лексические единицы, национальная окраска которых актуализируется в самом акте коммуникации и определяется особенностями (в том числе и национально-культурными) коммуникантов, их отношением друг к другу и предмету речи. Из поколения в поколение транслируется система миропонимания, которая находит отражение в сознании, вербализуется в языке и актуализируется в коммуникации, усложняясь культурным знанием, представленном в значении слова, в частности в его семантике, являющейся «инструментом передачи культуры народа» [1].

Указывая на тесную связь языка, мышления и культуры, многие лингвисты приходят к выводу о том, что различия исторических, социальных, культурных условий жизни народа, специфика развития общественного сознания определяют различную языковую картину мира у разных народов, которая, в свою очередь, оказывает влияние на сознание

и поведение индивида и всего общества. При этом, исследуя национально-культурные особенности языка мы уделяем пристальное внимание социолингвистическому фактору, который дает информацию о социальной, культурной среде, определяющей статус языка и происходящие в нем изменения. Изменчивость формы и содержания закономерно приводит к появлению во взаимодействии частей речи особенностей, определяемых своеобразием каждой новой формы и свойственного этой форме содержания. Культура может меняться под воздействием различных социальных и исторических факторов, и язык как носитель, хранитель, свидетель культуры отражает ее, формируя понятия и выявляя национально-культурную специфику языка. *Лингвокультурологические особенности* отражают тенденции социокультурного развития общества и *связаны, прежде всего, с условиями жизни людей и их профессиональной деятельностью. Они отражают* национально-самобытный характер его жителей и сосредоточены в пределах тех сфер жизни, которые имеют большое значение для жителей страны: исторические, географические и *климатические* особенности, социальные отношения различных слоев общества, политическая жизнь общества, области быта, досуга, спорта, путешествий, *фауна и флора*, трудовая и хозяйственная деятельность. Однако, следует заметить, что членение реальной действительности в языке происходит не с помощью отдельных слов, а путем внутренне организованных системных лексических групп. Данные лексические группы и представляют собой поля, которые могут группироваться по частям речи, по тематической принадлежности или по функционально-семантическим признакам. Теория поля помогает упорядочить единицы языка всех его уровней, дает возможность объединить и изучить системно-языковые элементы различной природы, выявить особенности системной организации лексики. Она позволяет, с одной стороны, отразить неконгруэнтность формы и содержания, и с другой стороны, максимально приблизить лингвистическое описание к объективно существующему положению в языковой системе, учесть все спорные, противоречивые группировки, группы слов и отдельные слова, которые выпадали из существующих классификаций, не укладывались в систему логически стройных признаков, оснований деления, дихотомических противопоставлений.

Говоря о системности словообразования, необходимо отметить, что она предполагает общие черты, лежащие в основе всех способов, специфику каждого способа, а также их взаимодействия в пределах подсистемы определенной части речи [2]. Эмпирический материал проведенного нами исследования австралийского и канадского вариантов современного английского языка демонстрирует тот факт, что в основе всех способов словообразования лежит система структурных моделей,

которая управляет распределением типов производных по частям речи и нормами допустимости/недопустимости структуры производных в зависимости от структурно-семантических особенностей их словообразовательной базы. При этом словообразование оказывает мощное влияние не только и не столько на количественный состав, сколько на качественное изменение семантического пространства определенной части речи. Проникновение идеи поля в словообразование дает возможность проследить, как одна и та же область действительности выражается в языке словами разнообразных частей речи, а различие ядра и периферии иллюстрирует различную степень продуктивности тех или иных словообразовательных моделей, детерминируется социолингвистическими особенностями производных слов. Цель исследования – представить классификацию основных социально обусловленных тематических групп производящих баз глаголов на материале австралийского и канадского вариантов современного английского языка и рассмотреть возможности передачи культурно-маркированного содержания лексики на словообразовательном уровне с использованием полевого подхода.

Материал и методы исследования. Материалом исследования послужили австралийские и канадские культурно-маркированные глаголы, выделенные методом сплошной выборки из авторитетных англоязычных лексикографических источников по словарным пометам Aus, Can: [3], [4]. В процессе исследования привлекались данные словарей [5], [6], [7], [8].

Для решения поставленных задач в исследовании использовались следующие методы: метод лингвистического наблюдения и описания, методы морфемного и словообразовательного видов анализа, метод анализа словарных дефиниций, метод репрезентативного убывания материала, сравнительно-сопоставительный метод, а также элементы статистического подсчета. На каждом этапе работы привлекались те методы, которые отвечали поступательному решению задач исследования.

Результаты исследования. В анализируемом материале специфическая австралийская лексика тяготеет к сферам максимальной концентрации австрализмов, отражающих тенденции социокультурного развития австралийского общества. Эта лексика связана с наиболее существенными сторонами жизни страны, новыми названиями, которые были даны ранними поселенцами уникальным особенностям пейзажа, местной флоре и фауне.

Наиболее приоритетными областями, в которых сконцентрированы глаголы австралийского варианта современного английского языка, являются: криминальная сфера (crim – тот, кто осужден за совершение преступления → to crim – вовлекать в криминальную деятельность, воровать;), сфера сельского хозяйства

(jackeroo (also jackaroo) – стажер на ферме → to jackeroo – работать на ферме для приобретения практического опыта;), обиходно-бытовая сфера (corduroy – бревенчатая дорога → to corduroy – строить бревенчатую мостовую), сфера досуга и спорта (spine-bash – отдых, сон → to spine-bash – отдыхать).

В канадском варианте английского языка выделяются следующие **тематические группы (ТГ)**: движения, передвижения человека (sled – сани, нарты → to sled – ехать, перевозить на санях, нартах; snowshoe – снегоступ → to snowshoe – ходить или путешествовать на снегоступах.), ТГ досуга и спорта (ice – лед → to ice – выбрать команду или игрока для игры в хоккей), ТГ обиходно-бытовой сферы (plough – снегоочиститель → to plough – очищать от снега, используя снегоочиститель; chow – еда → to chow – есть; honcho – глава, начальник, босс → to honcho – руководить, управлять (проектом, компанией) и ТГ общественно-политической сферы (slate – список кандидатов → to slate – выбрать кандидата на должность; glad-hand – радушный прием, орация → to glad-hand приветствовать тепло (о политике)).

В результате анализа материала, словообразовательное поле (далее СП) глаголов, образованных от производящих основ существительных, является ядерным в составе комплексного словообразовательного поля (далее КСП) в канадском варианте. Центр данного СП представлен микрополем конверсии с продуктивной моделью $N \rightarrow V$, охватывающей различные лексико-грамматические группы производящей базы. Продуктивность модели конверсии проявляется в том, что данным способом образуется подавляющее большинство глаголов канадского варианта современного английского языка, входящих во все тематические группы. Следует отметить неоднородность представления периферии. Так, в канадском варианте микрополе реверсии принадлежит к области ближней периферии. К дальней периферии относится микрополе суффиксации, которое включает основную модель $N + -ize$ (to strategize – разрабатывать стратегию).

СП глаголов, образованных от производящих глагольных основ состоит из микрополя префиксации и включает такую продуктивную модель как $ge- + V$ (to offer – предлагать, выдвигать → to geoffer – баллотироваться для переизбрания;) и такие модели, представленные небольшим количеством слов, как $de- + V$, $over- + V$, $un- + V$, $out- + V$; $sub- + V$, $en- + V$ (to match – состязаться, соответствовать → to overmatch – превосходить умением, силой; to cork – затаивать, прятать → to uncork – (спорт.) выполнить удар, бросок).

СП глаголов, образованных от производящих основ прилагательных представлено микрополями конверсии $A \rightarrow V$ (dim – тусклый → to dim – затемнять автомобильные фары, переходить на ближний свет;) и суффиксации с основной моделью $Adj. + -ize$ (to

bilingualize – становится двуязычным). Микрополе реверсии представлено незначительным количеством примеров (total – общий, итоговый → to tote – суммировать, подводить итог).

СП глаголов, образованных от производящих основ атрибутивных словосочетаний, находится на дальней периферии в составе КСП канадских глаголов (rough house – скандал, шум, драка → to rough-house – шуметь, скандалить).

СП глаголов, образованных от производящих основ наречий, междометий и местоимений обнаружено в канадском варианте и также представлено единичными примерами (off – вон, долой → to off – убить; haw – хо → to haw – скомандовать (лошади) повернуть).

В результате анализа материала нами было обнаружено единичными примеры образования глаголов способом словослияния или телескопического словообразования, "blend" в канадском варианте (broast – жарить еду (← broil v. and roast v.) ; to charbroil – жарить на углях (← charcoal n. and broil v.)..

В канадском варианте реверсивные глаголы употребляются в основном в сфере досуга, спорта (cross-checking – (в хоккее) запрещенный прием задержки противника → to cross-check – останавливать противника запрещенным приемом) и сфере хозяйственной деятельности (bush-popper – пастух, загоняющий скот для клеймения → to bush-pop – загонять скот для клеймения).

Аффиксальные глаголы входят в основном в обиходно-бытовую сферу (модель N + -ize и ge- + V) : concert – концерт → to concertize – давать концерт; to jig – закреплять, зажимать → to rejig – переделать, перестроить, преобразовать и сферу общественно-политической деятельности (модели N + -ize и ge- + V): France – Франция → to francize – заставлять, чтобы человек принял французский как официальный или рабочий язык; to serve – служить, работать, управлять → to reserve – отказывать, не давать согласия на законопроект.

В австралийском варианте СП собственно австралийских глаголов, образованных от производящих основ существительных, является ядерным в составе КСП. Рассматриваемое поле стоит из микрополей конверсии, суффиксации и реверсии. Ядерным является микрополе конверсии с основной моделью N → V (yabby – речной рак → to yabby – ловить речных раков). Микрополе реверсии (to shelf – предавать ← a shelving – предательство) находится на ближней периферии, а микрополе суффиксации с основной моделью N + -ize (to nobblerize – пить алкоголь в компании) находится на дальней периферии данного СП.

СП собственно австралийских глаголов, образованных от производящих основ глаголов, состоит из микрополя префиксации и микрополя сокращения. Микрополе сокращения находится на ближней периферии (to divvy ← to divide – делиться, разделять, участвовать в

дележе; to scarp ← to scarper – сматываться), а микрополе префиксации с основными моделями over- + V, un- + V, re- + V, pre- + V, be- + V, находится на дальней периферии данного СП (to stock – снабжать, заготовить → to overstock – переуплотнять (популяцию) животных; to sit – сидеть, заседать → to unsit – лишать места. to light – светить, зажигать → to relight – снова зажечь to lie → to belie – давать неверное представление, искажать).

СП собственно австралийских глаголов, образованных от производящих основ прилагательных состоит из микрополей конверсии и суффиксации. Наибольшей степенью продуктивности характеризуется микрополе конверсии, модель A → V(round– круглый → to round – ездить верхом по кругу и собирать (скот) . Анализ суффиксальных глаголов позволил нам выделить такие модели, как A + -ize (-ise) и Adj. + -en:(to finalize – завершать, заканчивать. to flatten – нокаутировать, сбить с ног, сокрушить).

СП глаголов, образованных от производящих основ атрибутивных словосочетаний представлено небольшим количеством примеров: (a bush telegraph – «сарафанное радио», быстрое распространение сведений, слухов – to bush-telegraph – распространять сведения, слухи).

СП глаголов, образованных от производящих основ наречий и междометий в австралийском варианте представлено единичными примерами: (golly (Interj.) – черт возьми → to golly – плевать down (Adv.) – вниз → to down – недолюбливать, испытывать неприязнь).

При этом следует особо отметить, что продуктивными моделями глаголов австралийского варианта являются N → V, V ← N и различные типы сокращений. Аффиксальные модели в австралийском варианте это модели N + -ize, A + -ize , Adj. + -en, over- + V, un- + V, re- + V, pre- + V, be- + V.

Реверсивные глаголы входят в основном в обиходно-бытовую (offsider – помощник, ассистент → to offside – работать помощником), криминальную сферу (buttoner – сообщник мошенника → to button – выступать в качестве сообщника, соучастника), сферы сельского хозяйства(boundaryrider – объездчик, помощник на ферме, в чьи обязанности входит содержание в порядке и ремонт изгородей и загонов для скота → to boundary-ride – патрулировать границы владения) и промышленной деятельности(hatter – горнорабочий, который работает независимо → to hat – работать в одиночку, особенно о золотоискателях).

Сокращенные глаголы входят в основном в сферу движения, передвижения человека (to motor – ехать на автомобиле → to mote) и сферу социальной жизни, человеческих взаимоотношений (king-hit – сокрушительный удар → to king – бить кулаком внезапно и сильно, часто несправедливо; нокаутировать).

Аффиксальные глаголы участвуют в образовании глаголов в сфере сельского хозяйства (модели over- + V и un- + V) to land – высаживаться, прибывать → to overland – перегонять скот по суше на большие расстояния; to dress – одевать, наряжать → to undress – стричь овцу и общественно-политической и правовой деятельности (модель A + -ize) (civil (Adj) – гражданский, государственный → to civilize – навязать аборигенам образ жизни, им чуждый).

Заключение. Обладая национальной спецификой, т.е. будучи этноспецифичной языковая картина мира рассматриваемых вариантов современного английского языка отражает особый способ мировосприятия и мировидения австралийцев и канадцев, присущий данным вариантам, культурно значимый для них и отличающий их от других вариантов и языков. Словообразовательное поле в нашем понимании можно представить как некую универсальную подсистему языка в целом, конкретные репрезентанты которой в каждом языке характеризуются наличием не только общих словообразовательных способов, которые участвуют в образовании слов той или иной части речи, находящихся во взаимодействии, но и существованием отличительных черт, причем последние проявляются чаще всего в плане выражения в специфическом составе словообразовательных средств, в их продуктивности, в противопоставлении ядра и периферии, связанные не только с собственно-языковыми факторами, но и с экстралингвистическими факторами. Специфика взаимодействия частей речи в лингвокреативной деятельности зависит от социолингвистических различий в структуре словообразовательных полей. При этом рассмотренная в статье взаимосвязь языка и культуры дает более глубокое понимание структуры и способов формирования национальных вариантов в каждом конкретном языке.

References:

- [1] Wierzbicka A. Semantics. Primes and Universals. –Oxford, New York: Oxford University Press, 1996. – 500p.
- [2] Murugova E.V. Field Approach in the parts of speech interaction. Vestnik DSTU.- №9. - Rostov: DSU, 2011.
- [3] The Australian National Dictionary: A Dictionary of Australianisms on Historical Principles/ Ed. by W. S. Ramson. – Melbourne: Oxford University Press, 1988. – 814 p.
- [4] The Canadian Oxford Dictionary / Ed. by K. Barber. – 2nd ed. – Toronto: Oxford University Press, 2004. – 1825 p.
- [5] Longman Dictionary of English Language and Culture/ Longman Group UK Limited . L.: Longman, 1992. – 1528 p.

Social Science and Humanity #3 2016

- [6] Oxford guide to British and American culture: for learners of English / Ed. by J. Crowther. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 609 p.
- [7] Oxford Dictionary of English – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2003. – 2088 p.
- [8] Matushenkov B. C. Dictionary of Americanisms, Canadianisms, Britishisms and Australianisms / Moscow : Flinta, 2002.- 520 c.

PHILOSOPHY

Borisenko O.A., Fomina M.N.

GLOBALIZING CULTURE AS THE ESSENCE AND THE PHENOMENON OF GLOBALIZATION

Borisenko O.A., Russia, Transbaikal state university, Associate Professor of Philosophy, PhD of philosophic

Fomina M.N., Transbaikal state university, Professor of Philosophy, Doctor of Philosophy iranchuk N. N., Candidate of pedagogical Sciences of Ukraine (doctor of philosophy), Rivne state humanitarian University

Abstract

In this article you can see Globalizing culture as the essence and the phenomenon of globalization. Political, economic changes not only affect the modernization of cultural processes, but also help them, because culture is not only always been a reflection of social processes, but also a factor of their formation and development. In a globalized world culture became comprehended not only as a local (culture of individual countries, ethnic groups, etc.), but also as a global one, which refers to world culture, having the general trends that determine the course of human development.

Keywords: globalization, culture, philosophical, world.

Введение

Осмысление глобализации через философские понятия сущность и явление дает возможность проанализировать природу глобализирующей культуры. Это обусловлено тем, что сущность процесса глобализации раскрывается непосредственно не только в экономических, политических, но и в культурных явлениях.

Если сущность (суть) глобализации позволяет понять источник изменений, трансформаций, модернизации, то явления «демонстрируют» глобализацию через экономические, политические, культурные и пр. образы. Так как глобализация раскрывается через взаимосвязь и

последующую взаимозависимость ее субъектов (от стран до конкретных сфер деятельности), от их сближения до образования единой сферы деятельности и интересов, то это уже является основанием говорить о взаимной ответственности сторон за единое (планетарное) информационное, культурное (и т.п.) пространство. Глобализация, будучи процессом интернационализации, проявляется в различных сферах жизни, в том числе и в культурной.

Материал исследования

Как отмечает А.Н. Чумаков, становление глобалистики как междисциплинарной сферы [1], как сферы научных исследований и целостного миропредставления [1] отмечено в конце XX века, когда феномену глобализации стали в научных исследованиях уделять особое внимание.

«Сформировавшись как сфера теории и практики» [1], глобалистика свое внимание направляет на глобализацию и глобальные проблемы. Определяя суть понятий «глобализация» (как «многовековой естественноисторический процесс»), «глобальные проблемы» (как «закономерный результат» данного процесса), А.Н. Чумаков отмечает, что «глобалистика – сфера теории и практики, в центре внимания которой находятся глобализация и глобальные проблемы» что позволяет ему заключить - ее «предметом является целостность мира» [1].

Следствием осмысления изменяющегося мира стало то, что в научном языке появились и стали обсуждаться такие понятия как «глобальный мир», «глобальное мировоззрение», «глобальное сознание», «глобальное человечество», «глобальная культура» [2], «глобализирующийся мир» и «глобализируемый мир» [3].

По замечанию А.Н. Чумакова, понятие глобализации «употребляется для характеристики интеграционных и дезинтеграционных процессов планетарного масштаба в области экономики, политики, культуры» [2]. При этом он пишет, что для анализа понятия глобализации необходимо учитывать, что она представляет собой «отражение динамики социально-экономических и политических перемен в мировом масштабе» [4].

Анализируя работу И. Мазура и А.Н. Чумакова «Процессы глобализации и наука глобалистика», У. Гэй определил главные темы глобалистики, к которым он отнес: «1) процессы глобализации; 2) мировые проблемы, вызванные процессами глобализации; 3) увеличение положительных и сокращение отрицательных последствий этих процессов для людей и биосферы» [5].

О.В. Малюкова [6], учитывая, что глобализация представляет собой одну из форм интеграции, определяет ее номинации и признаки. К номинациям О.В. Малюкова относит:

- интеграцию социальных институтов (учреждений, организаций);
- деятельность этих институтов;
- знания, которые необходимы для этой деятельности;
- идеалы (ценностные ориентиры), которые определяют мотивы деятельности;
- нормы поведения, которые определяются идеалами;
- ценности, которые создаются в процессе деятельности и реализации ее идеалов (ценностных ориентиров, идеологических установок).

Не сложно заметить, что О.В. Малюкова по той причине определяет «деятельность» как номинацию, так как это позволяет ей «придать» деятельности социальных институтов в условиях глобализации особую значимость и роль.

К признакам глобализации она относит:

- всесторонность (многоаспектность) – интеграция в доминирующих сферах (политическая, экономическая, социо-культурная) социальной жизни;
- массовость (демократичность) – вовлечение и активное участие в интеграционном процессе всех социальных слоев;
- планетарность (глобальность) – тенденция к распространению интеграционных процессов в мире;
- спонтанность (самопроизвольность, самоорганизация) – отсутствие у интеграционных процессов внешнего организатора;
- хаотичность – неупорядоченность интеграционных процессов.

Можно предположить, что О.В. Малюкова определяет как положительные, так и негативные стороны признаков глобализации. Но при этом стоит заключить, что, как бы, ни оценивался данный процесс, в сфере внимания остаются глобальные проблемы.

Таким образом, «глобальность» - эта проблема, которая, по словам М.А. Чешкова может интерпретироваться «как единое обобщающее понятие», которое охватывает как абстрактный, так и эмпирический уровень познания[7].

С учетом сказанного, М.А. Чешков предлагает и методологические подходы к исследованию данного как феномена, так и понятия. Он исходит из того, что предмет исследования является одним из составных звеньев в логической цепочке «человеческий универсум – миробытие – глобальность», где глобальность представляет собой разнообразные связи и отношения между структурными элементами миробытия. Это позволяет говорить о том, что человеческий универсум, определяет антропологическую природу глобальности через миробытие.

Таким образом, можно заключить, что при исследовании глобальности необходим антропологический подход.

Следующие методологические параметры, которые выделяет А.М. Чешков, это гносеологический и онтологический. Если гносеологический обосновывает познавательный процесс, то онтологический определяет отношения различных неравенств (политических, культурных, экономических и т.п.).

С учетом сказанного, А.М. Чешков заключает, что субъект глобальности, будучи антропологическим, должен быть описан при помощи социально-культурно-антропологических понятий[7]. Данное заключение обосновывает рассмотрение объекта данного исследования как глобализирующаяся культура.

Другим параметром глобальности, по нашему мнению, следует считать фактор общения. Х.А. Барлыбаев считает, что его роль увеличивается в связи со стремлением человечества к глобальному единству[8], так как человек нацелен на формирование новых человеческих общностей. По мнению Д.Ж. Марковича, глобализация, способствуя человеческому объединению, создает и новые глобальные сообщества[9], одним из которых и является Шанхайская организация содружества. Это объясняется тем, что глобализация способствует мировой и региональной интеграции.

В заключении данного раздела необходимо остановиться на следующих концептуальных положениях:

- теория глобалистики представляет собой осмысление глобализационных процессов, протекающих во всех сферах общественной жизни;
- исследование инновационных, трансформационных и прочих процессов в сфере глобализирующейся (глобальной) культуры на уровне глобалистических подходов находится на начальном этапе.

Обсуждение материала

Как отмечает В.М. Межуев «природа философской рефлексии такова, что любой ее объект раскрывается как феномен культуры»[10].

Оперируя понятием «идея культуры», к которому В.М. Межуев обращается для обоснования «систематического единства» и «типологического различия», где под первым он мыслит множество форм культур, а под вторым – «историческое множество, образуемое культурами разных стран, эпох и народов»[10], становится возможным обоснование глобализирующейся культуры.

Но, если следовать за мыслью В.М. Межуева далее, то здесь мы сталкиваемся с тем, что глобализирующаяся культура может быть рассмотрена как понятие или как идея. Если идея включает в себя нечто большее, чем понятие[10], то, следовательно, речь уже будет идти о том, что необходимо обосновать «вопрос о самой возможности»[10] существования культуры, в нашем случае – глобализирующейся культуры.

И если В.М. Межуев отмечает, что «идея культуры – продукт своего времени: она трансформируется с каждым новым поворотом европейской культуры»[10], то можно предположить, что идея глобализирующейся культуры – продукт XXI века.

Следовательно, необходимо осмыслить становление идеи глобализирующейся культуры.

Соотношение культуры и глобализации сегодня представлено в философии, культурологии, в философии культуры и в др. областях научного знания не достаточно широко.

О глобализации культуры можно говорить там и тогда где и когда появляются инфраструктуры и институты передачи, воспроизводства и восприятия культуры в глобальном масштабе (если телевидение, то речь о международном рынке телевизионных программ, транснациональные системы и каналы вещания)[11].

Современная культурная глобализация содержит несколько параметров: новые глобальные инфраструктуры, которые обеспечивают большие возможности проникновения элементов той или другой культуры через границы государств; увеличение коммуникаций в культурном бизнесе как основное экономическое содержание глобального культурного взаимодействия; преобладание многонациональной индустрии культуры[11].

Сказанное позволяет заметить, что целостность глобализирующейся культуры характеризуется:

- способностью вступать в диалог;
- быть самореализованной, признавая это право и за другими;
- обладает способностью сохраняться в информационной системе (в отличие от традиционной, которая сохраняется в памяти народа);
- обладает содержательным многообразием (так как представлена на уровне множества культур);
- приобщение к ней достигается благодаря знаниям о глобализации.

Учитывая, что глобализирующаяся культура представляет собой единство в многообразии, то возникает вопрос о том, какими средствами (приемами и методами исследования) может быть доступен для понимания ее смысл.

Второй вопрос, который может быть поставлен, состоит в том, что носителем любой культуры является «кто-то», от отдельного человека до нации. Но есть еще и такое понятие, которое использует В.М. Межуев для характеристики массовой культуры как «массы»[10].

Анализируя природу глобализационных процессов Х.А. Барлыбаев, обосновывает, что они направлены на устойчивое развитие, исходя из параметров природы человека. Это позволяет ему рассматривать как один из параметров – духовную жизнь человека. А

сфера глобализации, охватывающая его – глобализация культуры. Учитывая свою теорию устойчивого развития, Х.А. Барлыбаев заключает, что переходом к устойчивому развитию будет являться «конструктивное взаимодействие культур»[8].

С учетом данного методологического подхода, можно уточнить, что культурная глобализация, это отражение динамики культурных процессов в формирующейся глобальной культурной системе.

Осмывая концепцию глобализирующегося мира В.А. Колесников отмечает, что сегодня для философии необходимо выработать новые цивилизационные стратегии, которые позволят осмыслить научную, культурную, духовную составляющую[3]. Это объясняется, по его мнению тем, что именно философия может не только осмыслить сущность современного бытия, но и проанализировать конкретную реальность.

Как показала практика, глобализация, отражая процесс создания глобального общества, «способствует объединению человечества»[9], происходящему на фоне политических, экономических, культурных процессов. Этому способствует глобальная система, которая, по замечанию Д.Ж. Маркович[9], характеризуясь определенной самостоятельностью, «проявляется посредством ...экономической глобализации, глобализации культуры» и др. Если понятие «глобализация культуры» рассматривать как процесс развития культуры в условиях глобализации, то «глобализирующаяся культура» – явление, отражающее нормы и принципы, ценностные ориентации поведения и отношения к миру – пространству совместного гармоничного проживания с позиций общечеловеческой безопасности. Этот контекст позволяет осмыслить морально-нравственные регуляторы в сфере межнациональных (межгосударственных) отношений, обращение к которым необходимо в условиях глобализации, так как именно культурное (как традиционное так и информационное) пространство создает для этого все условия благодаря культурному диалогу.

Для подтверждения своих слов Д.Ж. Маркович ссылается на организацию ООН, которая призвана решать вопросы разногласий. Но стоит сказать, что в отношении ШОС – ситуация другая, так как в Декларации Содружества уже заложены принципы соблюдения, согласия, соучастия и пр. И если пользоваться понятием Д.Ж. Маркович «культура мира», то стоит заметить, что ШОС можно рассматривать как зарождающийся показатель культуры мира, построенный на общечеловеческих принципах.

При этом стоит заметить, что именно диалогу при формировании культуры мира отводится ведущее значение. Д.Ж. Маркович отмечает, что становится реализацией «нового способа жизнедеятельности»[9], так как он становится способом разрешения «противоречий мирным путем».

Как отмечает А.Н. Чумаков[12] совпадение культурно-цивилизационных явлений у различных народов способствует активному становлению и развитию атмосферы сотрудничества взаимопонимания. А дальше он замечает, что «В последние годы можно наблюдать, как Китай, Индия, Россия и Бразилия, обладая самобытными культурами, но наращивая темпы цивилизационного развития, также становятся в ряд тех стран, между которыми улучшаются и усиливаются культурно-цивилизационные связи и конструктивное сотрудничество».

Анализируя работу Всемирного культурного форума, который проходил в 2014 г. в Китае, А.Н. Чумаков отмечает, что лейтмотивом дискуссий было признание того факта, что не только судьба объединяет глобальное сообщество, но и культурное взаимодействие между странами, которое основано на признании принципов сосуществования различных культур. Это, как замечает А.Н. Чумаков и можно считать одним из факторов роли культуры не только в сохранении мира, но и прогресса человечества[13].

Поэтому, учитывая, что глобалистика направлена на исследование не только причин глобальных изменений, но и ее проблем[5], обращение к современной цивилизации и диалогу культур вполне обоснованно, тем более, что он становится одним из инструментов в деятельности международных организаций.

Появление международных организаций стало не только ответом на развивающиеся культурные, политические, экономические отношения, которые оформляются вне рамок национальных государств, но и необходимостью для координации межгосударственных сил в решении транснациональных задач[1].

Поэтому, анализируя документы Форума, как замечает А.Н. Чумаков, проблемы глобального масштаба для Китая не являются первостепенными, так как акцент сделан на гуманитарной сфере, в частности на культуре и общественных отношениях[12]. Он объясняет это тем, что культура, традиции, возможности диалога интересуют китайцев больше, когда речь идет об экономике, перспективах развития внутренней и внешней политики. При этом, А.Н. Чумаков замечает, что вопросы гуманизации культуры китайцы демонстрируют и тогда, когда речь идет об осмыслении протекающих современных процессов глобализации[12].

Неслучайно, что World Cultural Forum [Taihu, China] явился прообразом Давосского мирового экономического форума, заявив, что диалог и сотрудничество – основа мировой гармонии, так как все проблемы кроются в поведении и в ментальности человека, которые должны быть согласованы с глобализирующимся миром. А.Н. Чумаков заключает, что китайцы первыми «увидели новые возможности там, где их еще пока никто по-настоящему не видит». Это – кризис культуры и духовности, нравственности общества. Китайцы в соответствии с заветами

Дэн Сяопина «хладнокровно наблюдают», «уверенно реагируют на изменения», «делают конкретные дела» и «укрепляют позиции», тогда как в техногенных культурно-цивилизационных системах еще не обращают должного внимания на гуманитарную сферу и по-настоящему в нее не вкладываются[12].

И можно считать, что утверждение о социообразующей роли нравственности, духовности и культуры, прозвучавшее на Форуме, может стать программным документом в рамках глобализирующейся культуры.

А.Н. Чумаков приводит основные позиции, которые были отмечены в Декларации Форума, получившей название «Шанхайский консенсус»[13]. К ним относится следующее.

В условиях изменяющегося мира, обострения глобальных проблем, когда человечество «становится сообществом единой судьбы», необходимо «обеспечить продвижение мира и развития в духе взаимного уважения, гармонизацию без унификации».

В Декларации отмечено, что в условиях деструктивных политических процессов становится важным «активизация культурного обмена (усиление культурного взаимодействия на основе «мягкой силы»), упрочение взаимопонимания и доверия между народами всех наций с целью поощрения более широкого международного политического и экономического сотрудничества, укрепления мира и развития».

Декларация Культурного форума делает акцент на культурном обмене и взаимном обучении, которые возможны при условии «уважения культурного разнообразия», по вопросам которого, как отмечено в Декларации, уже «сложился международный консенсус».

Таким образом, стоит заметить, что прошедший Форум не столько определил, сколько продолжил концепцию гармоничного развития, но уже на уровне мировой общественности, в том числе и для деятельности международных организаций.

Ильин Н.В. и М.А. Каверин, рассматривая деятельность международных организаций, считают необходимым[14] рассматривать их в рамках глобального управления, так как оно представлено «в контексте процессов глобализации и становления глобального сообщества, в котором формируются соответствующие институты регулирования».

Как замечает В.С. Степин, в условиях глобализации для культурного взаимодействия, диалога культур и цивилизаций создаются новые перспективы, которые способствуют не только сохранению фрагментов традиционных культур, но адаптации к новым ценностям[15].

В.С. Степин анализирует две возможных стратегии взаимодействия культур в условиях глобализации, где к первой он относит культурное взаимодействие стран, находящихся на неравнозначном экономическом положении, а ко второй стратегии – стратегию

партнерства. В первом случае речь идет о принятии ценностей высокоразвитой культуры менее развитыми странами. А во втором – диалог культур построен между равноправными партнерами, которые стремятся не только уважать, но и сохранять культурные традиционные ценности друг друга. И это является уже условием для порождения новых ценностей.

Поэтому В.С. Степин отмечает далее, что они (новые ценности), определяя зарождение новых мировоззренческих смыслов, должны быть не только воспринимаемы всеми культурами (вступающими в новый диалог), но и способствовать сохранению традиционной ментальности[14]. Это ведет и к изменению политического сознания, а следовательно, и к новой трактовке диалога культур – политическому диалогу.

И здесь стоит остановиться на замечании немецкого философа К.-Х. Пола, что в современных условиях, когда речь идет о формировании новых ценностей, то речь должна идти не об универсальных, а о договорных ценностях[16], что позволит разным культурам быть открытыми друг для друга.

В рамках данного исследования представляет несомненный интерес концепция региональной глобализации О.Г. Леоновой, осмысление которой построено на том, что в условиях глобализации происходит формирование региональных объединений (союзов) различных государств, которые не столько имеют общие границы, сколько общие интересы для достижения своих целей[17].

Так как глобализацию сопровождает процесс регионализации в сфере международных отношений, то сегодня, по мнению О.Г. Леоновой, не только сформировались мировые центры (АСЕН, АТЭС и др.), которые характеризуются экономической интеграцией, но и зарождаются макрорегионы, как динамически развивающиеся системы, приобретающие признаки глобальности. К ним О.Г. Леонова относит и Шанхайская организация сотрудничества[17].

Будучи политологом О.Г. Леонова определяет природу глобальной регионализации и к ее характеристике она относит следующие позиции:

- локальные сообщества интегрируются в макрорегионы на основе экономического сотрудничества, социокультурной близости и т.п. для решения стратегии глобального мира;
- локализация регионального сообщества имеет границы, которые чаще всего совпадают с границами государств;
- интеграция и локализация способствуют возникновению новому геополитическому образованию (в форме союзов, объединений и т.п.)[17].

Вывод

Таким образом, отмечаем, что процесс глобальной регионализации в форме проявления ШОС – находится в стадии становления, развития, что еще раз подтверждает правомочность рассмотрения деятельности ШОС в контексте глобализирующейся культуры. Представление о динамике глобализирующейся культуры как одного из фактора строительства гармоничного общества, представлено в материалах Всемирного культурного форума, который проходил в КНР.

Сегодня глобализирующаяся культура может быть представлена как понятие или как идея, что позволяет рассмотреть ее с позиций гносеологического и онтологического анализа как продукт XX I века; следовательно – это явление, отражающее нормы и принципы, ценностные ориентации поведения и отношения к миру – пространству совместного гармоничного проживания с позиций общечеловеческой безопасности.

Процесс глобализации охватывает все сферы деятельности человека. Китайские ученые представляют глобализацию как шаг к глобализации культуры в виде цикличности и взаимосвязи, где одно порождает другое. Но при этом они делают акцент на том, что экономическая глобализация как основа глобализации культуры, направлена на то, чтобы обеспечивать равные условия для всех, что становится возможным благодаря политическому диалогу.

References:

- [1] Chumakov A.N. On the subject and borders of the global // The age of globalization. № 1. 2008 – p.7-18
- [2] Chumakov A.N. The modern world: on the threshold of a fundamental transformation // The age of globalization. № 2. 2008. - p.93
- [3] Kolesnikov V.A. From understanding globalized reality - to a new vision of education of the XXI century // The age of globalization. № 1. 2009
- [4] Chumakov A.N. Theoretical and methodological bases of research of processes of globalization // The age of globalization. № 2. 2013. – p.29
- [5] Gei Y.. The processes of globalization and science of globalistics // The age of globalization. № 1. 2008. – p.30
- [6] Malukova O.V. Philosophical and methodological research of globalization // The age of globalization. №1.2008 - p168-169
- [7] Cheshkov M.A. Worldwide As a basic concept of global // The age of globalization. № 2.2008. –p.4-10
- [8] Barlibaev H.A. Globalization: Theory and Practice // The age of globalization. № 2.2008. – p.14
- [9] Markovish D.V A culture of peace, tolerance and inter-ethnic relations // The age of globalization. № 2 . 2008. – p.155

- [10]Mezuev V.M. Culture of Philosophy in the modern system of knowledge // Personality. Culture. Society.2004. – .2 (22) – p.136-154
- [11]Scheglov V.V. The globalizing world and culture. - Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 2012.- № 11. Т.75. – p.166
- [12]Chumakov A.N. Cultural and civilizational fractures global peace // The age of globalization. № 2. 2015. – p.35-47
- [13]Chumakov A.N. "Soft power" as a way of solving problems in a globalized world // The age of globalization. № 2. 2014 – p.192
- [14]Ilin I.V.. Questions of the transformation of international organizations in the global institutions of governance // The age of globalization. № 2. 2014. – p.32-38
- [15]Stepen V,S,. Globalization and Dialogue of Cultures: the problem of values // The age of globalization. № 2 . 2011. – p.8-9
- [16]Pol K.H.. Chinese and Western values: Reflections on the methodology of intercultural dialogue // The age of globalization. № 1. 2012. – p.102
- [17]Leonova O.G.. Global regionalization as a phenomenon of global peace // The age of globalization. № 1. 2013. – p.59 -68

Статья выполнена в рамках гранта для государственной поддержки молодых российских ученых (кандидатов наук) Совета по грантам Президента РФ МК- 3682.2015.6

Bondyрева S.K.

ATTITUDE AS A CONDITION FOR SURVIVAL IN THE MODERN WORLD

Bondyрева S.K., Russia, Moscow psycho - social university , doctor of psychological sciences , the professor, academician of the RAE, Rector

Abstract

The article deals with the problem of inter-national , inter-ethnic relations in view of the modern balance of forces acting on the world stage , the objective expansion of contacts of different ethnic groups . Displaying acute contradiction between the need for a clear focus on human decision universal human problems and needs of nations for self-affirmation , the development of migration , ethno-cultural situation in the world .

The author addresses the issue of relations as a specific and meaningful in today's world , which is the inside of the human connection with reality and offers a variantes forming relationships as a goal cultural and social policies within the framework of the sovereign and international spheres .

Keywords: attitude, culture relations , migrant, migration , etnocultural situation , dialogue , human problems , cultural diversity

Кардинальные преобразования социальной и экономической жизни современного общества в условиях многочисленных и разнохарактерных кризисов (демографического, экономического, политического, экологического, социального и др.) резко обострили проблему особенностей функционирования и специфики развития современного Общества и Человека как живущего и действующего в этом новом изменившемся мире и изменяющегося в нем самому. Это проблема возможностей современного человека, его потребностей, целей и задач, а поэтому проблема его отношений к действительности, к себе, к другому иному. Это проблема взаимоотношений стран, народов, этносов, усугубившихся в условиях нестабильности, рыночной конкуренции, борьбы за влияние в мире, общего экономического напряжения, при одновременном увеличении плотности и количества контактов.

Проблема современного Общества и Человека на всех уровнях ее представленности выступает как весьма актуальная и важная, но при всем внимании к ней многочисленных, в том числе авторитетных

исследователей, остается еще крайне сложной и во многих аспектах далеко нерешенной.

Одной из наиболее острых и исключительно значимых в организации жизни и систем отношений современного общества стала проблема межнациональных, межэтнических взаимоотношений в совершенно новой и чрезвычайно сложной ее представленности. Это обусловлено современной расстановкой сил, выступающих на мировой арене, объективным расширением контактов разных этносов, все более активно участвующих в мировых процессах, при четко выраженной тенденции роста действия этого фактора.

Проблема взаимоотношений усугубляется появлением новых вопросов экономического, социально-психологического, экологического характера: повышение подвижности населения разных стран и народов, значительно выросшей за последние 30-40 лет; не возможностью эффективно решать их социально-экономические и бытовые проблемы; каскадный рост доступной, разнохарактерной информации (часто слабо дифференцированной, плохо осмысленной и не четко осваиваемой); социокультурная дезадаптация личности; поведенческие и языковые барьеры.

Очевидно, что к XXI веку сложились системы взаимодействия разных народов, объективно задающие их развитие. Еще Леви Стросс писал «Сегодня более нет такого народа, каким бы далеким и отсталым он ни казался, который прямо или косвенно не был бы в контакте с другими народами. Ведь даже общества с самой различной идеологией, обычаи и нравы которых в течении тысячелетий развивались различными путями, неизменно оказывают взаимное влияние, вступая в контакт друг с другом»[6, С.30-31].

Одновременно определились и значимые противоречия. Последние в частности, обуславливаются тем, что, с одной стороны, реально возникла острая потребность более четкой ориентации человека на решение всеобщих человеческих проблем (экономических, демографических, экологических), обусловленных глобальными изменениями в мире, в том числе грозящими жизни человечества, и поэтому определяющими объективную потребность каждого этноса быть причастным к *общему* человеческому (идентификация с *общечеловеческим*) как престижному и необходимому. С другой, с ростом активности, самосознания представителей отдельных обществ, стран, наций, этносов (в том числе, впервые выходящих на большую мировую арену) у этих народов возникает потребность и необходимость в самоутверждении, в сохранении этнической целостности, культурных традиций, постижении и защите своей идентичности при осмыслении себя в системе реально сложившихся новых связей и отношений.

Последнее выступает, в частности, как реакция на усложнение межэтнических отношений, обусловленных комплексом, в том числе вышеотмеченных объективных обстоятельств развития современного общества, среди которых особое место занимает, в частности, проблема миграции [3], представленная многохарактерно, многоуровнево (миграция индивидуальная, групповая, поточная и т.д.) и многопланово определяемая. При этом необходимо помнить, что мы имеем дело с новым видом мигрантов, отличным от мигрантов прежних времен, в том числе мигрантов середины XX века.

В России новые виды мигрантов - это потоки русскоязычного населения, перебирающегося из бывших республик Советского Союза в Россию, это представители среднеазиатских народов - киргизы и казахи, таджики и узбеки, туркмены. Это мигранты Кавказа – армяне, грузины и др. Сложное явление представляет зарубежная миграция (Китай, прежде всего, в особой форме и технологии - расселения). Европа в современных условиях демонстрирует вариант миграции - многотысячные потоки людей с африканского континента и Ближнего Востока.

Воздействие миграции становится все более выраженным как в культурном, социальном плане, экономическом, так и в политическом, сопровождающееся все более учащающимися и углубляющимися конфликтами, в том числе за счет активизации этноцентризма, понижения чувства толерантности, роста агрессивности как со стороны мигрантов, так и населения регионов расселения мигрантов. В этом плане исследование явления миграции, заключающее в себе всю совокупность многогранных этнических проблем современности, отражающее обострение ситуации межэтнических отношений и фиксирующее объективное повышение значения этнического компонента в процессе развития современного общества, осмысленная его сущностной и структурно - содержательной характеристики в целом становится еще более актуальным.

Проблемы возникают как в среде мигрантов, так и населения областей, осваиваемых мигрантами [3], они связаны с факторами, которые стимулируют миграционные процессы. Геополитический фактор определяется демократизацией жизни в России, изменением отношений к мигрантам, совершенствованием правовых подходов к миграции. Он позволил создать более благоприятные условия для мигрантов и их адаптации. Экономический фактор обусловлен определенными изменениями в экономическом пространстве и потребностью в рабочих руках. Причем, экономические проблемы в местах проживания мигрантов на этнической родине (безработица, спад и закрытие производств) «толкают» людей на поиск работы в новых регионах.

Самым проблемным мы считаем социокультурный фактор миграции, который характеризуется такими явлениями, как

дестабилизация социальной обстановки, нарастание социальной напряженности, межэтнические конфликты, языковые и культурные барьеры. Вполне понятно, что это самая сложная проблема как для среды мигрантов, так и для местного населения.

Безусловно, миграция – это проблема выстраивания отношений как условия выживания в современном мире, это трудность адаптации пришлого населения, психологически связанного с нормами этнической культуры (сформированной на этнической родине), несущих характеристики этнической идентичности в разной степени проявляемой в новых условия регионов, где функционируют нормы соответствующего большинства. И адаптация у мигрантов происходит по-разному в зависимости от конкретных условий организации жизни мигрантов, уровня сохранения интеграционного потенциала этнических ценностей, силы действия религиозного фактора, степени готовности мигрантов к принятию нового, степени устойчивости этнической идентичности в целом и в соотношении ее с идентичностью социальной, в зависимости от уровня общей социальной идентичности, социальной мобильности всего населения соответствующих регионов и мигрантов.

Мигранты сталкиваются не только с необходимостью освоения новых норм и важных правил, установок, необходимостью адаптации к новым для них, в том числе жизненно важным условиям, но и с проблемами отношений с населением новых осваиваемых ими районов, где возникает недоверие к пришлым, где они сталкиваются с настороженностью, внутренним предубеждением людей, основанным часто лишь на чисто этнических мотивах, проявлением дискриминации, что в свою очередь вызывает внутренний протест, эмоциональное напряжение, ожесточение, агрессивность, часто приводящие к жестким конфликтам.

Очевидно, что для принятия «этносом» норм чужой культуры достаточно глубоко осмыслить принципы организации развитого современного государства, основы системы отношений и их традиционных регуляторов. Между тем, для представителя какого-нибудь африканского племени четко вписаться в нормы государственных законов жизни собственно европейской цивилизации достаточно сложно. Не смотря на то, что для них не диктуется жестко выполнение норм и законов жизни, все-таки объективно это предполагает если не разрушение, то отказ от многих моментов поведения, отношений, свойственных представителям определенных этносов и реализуемых в обычной для них среде. А это, естественно, приводит к внутреннему напряжению, особенно при желании максимально сохранить свои культурные традиции, стрессовым ситуациям в процессе адаптации личности к новым условиям жизни на принимающей территории.

В связи с резким расширением миграции в разной форме ее представленности, появлением, в частности, национальных диаспор, этнических общин как определенных форм национально-культурного самоопределения и которые являются определенными формами организации этноса в иной культурно-исторической среде, возникает комплекс новых и сложных проблем. Однако, несмотря на четко выраженные тенденции объединения мигрантов как защитной формы функционирования в чужой этнической среде, во все большей степени растет миграция в «рассеянном» варианте (отдельных семей и личностей). Это не только группы, выступающие в единстве как правило в острых, в том числе конфликтных, ситуациях, но и отдельные представители так называемых этнических меньшинств (даже при значительном количестве представленных в определенных областях), имеющих свои сложности, вызывающие особое внутреннее состояние человека, потерянного в чужой среде и часто несущего отрицательный заряд эмоций, зачастую, в скрытой форме.

Уровень и характер адаптации, естественно различается для разных вариантов миграции, разных стран, приемников мигрантов. Процесс модернизации и адаптации, например, африканцев, арабов в Европе другой, чем уровень и характер адаптации мигрантов в России, где сохранилась практика, доставшаяся от единого государственного образования, а также практика систем взаимоотношений разных этнических групп на территории страны, хотя и значительно измененная. В любом случае современная миграция требует новых *отношений*.

Необходимость принятия новых норм поведения, но главное, структурирование понимания нового, еще чужого, но которое надо понять и принять, сохраняя для себя главное свое, и принять добровольно, требует усилий, соответствующей подготовки в понимании ситуации. Главное, - это предполагает выработку соответствующих *отношений к реальности*, отношений, отвечающих объективной действительности, адекватных в плане сохранения развития будущего и поэтому отношений общих, социально значимых. В то же время это требует понимания усиления естественной потребности «защитить» и сохранить отношения, этнически значимые, связанные с культурными традициями народа, как проявления необходимого и значимого разнообразия в развитии общества. А это полагает глубинное самоопределение как важный результат развертывания отношений человека к миру.

Заложенные в базовые основания *становления* человека в *антропогенезе* [10] отношения, которые С.Л. Рубинштейн определял «как родовое свойство человека» [9, С 4] стали мощной образующей силой определения и развития человека, в организации человеческого общества на всех уровнях его устройства. *Отношения* к миру, отношения к себе, отношения к другому стали мерилем организации человеческого бытия.

С.Л. Франк писал, что «человек есть живой центр духовных сил, направленных на действительность. *Это внутреннее, субъективное отношение человека к действительности, эта направленность человеческой души на мир, образующая само существо того, что мы зовем нашей жизнью*» [11, С. 441].

Проблема *отношений* не случайно одна из наиболее значимых и активно разрабатываемых в психологии. «Понятие психического отношения представляет внутреннюю сторону связи человека с действительностью. Содержательно характеризующую личность как активного субъекта с его избирательным характером внутренних переживаний и внешних действий, направленных на различные стороны объективной действительности» [8, с.113].

Отношение выступает как «сила, потенциал, определяющий степень интереса, степень выраженности эмоции, степень напряжения желания или потребности» [8, С.49]. *Именно поэтому* отношение становится действенным фактором в развитии человека, в определении его позиций в жизни. В *отношении* человек организуется и самоорганизуется не только в своем индивидуальном жизненном пространстве, но в отношении к постигаемому им миру, который постоянно расширялся в историческом развитии общества.

И поэтому именно проблема *отношений, построение, целенаправленное формирование, организация, «воспитание» отношений* в культурной, социальной, политической сфере и особенно в образовательном пространстве (в котором в значительной степени формируется или точнее должны и могут в силу специфики их, их задач, целей и содержания деятельности, а также контингента - подрастающего поколения) приобретают особый смысл в решении проблем современного человека, степени его готовности жить в новом измененном мире. Человек в новой ситуации *вынужден отнестись к себе*, к реальной действительности, в которой он существует, к другим людям, другим законам, нормам, общим проблемам, к своей и чужой национальной культуре. И поэтому именно *целенаправленное формирование отношений* человека к действительности, к другому, к себе становится важным условием воспитания ответственности современного человека в сегодняшнем сложном мире, условием глубокой толерантности, активности, взаимоуважения и взаимопонимания людей.

Именно поэтому *поиск путей решения этнических проблем* как актуальных в современной действительности предполагает специальную разработку теории и практики построения *отношений* (к действительности, к другому, к себе) как условия *самоопределения, идентификации социальной, идентификации этнической, человеческого самоутверждения и, что очень важно, самоорганизации*. «Сущность самоорганизации состоит в организационном и управленческом

отношении к себе, своей самости, способной к поправкам в действиях, в рефлексии, в мышлении, в «воле», в самоопределении, в *отношениях* (курсив – С.Б.) разного типа и т.п. [1, С. 89].¹

Научно обоснованное целенаправленное формирование *отношений* как цели культурной и социальной политики в рамках государственной и международной сфер приобретает в этом плане большое значение и предполагает выработку соответствующей стратегии и механизма осуществления культурной политики в ее самом широком понимании. Важнейшим моментом в современной ситуации представляется целенаправленное формирование особо задаваемых своего рода «надэтнических пространств» межэтнических и межкультурных связей на соответствующих как *общезначимых*, так и *реально значимых для каждого этноса* основаниях, создающих действительный эффект этнической (национальной) причастности. Так, например, грамотная, научно обоснованная актуализация реально общезначимых (а таких в современном мире достаточно много - экологических медицинских, культурных, космических, образовательных - все более увеличивающихся и усложняющихся и которые опасно порой игнорировать) проблем, объективно *полагающих отношение* к ним всех и каждого, может стать важным моментом расширения и углубления связей и снимать напряжение в межнациональных и межэтнических взаимодействиях. Последнее предполагает, в частности, специальное выделение смысловых нагрузок таких общезначимых проблем, как *престижных для этноса (нации), поднятия их культурного и социально- политического потенциала* и предполагает в этом плане специальные, психологически аргументированные разработки.

Путь к поднятию такого *потенциала* объективно обуславливает повышение *самоорганизации* человека, группы, этноса, народа, но, прежде всего, человека как реального *носителя отношения*, рост его социальной идентификации, формирование *отношения* к окружающему миру, к другому, *к себе через себя, в своем самоопределении и самоутверждении. Общее через особенное и особенное через общее лежит в основе*

¹ Своего рода упрощенным микровариантом примера возможной ориентации на обоюдозначимое, в частности, сотрудничество в решении конкретных проблем могут стать объединения национальных республик бывшего Советского Союза в решении, например, проблемы водного режима, в частности строительства больших каналов как, Ферганского как экономически, экологически, политически общезначимого события в жизни нескольких республик, прежде всего Таджикистана и Узбекистана, обусловившего реальное сотрудничество их, но значимое и в рамках всей страны.

разработки теории и практики деятельности по решению в данном случае этнических проблем.

Создание эффекта причастности конкретных этносов, народов, групп и каждого человека к решению человечески значимых проблем обеспечивает и обеспечивается активизацией *социальной идентификации* (как важного условия развития отношений к общекультурным и социальным, экономическим и другим проблемам) и *идентификацией индивидуального Я* (основания самоорганизации, самоопределения), в том числе этнического. Но целенаправленное развитие таких отношений предполагает понимание, что *отношение* полагает не только аффективный, но и *когнитивный* компонент, а это усложняет и углубляет проблему, поскольку знание и понимание ситуации и реальной актуальности решения этнокультурных проблем в современных условиях раскрывает их глубокий смысл и политическое значение.

Естественно, такое управляемое *целенаправленное формирование отношений* предусматривает не только разработку теоретико-методологических позиций, но и сохранение определенных принципов выстраивания этно-культурной политики, нацеленной на удержание потенциала культурных программ, ориентированных на глубокое осмысление как значимости общего (решение значимых общечеловеческих проблем), так и сохранение и развитие культурного многообразия (представленного в этнических традициях) в качестве необходимого условия воспроизводства Общества в его историко-культурной целостности и в его разнообразии как объективно представленного в земной цивилизации. Необходима соответствующая стратегия и механизмы ее реализации. А это допускает создание реальных условий для осуществления многоуровневого и многохарактерного диалога представителей разных этносов, национальных объединений, государств (что, в принципе теоретически доступно, например, в рамках стран СНГ), но именно диалога на равных, выстраивающего отношения к общим проблемам как значимым своим.²

В контексте вышеназванных проблем, в данном случае межэтнических, межнациональных в их глобальном определении особое место, как отмечалось, в настоящее время занимает проблема миграций как обостренный вариант межэтнических отношений, требующий в рамках общих проблем «скорой помощи». Все углубляющееся осознание остроты и значимости проблемы миграции в современном мире заставляет искать адекватные и действенные пути решения проблемы. И одна из наиболее актуальных – проблема адаптации.

² Вспомним в этой связи распространившуюся в 60-х годах неудачную идею унификации культуры страны

В настоящее время известен соответствующий опыт и подходы к решению определенных, *частных* задач адаптации мигрантов. Так, в свое время в Израйле для прибывающих в страну иностранцев открывали специальные курсы с целью ознакомления приезжих с некоторыми особенностям культуры, обучения языку, что, безусловно, способствовало адаптации мигрантов, среди которых был значительный процент интеллигенции. В поисках путей снятия миграционных проблем в России, в частности, в целях трудоустройства введены специальные структуры для обучения мигрантов русскому языку и некоторым, наиболее значимым в создавшейся ситуации, элементам культурных традиций и норм поведения. И, хотя эффективность их еще не определилась в полной мере, уже эта мера приобретает положительное значение как *ситуативно* необходимая.

Однако миграция, о которой в настоящее время идет речь, представлена, как отмечалось выше, в более сложном варианте - как массовое явление, причинно сложно и принципиально отличное от прежних форм миграций и эмиграций. Миграция не только многохарактерна, разноуровнева, неравномерна, но и по-разному представлена территориально по своей плотности, степени рассеянности: компактная, групповая, единичная и т.д. По-разному, как указывалось выше, происходит адаптация (в том числе трудно и болезненно как для мигрантов, так и для коренного населения, в частности европейских стран и России.)

Сложные проблемы современного общества в целом, в данном случае связанные с миграционными процессами и этнокультурными ситуациями в мире, требуют более кардинальных подходов на общегосударственном уровне их решения и обсуждения в международном пространстве. Речь должна идти не об отдельных мероприятиях или совокупности действий, а о выработке большой программы взаимодействия всех субъектов международного сообщества в реальном решении ставших общими проблем (экономических, социальных, психологических, культурных). Эта программа должна быть создана на основе глубокого анализа сложившейся ситуации, решений, в которых особое место объективно займет проблема *отношений* как кардинальная в определении позиций всех субъектов мирового сообщества в своем отношении к реальности во всей сложности ее представленности и самоотношении. Естественно это предполагает и разработку программ государственных, региональных, в данном случае в России, в которых при сохранении всех общих сложностей проявления миграционных процессов сохраняются свои особенности. Совершенно очевидно, что решение этнических и национальных проблем в стране, где на протяжении многих десятков лет выстраивались межсубъектные отношения по принципу равенства и доверия и поэтому сохраняется своего рода психологически

формируемая дозволенность передвижения по ее территории, тема **отношений** в самом широком их понимании как важнейший психологический действующий фактор (значимый во всем мире) в данном случае в решении межэтнических проблем в жесткой современной ситуации в стране приобретает особый смысл.

Отношение к действительности, к общим человеческим проблемам, (которые в настоящее время реально становятся всеобщими и касаются каждого), к другому обществу, другому человеку его культуре, языку своего этноса, к себе - это не однозначные и сложно обуславливаемые явления, но базирующиеся на реализации важнейшего человеческого свойства, заложенного в природу человека и проявляющегося сложно и по-разному. И в психологии проблема отношений не случайно, как отмечалось, выступает одной из главных, поскольку в отношениях не только объективно осуществляющихся, формирующихся в жизни, но и специально выстраиваемых, прежде всего в образовательном пространстве - реально формируется и проявляется человек. Одним словом, речь идет о выделении проблемы отношений в качестве особой и значимой в современном мире.

И в сегодняшней, значительно измененной и обостренной ситуации функционирования и развития общества и человека возникает сложная, но чрезвычайно важная задача - *научить* человека по-новому *относиться* к другому, к *общему*, как условию своего благополучия и благополучия всех, к своей культуре, языку, к себе как мерилу самоорганизации, самоопределения, мерилу культуры человека. То есть обостряется вопрос об *образовании и целенаправленном воспитании культуры отношений человека XXI века*, необходимости специальной разработки теории культуры отношения (и именно не только в индивидуальном варианте, отношений в группе и т.д., глубоко разрабатываемых в психологии, а о *воспитании культуры отношения как важнейшего условия выстраивания взаимодействия в формировании будущего общества (взаимодействия между людьми, народами, странами, нациями и т.д.)*, в котором предусматривается равенство всех в решении своих и *общих проблем как своих* (свое через общее), без чего проблематично само будущее человека, но где в основе лежит воспитание человека на его индивидуальном уровне. И в этом плане разработка теоретико-методологических оснований организации воспитания **отношений** как важнейшего компонента развития человека, в данном случае воспитания отношения к другому, к его культуре. полагают включение в образовательный процесс соответствующих образовательных программ, обеспечивающих усвоение культуры отношений.

Это может быть, например, программа типа «Человек мира и человек в мире» для школьников, где в рамках культуроведения, географии, истории и других предметов и при соответствующих

методических подходах раскрывался бы на основе психологических принципов *познания, осмысления, понимания, узнавания* разнообразный мир человека и формировалось соответствующее *отношение* к этому разнообразию, к другому, к иному, к человеку *в целом как к себе* при всем его отличии. Этого требует современный мир. И это нужно человеку, чтобы не только выжить в этом мире, но и выстраивать новый.

References:

- [1] Anisimov O.S. The Self and self-organization in the context of the self (for motion " I Ching " - " Book of Changes ") World of Psychology - 2011 - № 4. - P.89 .
- [2] Baklushinsky SA, Belinskaya EP The development of ideas about the concept of social identity // Ethnos . Identity. Education / Ros . Acad . Education , Center for the Sociology of Education ; ed. V.S. Sobkin . - M . : Center for the Sociology of Education RAO , 1998. - 267 p.
- [3] Bondyreva S.K., D.V. Kolesov . Migration: essence and phenomenon. - 2nd ed. stereotypical . M - Voronezh : MODEK , 2007. - 296 p.
- [4] Bondyreva S.K. Another in the ethnic self-determination and general cultural-definition // World of Psychology - 2004 - № 3 (39). – P. 19-34.
- [5] Survival (factors and mechanisms): . Manual / S.K. Bondyreva, D.V. Kolesov. -. 2 nd ed. - M .Voronezh: Publishing house of the "MODEK", 2007. - 368 p.
- [6] Levi-Strauss C. Prehistoric thinking. Trans., Joined. Art. and approx. A.B. Ostrovsky. - M . : The Republic, 1994. - 384 p.
- [7] The identity, culture, ethnicity: the modern psychological anthropology / A.A. Great. - M . : Meaning, 2001- 555 p.
- [8] Myasishev V.N. Psychology of Relations : Selected psychological works . / V.N. Myasishev ; Ed. A.A. Bodaleva . - M . : Institute of Applied Psychology ; Voronezh : MODEK , 1998. - 368 p.
- [9] Rubinstein S.L. Problems of general psychology. - M . : Education, 1973. - 424 p.
- [10] Saiko E.V. Subject : Social media and the creator . - M . : Voronezh , MODEK , 2006. - 424 p.
- [11] Frank S.L. Reality and people. M . : The Republic of 1997 . – 441p.

Seregin A.V., Leonenko D.A.

INTERACTION MODEL OF ADVERTISING ON THE MINDS OF THE CUSTOMER AUDIENCE

Seregin A. V., кандидат философских наук, Уфимский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Russia

Leonenko D. A., студент специальности «Прикладная информатика», Уфимский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, Russia

Abstract

В статье рассмотрены основные модели взаимодействия на сознание потребителей, а также раскрыто понимание данных моделей. В заключение указаны определенные недостатки рассмотренных моделей взаимодействия.

Ключевые слова: advertising, advertising activity, interconnection, consumer awareness, consumer audience.

В условиях современного развития потребительского рынка трудно не согласиться с утверждением о том, что «как массовое общественное явление рекламная деятельность несет в себе огромный культурный потенциал, способный при определенных условиях положительно влиять как на отдельного человека, так и на общество в целом», [1,18] где важнейшим фактором указанного влияния служат модели воздействия на сознание аудитории потребителей. Отнюдь в настоящем повествовании будут рассмотрены четыре основные модели влияния.

Первую модель условно можно назвать, как «иерархия эффектов», смысл которой заключается в том, чтобы сформировать лояльность к торговой марке или стимулировать потребителя часто использовать приобретенный товар. Таким образом, следует выделить следующие уровни эффективности данной модели:

- 1) включение в коммуникацию;
- 2) внимание;
- 3) интерес;

- 4) понимание содержания;
- 5) формирование четкого мнения;
- 6) обретение надлежащих навыков;
- 7) согласие с позицией оппонентов;
- 8) закрепление изменений в сознании;
- 9) запоминание важной информации;
- 10) принятие решения на основе этой информации;
- 11) действия после принятия решения;
- 12) закрепление новой модели поведения.

Отсюда рекламная деятельность влияет на сознание потребителей «поэтапно» по принципу «познание-эмоции-поведение» и состоит из когнитивных, эмоциональных, поведенческих компонентов. Следовательно, к когнитивным компонентам относятся: внимание, понимание, обучение. К эмоциональным компонентам – интерес, оценки, установки, убеждения. К поведенческим компонентам – намерение, поведение, действие. Однако, необходимо учитывать здесь и то, что, помимо рекламной деятельности, на сознание потребителей влияют различные процессы, связанные с их индивидуальными особенностями и подлинным качеством продуктов определенных торговых марок.

Вторую модель следует назвать, как модель «двух процессов» или как модель «альтернативных способов», которая, по сути, является своеобразным продолжением модели «иерархии эффектов». Смысл данной модели заключается в уровне вовлеченности получателей рекламной информации. Отсюда, если вовлеченность высока, влияние рекламы в основном зависит от качества аргументов, где вначале возникает соответствующее отношение к продукту, а затем – намерение и действие. Таким образом, формируется положительное отношение к рекламе, а также – намерение совершить покупку. Поэтому, если потребители активно вовлечены в рекламную деятельность, то для них важны рекламные аргументы, а качество рекламируемой продукции, порой, отходит на второй план.

Однако, необходимо учитывать и то, что чаще всего потребители рекламу воспринимают безучастно. Отсюда возникла модель «вероятности тщательной проработки», где внимание сфокусировано на мотивации потребителя и его способности к обработке рекламной информации. Следовательно, в таком случае эффективность рекламы зависит от количества «раздражителей», которые потребители оценивают положительно, что упрощает понимание рекламных сообщений и изменению отношения к определенным товарам и услугам. Однако, данной модели не удалось избежать критики. Так, «стратегия эмпирической обработки информации» основана на предположении, что установки формируются не только с помощью коммуникации, но и

являются результатом эмоциональной переработки сообщений, что до конца еще не исследовано.

Третьей моделью воздействия рекламы на сознание потребителей служит модель «двойного посредничества». Смысл данной модели заключается в отношении к рекламируемой торговой марки, от самочувствия потребителей и от частоты повторяемости рекламных роликов. Однако, отношение к рекламе многомерно. Следовательно, чтобы изменить отношение к продукту, нужно чаще повторять «привлекательную» рекламу. Поэтому, при разработке рекламной кампании нужно обращать свое внимание на две вещи. Во-первых, положительное отношение к рекламе не смогли путать с позитивными эмоциями, которая она вызывает. Во-вторых, позитивные и негативные эмоции не стоит рассматривать отдельно, ибо все они зависят от «дополнительных» условий бытия потребителей.

Наконец, четвертая модель получила название – модель Росситера и Перси, которая включает в себя пять факторов влияния на сознание потребителей. Первый шаг – обеспечить потребность в определенной категории товаров, ибо критерием известности любого продукта является его вспоминание и узнавание. Второй шаг – это отношение к торговой марке, ибо оно основано на убеждении, которое связывает бренд с мотивацией потребителей, где выделяются восемь основных мотивов. Указанные мотивы – это:

- 1) устранение проблемы;
- 2) избежание проблемы;
- 3) неполное удовлетворение;
- 4) смешанное «приближение-отдаление»;
- 5) обычное истощение;
- 6) сенсорное удовлетворение;
- 7) интеллектуальный стимул;
- 8) социальное признание.

Третий шаг – это поиск информационных мотивов, ибо любой потребитель ищет информацию, чтобы избежать негативного состояния.

Четвертый шаг – это намерение совершить покупку, что можно понимать как начало заключительного действия.

Наконец, пятый шаг имеет статус «дополнения», который, очень часто, рекламные мероприятия делают неэффективными, ведь если трудности, то факта покупки не будет. [2, 96-116]

В заключении хотелось бы выразить надежду на то, что изложенный материал помог «посмотреть рекламу совершенно новым взглядом» [3,338] и дал мощный импульс для дальнейших размышлений над поистине многогранной и интереснейшей обозначенной проблематикой.

References:

- [1] Lebedev, Lyubimov A.N. Psychology of Advertising. SPb .: Peter, 2008.-384 p.
- [2] K. Moser Psychology of marketing and advertising. Kharkov: Humanities Center, 2013.-336 p.
- [3] Pesotsky E.A. Modern advertising. Rostov-on-Don: Phoenix, 2003.-352 p.

EDUCATION

Issayeva Z.A., Yessimova Sh.A., Trapitsyn C.U.

CONCEPTUAL BASES OF SYSTEM OF POSTGRADUATE TRAINING OF MANAGERS EDUCATION HIGHER EDUCATION IN THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION

Issayeva Z.A., Doctor of Education, professor, Senior Fellow at the Center of academic programs of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan)

Yessimova Sh.A., Doctor of economics, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan)

Trapitsyn C.U., doctor of pedagogical sciences, professor, head of "Education Management" State Pedagogical University. Herzen (Russia)

Abstract

The results of the development of the conceptual foundations of the design of the new model of pedagogical system of post-graduate management education higher education and organizational and methodological tools for implementing it in practice, which are obtained through participation in research grants to the years 2015-2017 in the field of socio-economic sciences and humanities Ministry of education and science of Kazakhstan priority "Intellectual potential of the country

Необходимость разработки Концепции системы послевузовской подготовки менеджеров образования высшей школы (далее- Концепция) обусловлена возрастающей значимостью управления образовательными системами высшего профессионального образования в контексте

инновационного развития вузов. Интеграция высших учебных заведений, создание международных образовательных программ и сетей - отражают тенденцию к формированию интернационального образовательного пространства. Его отличают многоуровневость, многоступенчатость, гибкость, вариативность, открытость и поликультурность, непрерывность и учет региональных факторов.

В связи с этим возникает острая потребность в создании более эффективной и современной послевузовской системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров для системы высшего профессионального образования, а также для органов управления высшим образованием.

Предполагается, что разработанная модель педагогической системы послевузовской подготовки менеджеров образования высшей школы и организационно-методический инструментарий для внедрения ее в практику, позволит осуществлять вариативную организацию образовательного процесса подготовки, переподготовки и повышения квалификации управленческих кадров по современному образовательному менеджменту, ориентированных на работу в международных научно-исследовательских комплексах высшего образования образовательных; инновационных университетах, учебных заведениях профессионального высшего образования и органах управления высшего образования.

Концепция представляет собой сложную, целенаправленную, динамическую систему теоретико-методологических и методико-технологических знаний, основных положений и руководящих принципов. Сложность системы знаний означает многообразие ее компонентного состава и связей внутри системы. Каждый раздел концепции имеет свое функциональное назначение, обеспечивая ее целостность и полноту. Иерархическая структура концепции как системы знаний предусматривает наличие уровней подчиненности, определяющих логику развертывания ее общего содержания.

Основными источниками создания Концепции являются:

- социальный заказ общества, зафиксированный в нормативных документах, объективных потребностях общества и системы высшего образования на современном этапе;
- зарубежный и отечественный опыт подготовки менеджеров образования, анализ тенденций его развития;
- изменяющиеся требования к знаниям, компетентности, профессионально-управленческой подготовке управленцев в системе высшего образования;
- новые требования к менеджерам образования высшей школы, которые должны быть готовы к управлению вузом в современных условиях;

- теоретические концепции, фиксирующие современный уровень развития менеджмента как науки и практики;
- практический опыт подготовки менеджеров образования.

На общую концепцию управления вузами оказывают влияние и процессы модернизации высшего профессионального образования, направленные на усиление роли национальной системы образования в социально-экономическом развитии страны, обеспечении экономического роста, социальной стабильности, развития института гражданского общества.

Концепция опирается на:

- фундаментальные теории современного менеджмента;
- исследования, отражающие современные тенденции развития высшего образования
- работы, посвященные прогнозированию развития систем высшего образования;
- труды, обращенные к проблемам отношений, деятельности и взаимодействия субъектов образовательного процесса в высшей школе;
- исследования, раскрывающие сущность системного подхода к управлению вузом;
- работы, характеризующие механизмы реализации процессного подхода к управлению вузом.

Многочисленные исследования, как следует из перечисленных положений, показывают многоаспектность и междисциплинарный характер проблемы подготовки менеджеров образования высшей школы.

Основываясь на определении цели как антиципированного представления результата какого-либо действия, мы определяем **цель разработки Концепции** как теоретико-методологическое и организационно-содержательное обеспечение процесса профессиональной подготовки менеджеров образования высшей школы как специфического процесса, направленного на становление новых лидеров высшего образования, обладающих необходимыми компетенциями для осуществления деятельности по управлению современным вузом.

Для создания модели послевузовской подготовки менеджера образования высшей школы используются как теоретические методы (сравнительный анализ моделей подготовки менеджеров образования, анализ передового опыта их подготовки, изучение нормативно-правовых актов в сфере образования, научной и методической литературы и др.); так и эмпирические методы (наблюдение, анкетирование, опрос, социологические исследования и др.).

Структура модели послевузовской подготовки менеджеров образования высшей школы включает в себя:

- факторы, определяющие успешность профессиональной деятельности и успешность подготовки к профессиональной деятельности;

- целевой блок, включающий и задачи, решаемые в ходе формирования готовности к профессиональной деятельности;

- этапы профессионального самоопределения;

- комплекс педагогических технологий, реализуемых в учебной и внеучебной деятельности как механизм, позволяющий использовать позитивный и минимизировать негативный потенциал субъективных внутренних и внешних факторов, влияющих на успешность профессиональной деятельности;

- условия формирования готовности к профессиональной деятельности, включающие мониторинг факторов, обучение, способствующее формированию готовности к профессиональной деятельности и активную профессионально личностную позицию в учебном процессе;

- оценочно-результативный блок, уточняющий критерии, показатели и уровни готовности к профессиональной деятельности.

Формирование готовности менеджеров образования высшей школы к профессиональной деятельности является системным процессом, который детерминирован совокупностью внешних и внутренних факторов. Поэтому стоит задача на основе теоретического анализа и эмпирического исследования выявить факторы формирования готовности менеджеров образования высшей школы к профессиональной деятельности, которые бы обладали способностью минимизации негативных и усиления позитивных факторов. В процессе подготовки менеджеров образования высшей школы существует объективная возможность управления рядом факторов, которые находятся в зоне полномочий субъектов (организаторов) подготовки с целью минимизации влияния негативных факторов для достижения цели формирования готовности к профессиональной деятельности. Отсюда необходимость мониторинга факторов, результаты которого позволяют своевременно корректировать цели и задачи, а также содержание, формы и средства процесса формирования готовности к профессиональной деятельности.

Целевой компонент модели подготовки менеджеров образования высшей школы заключается в обосновании и реализации комплекса задач, таких, как формирование знания о сущности профессиональной деятельности; ценностного отношения к ней; профессиональной подготовленности к деятельности, интереса к ней и формирование профессионально важных качеств.

Процесс формирования готовности к профессиональной деятельности протекает как в учебной, так и внеучебной деятельности, каждая из которых осуществляется посредством системы учебных

модулей и привлекаемых для их освоения педагогических технологий. Учебные модули и педагогические технологии являются интегрирующим фактором в процессе формирования готовности менеджеров образования высшей школы к профессиональной деятельности, если их выбор направлен на моделирование типичных управленческих ситуаций в практике управления высшего образования, индивидуализацию обучения, увеличение активного времени каждого обучающегося и усиление наглядности, т.е. создание ситуаций, помогающих увидеть различные стороны профессиональной деятельности менеджера образования высшей школы.

Комплекс учебных модулей и педагогических технологий, реализуемый в учебном процессе и внеучебной деятельности, представляет операционно-деятельностный компонент модели подготовки менеджеров образования высшей школы. Их связывает общая цель – создание образовательной среды, способствующей профессиональному становлению менеджеров образования высшей школы, результат которого выражается в их готовности к профессиональной деятельности, профидентичности и профпригодности. Таким образом, в результате реализации комплекса учебных модулей и педагогических технологий обучения менеджеры образования высшей школы приобретают новое качество, интегрирующее общекультурные и профессиональные компетенции, необходимое для осуществления управленческой деятельности, обеспечивающее ее успешность.

Полагаем, что для успешного управления процессом формирования готовности менеджеров образования высшей школы к профессиональной деятельности необходим также комплекс организационно-педагогических условий, связанных с их выделением в отдельный объект управления; определением ответственного за их обеспечение человеческими, финансовыми, материально-техническими, информационными ресурсами; координацию деятельности педагогов и обучающихся; анализ и коррекцию в виде мероприятий предупреждающего и корректирующего характера. Важным условием, обеспечивающим запуск процесса формирования готовности менеджеров образования высшей школы к профессиональной деятельности, является мониторинг факторов ее успешности. Следующим условием является обучение менеджеров образования современным управленческим технологиям. Для этого в модель включены специальные учебные модули. Их главная функция – формирующая. Предполагается также проектирование и реализации специальной программы повышения квалификации преподавателей, направленной на овладение педагогическими технологиями подготовки менеджеров образования высшей школы. Она предназначена для развития у преподавателей с различным опытом, установками и интересами заинтересованного

отношения к овладению современными педагогическими технологиями, как детерминирующему условию, обеспечивающему формирование готовности менеджеров образования высшей школы к профессиональной деятельности.

Результаты исследований доказывают, что успешное формирование профессиональной компетентности менеджеров образования высшей школы возможно в результате реализации следующей системы условий:

а) определение содержания профессиональной подготовки менеджеров образования высшей школы на основе реальных проблем управления современным вузом;

б) учет специфики типовых управленческих ситуаций разных категорий менеджеров образования высшей школы и их моделирование в процессе профессиональной подготовки;

в) дифференциация содержания и организационных форм обучения для разных категорий менеджеров образования высшей школы;

г) организация активного управленческого взаимодействия для формирования основных компонентов профессиональной компетентности.

Реализация этих условий будет возможной в результате использования специальных педагогических средств:

а) создание системы учебных курсов (программ, пособий) для профессиональной подготовки менеджеров образования высшей школы по актуальным проблемам управления современным вузом;

б) изучение и систематизация типовых управленческих ситуаций разных категорий менеджеров образования высшей школы, а также их проектирование в процессе обучения;

в) использование активных методов и форм обучения: проблемные лекции, управленческие практикумы, «мозговой штурм», анализ управленческих ситуаций, учебно-ролевые и деловые игры, социально-психологический тренинг, видеотренинги для формирования основных компонентов профессиональной компетентности.

Оценочно-результативный блок модели направлен на определение результативности процесса формирования готовности менеджеров образования высшей школы к профессиональной деятельности. В качестве критериев готовности могут быть выделены: когнитивный, мотивационный, деятельностный и личностный. Когнитивный критерий позволяет определить глубину, систематичность, объем знаний менеджеров образования высшей школы. С помощью мотивационного критерия становится возможным составить представление об их ценностном отношении к профессиональной деятельности. Деятельностный критерий необходим для оценки уровня готовности к профессиональной деятельности. Личностный критерий дает возможность

выявить уровень профессионально важных личностных качеств менеджеров образования высшей школы, необходимых для успешного осуществления профессиональной деятельности. Степень выраженности каждого критерия определяется через уровни сформированности: пессимальный, номинальный и оптимальный. Для оценки готовности менеджеров образования высшей школы к профессиональной деятельности используется специально разработанный инструментарий.

При этом эффективность подготовки менеджеров образования высшей школы должна определяться в двух разрезах:

- на уровне учебного процесса (во время подготовки менеджера образования высшей школы);

- на уровне управленческого процесса (непосредственно в вузах, где работают участники подготовки).

На основе Концепции осуществлена разработка организационно-методического инструментария для использования и внедрения в практику новой модели педагогической системы послевузовской подготовки менеджеров образования высшей школы: разработка экспериментальных учебных планов по специальности «Менеджмент в сфере высшего образования» по направлениям подготовки: магистратура – докторантура PhD и модульных программ переподготовки и повышения квалификации административно-управленческого корпуса на базе современных квалификационных и компетентностных требований к руководителям и менеджерам высших учебных заведений и других организаций, реализующих образовательную функцию в современной организации.

Обобщенный анализ исследовательских данных позволил определить общие характеристики учебных модулей программы подготовки менеджеров образования.

Первый модуль *мотивационно-диагностический*. Он реализуется через создание мотивации к управленческой деятельности, погружение в простейшие формы управленческой практики (реальные или модельные) и осознание менеджером образования себя как субъекта управления.

Второй модуль – *концептуально-технологический* – связан с вхождением менеджера образования в культуру управленческого труда. Целью этого модуля является формирование способностей проектировать управленческую деятельность на основе научных критериев и реконструировать ее за счет использования в рефлексии специальных критериев мыслительной деятельности. Культура мышления и деятельности становится базовым компонентом информационной составляющей этого модуля.

Третий модуль процесса подготовки – *рефлексивно-методологический* – направлен на формирование творческих способностей менеджера образования, то есть готовит обучаемого к

творческой профессиональной деятельности. Формирование этих способностей обеспечивается за счет включения слушателей в реальную управленческую деятельность, организации рефлексии этой деятельности и вооружения критериями исследовательского труда в сфере образования.

Четвертый модуль процесса подготовки менеджеров образования — *методический* — направлен на формирование способностей к адаптации управленческих знаний (концептуально-технологических моделей управленческой деятельности) в практике, то есть способностей к научно-исследовательской и методологической деятельности. Необходимым условием формирования этих способностей является специальная организация рефлексии конкретной управленческой деятельности.

Пятый модуль — *социальный* — имеет специфическую направленность: обеспечивает становление и развитие менеджера образования как субъекта социально-профессиональной жизни.

Применяемые в определенной последовательности и взаимодополняющие друг друга учебные модули создают в процессе подготовки менеджеров образования условия для формирования основных компонентов профессиональной компетентности:

1. Включение менеджеров образования в активную познавательную и практическую деятельность, что обеспечит:

- овладение знаниями основ управления и осознанию значимости этих знаний;
- овладение умениями и навыками, обеспечивающими эффективность управления.

2. Включение менеджеров образования в квазипрофессиональную деятельность, способствующее:

- глубокому осознанию процесса управления и его составляющих;
- переконструированию в результате такого осознания мотивов управленческой деятельности (усиление значения социальных, собственно управленческих мотивов и мотивов личностного развития);
- формированию позитивного отношения к практическому использованию психологических закономерностей управления.

3. Включение менеджеров образования в исследовательско-аналитическую деятельность, позитивно влияющую на:

- актуализацию потребности в самопознании и самоанализе своих личностных качеств;
- формирование адекватной самооценки (в процессе выделения управленческих и личностных качеств);

формирование потребности и умений использовать знания о себе с целью оптимизации управления, профессионального и личностного совершенствования

Содержание методики состоит в применении следующих технологий: информационно-аналитические, проектировочные, имитационные, технологии наставничества, консультирования, доверительные свободные сессии под руководством экспертов, вебинары. В программы включаются часы стажировки, организованные по принципу резиденства — обучение на стажировочной площадке под руководством успешного руководителя. Для менеджеров образования будет выпускаться электронный бюллетень, содержащий аналитические материалы. Данные материалы обсуждаются и используются при работе управленческих команд.

Научные и практические результаты исследования создадут возможности для прорывных результатов в:

- повышении качества управления современной системы высшего профессионального образования;
- переходе к устойчивому инновационному развитию казахстанских вузов;
- создании эффективных социально-экономических механизмах развития интеллектуального потенциала нации в условиях индустриально-инновационной экономики Казахстана.

References:

- [1] Message from the President of the Republic of Kazakhstan - Leader of the Nation NA Nazarbayev to people of Kazakhstan "Strategy" Kazakhstan - 2050 ": new political course of established state". - Astana, December 14 2012.
- [2] Bell D. The coming post-industrial society. - M.: Academy 1999.
- [3] Innovative development: the economy, intellectual resources, knowledge management / ed. BZ Milner. - M.: INFRA-M, 2009.
- [4] Isaeva Z.A. A multidisciplinary approach to the problem of preparation of managers of higher education schools: Sat. XIV scientific works of the international conference "Modern scientific research concept." - (Russia, Moscow, 29-30.05.2015) / International Gazette Journal Eurasian Union of Scientists (ESU) - number 5 (14) - 2015 - pp 64-66
- [5] Isaeva Z.A., Trapitsyn S.Y. Main trends of world educational space and the processes of modernization of the higher school educational systems: Sat. IX scientific materials of the international scientific-practical conference "Education: Tradition and Innovation" (8 October 2015) - Prague, Czech Republic: The publishing house WORD PRESS s r.o., 2015.- pp 213-220.

Social Science and Humanity #3 2016

- [6] Mihalēnok N.O. Formation of a new mechanism for economic management institution //http://e-koncept.ru/2013/13540.htm.
- [7] Novoselov S.Y., A.A. Kuznetsov, Tsiryulnikov A.M. Pudenko TI, Chechel ID, IA Waldman, Bashkina GV Priority directions of fundamental scientific research in the field of management education. // Problems of modern education. - 2012.- № 4. - S. 5-20.
- [8] Oleinikova O.N., Muraveva A.A., NM axon Ensuring the quality of vocational education and training in Europe: current status and major trends .- M .: ANO Center IRPO, 2011. - 100 p.
- [9] Trapitsyn SY Education in the XXI century: problems of quality of higher education. Nizhny Novgorod // education. - 2012. - № 4.- pp 19-27.
- [10] Trapitsyn SY Preparing innovative managers for the modern university. // Oil and gas business. - 2013. - № 11-1- pp 172-175
- [11] Management of the higher education institution: a textbook / ed. Dr. ehkon. Sciences, prof. SD Resnick and Dr. Sci. Sciences VM Filippov. - 2nd ed., Rev. - M .: INFRA-M, 2010. - 768 p.
- [12] Shamova TI, TM Davydenko, Shibanov GN Management education sistemami.- M .: Academy 2007.

ART HISTORY

Tuyakbaeva A.S.

LANGUAGE AND INTERCULTURAL COMMUNICATION. LANGUAGE - THE GUARDIAN OF NATIONAL CULTURE

Tuyakbaeva Aigul Shaimuratovna, Kazakhstan, Almaty, The
Kazakh National Academy of Arts T.Zhurgenov Doctorate PhD

Abstract

In the first part of this article describes the status of language in modern society. The following part includes the Kazakh language, as guardian of the spiritual and national culture. on the example of proverbs and sayings, stressed the depth of morality, as well as their significance. In this article the folk and traditional nature of the Kazakh people, versatile analyzed national and cultural values, as well as researched and subjected to systematic and scientific analysis of features of development of national identity and culture of the Kazakh language speech communication as a factor in the development of spirituality.

Keywords: language, spirituality, national, proverbs, impersonation.

В истории говорится о том, что первобытные люди общались между собой языком жестов, затем у людей появилась потребность закрепить те или иные события на более долгий срок, и они оставляли знаки, для ориентировки на камнях, так появились первые петроглифы. О том, что устная речь появилась раньше письменной речи всем известно, об этом свидетельствуют наши, жырау, жыршы, салы, и сери, ведь не все ими сказанное: (мудрые изречения, толгау, терме и т. д.) не дошли до наших времен. В своем развитии человечество достигло таких высот, что уже современная молодежь не представляет свою жизнь без мобильных телефонов, без СМИ, без компьютеров и интернета. Но входя в науку, в погоне за новыми научными разработками и технологиями мы порой

забываем о том, что есть и другая сторона развития человечества - это Духовная сторона. А духовность человека – это в первую очередь красивый, богатый, многогранный, родной язык. В своей книге «Тенгрианство – религия тюрков и монголов» Р. Безертинов о языке пишет: « Язык - объективно существующее явление в жизни человеческого общества. При помощи языка сохранены величайшие человеческие ценности, созданные предшествующими поколениями. Структура языка влияет на структуру мировосприятия. Язык – это код. Одна из основных функции языка – освоение мира и усвоение его. Язык – это слова с их значениями. Слова являются инструментом познания мира. Мысли выражаются через слова. Слово состоит из звуков. Слово и речь являются важнейшими компонентами психики человека. Между мышлением и речью существует прямая связь. По своей сути членораздельная речь является, прежде всего, формальной системой кодирования содержания предметно – образного мышления человека. У человека, отличающегося от животных возможностью абстрактно – логического мышления и членораздельной речью, процесс обучения обрел новое качество: человек стал говорить о том, что не мог вразумительно показать телом». [1]

Общеизвестно, что казахский язык - является государственным языком Казахского народа, ведь восемьдесят процентов населения Казахстана общаются между собой посредством – родного, казахского языка. Официально статус государственного - казахский язык приобрел после получения Казахстаном независимости. Кроме коренного населения казахов у нас в стране проживают и другие народы: уйгуры, татары, курды, корейцы, русские, украинцы, узбеки и т.д. Всего в Казахстане, самих казахов 18 миллионов. Кроме своей Родины казахи живут в более 50 странах мира.

На сегодняшний день не только сами казахи, но и другие живущие в Казахстане народности стараются говорить на нашем языке. Они отдают своих детей в казахские садики и школы. Это хорошо, что мы стали независимым государством иначе мы могли бы исчезнуть, как нация, ведь во времена Советского союза многие казахи стали забывать свой родной язык. В восьмидесятых годах в городах приезжих с аулов казахов называли оскорбительно, только потому, что они не знали или с трудом говорили на русском языке. А те, кто смеялся и хорошо говорил на русском языке, не знали родного казахского языка, и даже своего происхождения. Кто он, из какого рода, жуза и т.д. А раньше незнание своего прошлого, происхождения до седьмого колена, считалось позорным, таких людей казахский народ мог изгнать. Это позже их уже не трогали, из жалости и прозвали их манкуртами. Старики и бабушки в аулах, тех казахов, которые не знали своего родного языка, называли – мәнкурт, мақлук. Наша библиотекарь в школе говорила: - «Прочитав

книгу, ты можешь коснуться нашей истории, а в хорошей поговорке или пословице или поговорке со смыслом, сказанной в нужное время, ты можешь коснуться духа наших предков». Современная молодежь не читает книг, а в 80-х и 90-х годах стеснялась говорить на своем родном языке, за этот период наш родной язык оказался на грани исчезновения, все это зависит от нашего с вами воспитания. Огромное спасибо главе государства в том, что вместе с нашими уважаемыми учеными профессорами забили тревогу и стали развивать программу внедрения казахского языка во все государственные учреждения, школы, садики и стали усиленными темпами переходить на государственный казахский язык, иначе нам грозила бы опасность исчезновения как нации. Казахский язык - это не только достояние нашей нации, не только наше будущее, это в первую очередь наше прошлое, родословная, корни, духовность, мудрость наших предков, величие и статус нашего народа. В казахском, родном языке все наше воспитание и культура. Помню старики, и бабушки раньше говорили: «тілін білмеген - елін білмейді, елін білмеген - жерін білмейді, жерін білмеген - озін білмейді». «Тот, кто не знает своего языка – не знает свой народ, кто не знает своего народа - не знает своей Родины, кто не знает своей Родины - не знает себя». Даже в этом коротком высказывании наши предки коротко и ясно выражают свою мысль, а какая обширная мысль и трагичность в этом высказывании. Конечно, откуда может знать культуру своего народа человек, который не знает своего языка. Человек знающий свой язык - это духовно обогащенный, а если он воспитывался в хорошей семье, в которой соблюдаются правила и нормы семьи (уважение старших, правильная встреча гостей, хорошие отношения с соседями и т. д.) где почитают и знают национальные обряды и традиции, это душой наполненный человек. Это - богатство мыслей, сила чувств и убеждений. У такого человека богатый кругозор охватывающий горизонты науки в любой сфере, высокая культура чувств, и все это в полной мере становится достоянием передового человека.

А. Мухамбетова в своей книге «Казахская традиционная музыка и 20 век» пишет: «В человекопонимании казахов выделяется восемь базовых категорий нравственно-духовного каркаса этики. Это сана - разум, сезім - гармония, ар - честь и достоинство, ұят - совесть, намыс - гордость, қанағат - умеренность, игілік - благодеяние, талап - стремление быть духовно цельным и одновременно всесторонне развитым, как восьмигранный кристалл алмаза.

Салы, сери, жырау, жыршы в понимании казахов, являются настоящим «восьмигранным» человеком» - «Сегіз қырлы, бір сырлы» (восьмигранный, знающий, владеющий одной тайной) - сакральный тип тэнгрикана, наделенного многосторонними дарованиями. В своем исходном генетическом основании деятельность 8 қырлы представляла духовно-практическую целостность, выделявшихся благодаря своему

незаурядному уму, духовности, творческому дару, безусловным артистическим способностям, а самое главное умением говорить, правильно выражать мысли». [2]

Бесспорно, казахский язык очень богат, этому подтверждение произведения наших, всему миру известных писателей: Абая, Шакарима, Магжана Жумабаева и т. д. Наши акыны, жырау, бии говорили не просто, они умели выражать свои мысли и передавать критику народа особым способом (астарлап сөйлеу, мақалдап сөйлеу, м-дап сөйлеу), через пословицы, поговорки и особым, никому кроме определенного круга людей непонятным языком и жестами. Казахские пословицы и поговорки - это огромный клад культуры, мудрости наших предков. Это - огромнейшая история нашего народа, которая поместилась в нескольких словах или словосочетаниях. Это не только наша история, наш уклад жизни. Все - чем дышали, как жили наши предки, это - огромнейший божьи дар поэта в каждом казахе. Ведь во времена салов, сери, жырау, жырышы, акынов, биев любой из них, и даже некоторые джигиты и красавицы из простого народа в песенных состязаниях мудро, мастерски, поэтично рифмуя, могли выражать свою мысль. Кто не мог красиво говорить, старались вообще молчать, это тоже считалось правильно, ведь хорошо воспитанный, скромный человек поступает обдуманно, и старые люди раньше говорили: «коп сөз, боқ сөз» - поэтому тех, кто попусту много не говорил, уважали. Ведь небрежно и необдуманно сказанным словом можно оттолкнуть от себя собеседника, напугать его, и что еще хуже нечаянно обидеть. Слово, способно не только доставить радость и эстетическое наслаждение, оно может затронуть потаенные струны души, и может изменить внутренний мир человека, поменять его взгляды и даже помочь сориентироваться в некоторых жизненно важных ситуациях. «Слово, проникая в глубь души, ей сообщает собственную форму», - справедливо заметил О. Сулейменов. [3]

Только высокая тонкая культура общения поможет, позволит нам взойти на новую духовную ступень эволюции и не уподобиться окончательно стае хищных волков, пожирающих менее слабых, менее горластых, которые не умеют брать криком. Только слушание и слышание есть залог того, что человек осознает и поймет, что культ силы, власти и денег не есть подлинно культурный путь. Путь культуры – путь ненасилия, то, что определяется философом К.А. Абишевым как категория слабости (то есть нравственности, добра, милосердия). Характерной чертой нового времени наряду с развитием наций и национальных языков является также неуклонный рост международных связей, всесторонних и всё более массовых контактов между народами, в том числе контактов языковых. Большое распространение получают в современном мире двуязычие и многоязычие больших групп населения. Велика и всё больше

возрастает роль языков межнационального общения и международных организаций - английского, французского, испанского, русского, китайского, арабского (эти шесть языков являются официальными языками ООН). Во всех языках мира наблюдается непрерывный рост общих элементов - интернационализмов.

Таков краткий ретроспективный взгляд на духовный облик нашей земли и ее народа. Многие из ее золотого фонда безвозвратно утеряно. Мы не должны потерять наш с вами казахский язык - это драгоценный живительный сок, сбереженный для нас нашими предками.

References:

- [1] Bezertinov R.N. Tengrianism - the religion of the Turks and Mongols. Aiaz. 2000
- [2] Muhambetova A., Amanova B. Kazakh traditional music and 20th century. Almaty "Dike Press". 2002
- [3] Kokumbaeva B.D. Cultural of Tengri. Textbook. Pavlodar. 2012
- [4] Kenzheahmetuly S. Kazakh folk traditions and rituals. Almaty. 2002
- [5] Argynbaev H.A. Marriage and the family of the Kazakhs: Faculty of History and ethnographic. Ed. O.H. Margulan. Alma-Ata 1973 (in Kazakh. Lang.).

***Social
Science
and
Humanity***

#3 2016, London

© SCIEURO
www.scieuro.com